

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2023 Том 23 № 3

В номере: Миротворчество и Глобальный Юг

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал
Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Д.А. Дегтерев, доктор политических наук,
кандидат экономических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
ir@rudn.ru

Заместитель главного редактора

К.П. Курyleв,
доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Ответственный секретарь

О.С. Чикризова, кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

НАУЧНЫЕ РЕДАКТОРЫ:

Д.П. Елагин (экономика), РУДН, г. Москва, РФ; кандидат исторических наук *М.М. Агазаде* (история), РУДН, г. Москва, РФ;
кандидат исторических наук *М.А. Никулин* (политика), РУДН, г. Москва, РФ

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Ачарья Амита, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США
Беллами Алекс Джэ., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США
Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России; директор, Центр комплексного китаеведения и региональных проектов, г. Москва, Российская Федерация

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаши, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Фитуни Леонид Леонидович, член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, заместитель директора, Институт Африки РАН; заведующий, Центр глобальных и стратегических исследований, г. Москва, Российская Федерация

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шабазга Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu и Mendeley.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2024 г. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи краткого резюме статьи	Срок подачи полного текста статьи
№ 1 2024	Международные и региональные исследования: от теории к практике	До 1 июля 2023 г.	До 15 ноября 2023 г.
№ 2 2024	Поворот России на Восток	До 1 ноября 2023 г.	До 15 января 2024 г.
№ 3 2024	Глобальная стратегия КНР	До 1 января 2024 г.	До 15 апреля 2024 г.
№ 4 2024	Сохранение идентичности в глобальном мире	До 1 марта 2024 г.	До 15 июня 2024 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова
Редакторы англоязычных текстов А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова
Компьютерная верстка Н.А. Ясько

Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 21.09.2023. Выход в свет 28.09.2023.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Тираж 500 экз. Заказ № 1124. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2023 VOLUME 23 No. 3

In this issue: Peacekeeping and the Global South

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Denis A. Degterev
RUDN University, Moscow, Russia
ir@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

SCIENTIFIC EDITORS:

Denis P. Elagin (Economics), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Mirmehdi M. Aghazada** (History), RUDN University, Moscow, Russia; PhD in History **Maxim A. Nikulin** (Politics), RUDN University, Moscow, Russia

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Alexei D. Voskressenski, Doctor of Political Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Director, Centre for Comprehensive Chinese Studies and Regional Projects, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Leonid L. Fituni, Doctor of Economics, Corresponding Member, Russian Academy of Sciences, Deputy Director, Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Head, Centre for Global and International Studies, Moscow, Russian Federation

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, DOAJ, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu, and Mendeley.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the *Vestnik RUDN. International Relations* for 2024 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the abstracts	Deadline for the full texts
No. 1 2024	International and Regional Studies: From Theory to Policy Science	By July 1, 2023	By November 15, 2023
No. 2 2024	Russia's Turn to the East	By November 1, 2023	By January 15, 2024
No. 3 2024	China's Global Strategy	By January 1, 2024	By April 15, 2024
No. 4 2024	Preserving Identity in a Global World	By March 1, 2024	By June 15, 2024

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor I.L. Pankratova

English text editors A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova

Computer design N.A. Yasko

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

Miklukho-Maklaya St, 10a, Moscow, Russia, 117198
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, 117198 Moscow, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, 115419 Moscow, Russia,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Миротворчество и Глобальный Юг

Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы	415
Бокерия С.А., Худайкулова А.В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие	435
Денисова Т.С., Костелянец С.В. «Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций	451
Тишков С.А., Тишкова Д.С. Участие МВД России в повышении миротворческого потенциала полицейского персонала африканских стран.....	466
Бовдунов А.Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества	480

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ

Устав ООН — это наши правила! Интервью с <i>Анной Михайловной Евстигнеевой</i> , заместителем Постоянного представителя РФ при ООН. Интервью провел Д.А. Дегтерев	497
---	-----

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Богданов А.Н. Государственное строительство и истоки «американской империи»: к проблеме легитимации суверенного неравенства в XXI веке	506
Пятаков А.Н., Кодзоев М.А.-М. «Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения	518
Нисар Р.Д. Критический анализ соглашений в сфере безопасности между Индией и США	536
Карамидж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции	547
Нгуен С.Т. Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама	562

РЕЦЕНЗИИ

Oluwakayode O.E. Book Review: Tudor, M. (2023). Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971. Cambridge: Cambridge University Press, 337 p. (Олувакайоде О.Э. Рецензия на книгу: Tudor M. Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971. Cambridge: Cambridge University Press, 2023. 337 p.)	575
Adan M. Book Review: Dorussen, H. (Ed.). (2022). Handbook on Peacekeeping and International Relations. Elgar, 408 p. (Адан М. Рецензия на книгу: Handbook on Peacekeeping and International Relations / ed. by H. Dorussen. Elgar, 2022. 408 p.)	579
Etyang O. Book Review: Kuwali, D. (Ed.). (2022). The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa. Palgrave Macmillan, 619 p. (Этьянг О. Рецензия на книгу: The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa / ed. by D. Kuwali. Palgrave Macmillan, 2022. 619 p.).....	582
Ермолаев И.А. Рецензия на книгу: Glas A. Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford: Oxford University Press, 2022. 243 p.	586

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: Peacekeeping and the Global South

Adu Y.N., Bokeriya S.A., Degterev D.A., Mezyaev A.B., Shamarov P.V. Non-Western Peacekeeping as a Factor of a Multipolar World: Outlines of Research Program	415
Bokeriya S.A., Khudaykulova A.V. UN Peacekeeping in Africa: Nature, Scope and Development	435
Denisova T.S., Kostelyanets S.V. African Solutions to African Problems: Peacekeeping Efforts of the African Union and African Regional Organizations	451
Tishkov S.A., Tishkova D.S. Participation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Enhancing African Police Personnel Peacekeeping Capacity	466
Bovdunov A.L. OUIS and MINUSCA in the CAR: The Effectiveness of Realist and Liberal Peacekeeping Paradigms	480

SCIENTIFIC SCHOOLS

The UN Charter Is Our Rules! Interview with <i>Anna M. Evstigneeva</i> , Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations. Interviewed by D.A. Degterev	497
--	-----

INTERNATIONAL SECURITY

Bogdanov A.N. Statebuilding and the Origins of the “American Empire”: Towards the Problem of Legitimizing Sovereign Inequality in the 21st Century	506
Piatakov A.N., Kodzoev M.A.-M. US “Outposts” in Latin America: Military-Technical Cooperation, Military Bases and Joint Exercises	518
Nisar R.D. Assessing India — United States Security Agreements: A Critical Analysis	536
Karami J. The Strategic Role of Iran for the SCO: Strengthening Eurasian Integration	547
Nguyen S.T. Great Powers Rivalry in the Indo-Pacific Region and Its Impact on Vietnam’s Strategy	562

BOOK REVIEWS

Oluwakayode O.E. Book review: Tudor, M. (2023). <i>Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971</i> . Cambridge: Cambridge University Press, 337 p.	575
Adan M. Book review: Dorussen, H. (Ed.). (2022). <i>Handbook on Peacekeeping and International Relations</i> . Elgar, 408 p.	579
Etyang O. Book review: Kuwali, D. (Ed.). (2022). <i>The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa</i> . Palgrave Macmillan, 619 p.	582
Ermolaev I.A. Book review: Glas, A. (2022). <i>Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America</i> . Oxford: Oxford University Press, 243 p.	586

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Миротворчество и Глобальный Юг

THEMATIC DOSSIER: Peacekeeping and the Global South

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434

EDN: EYISPO

Научная статья / Research article

Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы

Я.Н. Аду¹ , С.А. Бокерия¹ , Д.А. Дегтерев^{2,3,4} ,
А.Б. Мезяев⁵ , П.В. Шамаров⁶

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

³НИУ ВШЭ, Москва, Российская Федерация

⁴МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

⁵Университет управления «ТИСБИ», Казань, Российская Федерация

⁶Академия военных наук, Москва, Российская Федерация

bokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Представлены контуры исследовательской программы по миротворчеству и миростроительству, представляющей интересы незападных стран (мирового большинства). В основу статьи легли как отдельные наработки ее авторов — экспертов в области теории и практики миротворчества, международного права и международной помощи, так и обобщенные выводы восьми научных семинаров по незападному миротворчеству, проведенные кафедрой теории и истории международных отношений РУДН в 2020—2021 гг. с участием российских и ведущих международных экспертов. Особое внимание в работе уделяется текущему моменту в международном миротворчестве, связанному с «властным транзитом» (от США к КНР, и шире — от Запада к не-Западу) и силовым вакуумом, который наблюдается в ряде регионов мира. Делаются выводы о кризисе гуманитарных интервенций и системы «либерального миротворчества» в целом. Вместе с тем подробно рассматриваются сохраняющиеся инструменты западной структурной власти в области миротворчества, охватывающие как кадровое представительство в ООН и практику «кураторства» (penholding), так и дискурсивную гегемонию «коллективного Запада». Исследуются основные направления развития незападного академического дискурса в сфере миротворчества и миростроительства в контексте построения многополярного мира. Сделан акцент на проблематике региональных систем прав человека в контексте защиты гражданского населения и постконфликтного миростроительства. Авторы приходят к выводу, что незападные страны сегодня существенно влияют на формирование международных норм в сфере миротворчества (rule-changers), но пока не выступают в роли нормоустанавливающих акторов мировой политики (rule-makers).

© Аду Я.Н., Бокерия С.А., Дегтерев Д.А., Мезяев А.Б., Шамаров П.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: миротворчество, незападные ТМО, теория миротворчества, ООН, реформы, постзападный мир, новая биполярность, многополярность, конфликты, операции по поддержанию мира, ОПМ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Д.А. Дегтерев — Введение, Миротворчество в период «властного транзита», Рудименты либерального миротворчества, Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?, Заключение; С.А. Бокерия — Дискурсивная гегемония; А.Б. Мезяев — Рудименты либерального миротворчества, Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?; Я.Н. Аду — От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека; П.В. Шамаров — Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках деятельности Центра прикладного анализа международных трансформаций ФГСН РУДН (ЦПАМТ РУДН) по Программе грантовой поддержки РУДН 2023 г.

Для цитирования: Аду Я. Н., Бокерия С. А., Дегтерев Д. А., Мезяев А. Б., Шамаров П. В. Незападное миротворчество как фактор многополярного мира: контуры исследовательской программы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 415—434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>

Non-Western Peacekeeping as a Factor of a Multipolar World: Outlines of Research Program

Yao N. Adu¹, Svetlana A. Bokeriya¹✉, Denis A. Degterev^{2,3,4},
Alexander B. Mezyaev⁵, Pavel V. Shamarov⁶

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

³HSE University, Moscow, Russian Federation

⁴MGIMO University, Moscow, Russian Federation

⁵TISBI University of Management, Kazan, Russian Federation

⁶Academy of Military Sciences, Moscow, Russian Federation

✉bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. This paper describes the contours of a research program on peacekeeping and peacebuilding, representing the interests of Non-Western countries (the world's majority). The article is based on both individual developments of its expert authors in the theory and practice of peacekeeping, international law and development cooperation, as well as on generalized conclusions of eight international workshops on Non-Western peacekeeping, held by the Department of Theory and History of International Relations of the RUDN University in 2020—2021 with the participation of leading Russian and international experts. Particular attention is paid to the current moment in international peacekeeping associated with the “power transit” (from the United States to China, and more broadly, from the West to the Non-West) and the power vacuum observed in a number of regions. Conclusions are drawn about the crisis of humanitarian intervention and the system of liberal peacekeeping in general. At the same time, the remaining instruments of Western structural power in the field of peacekeeping are examined in detail, covering both personnel representation in the UN and the practice of ‘penholding,’ as well as the discursive hegemony of the “Collective West.” The main directions in the development of Non-Western academic discourse in the field of peacemaking and peacebuilding are explored in the context of building a multipolar world. Special attention is paid to the problems of regional human rights systems in the context of the protection of civilians and post-conflict peacebuilding. The study concludes that Non-Western countries have a significant influence on the formation of international norms in the field of peacekeeping (rule-changers), but so far do not act as norm-setting actors in world politics (rule-makers).

Key words: peacekeeping, Non-Western IR, theory of peacekeeping, UN, reforms, post-Western world, new bipolarity, multipolarity, conflicts, peacekeeping operations, PKOs

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. *D.A. Degterev* — Introduction, Peacekeeping in the period of “power transit”, Vestiges of “liberal peacekeeping”, How to return peacekeeping to its original meaning?, Conclusion; *S.A. Bokeriya* — Discursive hegemony; *A.B. Mezyaev* — Vestiges of liberal peacekeeping, How to return peacekeeping to its original meaning?; *Y.N. Adu* — From pseudo-universality to addressing regional human rights; *P.V. Shamarov* — How to return peacekeeping to its original meaning?.

Acknowledgements. The article was prepared as part of the activities of RUDN Center for Applied Analysis of International Transformations within the framework of the RUDN University Grant Support Program 2023.

For citation: Adu, Y. N., Bokeriya, S. A., Degterev, D. A., Mezyaev, A. B., & Shamarov, P. V. (2023). Non-Western peacekeeping as a factor of a multipolar world: Outlines of research program. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 415—434. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-415-434>

Введение

Как известно, государство в пределах своих границ обладает монополией на насилие, которое от его имени реализуют национальные силовые структуры. В существующей системе международных отношений, сформировавшейся после Второй мировой войны, согласно ст. 24 Устава Организации Объединенных Наций (ООН), «главная ответственность за поддержание международного мира и безопасности» членами ООН возложена на Совет Безопасности (СБ)¹. В свою очередь, СБ ООН санкционирует проведение миротворческих операций, которые призваны устранять угрозы международной безопасности.

Миротворчество не существует само по себе, в вакууме, а является инструментом коллективной наднациональной силовой политики, целеполагание в которой определяется доминирующими представлениями о вызовах и угрозах международной безопасности (Paris, 2023). Важную роль в формировании данных представлений играют постоянные члены СБ ООН, однако результирующий вектор зависит от конкретного соотношения сил на мировой арене в конкретный момент времени.

Так, в период холодной войны силовая составляющая в мировой политике определялась деятельностью НАТО (США и их союзников) и Организацией Варшавского договора (ОВД) (СССР и их союзников), а также

системой соглашений о стратегической стабильности. Каждый из военных блоков имел свой пул политических союзников в стенах ООН, что легитимизировало деятельность каждого из блоков.

В 1990—2000-е гг. была упразднена ОВД, подвергнута эрозии система представительства в ООН интересов незападных стран, составляющих мировое большинство, демонтирована система соглашений о стратегической стабильности. НАТО как структурная сила «коллективного Запада» в сфере безопасности (Strange, 2004, pp. 45—63) приобрела квазиглобальный характер. В период «однополярного момента» (Krauthammer, 1990) «коллективный Запад», получивший временное силовое преимущество, использовал его для продвижения своих ценностных подходов и преставлений о миротворческой деятельности, искажая ее первоначальный характер, что привело к «политико-правовой аберрации международного миротворчества» (Шамаров, 2020).

Де-факто ООН стала превращаться в элемент структурной силы «коллективного Запада». В самом деле, сопряжение военного потенциала отдельных западных стран, НАТО, Европейского союза (ЕС) и миротворцев ООН (в разной комбинации) стало решающей и безальтернативной многосторонней силой, приведшей к разрушению целого ряда государств (Югославии, Ирака, Афганистана, Ливии, Сирии). В мировой политике наступил «1984»-й с двоимыслием по Дж. Оруэллу: «Война — это мир»². За фасадом красивых слов «миротворчество», «миролюбие»

¹ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

² Оруэлл Дж. 1984. Москва : АСТ, 2021.

(Миротворчество и миролюбие в Африке..., 2019) скрывалось причинение неисчислимых страданий для сохранения «гегемонистской стабильности».

Однако в последние годы кардинально изменился баланс сил на международной арене (Degterev, 2019), настала эпоха «властного транзита (переход глобальной власти от США к КНР, шире — от «коллективного Запада» к «коллективному не-Западу») (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021) и пришел «постлиберальный момент в миротворчестве ООН» (Dunton, Laurence & Vlavonou, 2023, p. 218). Концептуальные основы нового, *незападного* миротворчества (как антитезы либеральному западному) во многом зависят от успешной концептуализации представлений о войне и мире, прежде всего характерных для России и Китая, — двух постоянных членов СБ ООН.

В свое время русский юрист-международник Ф.Ф. Мартенс предложил свое видение мирного разрешения споров между государствами (Мартенс, 1996). Были созданы две Гаагские мирные конференции (1899 и 1907 г.), в ходе которых конкретизированы основные принципы урегулирования разногласий того времени. В настоящее время РФ как «самобытное государство-цивилизация, обширная евразийская и евро-тихоокеанская держава»³ также обладает уникальными возможностями для «культурной триангуляции», то есть обобщения опыта миротворчества и миростроительства различных стран и народов Азии, Африки и Латинской Америки, что признают и зарубежные эксперты (Mine, 2023, pp. 48—49).

Для анализа опыта стран Глобального Юга кафедра теории и истории международных отношений РУДН в 2021—2022 гг. провела серию из восьми научных семинаров по незападному миротворчеству с участием нескольких сот ведущих экспертов в сфере миротворчества⁴. Переосмысление данного

опыта во многом легло в основу данной статьи. Структурно она состоит из несколько частей. Вначале речь идет о специфике текущего этапа развития миротворчества («Миротворчество в период „властного транзита“»), разбираются элементы структурной силы «коллективного Запада» в сфере миротворчества («Рудименты либерального миротворчества», «Дискурсивная гегемония»). Далее представлены направления «перезагрузки» современного миротворчества («Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?», «От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека»).

URL: <https://youtu.be/HHrRdAshveM> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар по теории миротворчества. Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 31.03.2021. URL: <https://youtu.be/08WXBb5LRTw> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Дилеммы современного миротворчества в Западной Африке» // ЦПАМТ РУДН. 16.06.2021. URL: <https://youtu.be/YEefyIw-xi0> (дата обращения: 21.05.2023); Scientific Workshop “Peacekeeping Issues in the Horn of Africa” // Center for Applied Analysis of International Transformations. October 18, 2021. URL: <https://youtu.be/b0YVXt7hRoI> (accessed: 21.05.2023); Научный семинар «Дилеммы современного миротворчества в районе Великих Африканских Озер» // ЦПАМТ РУДН. 29.11.2021. URL: <https://youtu.be/tMyGUqxjLu4> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество в Юго-Восточной Азии». Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 21.04.2022. URL: https://youtu.be/V_BQfn_ipIk (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество в Юго-Восточной Азии». Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 21.04.2022. URL: <https://youtu.be/rx1lMKB2z8w> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество, миростроительство и посредничество на Ближнем Востоке» // ЦПАМТ РУДН. 11.10.2022. URL: <https://youtu.be/vHU7lbht3x4> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Миротворчество, миростроительство и посредничество в Латинской Америке» // ЦПАМТ РУДН. 22.11.2022. URL: https://youtu.be/Ci8Y9xLYeoM?si=5_oQ9tV5VTY154bT (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: https://youtu.be/JrXy_2fCHU8 (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 2 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: <https://youtu.be/JXZlfmvnaXU> (дата обращения: 21.05.2023); Научный семинар «Незападное миротворчество». Часть 3 // ЦПАМТ РУДН. 08.12.2022. URL: <https://youtu.be/7Y0hHjsRMXE> (дата обращения: 21.05.2023).

³ Концепция внешней политики Российской Федерации // Президент России. 31.03.2023. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 21.05.2023).

⁴ См.: Научный семинар по теории современного миротворчества. Часть 1 // ЦПАМТ РУДН. 31.03.2021.

Миротворчество в период «властного транзита»

1990—2000-е гг. стали периодом экспансии либерального интервенционизма в международном миротворчестве и миростроительстве, когда целые государства и даже регионы переформатировались по западным «лекалам». Бюджеты и персонал миротворческих операций ООН достигли своего пика к 2012 г. С 2014 г. не было объявлено ни одной новой крупной миротворческой операции (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 217). По мере становления многополярного мира операции гуманитарного вмешательства с каждым разом проводились «со все большим скрипом» (важным поворотным моментом стал ливийский кризис), пока, наконец, окончательно не забуксовали в Сирии в середине 2010-х гг.

В ответ на поддержку «коллективным Западом» антиасадовской коалиции западные страны стали поддерживать правительство Б. Асада, что привело к прокси-войне — феномену, характерному для холодной войны (Худайкулова, 2016). На этом фоне возрастает роль «средних держав» (Турции и Ирана) с их особым видением «позитивного мира» (Ранджбар, Чикризова, 2023), подходами к борьбе с терроризмом (Non-Western Responses to Terrorism, 2019), притом, что РФ выступает в качестве важного стабилизирующего актора в Сирии с согласия легитимного правительства. Украинский кризис и начало Специальной военной операции (СВО) лишь подтвердили дальнейшую неспособность западной коалиции одерживать победы в силовых операциях против западных стран.

По мере вывода американских войск из Афганистана и сокращения американского (и натовского) присутствия в Сирии и Ираке в Евразии (особенно на Ближнем Востоке) начинает ощущаться силовой вакуум. Западные силовые акторы оказывают все меньшую поддержку миротворческим усилиям, а западные — все более ожесточенно дискутируют о политических целях военных интервенций (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216). Возрастает роль западных акторов

в концептуализации миротворческих подходов (Badache, Hellmüller & Salaymeh, 2022). По мере расширения участия КНР в деятельности международных организаций и глобальном управлении (Грачиков, Сюй, 2022) существенно возрастает активность китайского миротворчества (Дубровский, Худайкулова, 2022; Khudaykulova, 2019). Китайские подходы (в том числе достижение долгосрочного мира посредством улучшения социально-экономической ситуации) разделяют и многие африканские страны, что вызывает особую озабоченность западных экспертов (Paris, 2023, pp. 238, 241). По ряду параметров Китай уже начинает задавать тренды, при этом относясь (по западной классификации) к «незападным и нелиберальным» провайдерам безопасности (Fung, 2022).

Налицо также кризис концептуальных основ западного мироустройства и миростроительства, ведь говорить (даже в США!) о реальном развитии гражданского общества и продвижении демократических ценностей в Афганистане и Ираке после интервенций стоимостью в триллионы долларов не готовы даже самые лояльные политики и эксперты⁵. Таким образом, либеральный интервенционизм оказался во многом дискредитирован, в том числе в рамках западной академической науки.

Фактически роль ООН как глобального провайдера безопасности снижается, наблюдается переход к «ограниченному миротворчеству» и операциям «с наименьшим общим знаменателем», то есть с минимальной по политическим задачам силовой составляющей, относительно которой вырабатывается консенсус среди западных и западных стран (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216).

⁵ Дегтерев Д. А. «Распространяя прогресс за пределами программ помощи»: возвращение либерального мессианства в американскую политику содействия международному развитию // Россотрудничество. 24.04.2023. URL: <https://rs.gov.ru/news/rasprostranyaya-progress-za-predelami-programm-pomoshhi-vozvrashhenie-liberalnogo-messianstva-v-amerikanskuyu-politiku-sodejstviya-mezhdunarodnomu-razvitiyu/> (дата обращения: 21.05.2023).

Данный феномен ведущие западные эксперты называют «прагматичным миротворчеством». По сути, это эвфемизм для обозначения кризиса либерального интервенционизма. В 2023 г. на эту тему вышел специальный выпуск «Журнала вмешательства и государственного строительства» (*Journal of Intervention and Statebuilding*) под названием «Многополярность и прагматичное миротворчество» (Cassin & Zyla, 2023; Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023; Karlsrud, 2023; Paris, 2023).

На этом фоне возрастает роль отдельных стран и региональных организаций как провайдеров безопасности, вплоть до того, что Дж. Карслруд предлагает сосредоточиться на новом типе миротворчества — Миссии ООН по поддержке (операций других акторов) (Karlsrud, 2023, pp. 264—266). Однако у региональных акторов есть ряд «врожденных» ограничений. Так, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) изначально была создана как политическая организация, призванная бороться с тремя «силами зла» (сепаратизмом, терроризмом, экстремизмом), и не выступает в качестве классического гаранта региональной безопасности. Достаточно интересный, самобытный опыт миротворчества накоплен Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) (Вершинина, Колдунова, Куклин, 2023). Нормативные и ценностные подходы, апробированные в рамках АСЕАН и ШОС, представляют интерес в контексте концептуализации незападного миротворчества (Хонрада, Бокерия, 2023).

В январе 2022 г. Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) при доминирующей роли и участии России успешно провела миротворческую операцию в Казахстане (Сысоева, 2023; Шамаров, 2022b), однако целью организации является обеспечение независимости, территориальной целостности и суверенитета исключительно шести государств-членов. Сохраняется стабилизирующая роль российских миротворцев в Приднестровье и в Нагорном Карабахе (Шевчук, 2023; Любимов, Шамаров, 2022, с. 18—19).

В Африке наблюдается динамичное изменение соотношения внерегиональных сил, обеспечивающих безопасность. Так, в последние годы РФ достаточно успешно выступает альтернативным провайдером безопасности в таких странах, как Центральноафриканская Республика (ЦАР)⁶ и Мали на фоне того, как западная коалиция во главе с Францией, координирующей как национальные силы, так и операции ЕС и опосредованно — ООН, постепенно уходит из региона (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022). Фактически на континенте развивается «силовой декаплинг», когда страны выбирают один из силовых блоков в контексте «новой биполярности» (Vasiliev, Degterev & Shaw, 2023, pp. 6—8).

Африканская архитектура мира и безопасности развита слабо, равно как и применение формулы «Африканские решения для африканских проблем»⁷, при этом ключевую роль в борьбе с терроризмом в Сахеле играют *ad hoc* структуры: «Сахельская пятерка» и Многонациональная совместная целевая группа (*the Multinational Joint Task Force, MNJTF*) (Dieng, 2019; Welz, 2022). Роль региональных организаций в Африке на данный момент в целом неоднозначна. Остро стоит вопрос об агентности (субъектности) Африканского союза (АС), Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС) и других субрегиональных организаций, ведь ЕС, США и бывшие метрополии, финансируя основную часть миротворческих бюджетов данных структур, во многом контролируют принятие ими решений (Аду, Мезяев, 2023; Дегтерев, 2023, с. 264—267).

Как ни парадоксально, но фактически в рамках западнцентричного мира роль региональных организаций Глобального Юга заключается в первую очередь в сдерживании регионального гегемона от распространения его влияния, в том числе силового, в регионе. Кроме того, в ст. 4 Учредительного акта АС одно за другим идут во многом

⁶ См. статью А.Л. Бовдунова в этом номере (*Прим. ред.*).

⁷ См. статью Т.С. Денисовой и С.В. Костелянца в этом номере (*Прим. ред.*). См. также: (Бокерия, 2022).

конфликтующие положения «g» («невмешательство любого государства-члена во внутренние дела другого») и «h» («право Союза вмешаться в дела государства-члена в соответствии с решением Ассамблеи в связи с серьезными обстоятельствами, а именно военные преступления, геноцид и преступления против человечности»)⁸. В перспективе, по мере продвижения «властного транзита», ожидается не только переход отдельных стран, но и целого ряда региональных организаций Глобального Юга в орбиту влияния не-Запада.

Традиционно на площадке ООН ведутся дебаты о путях реформирования миротворчества (Никитин, 2016; Худайкулова, 2019; Загорский, 2015; Заемский, 2004), но при существующей конфигурации международной системы, при которой наблюдается усиление не-Запада как провайдера безопасности при доминировании Запада как регулятора безопасности (см. ниже), потенциал данных действий ограничен. Скорее всего, после завершения «властного транзита» и выхода на стратегическую стабильность уже в рамках «новой биполярности» будут институционализированы постзападные механизмы обеспечения глобальной безопасности. Новые нормы позволят зафиксировать изменившееся соотношение сил и на какое-то время остановить силовое противостояние (Давыдов, 2002). Однако выработать концептуальные основы постзападного миротворчества необходимо уже сегодня.

Рудименты либерального миротворчества

Несмотря на снижение своего влияния в мировой экономике и менее очевидное — в мировой политике, «коллективный Запад» по-прежнему сохраняет за собой ключевые рычаги управления международным миротворчеством. На первый взгляд это не столь очевидно, поскольку с формально-юридической точки зрения, например, число

граждан РФ и ряда других незападных стран среди чиновников ООН более чем достаточно (РФ традиционно относится к числу стран, которые «перепредставлены» в организации). Однако это поверхностная оценка. Как и в случае с определением суверенитета, необходимо более глубокий анализ: существует ли только юридический (формальный) суверенитет или же имеется и эмпирический (Jackson & Rosberg, 1982). Западные эксперты отмечают, что контрольный пакет ооновского миротворчества принадлежит западной «тройке» постоянных членов СБ ООН (P3) в составе США, Великобритании и Франции (Dunton, Laurence & Vlavonou, 2023, p. 217). Рассмотрим ниже ряд инструментов, позволяющих Западу сохранять контроль над миротворческими операциями ООН.

Нами был проведен глубокий анализ кадрового потенциала миротворческих подразделений ООН (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022, с. 84—85), который показал следующее. За разработку политики планирования и проведения миротворческих миссий отвечает Департамент миротворческих операций ООН. Начиная с 1997 г., то есть последние 25 лет, данный департамент неизменно возглавляет представитель Франции. Должность «начальника миротворцев» последовательно занимали Бернар Мийе (1997—2000 гг.), Жан-Мари Генно (2000—2008 гг.), Ален Лерой (2009—2011 гг.), Эрве Ладсу (2011—2017 гг.), Жан-Пьер Лакруа (2017 — н.в.). Для Франции это дополнительная возможность управлять конфликтами и контролировать миссии ООН в зоне ее традиционных интересов — франкоязычной Африке (Давидчук, Дегтерев, Сидибе, 2022).

Хотя миротворческие контингенты ООН на 2/3 состоят из граждан порядка 20 развивающихся стран, возглавляют их преимущественно представители западных стран. Например, Многопрофильную комплексную миссию ООН по стабилизации в Мали (*the UN Multidisciplinary Integrated Stabilization Mission in Mali*, MINUSMA, MINUSMA) численностью 14 тыс. миротворцев возглавляют около 15 французских офицеров, которые в контакте с руководством Департамента

⁸ Constitutive Act of the African Union // African Union. 2000. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 21.05.2023).

миротворческих операций ООН обеспечивают продвижение интересов «коллективного Запада», используя человеческий потенциал незападных стран. По мере углубления конфликта между «коллективным Западом» и незападными странами в контексте «властного транзита» КНР — США, особенно обострившегося после начала СВО, говорить об использовании вооруженных сил под эгидой ООН «в общих интересах»⁹, к сожалению, уже не представляется возможным.

Не менее интересная тенденция прослеживается в части руководства Департаментом по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ). В компетенцию Департамента, образованного в результате слияния Департамента по политическим вопросам (существовал с 1992 г.) и Управления по поддержке миростроительства, входят наиболее чувствительные и неоднозначные по своему характеру проблемы государственного строительства и управления политическими полевыми миссиями. В период с 1952 по 1993 г. его предшественник — Департамент по политическим вопросам и делам Совета Безопасности, затем Департамент по политическим вопросам — возглавляли представители СССР/России. Эта практика была прервана двухлетним руководством представителя Сьерра-Леоне, за которым последовало бессменное руководство представителей «коллективного Запада» в духе «однополярного момента». С 2007 г. (16 лет) «бразды правления» ДПВМ удерживают США. Нынешний его руководитель — Розмари Дикарло, специализировавшаяся во время учебы на современной литературе и славянских языках, ранее занимала пост заместителя постоянного представителя США при ООН.

Гражданство старших должностных лиц ДПВМ на местах также подтверждает тренд доминирования граждан западных государств. 14 из 21 специальных и личных представителей, посланников и советников Генерального секретаря, деятельность которых

входит в сферу ответственности ДПВМ, представляют страны «коллективного Запада» (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022, с. 84—85).

В целом, по состоянию на конец 2020 г., наибольшее количество руководящих должностей (Д1 — Д2, то есть директора департаментов и выше, из общего числа в 380) занимали представители Западной Европы и Северной Америки. Максимальное количество таких должностей приходилось на выходцев из следующих стран: США — 43, ФРГ, Великобритания, Италия — по 18, Франция — 16, Канада — 14. Все это страны «коллективного Запада», причем непосредственно входящие в НАТО. Среди незападных стран наибольшее количество руководящих должностей закреплено за Индией (14), КНР (13), Россией (9) и Египтом (7). В общей сложности представители стран «коллективного Запада» занимают в несколько раз больше руководящих должностей в ООН, чем представители стран «коллективного не-Запада».

Такое неравномерное распределение объясняется финансовыми затратами стран, однако вряд ли оно изменится даже в среднесрочной перспективе. Более того, многие представители развивающихся стран после назначения на руководящие посты в системе ООН принимают гражданство западных стран. Примечательно, что «конфликтная биполярность» побуждает и западных экспертов внимательно анализировать кадровый состав ООН (Levin, 2023).

Кроме того, речь идет о сложившейся в последние десятилетия в СБ ООН системе «пенхолдинга» (*penholding*), то есть так называемого *кураторства* в отношении определенных стран и ситуаций. Именно кураторы готовят проекты резолюций по тем или иным вопросам, что дает им привилегированное положение в отношении того, что включать, а что не включать в указанные проекты. Удивительно, но бывшие колониальные державы «оказались» кураторами по ситуациям в своих бывших колониях. Причем в ряде случаев такими кураторами стали государства-агрессоры в отношении ситуаций в странах — жертвах их агрессии. Так, например,

⁹ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

Франция «стала» куратором ситуаций в своих бывших колониях (Мали, ЦАР), а США — куратором по Судану, который они бомбили в 1998 г.

Система кураторства позволяет соответствующим странам игнорировать позиции не только самого курируемого государства, но и всех иных заинтересованных сторон. Так, например, Франция как куратор ситуации в ЦАР систематически игнорирует позицию правительства этой страны, Африканского союза, Международной конференции по району Великих озер и, наконец, всех трех постоянных африканских членов Совета Безопасности (А3) по вопросу отмены оружейного эмбарго¹⁰. В очередной раз Франция представила свой (в порядке реализации кураторства над ЦАР) проект резолюции СБ ООН на заседании Совета 27 июля 2023 г., где вновь не был решен вопрос о праве правительства Центральной Африки на закупку оружия. Россия и Китай воздержались при голосовании именно в связи с игнорированием куратором позиции правительства ЦАР и африканских государств¹¹.

Система кураторства остается важным механизмом контроля важнейших действий СБ ООН со стороны «коллективного Запада». Неформальный характер этой системы также препятствует реальному контролю или участию заинтересованных государств. Так, после того, как 16 июня 2023 г. Республика Мали публично отклонила Францию в качестве куратора по Мали в СБ ООН, Франция, тем не менее, сохранила свою позицию и продолжает готовить проекты резолюций по ситуации в стране.

Перехват «коллективным Западом» контроля над миротворческими операциями был даже своеобразным образом задокументирован в судебном порядке. В частности, в ходе

судебных процессов в Международном трибунале по бывшей Югославии ряд обвиняемых, прежде всего бывший президент Союзной Республики Югославии С. Милошевич, представили убедительные доказательства того, что руководители и сотрудники Миссии ООН в странах бывшей Югославии выступали в поддержку одной из сторон вооруженного конфликта и даже непосредственно участвовали в военных действиях против другой стороны. Стенограммы заседаний Международного трибунала по бывшей Югославии и в значительной мере Международного трибунала по Руанде являются важным свидетельством процесса перехвата «коллективным Западом» управления миротворческими операциями ООН и последующего использования этих миссий для юридического закрепления агрессии Запада в органах международной уголовной юстиции (Меязев, 2006).

К 2000-м гг. ряд миротворческих миссий превратились в прямые силовые инструменты нового колониализма (неоколониализма нового типа) (Бокерия и др., 2022, с. 679—680), а некоторые из них стали выполнять функции охраны террористических групп от военных и полицейских операций правительств соответствующих государств, например в Мали. По этой причине 16 июня 2023 г. министр иностранных дел Республики Мали призвал к немедленному прекращению Миссии ООН в Мали (МИНУСМА), заявив, что Миссия не смогла должным образом отреагировать на ситуацию с безопасностью в стране, а перспективы продолжения ее деятельности не отвечают потребностям малийского народа в плане безопасности. Более того, власти Мали отвергли и предложения Генсека ООН по модификации МИНУСМА¹². 30 июня 2023 г. СБ ООН проголосовал за прекращение деятельности миссии¹³.

¹⁰ Security Council, 78th year: 9352nd meeting, Tuesday, 20 June 2023, New York // UN Digital Library. June 20, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4013918?ln=en> (accessed: 21.06.2023).

¹¹ Security Council, 78th year: 9388th meeting, Thursday, 27 July 2023, New York // UN Digital Library. July 27, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017203?ln=en> (accessed: 28.07.2023).

¹² Security Council, 78th year: 9350th meeting, Friday, 16 June 2023, New York // UN Digital Library. June 16, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4013656?ln=en> (accessed: 21.06.2023).

¹³ Security Council, 78th year: 9365th meeting, Friday, 30 June 2023, New York // UN Digital Library. June 30, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4014353?ln=en> (accessed: 01.07.2023).

Важным элементом структурной власти «коллективного Запада» в сфере миротворчества является наличие целого ряда правозащитных организаций с разветвленной структурой. Многие из них работают непосредственно «в полях», являясь первоисточниками информации по военным конфликтам и военным преступлениям. При этом отсутствие западных представителей на проблемных территориях не позволяет сформировать достоверную и альтернативную точку зрения. В Российской Федерации, в том числе в контексте украинского кризиса, продолжающегося с 2014 г., потенциал таких структур явно недостаточен (Худайкулова, 2014). Аналогичная ситуация наблюдается и в других западных странах. Предвзятую позицию в освещении тех или иных вооруженных конфликтов в дальнейшем продвигают ведущие мировые СМИ, формирующие структурную силу «коллективного Запада» в коммуникационной сфере (Дегтерев, 2022, с. 363—366).

Дискурсивная гегемония

Однако основной элемент структурной власти Запада в сфере миротворчества нематериален. Это доминирование в академическом сообществе и исследованиях миротворчества, — при этом западная наука в данной области остается в большинстве случаев «провинциальной» (Соколов, Титаев, 2013). Продвигаемые Западом нормы, как правило, начинают господствовать и приобретают универсальный характер, вытесняя «плохие локальные практики» западного мира (Acharya, 2016, p. 1158).

«Коллективный Запад» контролирует дискурс, смыслы, убеждения, устанавливая и регулируя нормы и ценности, в том числе отраженные в учебных материалах и стандартах подготовки «голубых касок» (Dunton, Laurence & Vlaponou, 2023, p. 225), а значит, и целеполагание. Западная дискурсивная сила в области международного миротворчества и миростроительства по факту приобрела безальтернативный характер, получив максимальное распространение в рамках конвенциональной академической традиции, научных

журналов, входящих в основные библиометрические системы мира, а также в Секретариате ООН¹⁴. Из 20 лауреатов Нобелевской премии мира и премии по экономике, сотрудничавших с ООН до 2009 г., только двое были представителями западного мира (К. Аннан и А. Сен) (Acharya, 2016, p. 1157).

Отсутствие прямого указания на миротворчество в Уставе ООН и отсутствие официальной доктрины миротворчества ООН привело к расширительному толкованию, исходя из узкогрупповых интересов стран Запада, любых форм миротворчества без учета положений международно-правовых документов. Миротворчество рассматривается в качестве альтернативы системе коллективной безопасности, закрепленной в Уставе ООН, и выстраивается практика миротворчества с явными и подразумеваемыми возможностями для интерпретации глав VI и VII Устава ООН¹⁵. Одним из примеров расширительного толкования миротворческой деятельности ООН стала «виртуозная» разработка тематики безопасности общества и человека (концепция *human security*), которая отодвинула на второй план дебаты по вопросам предотвращения кризисов, государства и суверенитета.

Неоднозначность самого понятия «миротворчество» и различия в понимании его смысла также сыграли немалую роль в возникновении споров о «вмешательстве». Одни исследователи отождествляют вмешательство с военной интервенцией, другие — с дипломатическим давлением, применением политических или экономических санкций (Benner, 2013). Аналогичная проблема, связанная с отсутствием единого международного прочтения, существует и в отношении понятия личной безопасности. Пока академические круги разных стран не придут к консенсусу относительно определения и компонентного состава концепции *human security*, сложно будет обосновать ее использование и применение на практике (Бокерия, 2017, с. 322).

¹⁴ См. интервью с А.М. Евстигнеевой в этом номере (*Прим. ред.*).

¹⁵ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

В связи с провалом концепции гуманитарной интервенции возникла необходимость ее трансформации в доктрину «ответственности по защите» (*Responsibility to Protect, R2P*) как «более решительного ответа на самые грубые нарушения прав человека» (Morris, 2015). В то же время концепция R2P создала новую правовую основу для использования силы с целью обоснования военного вторжения, став мощным инструментом влияния западного сообщества, включая посредничество, переговоры, санкции, привлечение международных неправительственных гуманитарных организаций (Bokeriya, 2018). Так, эта западная концепция стала одним из методов ведения прокси-войн и радикальной трансформации самого значения государственного суверенитета. Продвигая концепцию R2P, Запад рассчитывал расширить свою глобальную гегемонию и приспособить деятельность ООН исключительно к реализации его собственных внешнеполитических интересов.

Российская Федерация принимала активное участие в подготовке элементов концепции «ответственности по защите», включенных в Итоговый документ Всемирного саммита 2005 г.¹⁶ Однако, как указывал бывший постоянный представитель РФ в Организации Объединенных Наций В.И. Чуркин, с момента принятия этого документа некоторые государства не оставляют попыток расширительной трактовки концепции. Более того, подходы многих стран в рамках Совета ООН по правам человека и Комиссии по миростроительству также характеризуются политизированностью и стремлением навязать собственные приоритеты, что в значительной степени снижает эффективность работы этих механизмов¹⁷. Поэтому Россия настороженно относилась к R2P и первым попыткам ее реализации — например, к идее создания

экспертной рабочей группы по защите гражданского населения (2008), попыткам произвольной и слишком широкой интерпретации самой концепции (2009), предложениям о формировании специального механизма Совета Безопасности по R2P (2010) (Барановский, 2018, с. 116).

Отсутствие универсальной трактовки и определения миротворческой деятельности способствовало выработке различных подходов к определению ее сущности и содержания, что привело к «политической аберрации миротворческой семантики» (Шамаров, 2020) и намеренной деформации традиционного видения основ миротворчества ООН, противоречащих принципам и целям Устава ООН.

Примечательно, что основные западные подходы к миротворчеству и миростроительству, в том числе концепции, принятые в виде резолюций Генеральной Ассамблеи ООН и широко используемые в практике как национальных силовых акторов, так и международных организаций, вышли из академической среды. На первом этапе они были предметом научных споров исследователей в сфере международной безопасности, однако изначально носили прикладной характер в духе так называемой *policy science*, то есть науки, ориентированной на практическую деятельность. Возникнув в начале 1980-х гг. на основе наработок Копенгагенской школы безопасности, впоследствии в рамках данного направления началась легитимация операций по смене режима под эгидой гуманитарного вмешательства.

Другой пример формирования нового дискурса (а вслед за этим — и новой политико-правовой реальности) относится к сфере международной помощи, тесно примыкающей к проблематике миростроительства. Включение в 2016 г. в число Целей устойчивого развития ООН цели 16 «Содействие построению миролюбивого и открытого общества в интересах устойчивого развития...» (Бартенев, 2015), дальнейшее укрепление концептуальной связи между безопасностью и развитием (*Security — Development Nexus*), отнесение в рамках Комитета содействия развитию (КСР) Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) части

¹⁶ Итоговый документ Всемирного саммита 2005 года. Принят резолюцией 60/1 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 сентября 2005 года // ООН. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/outcome2005.shtml (дата обращения: 17.05.2023).

¹⁷ Виталий Чуркин рассказал об ошибках и перспективах ООН // Российская газета. 22.10.2015. URL: <https://rg.ru/2015/10/23/oon.html> (дата обращения: 25.05.2023).

расходов на миротворческие операции к официальной помощи в целях развития — все это привело в дальнейшем к важным практическим изменениям. В частности, произошли секьюритизация международной помощи и стирание грани между программами международного развития и поддержкой вооруженной оппозиции, а также размывание сферы ответственности Экономического и Социального Совета (ЭКОСОС) и СБ ООН.

Секьюритизация международной помощи сопровождалась постепенным переходом ведущих мировых доноров к модели 3D (*Diplomacy, Development, Defence*), когда все три функции (дипломатия, развитие и оборона) становятся инструментом достижения целей национальной безопасности (Дегтерев, 2020, с. 67—68). В начале 2000-х гг. к данной концепции перешли США и Канада, в 2020 г. — де-факто Великобритания (вхождение ответственного за оказание помощи Департамента международного развития в структуру Форин-офис). В январе 2018 г. интегрированный подход к управлению внешними конфликтами и кризисами был институционализирован и в соответствующих решениях Совета ЕС.

Как вернуть миротворчеству первоначальный смысл?

Систематическое нарушение основополагающих принципов и норм Устава ООН и миротворческой деятельности, тенденция к военному решению проблем массового насилия, снижение эффективности разрешения конфликтов позволяет говорить о том, что миротворчество ООН переживает экзистенциальный кризис, теряет свои ориентиры и истинный смысл, находится на перепутье.

Западные эксперты считают «однополярный момент» утраченным «золотым веком» международного миротворчества, когда целые страны были переформатированы, а «либеральная идеологическая ориентация миротворчества стала более эксплицитной» (то есть имплицитно она присутствовала всегда) (Dunton, Laurence & Vlavourou, 2023, p. 216). Соответственно, в их трактовке возврат к эпохе 1990—2000-х гг. подразумевается как желательный (но вряд ли осуществимый).

Напротив, Российская Федерация и другие незападные страны тяготеют к идеалам, заложенным в Уставе ООН в предыдущий период стратегической стабильности (Kellett, 1999). Среди них классические принципы миротворчества — согласие сторон (которое способствует сотрудничеству со сторонами конфликта, тем самым сохраняя мир), беспристрастность (отсутствие предпочтений в отношении сторон конфликта и строгое соблюдение мандата операции), неприменение силы, за исключением самообороны и защиты миротворцев (миротворцы действуют с согласия сторон и могут применять силу только в случае самообороны и защиты мандата, в соответствии с нормами международного гуманитарного права). Незападные страны уделяют повышенное внимание проблеме суверенитета в его классической, Вестфальской, трактовке и опасаются вмешательства во внутренние дела (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, pp. 209—211).

Важным аспектом миротворческих операций ООН является их ориентация на защиту гражданского населения. В последние годы фактически сформировались три «кластера» такой переориентации: во-первых, это задача обеспечения собственно физической защиты, во-вторых, программы миростроительства, в-третьих, мониторинг прав человека (с особым вниманием к гендерным аспектам, сексуальному насилию и т. д.). Главы сегодняшних миротворческих миссий ООН прямо говорят о том, что их основной и приоритетной задачей является именно защита гражданского населения. Так, об этом заявили в Совете Безопасности ООН глава *Миссии ООН в Южном Судане* (МООНЮС) генерал-лейтенант Мохан Субраманиан, глава миротворческой *Миссии ООН в Демократической Республике Конго* (МООНДРК) генерал-лейтенант Родригес ди Миранда Филью и некоторые другие руководители миротворческих миссий ООН¹⁸.

Российская Федерация занимает в отношении указанной тенденции особую

¹⁸ Security Council, 78th year: 9389th meeting, Friday, 28 July 2023, New York // UN Digital Library. July 28, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017473> (accessed: 21.08.2023).

позицию. С одной стороны, Россия признает, что защита гражданского населения может быть одним из элементов деятельности миротворческих миссий ООН (и даже «неотъемлемым» элементом), однако, с другой стороны, выступает против того, чтобы данная задача становилась самоцелью миротворчества в целом. Кроме того, Россия ставит под сомнение, что переориентация миротворческих миссий на защиту гражданского населения в качестве приоритетной задачи повышает эффективность этих миссий. Российская Федерация ставит и общий вопрос о необходимости дополнительного осмысления реалистичности мандатов миротворческих миссий ООН по защите гражданского населения¹⁹. Складывается ситуация, когда миротворцам ставятся задачи, которые они просто физически не могут выполнить имеющимися в их распоряжении средствами.

В РФ и других западных странах имеется целый ряд интересных концепций, связанных с восприятием миротворчества, миростроительства и международного порядка (Кавешников, 2023; Мартынов, 2016; *Non-Western Responses to Terrorism*, 2019). Однако необходима операционализация основных положений данных концепций, превращение их из идей *per se* в правоустанавливающие нормы (Acharya, 2016, p. 1158). Так, различные индикаторы эффективности в сфере миротворчества и миростроительства — это лишь «нижний этаж» здания концептуальных теорий. Второй уровень — это так называемые «теории изменений» и государственного строительства, например помощь «демократической оппозиции» или «свободным СМИ» (в западной трактовке)²⁰, механизмы военно-гражданского сотрудничества (Шамаров, 2021, с. 13). В западной трактовке речь должна идти о соблюдении принципа невмешательства во внутренние дела государства, неделимости границ и территориальной

целостности, уважении существующего политического режима. Наконец, третий (верхний) уровень — это собственно «зонтичные» концептуальные теории (та же R2P).

«Достройка» всех трех вышеописанных концептуальных этажей — это возможность перейти в ранг стран, формирующих международные нормы (*rule-maker*) (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 216). Как представляется, в области миротворчества и миростроительства пока ни одна из западных стран не может претендовать на данный статус, хотя некоторые (в том числе Бразилия, РФ и КНР) не относятся и к безропотным *rule-takers*. Скорее они занимают нишу стран, оказывающих влияние на формирование международных норм (*rule-changers*). Например, в ноябре 2011 г., во время ливийского кризиса, Бразилия предложила концепцию *Responsibility While Protecting*, которая представляет собой мягкую (конструктивную) критику западной концепции R2P.

Фактически речь идет об «умеренном ревизионизме» восходящей державы как попытке играть более важную роль в глобальном нормотворчестве (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, p. 209). Во многом это соответствует установкам периферийного реализма К. Эскуде (Еремин, 2021), то есть острота критики западных подходов миротворчества возрастает по мере укрепления субъектности самой страны — разработчика концепции. Например, для КНР сравнительная важность соблюдения суверенитета при проведении миротворческих операций выше, чем для Бразилии (Ribeiro, Mesquita & Lyra, 2021, p. 221). КНР концептуализировала свои подходы, опубликовав в 2020 г. Белую книгу «Вооруженные силы Китая: 30 лет участия в миротворческих операциях ООН»²¹. Российские эксперты также выступают за необходимость концептуализации подходов РФ к миротворческой деятельности, разработке

¹⁹ Security Council, 78th year: 9389th meeting, Friday, 28 July 2023, New York // UN Digital Library. July 28, 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4017473> (accessed: 21.08.2023).

²⁰ См. статью в А.Н. Богданова в этом номере (*Прим. ред.*).

²¹ Full Text: China's Armed Forces: 30 Years of UN Peacekeeping Operations // The State Council Information Office of the People's Republic of China. September 18, 2020. URL: http://english.www.gov.cn/archive/whitepaper/202009/18/content_WS5f6449a8c6d0f7257693c323.html (accessed: 21.05.2023).

ее доктринальных основ (Шамаров, 2021, с. 11; 2022а).

Отдельное направление в развитии незападного академического дискурса связано с проработкой статуса так называемых несостоявшихся государств (*failed states*) или государств-изгоев (*rogue states*). По западной (в первую очередь американской) терминологии, это страны, которые не соблюдают «порядок, основанный на правилах» (*на правилах США*), ввиду чего все «цивилизованное человечество» просто обязано исключить их из международного общения, превратив в государства-изгой XXI в. К ним относятся такие государства, как Корейская Народно-Демократическая Республика (КНДР), Иран, Мьянма, Венесуэла, Куба, Сирия, Судан, Мали, ЦАР и др. В отношении этих государств введены санкции, заморожены счета в международных банках, поставлена под сомнение легитимность национального руководства. Основная причина указанного — нежелание правительств данных стран подчиняться западной гегемонии и навязываемым им правилам.

Между тем указанные страны являются одними из наиболее активных сторонников формирования многополярного мира. Возникает вопрос концептуальной проработки статуса данных стран в международно-политической науке, имеющего нейтральную (например, «*подсанкционные*») или даже умеренно-позитивную коннотацию («*подлинно суверенные, не подвластные западной гегемонии*»).

В более широком теоретическом плане встает вопрос разработки альтернативных, незападных методик оценки состоятельности и стабильности государств, позволяющих «не навешивать ярлыки» на неугодные «коллективному Западу» страны и управлять ими через международные рейтинги (Иванов, 2015), а объективно оценивать их уровень внутриполитической стабильности и социально-экономического прогресса. Например, за последние годы возросло позитивное восприятие РФ как провайдера безопасности в ЦАР, однако необходимы непредвзятые, в том числе количественные, оценки, позволяющие наглядно проиллюстрировать социальный

прогресс, достигнутый при поддержке РФ в данной стране²². Прообразом такого межстранового рейтинга может служить Индекс государственности — одна из составляющих в рамках проекта *Политический атлас современности*, реализованного в 2005—2007 гг. в МГИМО МИД России (Политический атлас современности..., 2007). Необходимо более активная концептуальная проработка такого рода проектов с широким вовлечением академического сообщества из РФ и других незападных стран.

От псевдоуниверсальности к учету региональных прав человека

Как уже отмечалось, мониторинг соблюдения прав человека в контексте защиты гражданского населения — это важный элемент миротворческих операций. Не менее важную роль правозащитная проблематика играет и в контексте постконфликтного миростроительства, в том числе правосудия переходного периода. Неслучайно Генеральный секретарь ООН К. Аннан отмечал необходимость «уделять одинаковое внимание трем высоким целям» ООН: развитию, безопасности и правам человека²³.

В преамбуле Устава ООН, принятого с учетом последствий Второй мировой войны, подчеркивается важность утверждения «веры в основные права человека» для избавления «грядущих поколений от бедствий войны»²⁴. Таким образом, права человека были практически выведены из-под национальной юрисдикции и перешли в универсальную (Карташкин, 2009, с. 81). Международное сообщество в лице ООН стало определять их содержание путем разработки и принятия международных правовых норм в рамках девяти²⁵ основных

²² См. статью А.Л. Бовдунова в этом номере (*Прим. ред.*).

²³ Представление доклада «При большей свободе» // Генеральный секретарь ООН. 21.03.2005. URL: https://www.un.org/ru/sg/annan_messages/2005/largerfree_dom.shtml (дата обращения: 26.05.2023).

²⁴ Устав ООН (полный текст) // ООН. 1945. URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 21.05.2023).

²⁵ Договоры в области прав человека // ООН. URL: <https://www.ohchr.org/ru/instruments-listings> (дата обращения: 26.05.2023).

конвенций (Карташкин, 2009; 2015; Абашидзе, 2010).

Первый универсальный документ в области прав человека — Всеобщая декларация прав человека²⁶ (ВДПЧ) — был принят в результате компромисса между социалистическим лагерем во главе с СССР и капиталистическим блоком, возглавляемым США и их сателлитами (Карташкин, 2009; Дегтерев, 2013). Несмотря на возражение СССР и его союзников по поводу содержания ВДПЧ, страны социалистического лагеря не стали голосовать против ее принятия, а воздержались ради достижения компромисса между двумя блоками (Humphrey, 1983, p. 433). Саудовская Аравия уже тогда возражала против ВДПЧ по религиозным соображениям, в частности против ст. 18 о праве менять религию, которая противоречила нормам Корана (Humphrey, 1983, p. 435).

Однако наибольшие возражения со стороны представителей стран Азии и Африки относительно положений ВДПЧ связаны с тем, что на момент разработки и принятия Декларации (1948 г.) большинство данных государств еще находились под колониальным господством и просто не могли высказать свое мнение по содержанию данного «универсального документа». Сегодня большинство этих стран в той или иной степени выступает против концепции универсальности прав (Аду, 2012), поскольку она стала поводом для вмешательства во внутренние дела государств Глобального Юга со стороны Запада с целью доминирования (Kane, 2003). Во времена «однополярного момента» «коллективный Запад» устанавливал правила игры вплоть до «деконструкции» отдельных незападных стран «во имя гуманитарных соображений» (Mount, 2018).

Незападные страны стараются формировать свои концепции прав человека с учетом религии, культуры, традиций, иных социальных норм и ценностей. На сегодняшний день выделяются три основные региональные системы (концепции) защиты прав человека,

²⁶ Всеобщая декларация прав человека // ООН. 10.12.1948. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 26.05.2023).

основанные не только на универсальных подходах, но и учитывающие специфику отдельных регионов мира (Using the UN Human Rights System..., 2017). Это Европейская система защиты прав человека, созданная на основе Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.²⁷, Межамериканская система защиты прав человека, инициированная на основании Конвенции по правам человека 1969 г., и Африканская система защиты прав человека и народов на основе Хартии прав человека и народов 1986 г.²⁸ Помимо основных региональных систем защиты прав человека формируются также азиатская²⁹ и исламская³⁰ системы защиты прав человека.

Тенденция к регионализации прав человека, получившая развитие после обретения независимости большинством стран Азии Африки в 1960—1970-е гг. (Cavallaro & Brewer, 2008), связана с феноменом *культурного релятивизма* (Donnelly, 1984). Если инструменты европейской концепции прав человека являются логическим продолжением универсальной концепции, то африканская, межамериканская, азиатская и исламская концепции основываются на иных подходах. Так, арабская концепция прав человека строится на нормах шариата (Аль Али, 2015), что вызывает ее резкое неприятие со стороны западных стран.

Африканская идеология прав человека не отделяет индивида от общества и предполагает, что права индивида должны быть соотношены с общественной гармонией. Это нашло

²⁷ Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод // Совет Европы. 1950. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocols> (дата обращения: 26.05.2023).

²⁸ African Charter on Human and Peoples' Rights // African Union. 1986. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/36390-treaty-0011_-_african_charter_on_human_and_peoples_rights_e.pdf (accessed: 26.05.2023).

²⁹ ASEAN Human Rights Declaration // ASEAN. November 19, 2012. URL: <https://asean.org/asean-human-rights-declaration/> (accessed: 26.05.2023).

³⁰ The Cairo Declaration of the Organization of Islamic Cooperation on Human Rights // Organization of Islamic Cooperation. 1990. URL: https://www.oic-oci.org/upload/pages/conventions/en/CDHRI_2021_ENG.pdf (accessed: 26.05.2023).

свое отражение в африканских философских идеях, в том числе в убунту (Waghid, 2014; Sharma, 2013). Убунту предполагает, что человек существует лишь по отношению к другим. Во время встречи президента РФ с лидерами африканских стран в июле 2023 г. В.В. Путин процитировал африканскую поговорку: «Хочешь идти быстро — иди один, хочешь далеко идти — идите вместе»³¹, что полностью вписывается в философию убунту. Коллективный подход к правам человека отражен в Африканской хартии прав человека и народов 1986 г., как следует из названия самого документа.

В настоящее время универсальная концепция исчерпала свой потенциал не только в силу формирования многополярного мира и нарастания противоречий с региональными подходами, но и потому, что западные страны сами не в состоянии соблюдать проповедуемые ими «универсальные» ценности. Особенно это стало заметно в последние годы, когда в массовом порядке стали нарушаться права на частную собственность, недискриминацию по национальному признаку и др. После начала СВО собственность многих россиян в странах «коллективного Запада» была арестована или изъята по национальному признаку³² под предлогом «незаконного приобретения имущества или обогащения»³³, что тоже противоречит основным универсальным нормам по правам человека. Конфискация имущества граждан незападных стран или

государственной собственности происходит в нарушение действующих международных правовых норм, в том числе иммунитета государственной собственности³⁴. Таким образом, западные страны не только дискредитируют себя по отношению к установленным ими же правилам, но и демонстрируют, что они не являются надежными партнерами, с которыми можно иметь дело, поскольку трактуют права человека так, как выгодно им.

Вместе с тем наблюдаются практические сложности поступательного развития региональных систем по правам человека. Для этого требуются серьезные финансовые и интеллектуальные ресурсы, которые все эти годы направлялись преимущественно (например, через систему грантов и академических стипендий) на продвижение исключительно западноцентричной системы прав человека, несмотря на ее эрозию.

Заключение

На этапе «властного транзита» (перехода мирового политического и экономического влияния от Запада к не-Западу) наблюдается кризис западноцентричной модели международного миротворчества, несмотря на то, что страны «коллективного Запада» по-прежнему обладают целым арсеналом инструментов влияния в системе ООН, а также дискурсивной гегемонией. В этом контексте возрастает актуальность концептуальной проработки незападных подходов к миротворчеству и миростроительству в контексте построения многополярного мира. Исходя из культурных, политических и языковых различий между государствами и регионами необходима дальнейшая проработка терминологии миротворческой деятельности на основе международных принципов и норм, закрепленных в Уставе ООН.

³¹ Путин африканской поговоркой охарактеризовал свое видение развития отношений с Африкой // ТАСС. 27.07.2023. URL: <https://tass.ru/politika/18386701?ysclid=llsb2ur0cv430400808> (дата обращения: 28.07.2023).

³² Fossum S. US and Its Allies Have Frozen More Than \$58 Billion from Russian Oligarchs // CNN. March 9, 2023. URL: <https://edition.cnn.com/2023/03/09/politics/russian-oligarchs-frozen-repo/index.html> (accessed: 27.08.2023).

³³ La France Rend Opérationnel Son Mécanisme de Restitution des “Biens Mal Acquis” // France Diplomatie. Juin 2023. URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/fr/politique-etrangere-de-la-france/developpement/la-france-rend-operationnel-son-mecanisme-de-restitution-des-biens-mal-acquis/> (accessed: 27.07.2023).

³⁴ Конвенция ООН о юрисдикционных иммунитетах государств и их собственности // ООН. 02.12.2004. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/state_immunities.shtml (дата обращения: 27.08.2023). См. также: (Stewart, 2005).

Поступила в редакцию / Received: 21.07.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 20.08.2023
Принята к публикации / Accepted: 11.09.2023

Библиографический список

- Абашидзе А. Х.* Организация Объединенных Наций и защита прав коренных народов. Москва : РУДН, 2010.
- Аду Я. Н.* Концепция универсализации международного права прав человека и позиции развивающихся стран: дис. ... канд. юр. наук. Москва : РУДН, 2012.
- Аду Я. Н., Мезяев А. Б.* Конфликт между ЭКОВАС и Мали: международно-правовые и политические аспекты // *Вестник международных организаций*. 2023. Т. 18, № 1. С. 170—189.
- Аль Али Н. А. Р.* Защита прав и свобод человека в арабских странах. Москва : Кнорус, 2015.
- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х.* «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2. С. 76—101.
- Барановский В. Г.* Россия: эволюция взглядов на «ответственность по защите» // *Пути к миру и безопасности*. 2018. № 1 (54). С. 115—128. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-115-128>
- Бартенев В. И.* Включение проблем мира, безопасности и качества управления в Глобальную повестку дня устойчивого развития на период до 2030 г.: анализ хода и содержания международных переговоров // *Вестник международных организаций*. 2015. Т. 10, № 3. С. 7—32. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-03-07>
- Бокерия С. А.* Концепция личной безопасности в практике ООН // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2017. Т. 17, № 2. С. 312—324. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-312-324>
- Бокерия С. А.* Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Бокерия С. А., Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Дубровский И. Р., Журавлева Е. В. и др.* Советские исследования неокOLONиализма // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 4. С. 671—687. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-671-687>
- Вершинина В. В., Колдунова Е. В., Куклин Н. С.* Юго-Восточная Азия: подходы к миротворчеству и разрешению конфликтов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 265—277. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-265-277>
- Грачиков Е. Н., Сюй Хайянь.* КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 1. С. 7—24. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-01>
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибэ О.* Военное присутствие Франции в Мали: структурная власть субимперии «коллективного Запада» // *Актуальные проблемы Европы*. 2022. № 4 (116). С. 50—78. <https://doi.org/10.31249/ape/2022.04.03>
- Давыдов Ю. П.* Норма против силы. Проблемы мирорегулирования. Москва : Наука, 2002.
- Дегтерев Д. А.* Африканский континент как полюс притяжения: вопросы солидарности и соперничества // *Проблемы национальной стратегии*. 2023. № 3 (78). С. 256—273. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_256
- Дегтерев Д. А.* Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов (часть 1) // *Вестник федерального бюджетного учреждения «Государственная регистрационная палата при Министерстве юстиции Российской Федерации»*. 2013. № 3. С. 59—67.
- Дегтерев Д. А.* Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 352—371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>
- Дегтерев Д. А.* Эффективность международной помощи развитию: от анализа проектов к оценке стратегического воздействия // *Вестник Московского Университета. Серия XXV. Международные отношения и мировая политика*. 2020. Т. 12, № 1. С. 57—86. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2020-12-1-57-86>
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В.* США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной bipolarности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210—231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>
- Дубровский И. Р., Худайкулова А. В.* Миротворческая деятельность как инструмент развития потенциала Народно-освободительной армии Китая // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2 (71). С. 102—125.
- Еремин А. А.* Периферийный реализм Карлоса Эскуде // *Ибероамериканские тетради*. 2021. Т. 9, № 1. С. 50—61. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2021-9-1-50-61>
- Загорский А. В.* Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. Москва : ИМЭМО РАН, 2015.
- Заемский В. Ф.* Механизмы ооновского миротворчества // *Международная жизнь*. 2004. № 7—8. С. 198—211.

- Иванов В. Г. “Charts power” — «рейтинговая сила» как инструмент мягкой силы и экономическое оружие: технология использования и стратегии противодействия. Москва : Инфра-М, 2015.
- Кавешников Н. Ю. Справедливость при урегулировании региональных конфликтов: анализ стратегии России в 1992—2021 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 215—227. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-215-227>
- Карташкин В. А. Организация Объединенных Наций и международная защита прав человека в XXI веке. Москва : Норма, 2015.
- Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. Москва : Норма, 2009.
- Любимов А. П., Шамаров П. В. Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022. № 3 (194). С. 17—24. https://doi.org/10.54449/20739532_2022_3_17
- Мартенс Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов : в 2 т. Т. 1. Москва : МГУ, 1996.
- Мартынов Б. Ф. Страны БРИКС и концепции международного права // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 1 (44). С. 26—37. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.1.44.2>
- Месяев А. Б. Процесс против Слободана Милошевича в Гаагском трибунале. Кн. 1: Обвинительная часть. Казань : Титул-Казань, 2006.
- Миротворчество и миролюбие в Африке. К 90-летию академика Аполлона Борисовича Давидсона / под ред. А. С. Балезина, С. В. Мазова, И. И. Филатовой. Москва : Весь мир, 2019.
- Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 16—26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26>
- Политический атлас современности: опыт многомерного статистического анализа политических систем современных государств / под ред. А. Ю. Мельвиля. Москва : МГИМО-Университет, 2007.
- Ранджбар Д., Чикризова О. С. «Позитивный мир» в исламском восприятии международных отношений: пример внешней политики Ирана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 278—295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-278-295>
- Соколов М. М., Титаев К. Д. Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239—275.
- Сысоева Р. В. Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 241—252. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252>
- Хонрада Г. Дж. П., Бокерия С. А. Концепции «Шанхайского духа» и «Пути АСЕАН» как основа нового регионализма // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 253—264. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-253-264>
- Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 109—126. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-109-126>
- Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций? // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 67—79. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5>
- Худайкулова А. В. Эффективность международной системы защиты прав человека в контексте украинского кризиса // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2014. № 4. С. 39—46.
- Шамаров П. В. Концептуализация миротворчества России как объективное требование сложной международной обстановки // Проблемы национальной стратегии. 2022а. № 2. (71). С. 14—34.
- Шамаров П. В. Миротворческая операция ОДКБ в Казахстане: первые итоги, уроки и выводы // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2022б. № 5—6 (196—197). С. 22—35. https://doi.org/10.54449/20739532_2022_5-6_22
- Шамаров П. В. О необходимых политико-правовых документах в сфере миротворческой деятельности Российской Федерации // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. 2021. № 3—4 (14—15) С. 6—19. https://doi.org/10.54449/76585_2021_3-4_14-15_6
- Шамаров П. В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 4 (179). С. 38—43.

- Шевчук Н. В.* Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>
- Acharya A.* ‘Idea-shift’: How Ideas from the Rest are Reshaping Global Order // *Third World Quarterly*. 2016. Vol. 37, no 7. P. 1156—1170. <https://doi.org/10.1080/01436597.2016.1154433>
- Badache F., Hellmüller S., Salaymeh B.* Conflict Management or Conflict Resolution: How Do Major Powers Conceive the Role of the United Nations in Peacebuilding? // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, no 4. P. 547—571. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2147334>
- Benner T.* Brazil as a Norm Entrepreneur: The “Responsibility While Protecting” Initiative // GPPi Working Paper. No. 3. P. 1—11. Berlin: Global Public Policy Institute, 2013. URL: https://www.gppi.net/media/Benner_2013_Working-Paper_Brazil-RWP.pdf (accessed: 20.05.2023).
- Bokeriya S. A.* R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia) // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, no 4. P. 955—964. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964>
- Cassin K., Zyla B.* UN Reforms for an Era of Pragmatic Peacekeeping // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 294—312. <https://doi.org/10.1080/17502977.2022.2158427>
- Cavallaro J. L., Brewer S. E.* Reevaluating Regional Human Rights Litigation in the Twenty-First Century: The Case of the Inter-American Court // *The American Journal of International Law*. 2008. Vol. 102, no. 4. P. 768—827. <https://doi.org/10.2307/20456681>
- Degterev D. A.* Multipolar World Order: Old Myths and New Realities // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no 3. P. 404—419. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-404-419>
- Dieng M.* The Multi-National Joint Task Force and the G5 Sahel Joint Force: The Limits of Military Capacity-Building Efforts // *Contemporary Security Policy*. 2019. Vol. 40, no 4. P. 481—501. <https://doi.org/10.1080/13523260.2019.1602692>
- Donnelly J.* Cultural Relativism and Universal Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 1984. Vol. 6, no. 4. P. 400—419. <https://doi.org/10.2307/762182>
- Dunton C., Laurence M., Vlavonou G.* Pragmatic Peacekeeping in a Multipolar Era: Liberal Norms, Practices, and the Future of UN Peace Operations // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 215—234. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2217579>
- Fung C. J.* Peace by Piece: China’s Policy Leadership on Peacekeeping Fatalities // *Contemporary Security Policy*. 2022. Vol. 43, no 4. P. 572—593. <https://doi.org/10.1080/13523260.2022.2102735>
- Humphrey J. P.* The Memoirs of John P. Humphrey, the First Director of the United Nations Division of Human Rights // *Human Rights Quarterly*. 1983. Vol. 5, no. 4. P. 387—439. <https://doi.org/10.2307/762229>
- Jackson R. H., Rosberg C. R.* Why Africa’s Weak States Persist: The Empirical and the Juridical in Statehood // *World Politics*. 1982. Vol. 35, no 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.2307/2010277>
- Kane J.* American Values or Human Rights? U.S. Foreign Policy and the Fractured Myth of Virtuous Power // *Presidential Studies Quarterly*. 2003. Vol. 33, no. 4. P. 772—800. <https://doi.org/10.1046/j.0360-4918.2003.00084.x>
- Karlsruud J.* ‘Pragmatic Peacekeeping’ in Practice: Exit Liberal Peacekeeping, Enter UN Support Missions? // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no 3. P. 258—272. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2198285>
- Kellett A.* Soviet and Russian Peacekeeping 1948—1998: Historical Overview and Assessment // *The Journal of Slavic Military Studies*. 1999. Vol. 12, no 2. P. 1—47. <https://doi.org/10.1080/13518049908430389>
- Khudaykulova A. V.* China as an Emerging Actor in Conflict Management: From Non-Interference in Internal Affairs to “Constructive” Engagement // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 3. P. 420—431. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-3-420-431>
- Krauthammer Ch.* The Unipolar Moment // *Foreign Affairs*. 1990. Vol. 70, no 1. P. 23—33.
- Levin A.* Non-Democratic Regimes and Participation in UN Peacekeeping Operations // *International Peacekeeping*. 2023. Vol. 30, no 1, P. 97—127. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2160712>
- Mine Y.* The Global Demographic Change and Africa — Asia Relations: Beyond Big Power Summits // *Africa and the Formation of the New System of International Relations* : Vol. II: Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-Pandemic World / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 37—51. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3_3
- Morris J.* The Responsibility to Protect and the Use of Force: Remaking the Procrustean Bed? // *Cooperation and Conflict*. 2015. Vol. 51, no 2. P. 200—215. <https://doi.org/10.1177/0010836715612852>

- Mount G.* Hybrid Peace/War // *Hybridity on the Ground in Peacebuilding and Development: Critical Conversations* / ed. by J. Wallis et al. Canberra : ANU Press, 2018. P. 203—216. <https://doi.org/10.22459/HGPD.03.2018.12>
- Non-Western Responses to Terrorism* / ed. by M. J. Boyle. Manchester : Manchester University Press, 2019.
- Paris R.* The Past, Present, and Uncertain Future of Collective Conflict Management: Peacekeeping and Beyond // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2023. Vol. 17, no. 3. P. 235—257. <https://doi.org/10.1080/17502977.2023.2170546>
- Ribeiro M., Mesquita R., Lyra M.* “The Use of Force Should Not Be Our First, But Our Last Option” — Assessing Brazil’s Norm-Shaping Towards Responsibility to Protect // *Global Society*. 2021. Vol. 35, no 2. P. 207—228. <https://doi.org/10.1080/13600826.2020.1765741>
- Sharma V.* African Ethics and Morality: An Alternative Paradigm for Modernity // *India International Centre Quarterly*. 2013. Vol. 40, no. 2. P. 113—124.
- Stewart D. P.* The UN Convention on Jurisdictional Immunities of States and Their Property // *The American Journal of International Law*. 2005. Vol. 99, no. 1. P. 194—211. <https://doi.org/10.2307/3246098>
- Strange S.* States and Markets. New York : Continuum, 2004.
- Using the UN Human Rights System to Advocate for Access to Palliative Care and Pain Relief. New York : Open Society Foundations, 2017.
- Vasiliev A. M., Degterev D. A., Shaw T. M.* African Summitry: Representation of “External Other” in the “Power Transit” Era // *Africa and the Formation of the New System of International Relations* : Vol. II: Beyond Summit Diplomacy: Cooperation with Africa in the Post-Pandemic World / ed. by A. M. Vasiliev, D. A. Degterev, T. M. Shaw. Cham : Palgrave Macmillan, 2023. P. 1—16. https://doi.org/10.1007/978-3-031-34041-3_1
- Waghid Y.* African Philosophy of Education as a Response to Human Rights Violations: Cultivating Ubuntu as a Virtue in Religious Education // *Journal for the Study of Religion*. 2014. Vol. 27, no. 1. P. 267—282.
- Welz M.* Institutional Choice, Risk, and Control: The G5 Sahel and Conflict Management in the Sahel // *International Peacekeeping*. 2022. Vol. 29, no 2. P. 235—257. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2031993>

Сведения об авторах: Аду Яо Никэз — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-8696-0181; e-mail: adu-ya@rudn.ru

Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Дегтерев Денис Андреевич — доктор политических наук, кандидат экономических наук, профессор; ведущий научный сотрудник, Институт Африки РАН; профессор, департамент международных отношений, НИУ ВШЭ; профессор, кафедра мировой экономики, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0001-7426-1383; e-mail: ddegterev@hse.ru

Мезяев Александр Борисович — доктор юридических наук, профессор, заведующий, кафедра конституционного и международного права, Университет управления «ТИСБИ»; главный редактор, «Казанский журнал международного права и международных отношений»; ORCID: 0000-0002-5318-3029; e-mail: alexmezyaev@gmail.com

Шамаров Павел Вячеславович — доктор политических наук, кандидат военных наук, доцент, профессор, Академия военных наук Российской Федерации; e-mail: pvs291189@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450

EDN: FSUGUV

Научная статья / Research article

Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие

С.А. Бокерия¹, А.В. Худайкулова²¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация²МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерацияbokeria-sa@rudn.ru

Аннотация. Гибридный характер и масштабность современных конфликтов, угроза терроризма, резкое усиление конкуренции за ресурсы, глобальная милитаризация и проблемы обеспечения безопасности в Африке не только порождают опасность распада государственности, но и обуславливают необходимость согласованных усилий национальных, региональных и международных участников по защите прав человека и выправлению гуманитарной ситуации. Во многих отношениях Африканский континент с его уникальным и разнообразным характером конфликтов стал платформой для обновления миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций (ООН) путем внедрения новых оперативных и нормативных практик и стратегий, которые, будучи отличительной чертой миссий ООН в Африке, постепенно переходят из статуса нововведений в категорию вполне обыденной мировой практики. Авторы оценивают миротворческую деятельность ООН в Африке с 1960-х гг. до 2022 г., рассматривая особенности, характер и масштабы проведения операций по поддержанию мира (ОПМ), а также стратегии трансформации миротворческих мандатов. На основании использования проблемно-хронологического подхода, сравнительного анализа и количественных оценок миротворческих миссий ООН, анализа форматов сотрудничества с региональными организациями (в частности с Африканским союзом (АС) и Экономическим сообществом стран Западной Африки (ЭКОВАС)), а также гендерного состава миссий ООН авторы приходят к закономерному выводу, что количество миротворческих операций и политических миссий ООН в Африке остается значительным, их мандаты расширяются и усложняются на фоне повышенной активности ведущих мировых держав, заинтересованных в реализации своих геополитических планов. Как представляется, стабилизация конфликтогенной ситуации в Африке во многом будет зависеть от эффективности сотрудничества ООН с региональными организациями, а также от реформирования и способности Организации Объединенных Наций оперативно адаптироваться к быстро меняющимся сценариям развития конфликта в каждом африканском государстве.

Ключевые слова: миротворчество, ООН, Африка, миростроительство, конфликты, операции по поддержанию мира, ОПМ, Африканский союз, АС, вмешательство, мандат

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Для цитирования: Бокерия С. А., Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в Африке: характер, масштабы и развитие // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 435—450. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450>

© Бокерия С.А., Худайкулова А.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

UN Peacekeeping in Africa: Nature, Scope and Development

Svetlana A. Bokeriya¹ , Alexandra V. Khudaykulova²

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

bokeria-sa@rudn.ru

Abstract. The hybrid nature and scope of contemporary conflicts, the terrorism threat, and the dramatic increase in competition for resources, global militarization and security challenges in Africa do not only carry the risk of state collapse, but have conditioned concerted efforts by national, regional and international actors to protect human rights and remedy the humanitarian situation. In many ways, the African continent with its unique and diverse nature of conflicts has become a platform for the renewal of the United Nations (UN) peacekeeping through the development of new operational and normative practices and strategies that, as a distinctive feature of the UN missions in the African continent, have gradually moved from the status of innovations to the category of quite commonplace global practice. This article attempts to assess UN peacekeeping in Africa from the 1960s till 2022. The authors examine the characteristics, nature and scope of peacekeeping operations (PKOs) as well as strategies for transforming peacekeeping mandates. Using a problem-chronological approach, comparative analysis and quantitative assessments of the UN peacekeeping missions, the formats of cooperation with regional organizations (the African Union (AU) and the Economic Community of West African States (ECOWAS)), gender composition of the UN missions, in particular, the authors come to the natural conclusion that the number of the UN peacekeeping operations and political missions in Africa remains high and their mandates have expanded and become more complex with increased activity of the leading world powers. The authors conclude that stabilization and conflict resolution in Africa will greatly depend on effective cooperation between the UN and regional organizations, as well as on the UN reforms and its ability to adapt rapidly to changing conflict scenarios in each African state.

Key words: peacekeeping, UN, Africa, peacebuilding, conflicts, peacekeeping operations, PKO, African Union, AU, intervention, mandate

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

For citation: Bokeriya, S. A., & Khudaykulova, A. V. (2023). UN peacekeeping in Africa: Nature, scope and development. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 435—450. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-435-450>

Введение

На фоне сохранения в Африке высокого уровня конфликтности и повышения значимости связки «безопасность — развитие» разработка стратегий урегулирования африканских конфликтов по-прежнему остается одним из ключевых вопросов повестки дня ООН. Актуальность анализа миротворчества ООН в Африке обусловлена тем фактом, что сегодня именно на Африканском континенте реализуются 6 из 12 миротворческих операций¹, в которых по состоянию на февраль

2023 г. задействовано от 247 человек (Миссия ООН по проведению референдума в Западной Сахаре) и до 19 101 человек (Миссия ООН в Республике Южный Судан) (рис. 1). На африканских территориях сосредоточено около 76 тыс. миротворцев (военнослужащих, полицейских и волонтеров ООН), что составляет около 85 % от общего числа всего миротворческого персонала (около 89 тыс.)².

¹ Where We Operate // United Nations Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/where-we-operate> (accessed: 06.06.2023).

² UN Peacekeeping Operations Fact Sheet // UN Peacekeeping. March 31, 2023. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/peacekeeping_fact_sheet_march_2023.pdf (accessed: 08.06.2023).

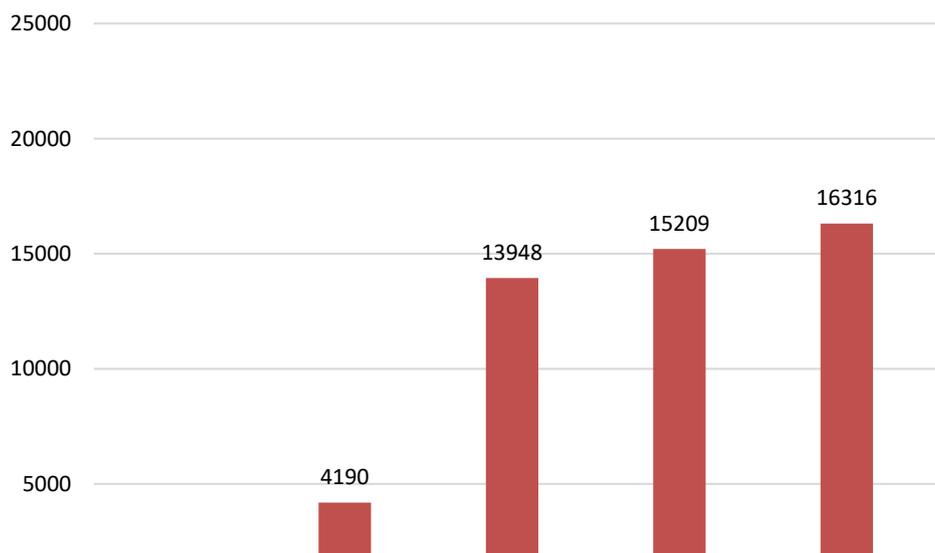

Рис. 1. Текущие миротворческие операции ООН в Африке по численности полицейского, военного контингента на февраль 2023 г., чел.

Источник: составлено авторами на основе данных веб-сайта Операции ООН по поддержанию мира: Peacekeeping Operations // United Nations. URL: <https://www.unmissions.org/> (accessed: 10.03.2023).

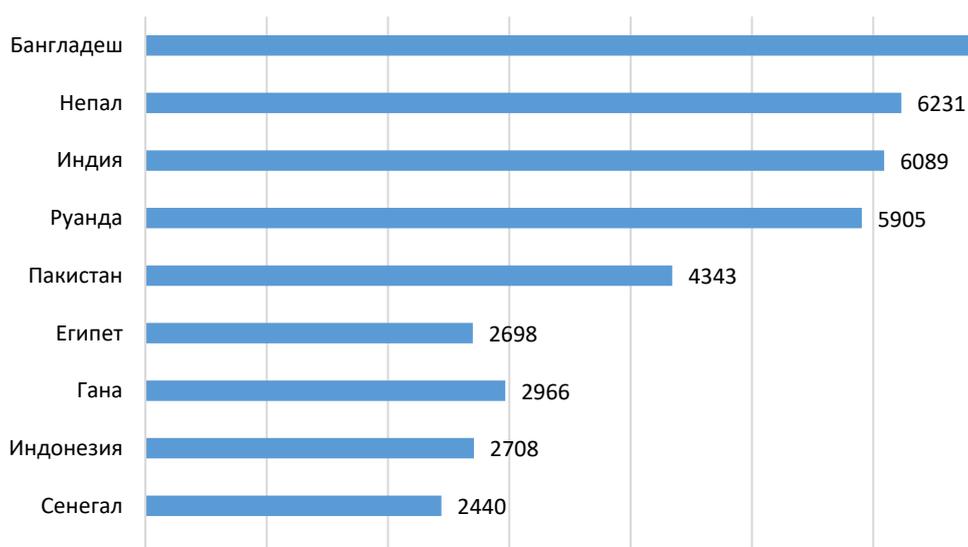

Рис. 2. ТОП-10 стран, предоставляющих наибольшее количество миротворческого контингента, по состоянию на 31 мая 2023 г., чел.

Источник: Uniformed Personnel Contributing Countries by Ranking // UN Peacekeeping. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/02_country_ranking_61_april_2023_0.pdf (accessed: 01.06.2023).

По состоянию на 31 марта 2023 г. общее число миротворческого персонала включает 88 686 человек, из которых примерно 80 % — африканцы³. Кроме того, Африка стала

крупнейшим поставщиком полицейских и солдат для миротворческих операций ООН, предоставив примерно 51 % всех голубых касок ООН⁴. На это прямо указывает рейтинг

³ UN Peacekeeping Operations Fact Sheet // UN Peacekeeping. March 31, 2023. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/peacekeeping_fact_sheet_march_2023.pdf (accessed: 08.06.2023).

⁴ Klobucista C., Renwick D. The Role of Peacekeeping in Africa // Council on Foreign Relations. October 5, 2021. URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/role-peacekeeping-africa> (accessed: 20.05.2023).

стран, предоставляющих наибольшее количество миротворческого контингента. В рейтинг 10 стран по этому показателю от Африки вошли Руанда, Египет, Гана и Сенегал (см. рис. 2). Несмотря на то, что африканцы составляют большую часть полицейского и военного миротворческого персонала ООН, их доля на руководящих должностях невелика (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022).

В настоящее время в Совете Безопасности (СБ) ООН среди 10 непостоянных членов Африку представляют три страны — Габон, Гана и Мозамбик. Два из девяти Генеральных секретарей ООН — Б. Бутрос-Гали (Египет) и Кофи Аннан (Гана) — были избраны именно от Африки⁵.

Возросший миротворческий потенциал Африки связан не только с активным участием африканской стороны в миссиях ООН, но и с развитием собственных региональных миссий. Учредительный акт⁶ позволяет Африканскому союзу (АС) вмешиваться в дела государства-члена в случае наличия серьезных обстоятельств, таких как военные преступления, геноцид и преступления против человечности. Согласно ст. 13 Протокола об учреждении Совета мира и безопасности Африканского союза, АС основывается на резервных соглашениях с пятью африканскими субрегионами⁷.

В рамках организации была создана архитектура мира и безопасности под названием «Африканский мир и безопасность» (*the African Peace and Security Architecture, APSA*), включающая структуры, которые должны способствовать миру и безопасности на континенте, а также нормы и механизмы для эффективного устранения причин и последствий конфликтов.

Исследования по миротворчеству ООН в Африке можно разделить на три основных направления.

⁵ Исаенко А. И. Миротворчество в Африке // Российский совет по международным делам. 11.10.2019. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/ravunpm/mirotvorchestvo-v-afrike/> (дата обращения: 08.06.2023).

⁶ Constitutive Act of the African Union // African Union. URL: https://au.int/sites/default/files/pages/34873-file-constitutiveact_en.pdf (accessed: 28.05.2023).

⁷ Ibid.

Первое — представлено работами российских (Никитин, 2016; Шамаров, 2020; Загорский, 2015; Сидорова, 2011; Ларионова, 2020; Бокерия, 2022; Худайкулова, 2016; 2019; Лутвинов, Морозов, 2001; Заемский, 2004; Тишков, 2011) и зарубежных ученых (Tull, 2018; Williams & Bellamy, 2021; Chopra, 1998; Hegre, Hultman & Nygård, 2019), посвященными концептуально-доктринальным подходам к миротворческой деятельности, вопросам подготовки и реализации миротворческих операций ООН.

Второе направление связано с теоретическим осмыслением гендерной проблематики, которая раскрыта преимущественно в работах зарубежных исследователей (Kreft, 2017; Berg & Vjarnegård, 2016; Tidblad-Lundholm, 2020; Бокерия, 2021).

Третье направление включает исследования подходов государств, международных и региональных организаций к проблемам миротворчества (Forti & Singh, 2019; De Coning, 2019), а также труды африканских ученых (Olonisakin, 1996; Oniore, 2008; Nigeria's Peacekeeping Efforts Outside Africa..., 2005; Adebayo, 2002).

В рамках данной группы исследований следует отметить научные труды ведущих российских исследователей и ученых-африканистов: Т.С. Денисовой (Denisova, 2022), С.В. Костелянца, Т.Л. Дейч (Костелянец и др., 2017; Дейч, 2005), которые раскрывают проблемы социально-экономического, политического развития, региональной безопасности, а также миротворчества и миростроительства на Африканском континенте.

Непосредственно сами инициативы по африканскому миротворчеству, а также повышению эффективности миротворческой деятельности представлены в соответствующих докладах ООН, опубликованных в 2000—2018 гг.⁸ Отдельные аспекты

⁸ См.: Report of the Secretary-General A/59/695—S/2005/72. Adopted by the UN General Assembly at its 59th session, on 9 February 2005 // The UN Digital Library. February 9, 2005. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/541177?ln=ru> (accessed: 21.05.2023); Report of the Secretary-General A/70/357—S/2015/682. Adopted by the UN General Assembly at its 70th session, on 2 September 2015 // Security

миротворчества освещены в ежегоднике СИПРИ (2019—2022)⁹. В указанных трудах представлены критические взгляды ведущих экспертов по проблемам миротворчества ООН в Африке.

Авторы выявили, что основной ряд исследований посвящен либо миротворчеству ООН в Африке в целом, либо исследованию определенной миротворческой миссии (миссий) в отдельной африканской стране. Концептуальных исследований миротворчества ООН с точки зрения трансформации миротворческих мандатов операций по поддержанию мира (ОПМ) и с привлечением анализа количественных данных мало. Данная статья призвана заполнить эту лакуну.

Особенности миротворчества ООН в Африке в 1960—1980-е гг.

Во время холодной войны ООН провела всего три масштабные миротворческие операции на Африканском континенте, которые отражали многие черты и параметры будущего урегулирования конфликтов.

Council Report. September 2, 2015. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2015_682.pdf (accessed: 21.05.2023); Report of the Secretary-General S/2017/454 on options for authorization and support for African Union peace support operations. Adopted by the UN Security Council on 26 May 2017 // Security Council Report. May 26, 2017. URL: http://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2017_454.pdf (accessed: 21.05.2023); Report of the Secretary-General S/2018/1183. Adopted by the UN Security Council on 31 December 2018 // Security Council Report. December 31, 2018. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/s_2018_1183.pdf (accessed: 21.05.2023).

⁹ См.: SIPRI Yearbook 2019. Armaments, Disarmament and International Security. London : Oxford University Press, 2019; SIPRI Yearbook 2020. Armaments, Disarmament and International Security. London : Oxford University Press, 2020; SIPRI Yearbook 2021. Armaments, Disarmament and International Security. London : Oxford University Press, 2021; SIPRI Yearbook 2022. Armaments, Disarmament and International Security. London : Oxford University Press, 2022.

Первая миротворческая операция ООН в Африке к югу от Сахары была развернута в 1960 г. в Конго (*United Nations Operation in the Congo*, ONUC, ОНУК) в соответствии с резолюцией 143 СБ ООН¹⁰. Это была не первая операция ООН по поддержанию мира, но в итоге она стала первой крупномасштабной миссией с пиковой численностью почти 20 тыс. военнослужащих. Ссылаясь на угрозу начала широкомасштабной гражданской войны и кровопролития, СБ ООН поручил ОНУК использовать любые возможные средства для предотвращения войны на территории Конго, включая применение силы в качестве крайней меры¹¹. Именно в Конго впервые проявились проблемы и опасности, которые будут сопровождать работу миротворцев в будущем. Так, в ходе операции погибли 250 миротворцев ООН¹², включая Генерального секретаря Дага Хаммаршельда.

Второй операцией стала контрольная миссия ООН в Анголе (*the UN Verification Mission in Angola*, UNAVEM, ЮНАВЕМ), учрежденная в конце 1988 г. в соответствии с резолюцией 626 СБ ООН¹³ от 20 декабря 1988 г. для проверки передислокации кубинских войск на север и их поэтапного и полного вывода с территории Анголы в соответствии с графиком, согласованным между Анголой и Кубой. Вывод войск был завершен более чем за месяц до ранее установленной даты. 6 июня 1991 г. Генеральный секретарь доложил СБ ООН, что миссия ЮНАВЕМ I

¹⁰ Resolution 143 (1960) Adopted by the Security Council at its 873rd meeting, on 14 July 1960 // UN Security Council. July 14, 1960. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112108> (accessed: 25.04.2023).

¹¹ Resolution 161 (1961) Adopted by the Security Council at its 942nd meeting, on 21 February 1961 // The UN Digital Library. February 21, 1961. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112132?ln=ru> (accessed: 25.04.2023).

¹² Операция Организации Объединенных Наций в Конго (ОНУК) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/congo.htm> (дата обращения: 10.05.2023).

¹³ Resolution 626 (1988) Adopted by the Security Council at its 2834th meeting, on 20 December 1988 // The UN Digital Library. December 20, 1988. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/52988> (accessed: 15.05.2023).

полностью и эффективно выполнила возложенный на нее мандат¹⁴.

Наконец, третья миссия — Группа ООН по содействию переходному периоду (*the United Nations Transition Assistance Group*, UNTAG, ЮНТАГ), действовавшая в 1989—1990 гг.¹⁵ с целью обеспечения как можно более плавного перехода Намибии от суверенитета Южной Африки к полной независимости путем проведения свободных выборов под наблюдением и контролем ООН. Данная миссия, более амбициозная и комплексная по широте мандата, важна для понимания специфики переходного периода миротворческой практики ООН. Ее часто называют первым примером постконфликтного миростроительства (*peacebuilding*)¹⁶.

Итоги операции в Намибии можно считать успешными. ЮНТАГ прекратила свою деятельность после провозглашения независимости Намибии 21 марта 1990 г. и вступления в ООН в апреле того же года¹⁷. Тем не менее в самом начале миссия оказалась под угрозой срыва ввиду внезапного вторжения с территории Анголы в Северную Намибию вооруженных отрядов Западноафриканской народной организации. Это явное нарушение режима прекращения огня произошло в то время, когда ЮНТАГ еще не была полностью развернута на территории страны. Перспектива возобновления боевых действий в Намибии заставила специального посланника ООН

Марти Ахтисаари принять довольно спорное решение временно освободить южноафриканские силы безопасности от необходимости соблюдать режим прекращения огня и позволить им передислоцироваться в пограничную зону между Анголой и Намибией — решение, которое лишь после долгих раздумий одобрил Генсек ООН Х. де Куэльяр. В данном случае применение силы, хотя и не ЮНТАГ, которая не обладала достаточными для этого возможностями, позволило избежать провала миссии еще до ее фактического начала. События в Намибии в 1989 г. продемонстрировали не только возможность расширения мандатов последующих миротворческих миссий ООН, но и серьезные ограничения, с которыми могут столкнуться ОПМ, если хотя бы одна из сторон конфликта де-факто откажется от своего согласия на развертывание миссии и осуществление политического урегулирования.

В целом операции в Анголе и Намибии положили начало новой эпохе комплексного миротворчества и получили известность как операции «второго поколения», или смешанные операции по поддержанию мира, отличающиеся многофункциональностью и комплексностью с опорой на более широкие военные полномочия миротворческих контингентов. По сути, это полувоенные миротворческие операции с ориентацией на ряд новых принципов: контроль над выполнением соглашений о прекращении огня, перегруппировка и демобилизация вооруженных сил, уничтожение сданного при разоружении оружия, возвращение бывших комбатантов к мирной жизни, планирование и выполнение программ по разминированию, помощь беженцам и перемещенным лицам в возвращении в свои дома, обеспечение гуманитарной помощи и др.

Миротворчество ООН в 1990-х — начале 2000-х гг.

Африканские конфликты в постбиполярный период привели к быстрому росту числа операций по поддержанию мира в охваченных войной странах. Большая часть операций была проведена в ответ на военные конфликты, вспыхнувшие с начала 1990-х гг.

¹⁴ Вспомогательные органы Совета Безопасности. Миротворческие миссии // Организация Объединенных Наций. URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/ru/sc/repertoire/89-92/89-92_5.pdf#page=6 (дата обращения: 15.05.2023).

¹⁵ Resolution 629 (1989) Adopted by the Security Council at its 2842nd meeting, on 16 January 1989 // The UN Digital Library. January 16, 1989. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/54308?ln=ru> (accessed: 10.05.2023).

¹⁶ Миростроительство — вмешательство третьей стороны для предотвращения риска возврата к конфликту. В задачи миростроительных миссий входит работа с правительствами государств по реорганизации и обучению сил правопорядка и судебных органов, организации выборов и укреплению гражданского общества, а также репатриации беженцев.

¹⁷ Namibia // UN Sustainable Development Group. URL: <https://unsdg.un.org/un-in-action/namibia> (accessed: 10.05.2023).

в Африке к югу от Сахары, где СБ ООН санкционировал масштабные и комплексные операции по поддержанию мира:

— операцию в Бурунди (*the UN Operation in Burundi*, ONUB, ОНЮБ);

— миссию в Центральноафриканской Республике и Чаде (*the Mission in the Central African Republic and Chad*, MINURCAT, МИНУРКАТ);

— операцию в Кот-д'Ивуаре (*the UN Operation in Côte d'Ivoire*, UNOCI, ОООНКИ);

— миссию в Демократической Республике Конго (*the Mission in the Democratic Republic of the Congo*, MONUC, МООНДРК) и миссию по стабилизации в ДРК (*the DRC Stabilization Mission*, MONUSCO, МООНСДРК);

— миссию в Эфиопии и Эритрее (*the Mission in Ethiopia and Eritrea*, UNMEE, МООНЭЭ);

— миссию в Либерии (*the Mission in Liberia*, UNMIL, МООНЛ);

— миссию в Сьерра-Леоне (*the Mission in Sierra Leone*, UNAMSIL, МООНСЛ);

— миссию в Судане (*the Mission in Sudan*, UNMIS, МООНВС) в южной части страны;

— смешанную операцию АС — ООН в Дарфуре (*the AU — UN Operation in Darfur*, UNAMID, ЮНАМИД);

— временные силы по обеспечению безопасности в Абее (*the Interim Security Force for Abyei*, UNISFA, ЮНИСФА);

— миссию в Республике Южный Судан (*the Mission in South Sudan*, UNMISS, МООНЮС).

Подавляющее большинство новых миссий по поддержанию мира были развернуты в контексте внутригосударственных конфликтов. Единственным исключением стала миссия ООН по наблюдению за прекращением огня между Эритреей и Эфиопией (МООНЭЭ), развернутая в июле 2000 г. по окончании короткой, но кровопролитной войны между двумя государствами. В других случаях СБ ООН проводил операции в контексте гражданских войн различной степени интенсивности, осложнявшихся жестокими столкновениями на этнической и религиозной почве.

Несмотря на достигнутые ООН успехи в миротворчестве в Африке, имеются примеры не только неэффективных миротворческих операций, но и неоправданного промедления. Так, например, в 1997 г. ООН не смогла предоставить ни мандат, ни средства для оказания помощи в прекращении разрушительной гражданской войны, которая потрясла Республику Конго.

Снижение к 2004 г. общего числа операций в Африке примерно на 50 % связано с многосторонним участием в военных миссиях как региональных, так и субрегиональных организаций. К тому же завершились войны в Эфиопии (1991 г.), Мозамбике (1992 г.) и Либерии (1996 г.).

Во многом Африканский континент с его неослабевающим и специфическим набором конфликтных ситуаций повлиял на обновление миротворческой практики ООН, предложив некоторые новеллы, которые вскоре стали вполне рутинными параметрами миротворческих операций.

Во-первых, именно в Африке в рамках миротворческих миссий стали использоваться гражданские полицейские силы. Как правило, на первых порах ограничивались наблюдением за местной полицией в интересах обеспечения беспристрастности. Первый опыт подключения полицейского подразделения для оказания помощи в охране правопорядка из числа полицейских Ганы и Нигерии имел место в рамках миротворческой операции ООН в Конго (ОНУК). В 1989—1990 гг. в рамках работы Группы ООН по оказанию помощи в переходный период в Намибии (ЮНТАГ) масштабы привлечения полицейского персонала были уже практически сопоставимы с другими миротворцами — 1,5 тыс. полицейских наблюдателей из 25 стран в дополнение к 4,5 тыс. военнослужащих и 2 тыс. гражданских лиц¹⁸, которые работали в 49 полицейских участках на шести (позднее семи) полицейских округах.

¹⁸ Группа Организации Объединенных Наций по оказанию помощи в переходный период (ЮНТАГ) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/namibia.htm> (дата обращения: 02.05.2023).

Однако первый опыт столь масштабного привлечения полицейских к проведению миротворческой операции выявил множество трудностей их полноценной интеграции в ряды миротворцев. Помимо классических проблем в виде материально-технического обеспечения и логистики операция была затруднена из-за сильно различавшихся стандартов подготовки, отсутствия навыков владения иностранными языками и не вполне ясного функционала международной полиции. Полицейские наблюдатели ООН контролировали в основном расследования местных полицейских и их действия во время проведения политических митингов, однако вскоре приступили к собственному патрулированию и расследованию жалоб на действия местной полиции. Примечательно, что большинство сотрудников полиции оставались в Намибии после выборов до формальной независимости страны.

В Миссии ООН по проведению референдума в Западной Сахаре (МООНРЗС), учрежденной резолюцией СБ ООН 690 от 29 апреля 1991 г.¹⁹, задачи полицейских состояли не только в мониторинге работы марокканской полиции, но и в оказании помощи в регистрации избирателей на выборах. В дальнейшем наблюдательно-мониторинговая функция международной полиции ООН сменилась на более широкий спектр задач, включая обучение, реорганизацию и мониторинг местных полицейских сил, что было характерно для миссии наблюдателей ООН в Южной Африке (*the UN Observer Mission in South Africa*, UNOMSA, ЮНОМСА) в 1992—1995 гг., обеих операций в Сомали (ЮНОСОМ I и II) в 1992—1993 гг. и в 1993—1995 гг., Миссии ООН по оказанию помощи Руанде (МООНПР) в 1994 г. и Операции ООН в Мозамбике (ЮНОМОЗ) в 1992—1995 гг. Более того, именно в Африке впервые было задействовано полицейское подразделение

женщин-миротворцев (140 стражей правопорядка из Индии) в рамках Миссии ООН в Либерии (МООНЛ)²⁰.

Опора на гражданский компонент неминуемо привела к расширению спектра задач, которые военные миротворцы должны были выполнять в сотрудничестве с гражданскими наблюдателями, например защита и помощь в проведении выборов. Это было характерно для миссий в Анголе, Мозамбике, Намибии, Сомали, Западной Сахаре. Так, например, в ЮНТАГ в Намибии шесть из семи компонентов были гражданскими.

Во-вторых, речь идет об отходе от традиционных миссий наблюдателей и переходе к многокомпонентным и даже гибридным операциям, как в ДРК (МООНСДРК), Мозамбике (ЮНОМОЗ), Мали (*United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in Mali*, MINUSMA, МИНУСМА), ЦАР (МООНЦАР), Южном Судане (МООНЮС) и районе Абьей (ЮНИСФА) и др., мандат которых с годами неуклонно расширялся. Все эти операции отличаются широтой и многомерностью задач: от восстановления режима прекращения огня, содействия политическому диалогу и правопорядку, разоружения и ликвидации незаконных вооруженных формирований, защиты населения и гражданских властей до оказания гуманитарной помощи, содействия экономическому развитию, мониторинга прав человека и обеспечения постконфликтного миростроительства.

Иногда миротворцам приходится выполнять совсем «нетипичные» для поддержания мира задачи, среди которых организация и проведение выборов (ЦАР, Бурунди), обеспечение права на самоопределение (Намибия, Западная Сахара), «сохранение народности» (Руанда), обеспечение безопасности нефтяных объектов на спорной территории (Временные силы ООН по обеспечению безопасности в Абьей), разоружение, демобилизация,

¹⁹ Resolution 690 (1991) Adopted by the Security Council at its 2984th meeting, on 29 April 1991 // UN Digital Library. April 29, 1991. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/112199> (accessed: 02.05.2023).

²⁰ The Story of UNMIL [Book]: Women's Police Contingent: Role Models for a Decade // United Nations Peacekeeping. April 9, 2018. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/story-of-unmil-book-womens-police-contingent-role-models-decade> (accessed: 02.05.2023).

реинтеграция, репатриация и расселение комбатантов, пограничное патрулирование (Кот-д'Ивуар), учреждение мировых судов, подготовка полицейских подразделений и другие меры по оказанию содействия государству в реализации контроля над собственными территориями (Сьерра-Леоне).

За небольшим исключением миротворческие операции ООН, инициированные после 2000 г., имели очень длинные мандаты, перечень которых часто занимал более десятка страниц. В результате они стали неофициально называться «елочными мандатами» (*Christmas-tree mandates*) из-за множества различных задач, содержащихся в мандате. В 2018 г. Генеральный секретарь ООН Антониу Гутерриш сообщил СБ ООН, что миссия ООН в Южном Судане (МООНЮС) «не может выполнить 209 предусмотренных мандатом задач»²¹.

Примечательно, что некоторые из этих миссий впервые были обозначены как стабилизационные. Несмотря на то, что первой подобной операцией была Миссия Организации Объединенных Наций по стабилизации в Гаити (МООНСГ), развернутая с 2004 по 2017 г., следующие три стабилизационные миссии были организованы именно в Африке — миссии по стабилизации в ДРК (МООНСДРК), Мали (МИНУСМА) и ЦАР (МИНУСКА).

В-третьих, далеко не во всех операциях в Африке соблюдаются так называемые «неписанные» принципы классического миротворчества — согласие всех участников конфликта на развертывание операции, нейтралитет и беспристрастность миротворцев, применение силы лишь для самообороны.

Некоторые миссии были реализованы без необходимого одобрения сторон конфликта на развертывание миротворческого контингента: например, операция ООН в Бурунди (2004—2006 г.), где повстанческая группировка «Палипехуту-ФНЛ» отказалась участвовать в мирном процессе, в ДРК (2010 г. — настоящее время), где ополченцы долгое

время оказывали сопротивление вмешательству ООН, а также в Судане (2005—2011 гг.), который не был готов пойти на компромисс в отношении гибридной миссии АС — ООН.

Отход от принципа беспристрастности имел место в ходе операции в Кот-д'Ивуаре, где миротворческие силы ООН и французский контингент «Единорог» открыто выступили против одной из сторон конфликта и поддержали другую — объявившего себя победителем президентской гонки Аласана Уаттару (представлявшего мусульманский север). В ночь на 5 апреля 2011 г. они нанесли ракетные удары по президентской резиденции, военным базам (в Агбане и Акуэдо) и позициям правительственных войск, лояльным действовавшему президенту Лорану Гбагбо (которого поддерживали южные районы, населенные христианами). Решение о начале боевых действий было принято лично тогдашним Генеральным секретарем ООН Пан Ги Мун, который объяснил свое решение соображениями самообороны и защитой гражданского населения перед лицом использования танков и тяжелых видов вооружений силами, верными Л. Гбагбо²².

В некоторых операциях стали использоваться так называемые «усиленные» или «сильные» мандаты (Сьерра-Леоне, ДРК, Мали), дающие миротворцам право использовать силовой инструментарий в превентивных мерах. Ранее военные ООН имели право стрелять на поражение исключительно в целях самообороны, в настоящее время солдатам разрешено открывать огонь для защиты гражданских лиц.

Более того, впервые в рамках мандата африканской операции была апробирована модель «наступательного» миротворчества в виде бригады оперативного вмешательства (БОВ), что также демонстрирует отход от традиционного принципа нейтральности. В значительной степени это была вынужденная мера в ответ на оставление города Гома на востоке ДРК 1,5-тысячной группировкой

²¹ Генсек ООН: миротворцы несут службу в более опасных условиях, чем раньше // Новости ООН. 28.03.2018. URL: <https://news.un.org/ru/story/2018/03/1326831> (дата обращения: 13.06.2023).

²² Aboa A., Coulibaly L. U.N., French Attack Gbagbo Heavy Weapons in Ivory Coast // Reuters. April 10, 2011. URL: <https://www.reuters.com/article/us-ivorycoast-idUSTRE73014Z20110410> (accessed: 13.06.2023).

МООНСДРК после захвата города 20 ноября 2012 г. боевиками «Движения 23 марта», сформированного для защиты интересов конголезских тутси²³. Миротворцы не смогли дать отпор боевикам, которые при этом значительно уступали в количественном соотношении размещенным в городе «голубым каскам», и обеспечить защиту мирного населения, что и послужило основанием для пересмотра мандата. Сформированная БОВ в рамках МООНСДРК, состоящая из трех пехотных батальонов, одного артиллерийского подразделения и одной роты специального назначения и разведки, стала первым и пока единственным подразделением с правом «проводить целевые наступательные операции» по нейтрализации и разоружению незаконных вооруженных формирований.

Показательно, что инициатива ООН взяла за основу согласованную концепцию развертывания в составе МООНСДРК новой бригады, сформированной из военнослужащих государств Сообщества развития стран юга Африки (САДК), с «усиленным мандатом». Кроме того, большая часть из вошедших в 3-тысячную бригаду БОВ подразделений была сформирована из миротворцев ЮАР, Танзании и Малави. После нейтрализации повстанцев «Движения 23 марта» и ослабления исламистского Альянса демократических сил / Национальной армии освобождения Уганды (АДС/НАОУ) последовала мультипликация действий других вооруженных группировок и повстанческих ополчений, в том числе возобновившей в конце 2021 г. боевые действия группировки «Движение 23 марта». Беспорядки на востоке страны продолжились вплоть до штурма штаб-квартиры миссии ООН в Гоме.

Еще одной инновацией стало использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА), которые впервые были опробованы в рамках стабилизационной миссии в ДРК для

сбора данных с целью превентивного реагирования на возникающие угрозы. Внедрение БПЛА в инструментарий миротворцев было инициировано бывшим Генеральным секретарем ООН Пан Ги Муном, который считал, что с их помощью можно обеспечить безопасность миротворцев, а также компенсировать нехватку вертолетов.

В-четвертых, специфика африканских конфликтов и сложность процессов урегулирования обусловили «наложение» в некоторых случаях нескольких миротворческих миссий под эгидой разных организаций. Речь идет о так называемых признанных ООН миссиях, которые представляют собой операции без прямого утверждения СБ ООН, но подкрепленные соответствующими резолюциями СБ ООН или заявлениями председателя СБ ООН. Это один из наиболее распространенных типов миссий.

Важно отметить, что ООН никогда не обладала монополией на проведение миротворческих операций, которые условно можно разделить на следующие типы:

- под руководством ООН;
- по мандату ООН;
- признанные ООН;
- не относящиеся к ООН операции.

В период с 2000 по 2020 г. ООН проводила от 13 до 18 активных операций по поддержанию мира ежегодно. Всего за этот период было проведено 35 операций по поддержанию мира под руководством ООН, а также 20 операций по мандату ООН и 50 миротворческих операций, не связанных с ООН (Williams & Bellamy, 2021).

Это было связано с тем, что после холодной войны ряд региональных организаций в Африке, например ЭКОВАС, видели в ООН не всегда эффективно реагирующего партнера в разрешении конфликтов на континенте, в связи с чем были вынуждены реализовывать миротворческую функцию самостоятельно, как в случае с Либерией, пережившей в течение 14 лет две гражданские войны (1989—2003 гг.). После подписания мирного соглашения в Котону (Бенин) при посредничестве ЭКОВАС в сентябре 1993 г. СБ ООН учредил

²³ M23 Rebel Fighters Enter the City of Goma in Eastern DR Congo — UN Spokesperson // Reliefweb. November 20, 2012. URL: <https://reliefweb.int/report/democratic-republic-congo/m23-rebel-fighters-enter-city-goma-eastern-dr-congo-%E2%80%93-un> (accessed: 13.06.2023).

миссию наблюдателей в Либерии (МООНЛ)²⁴ для поддержки Группы военных наблюдателей (ЭКОМОГ) в обеспечении соблюдения и беспристрастного выполнения соглашения всеми сторонами. Это был первый опыт сотрудничества «голубых касок» с миссией другой организации, хотя МООНЛ формально позиционировалась как отдельная и параллельная ЭКОМОГ миссия. Показательно, что численный «вес» миссий различался, причем не в пользу ООН. Однако ситуация начала меняться в конце 1990-х гг., когда ООН перешла от стратегии номинально ограниченного присутствия и параллельных действий к более широким и решительным операциям.

Во взаимодействии с региональными организациями ООН удалось де-факто закрепить механизм «разделения труда», который ранее складывался спонтанно и применялся *ad hoc*. В силу своей прямой заинтересованности первыми в процесс урегулирования на этапе купирования кровопролития включаются региональные организации, которые, по сути, обеспечивают достижение мирного соглашения. Затем наступает черед ООН, которая располагает гораздо большим потенциалом и базой для поддержания перемирия в рамках развертывания долгосрочной миротворческой операции. При этом местные контингенты, как правило, в дальнейшем переходят под эгиду ООН.

В отношениях с ЭКОВАС этап развертывания сил ООН наступал после создания необходимых для этого условий. Несмотря на значительный объем «первоначальной» работы по прекращению огня и достижению мирного соглашения в условиях жесткого кровопролития, ЭКОВАС оказался не в состоянии поддерживать полномасштабные долгосрочные миссии собственными силами из-за слабости миротворческого потенциала, отсутствия достаточного опыта и проблем, свойственных большинству региональных организаций, — перебоев с финансированием,

противоречий внутри руководства, недостаточно высокого уровня подготовки контингентов, проблем логистики и материально-технического обеспечения. Подобная модель «разделения труда» была применена в Сьерра-Леоне (МООНСЛ) в 1999 г., Либерии (МООНЛ) в 2003 г. и Кот-д'Ивуаре (ООНКИ) в 2004 г.

С момента создания Африканского союза в 2002 г. количество признанных ООН миссий сократилось и было заменено миссиями АС и других субрегиональных организаций, которые проводятся с разрешения Совета Безопасности ООН.

В-пятых, ООН периодически делегирует третьим сторонам свои полномочия на использование воинских подразделений от своего имени для установления мира и безопасности. Например, такие полномочия были даны Великобритании и Франции во время миротворческих миссий в Сьерра-Леоне и ДРК. Также Франция участвовала в миротворческой миссии в Кот-д'Ивуаре с 2004 г. при поддержке Совета Безопасности ООН. В итоге ООН не только сняла ограничения по применению силы собственными войсками, но и задействовала крупные государства в использовании оружия от своего имени.

В-шестых, важной особенностью миротворчества ООН в Африке является стремление увеличить долю женщин, участвующих в ОПМ. Считается, что это позволит повысить операционную эффективность миротворческих миссий. Данная задача была зафиксирована в повестке дня СБ ООН «Женщины, мир и безопасность» (ЖМБ), которая была единогласно одобрена резолюцией 1325 в 2000 г.²⁵

Достижение данной задачи заложило прочную основу для активизации партнерства ООН и АС, поскольку обе организации способствовали включению положений, обозначенных в повестке дня ЖМБ, в резолюции, дебаты и коммюнике. Так, например, только под эгидой ООН было принято 10 резолюций

²⁴ Миссия наблюдателей Организации Объединенных Наций в Либерии (МНООНЛ) // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/events/missions/past/liberia.htm> (дата обращения: 13.06.2023).

²⁵ Resolution 1325 (2000) Adopted by the Security Council at its 4213th meeting, on 31 October 2000 // United Nations. URL: [https://undocs.org/en/S/RES/1325\(2000\)](https://undocs.org/en/S/RES/1325(2000)) (accessed: 10.06.2023).

по данному вопросу²⁶. В 2014 г. АС назначил специального посланника по вопросам ЖМБ, а год спустя резолюция СБ ООН 2242²⁷

²⁶ См.: Resolution 1325 (2000) Adopted by the Security Council at its 4213th meeting, on 31 October 2000 // The United Nations. October 31, 2000. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/S_C_ResolutionWomenPeaceSecurity_SRES1325%282000%29%28english_0.pdf (accessed: 03.05.2023); Resolution 1820 (2008) Adopted by the Security Council at its 5916th meeting, on 19 June 2008 // The United Nations. June 19, 2008. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N08/391/44/PDF/N0839144.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 1888 (2009) Adopted by the Security Council at its 6195th meeting, on 30 September 2009 // The United Nations. September 30, 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/534/46/PDF/N0953446.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 1889 (2009) Adopted by the Security Council at its 6196th meeting, on 5 October 2009 // The United Nations. October 5, 2009. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/542/55/PDF/N0954255.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 1960 (2010) Adopted by the Security Council at its 6453rd meeting, on 16 December 2010 // The United Nations. December 16, 2010. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N10/698/34/PDF/N1069834.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 2106 (2013) Adopted by the Security Council at its 6984th meeting, on 24 June 2013 // The United Nations. June 24, 2013. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/372/15/PDF/N1337215.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 2122 (2013) Adopted by the Security Council at its 7044th meeting, on 18 October 2013 // The United Nations. October 18, 2013. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/523/44/PDF/N1352344.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 2242 (2015) Adopted by the Security Council at its 7533rd meeting, on 13 October 2015 // The United Nations. October 13, 2015. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/311/09/PDF/N1531109.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 2272 (2016) Adopted by the Security Council at its 7643rd meeting, on 11 March 2016 // The United Nations. March 11, 2016. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N16/069/25/PDF/N1606925.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023); Resolution 2467 (2019) Adopted by the Security Council at its 8514th meeting, on 23 April 2019 // The United Nations. April 23, 2019. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N19/118/28/PDF/N1911828.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023).

²⁷ Resolution 2242 (2015) Adopted by the Security Council at its 7533rd meeting, on 13 October 2015 // The United Nations. October 13, 2015. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N15/311/09/PDF/N1531109.pdf?OpenElement> (accessed: 03.05.2023).

призвала Генерального секретаря в сотрудничестве с государствами-членами пересмотреть стратегии, в которых предусмотрено удвоение числа женщин в составе военного и полицейского контингента миротворческих операций ООН к 2020 г. (Бокерия, 2022).

Согласно анализу количества женщин и мужчин, задействованных в 15 миротворческих миссиях с 2003 по 2023 г. в Африке, суммарное количество мужчин, участвующих в каждой из отмеченных операций, значительно превышает женский контингент (рис. 3). Наибольшая численность мужского персонала составила 2 214 778 человек (операция ЮНАМИД), в то время как наибольшая численность женщин в этой миссии не превышала 99 517 человек. Кроме того, в некоторых миссиях, в частности в ОНЮБ (Бурунди), МООНСЛ (Сьерра-Леоне) и МООНЭЭ (Эфиопия и Эритрея), женщины не представлены вовсе. Таким образом, миссии ООН с 2003 по 2023 г. можно разделить на два типа: смешанные, в которых представлены как мужчины, так и женщины, и мужские, в которых женщины отсутствуют (Бокерия, 2021).

Наконец, развернутые в Африке миротворческие операции ООН имеют самую высокую численность задействованных миротворцев, являются самыми дорогостоящими с точки зрения финансовых ресурсов и характеризуются высоким уровнем потерь. Наиболее дорогостоящей операцией является миссия в ДКР (МООНСДРК). Первоначальные расходы учрежденной в 2010 г. миссии были оценены в 1,369 млрд долл. США. По данным на июль 2021 г. — июнь 2022 г., бюджет данной операции составил 1,123 млрд долл. США (рис. 4). Финансовые расходы миссии варьировались от максимального показателя в 1,489 млрд долл. США до минимального в 1,018 млрд долл. США²⁸. Данные колебания объясняются изменением количественного состава миротворцев.

²⁸ Budget Performance for the Period from 1 July 2021 to 30 June 2022 and Proposed Budget for the Period from 1 July 2023 to 30 June 2024 for the United Nations Organization Stabilization Mission in the Democratic Republic of the Congo: Report of the Advisory Committee on Administrative and Budgetary Questions // UN Digital Library. 2023. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/4010453?ln=en> (accessed: 13.06.2023).

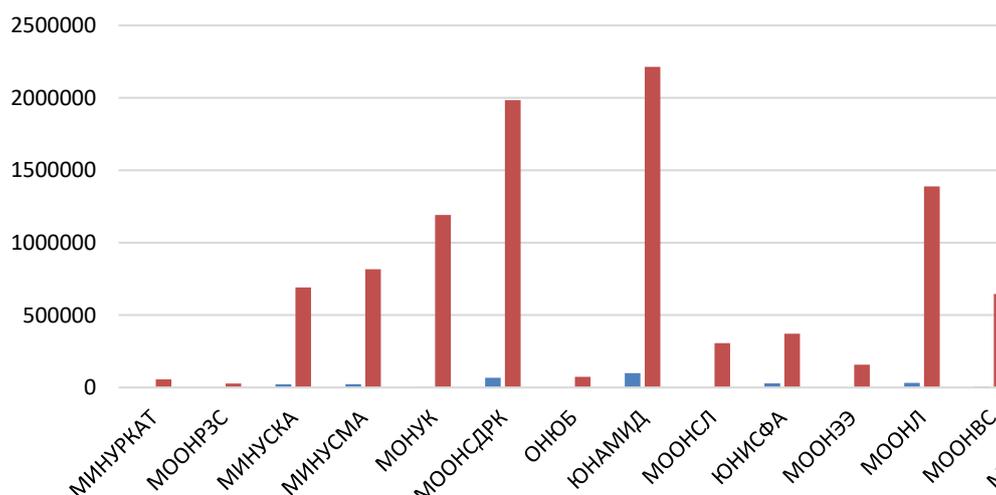

Рис. 3. Общая численность мужского и женского персонала операций ООН по поддержанию мира с 2003 по 2023 г.

Источник: составлено авторами на основе данных веб-сайта Операции ООН по поддержанию мира: Troop and Police Contributors // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/troop-and-police-contributors> (accessed: 12.06.2023).

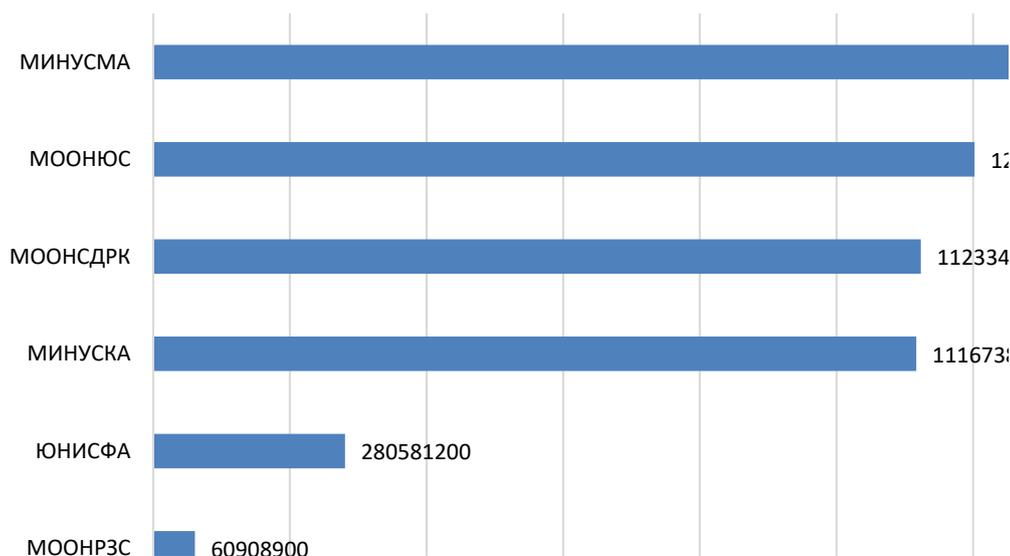

Рис. 4. Финансирование текущих миссий ООН в Африке в период с июля 2021 по июнь 2022 г., долл. США

Источник: составлено авторами на основе данных веб-сайта Операции ООН по поддержанию мира: Peacekeeping Operations // United Nations. URL: <https://www.unmissions.org/> (accessed: 10.06.2023).

По состоянию на июнь 2023 г. в ходе миротворческих операций погибло в общей сложности 4 314 миротворцев²⁹. Несмотря на то, что наибольшее количество погибших зарегистрировано во *Временных силах ООН в Ливане* (ВСООНЛ) — 330 человек, уровень

²⁹ Fatalities // UN Peacekeeping. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/fatalities> (accessed: 30.04.2023).

смертности в африканских миротворческих операциях ООН практически сопоставим с ВСООНЛ: МИНУСМА — 309 человек, ЮНАМИД — 295, МООНСДРК — 263, ОНУК — 249³⁰. По данным на май 2023 г., наибольшее число погибших миротворцев приходится на Индию (178), Пакистан (169) и

³⁰ Ibid.

Бангладеш (166), за ними следуют три африканские страны: Нигерия — 159, Гана — 150 и Эфиопия — 140 человек³¹.

Большинство миротворческих операций сталкивается со схожими проблемами — перегруженностью, неясностью и нереалистичностью мандатов, нестабильностью внутриполитической ситуации в самих государствах, наличием асимметричных угроз безопасности, которым подвергаются и сами «голубые каски», и проч. (Худайкулова, 2019). В некоторых операциях (например, в ДРК и Мали) наиболее серьезной проблемой стало отсутствие доверия местного населения к миротворцам ООН, которые, несмотря на свое длительное присутствие, оказались не в состоянии обеспечить защиту граждан от жестокости как незаконных вооруженных формирований, так и собственной власти. При этом здесь периодически вспыхивают акции протеста против присутствия международных сил ООН и нападения на объекты миротворческих миссий ООН.

Миротворческие операции, развернутые в Африке, далеко не всегда приводят к установлению устойчивого и стабильного мира и обычно заканчиваются прекращением огня и снижением напряженности. Разрешение глубинных противоречий в африканском обществе априори не подвластно третьим сторонам. Заключение мира — это все же прерогатива воюющих сторон, а миротворцы могут лишь поспособствовать этому.

Однако вопреки сложившимся стереотипам имеются примеры относительно успешного выполнения миротворцами своих функций и, как следствие, завершения операций. Как правило, речь идет о небольших миссиях, достигших в своей работе определенной стабилизации в зонах конфликта, которую можно измерить по невозобновлению гражданских войн и проведению демократических выборов.

Так, в 2014 г. завершила свой мандат *Объединенное представительство ООН*

³¹ Fatalities by Nationality and Mission up to 5/31/2023 // UN Peacekeeping. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/stats_by_nationality_mission_2_87_may_2023.pdf (accessed: 13.06.2023).

по миростроительству в Сьерра-Леоне (ОПООНМСЛ), действовавшее с 1 октября 2008 г. в составе 70 гражданских сотрудников для оказания содействия властям в продвижении процесса пересмотра конституции, обеспечения правопорядка и защиты прав человека³². Бывший Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун позиционировал миссию в Сьерра-Леоне как пример одного из самых успешных процессов постконфликтного восстановления, поддержания мира и миростроительства.

Присутствие ООН в Сьерра-Леоне в целом позволило разоружить 75 тыс. бывших боевиков, уничтожить более 42 тыс. единиц оружия и 1,2 млн патронов³³, активизировать борьбу с незаконной добычей алмазов, установить контроль над пострадавшими районами, организовать и провести первые в истории страны свободные и справедливые выборы, а также оказать помощь более чем 500 тыс. беженцам и внутренне перемещенным лицам. Показательно, что именно в Сьерра-Леоне ООН запустила множество новых инициатив и назначений — первую многоплановую миротворческую операцию ООН с мандатами в области политики, безопасности, гуманитарной помощи и национального восстановления, первого заместителя специального представителя ООН, первый визит Комиссии ООН по миростроительству (Bokeriya & Tijani, 2018).

В июне 2017 г. завершилась действовавшая с 2003 г. операция ООН в Кот-д'Ивуаре (ОООНКИ), мандат которой несколько раз продлевался, дорабатывался и расширялся. Результаты операции получили высокую оценку Генерального секретаря А. Гутерриша. Однако на протяжении всего периода работы миссии ее результативность оценивалась неоднозначно, особенно во время кризиса 2010—2011 гг., после которого начались

³² Closure of UNIPSIL // The UN Integrated Peacebuilding Office in Sierra Leone. URL: <https://unipsil.unmissions.org/> (accessed: 13.06.2023).

³³ Secretary-General Celebrates Peacebuilding 'Triumph' in Sierra Leone at Closing Ceremony of United Nations Integrated Office // Department of Public Information. March 5, 2014. URL: <https://press.un.org/en/2014/sgsm15686.doc.htm> (accessed: 02.06.2023).

сильнейшие беспорядки, повлекшие за собой многочисленные жертвы среди гражданского населения. Только после очередных президентских выборов в 2015 г. в стране наметилась позитивная динамика. В марте 2018 г. после проведения президентских выборов и мирной впервые за 70 лет передаче власти ОООНКИ завершилась. Новый лидер страны Джорджа Веа, сменивший на посту главы государства первую в истории Африки женщину-президента Элен Джонсон-Серлиф, высоко оценил роль ООН в проведении выборов.

Заключение

Выявление специфики миротворческой деятельности ООН в Африке (1960—2022 гг.) показывает, что миротворчество ООН эволюционировало от традиционных миссий наблюдателей к многокомпонентным и гибридным ОПМ, с тенденцией к расширению мандатов и включением в их перечень «нетипичных» для поддержания мира задач. Практика отхода от принципов классического миротворчества в ряде африканских миссий, сотрудничество с региональными организациями в проведении операций по поддержанию мира в Африке (в частности с АС и ЭКОВАС), делегирование полномочий третьим сторонам, стремление удвоить число

женщин-миротворцев отражают не только цели и задачи ООН по разработке эффективной стратегии разрешения конфликтов в Африке, но и готовность адаптироваться к быстро меняющейся динамике африканских кризисов.

Несмотря на достигнутые успехи ООН в африканском миротворчестве, большинство миссий продолжают сталкиваться со схожими проблемами, среди которых перегруженность, нечеткие и нереалистичные мандаты, нестабильная внутривнутриполитическая ситуация в самих государствах, наличие асимметричных угроз безопасности «голубых касок», сексуальное насилие в условиях конфликта и др.

В последние годы увеличилось число миротворческих миссий, проводимых не ООН, а АС, ЭКОВАС и другими организациями. ООН делегирует крупномасштабные миротворческие функции региональным организациям и механизмам. Там, где региональные организации и альянсы проводят более активное «миротворчество», миссии ООН развертываются для наблюдения за «миротворцами», а также воюющими сторонами. Современные миссии наблюдателей ООН также все больше склоняются к специализации, особенно в области полицейской и контртеррористической деятельности.

Поступила в редакцию / Received: 23.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 10.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х.* «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // *Проблемы национальной стратегии*. 2022. № 2. С. 76—101.
- Бокерия С. А.* Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // *Вестник международных организаций*. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Бокерия С. А.* Участие африканских женщин в операциях по поддержанию мира Организации Объединенных Наций // *Женщины во власти, бизнесе, науке и культуре: сборник материалов Международной научной конференции, Ярославль, 26 февраля — 3 марта 2021 года / отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль: Филигрань, 2021. С. 13—16.*
- Дейч Т. Л.* Как погасить огонь в горячих точках Африки // *Азия и Африка сегодня*. 2005. № 12. С. 20—26.
- Загорский А. В.* Миротворчество и международное управление региональной безопасностью. Москва: ИМЭМО РАН, 2015.
- Заемский В. Ф.* Механизмы ооновского миротворчества // *Международная жизнь*. 2004. № 7—8. С. 198—211.
- Костелянец С. В., Ткаченко А. А., Дейч Т. Л., Исмаилова Р. Н.* Разрешение военно-политических конфликтов в Африке: роль региональных организаций. Москва: Институт Африки РАН, 2017.
- Ларионова М. В.* Десятилетия развития ООН (1961—2000 гг.): эволюция систем оценки в контексте теорий развития // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 1. С. 170—183. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2020-20-1-170-183>

- Лутвинов В. И., Морозов Ю. В. Предотвращение и урегулирование конфликтов посредством миротворческой деятельности // Военная мысль. 2001. № 1. С. 12—17.
- Никитин А. И. Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60, № 3. С. 16—26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26>
- Сидорова Г. М. Военные конфликты в Демократической Республике Конго на рубеже XX—XXI веков и их особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 2 (20). С. 81—89. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2011.2.11>
- Тишков С. А. Гражданская полиция ООН // Обозреватель. 2011. № 2 (253). С. 107—114.
- Худайкулова А. В. Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 4. С. 109—126. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-109-126>
- Худайкулова А. В. Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций? // Международные процессы. 2016. Т. 14, № 4 (47). С. 67—79. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5>
- Шамаров П. В. Эффект политико-правовой аберрации международного миротворчества: причины, сущность и значение // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 4 (179). С. 38—43.
- Adebayo A. Building Peace in West Africa: Liberia, Sierra-Leone and Guinea-Bissau. London : Lynne Rienner Publishers, 2002.
- Berg A., Bjarnegård E. Dissecting Gender Imbalance: A Horizontal Perspective on When Risk Matters for the Assignment of Women to UN Peacekeeping Missions // Res Militaris. 2016. No. 2. P. 1—14.
- Bokeriya S. A., Tijani M. A. Mandates in the Success of a Peacekeeping Missions: A Case Study of Liberia // Азия и Африка сегодня. 2018. № 7. С. 47—52. <https://doi.org/10.31857/S032150750000098-9>
- Chopra J. Introducing Peace-Maintenance // Global Governance. 1998. Vol. 4, no. 1. P. 1—18.
- De Coning C. Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // United Nations Peace Operations in a Changing Global Order / ed. by C. de Coning, M. Peter. Cham : Palgrave Macmillan, 2019 P. 213—229. http://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_11
- Denisova T. S. Post-colonial Tropical Africa: Tenets of Political Leadership // Leadership and Power in Africa in the Past and the Present: Studies in Russia, Tanzania and Beyond / ed. by D. M. Bondarenko. Moscow : Institute for African Studies, 2022. P. 114—115.
- Forti D., Singh P. Toward a More Effective UN — AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management. New York : International Peace Institute and Institute for Security Studies, 2019.
- Hegre H., Hultman L., Nygård H. Evaluating the Conflict-reducing Effect of UN Peacekeeping Operations // The Journal of Politics. 2019. Vol. 81, no. 1. P. 215—232.
- Kreft A.-K. The Gender Mainstreaming Gap: Security Council Resolution 1325 and UN Peacekeeping Mandates // International Peacekeeping. 2017. Vol. 24, no. 1. P. 132—158. <http://dx.doi.org/10.1080/13533312.2016.1195267>
- Nigeria's Peacekeeping Efforts Outside Africa, 1960—2005. A Broad Overview in Nigeria and the UN Security Council / ed. by J. G. Sanda, B. A. Akinterinwa. Ibadan : Vantage Publishers, 2005.
- Olonisakin F. UN Cooperation with Regional Organisations in Peacekeeping: The Experiences of ECOMOG and UNMIL in Liberia // International Peacekeeping. 1996. Vol. 3, no. 3. P. 33—51.
- Oniore J. O. Intergovernmental Organization and Philosophy of Development // Journal of International Affairs. 2008. Vol. 8. P. 23—35.
- Tidblad-Lundholm K. When Are Women Deployed? Operational Uncertainty and Deployment of Female Personnel to UN Peacekeeping // International Peacekeeping. 2020. Vol. 27, no. 4. P. 673—702. <https://doi.org/10.1080/13533312.2020.1760717>
- Tull D. The Limits and Unintended Consequences of UN Peace Enforcement: The Force Intervention Brigade in the DR Congo // International Peacekeeping. 2018. Vol. 25, no. 2. P. 167—190. <https://doi.org/10.1080/13533312.2017.1360139>
- Williams P. D., Bellamy A. J. Understanding Peacekeeping. Cambridge : Polity Press, 2021.

Сведения об авторах: Бокерия Светлана Александровна — кандидат юридических наук, доцент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-9052-4363; e-mail: bokeria-sa@rudn.ru

Худайкулова Александра Викторовна — кандидат политических наук, доцент, кафедра прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; ORCID: 0000-0003-0680-9321; e-mail: alexandra_77@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-451-465

EDN: FQDWAU

Научная статья / Research article

«Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций

Т.С. Денисова , С.В. Костелянец

Институт Африки РАН, Москва, Российская Федерация

 tsden@hotmail.com

Аннотация. В течение всего периода постколониального развития Африканский континент сталкивался со множеством проблем — от социально-экономических кризисов до политической нестабильности и подъема терроризма. Отсутствие безопасности, остающееся для африканцев источником постоянного беспокойства, а также постепенный отход мирового сообщества, прежде всего Организации Объединенных Наций (ООН), от вооруженного вмешательства в разрешение военных конфликтов еще в 1990-е гг. привели к формированию концепции, получившей название «Африканским проблемам — африканские решения». Эта формулировка, отражающая решимость африканцев решать свои проблемы без участия внешних игроков, стала предметом их гордости, однако возможность и способность жителей континента к реализации этой «решимости» пока вызывают оправданные сомнения по ряду причин, рассматриваемых в данной статье. Идея «африканского решения африканских проблем» в настоящее время стала главным принципом, определяющим уровень и характер миротворческой деятельности Африканского союза (АС) и региональных объединений, словесная приверженность этой максиме государств — членов АС отмечается во многих трудах российских и зарубежных исследователей. Однако комплексный анализ причин неудачного воплощения указанной концепции в жизнь российскими исследователями проведен не был, и данная работа нацелена на восполнение этого пробела. На конкретных примерах рассматриваются попытки африканского сообщества самостоятельно решать свои проблемы в сфере безопасности. Проведенное исследование позволяет утверждать, что Африканский континент, прежде всего в силу его недостаточной интеграции и отсутствия консенсуса по ряду вопросов политического развития и обеспечения безопасности, пока не готов осуществлять полноценные миротворческие операции без внешней поддержки. Постепенное обретение соответствующего опыта, преодоление экономической зависимости от Запада и диверсификация внешней политики будут способствовать подведению прочного основания под идею «африканского решения африканских проблем».

Ключевые слова: Африка, Африканские решения африканских проблем, миротворчество, интеграция, Африканский союз, региональные объединения

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783).

© Денисова Т.С., Костелянец С.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Денисова Т. С., Костелянец С. В. «Африканским проблемам — африканские решения»: миротворчество в деятельности Африканского союза и африканских региональных организаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 451—465. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-451-465>

African Solutions to African Problems: Peacekeeping Efforts of the African Union and African Regional Organizations

Tatyana S. Denisova , Sergey V. Kostelyanets

Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
[✉tsden@hotmail.com](mailto:tsden@hotmail.com)

Abstract. In the course of its postcolonial development, the African continent has faced many challenges, ranging from socio-economic crises to political instability and the proliferation of terrorism. The lack of security, which remains a source of constant concern for Africans, and the gradual disengagement of the international community, primarily the United Nations (UN), from armed involvement in the resolution of military conflicts on the continent in the 1990s, led to the emergence of the concept of “African solutions to African problems.” The phrase, which reflects the determination of Africans to solve their problems without the participation of external actors, has become a source of their pride; however, the possibility and ability of the inhabitants of the continent to implement this approach still raises justified doubts for a number of reasons that are to be discussed in this paper. The concept of “African solutions to African problems” has now become the main principle that determines the level and nature of the peacekeeping activities of the African Union (AU) and African regional blocs; the verbal adherence of the AU member states to this maxim has been noted by many Russian and foreign researchers. However, a comprehensive analysis of the reasons for the unsuccessful implementation of this concept has not yet been carried out by Russian scholars, so the present article aims to fill this gap. In particular, the paper examines attempts of Africans to solve their problems in the field of security independently. The study allows us to claim that the African continent, primarily due to its insufficient integration and lack of consensus on a number of issues of political development and security, is not yet ready to carry out full-fledged peacekeeping operations without external support, although the gradual acquisition of relevant experience, the decrease in economic dependence on the West, and the diversification of foreign policy will contribute to laying a solid foundation for the idea of “African solutions to African problems.”

Key words: Africa, African solutions to African problems, peacemaking, peacekeeping, integration, African Union, Regional Economic Communities

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contribution. The authors made an equal contribution to the design, research, and drafting of the final article.

Acknowledgements. The article was prepared within the framework of the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” (No. 075-15-2020-783), supported by the grant of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation “Program for research projects in priority areas of scientific and technological development”.

For citation: Denisova, T. S., & Kostelyanets, S. V. (2023). African solutions to African problems: Peacekeeping efforts of the African Union and African regional organizations. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 451—465. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-451-465>

Введение

Концепции «Африканским проблемам — африканские решения» (АП — AP) и вопросам ее практической реализации посвящено

немало работ¹ зарубежных авторов (Mays, 2003; Botei, 2015; Lobakeng, 2017; De Coning,

¹ См.: Ekott I. Africa: The AU's Funding Woes Continue // AllAfrica. January 18, 2017. URL: <https://allafrica.com/stories/201701200093.html> (accessed: 22.04.2023);

2019; Oyeniya, 2019; Gardachew, 2021), трактующих эту идею как невозможную к воплощению в жизнь по крайней мере в ближайшие десятилетия. В свою очередь, российские² исследователи (Усов, 2010; Шагалов, 2011; Ютяева, 2022; Худайкулова, 2023; Вокерия, 2021; Бокерия, 2022), указывая на слабые стороны этого принципа, лежащего в основании Афросоюза, проявляют, тем не менее, больше оптимизма в том, что касается способности африканцев самостоятельно решать свои проблемы.

Идея АП — АР касается широкого круга вопросов, в том числе развития экономики, образования, здравоохранения и т. д., но чаще всего применяется к проблемам преодоления на континенте военно-политических кризисов. Геноцид 1994 г. в Руанде, от вмешательства в события которого Запад по сути отстранился, стимулировал формирование в конце 1990-х — начале 2000-х гг. Африканской архитектуры мира и безопасности (ААМБ) и радикальный переход политики «коллективной Африки» от «невмешательства» и «уважения суверенитета» конкретной страны к «небезразличию» на фоне все того же уважения суверенитета, хотя и с оговорками. Это стало своего рода прорывом в реакции африканских лидеров на дела континента. Кроме того, после руандийского геноцида африканцы начали проявлять все больше решимости «положить конец» зависимости от ООН в бедственных ситуациях. Идея АП — АР также стала выражением противодействия западным решениям африканских проблем.

С использованием комплексного подхода к рассматриваемым процессам и явлениям,

Forti D., Singh P. *Toward a More Effective UN — AU Partnership on Conflict Prevention and Crisis Management* // International Peace Institute and Institute for Security Studies. October 2019. URL: https://www.ipinst.org/wp-content/uploads/2019/10/1910_UN-AU_Partnership-1.pdf (accessed: 21.04.2023).

² Корендясов Е. Саммит Африканского союза — больше протокола, чем реальных решений // Российский совет по международным делам. 30.06.2015. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sammit-afrikanskogo-soyuza-bolshe-protokola-chem-realitykh-re/> (accessed: 22.04.2023).

а также принципов сравнительного анализа данных и критической оценки информации в статье рассматриваются попытки Африканского союза (АС) и африканских региональных организаций самостоятельно, в контексте АП — АР, решать проблемы безопасности на континенте.

Возникновение концепции АП — АР

Хотя появление максимы АП — АР принято относить к 1990-м гг., ее истоки можно проследить до конца 1950-х — начала 1960-х гг. — периода продвижения первым лидером независимой Ганы Кваме Нкрумой идей panaфриканизма и возникновения такого понятия, как «африканская интеграция». В результате этих процессов в 1963 г. была создана Организация африканского единства (ОАЕ), главными заявленными целями которой стали освобождение африканских государств от колониальной зависимости, а также обеспечение коллективной поддержки их суверенитета и безопасности граждан. Однако страны континента в то время были разобщены по многим линиям: сказывались экономическая и военно-политическая зависимость от «своих» бывших метрополий, разный уровень социально-экономического развития недавних колоний, а стремление к объединению наталкивалось на территориальные споры, межэтнические и межконфессиональные противоречия и амбиции национальных лидеров.

Участие ОАЕ в миротворческой деятельности было минимальным: за время своего 36-летнего существования она провела всего три операции по поддержанию мира — две в Чаде и одну — в Руанде. Конфликт между Чадом и Ливией в 1981 г. наделил ОАЕ первым миротворческим опытом, оказавшимся неудачным из-за нехватки средств, слабой экипировки контингентов и отсутствия консенсуса в принятии решений (Sesay, 1991). Подобные проблемы сопровождали и две другие миротворческие попытки.

Отчасти провал или лишь ограниченный успех миссий был связан с тем, что Хартия (Устав) ОАЕ не содержала положений, регулировавших использование военной силы как

инструмента разрешения конфликтов. Отсутствие пунктов о коллективном вмешательстве объяснялось приверженностью ценностям, приписывавшимся невмешательству, которое добросовестно соблюдалось государствами — членами организации. Вместо этого Хартия предлагала различные традиционные способы преодоления кризисов: переговоры, посредничество, арбитраж, примирение и др.³

Лишь через 30 лет после образования, в 1993 г., ОАЕ приступила к созданию механизма по предотвращению, регулированию и разрешению конфликтов, но так и не отступила от принципа невмешательства: страны из всех сил защищали с трудом завоеванный суверенитет. Даже когда конфликты уносили тысячи жизней, организация не вмешивалась военными средствами. Кроме того, сохранялась надежда на то, что по крайней мере Совет Безопасности (СБ) ООН примет «правильное» решение и профинансирует отправку на континент очередной миротворческой миссии.

В первые постколониальные десятилетия, как, впрочем, и позже, и глобальный контекст, и условия, в которых происходило становление африканских наций, быстро менялись. Изменения включали, но не ограничивались демократизацией политических систем, распространением религиозного и этнического экстремизма, сепаратизма и, как следствие, военно-политических конфликтов. Со временем африканские лидеры пришли к заключению, что ОАЕ в том виде, в каком она была создана, не могла надлежащим образом решать новые проблемы, прежде всего по поддержанию мира и безопасности, борьбе с терроризмом, экономическим неокOLONIALИЗМом, природными катаклизмами, позже — с эпидемиями и т. д. Вместе с тем реакция мирового сообщества на геноцид в Руанде, а также отказ Соединенных Штатов от вмешательства в события Первой гражданской войны (1989—1997 гг.) в Либерии, с которой Вашингтон имел тесные исторические связи,

наряду с рядом других факторов (например, с хищнической эксплуатацией природных и человеческих ресурсов континента) побудили африканских лидеров вернуться к идеям более глубокой интеграции. Таким образом, подспудное стремление к самостоятельному решению собственных проблем обрело новые очертания и вылилось в концепцию АП — АР, сформулированную, по одной из версий, в середине 1990-х гг. известным ганским экономистом Джорджем Айтти (1945—2022 гг.)⁴.

Позже западные исследователи конкретизировали идею. Так, по мнению Д. Бесвик, в соответствии с этой идеей правительства ряда африканских стран изменили свою политику в отношении разрешения африканских конфликтов и решили, что должны играть ведущую роль в реагировании на них (Beswick, 2010, p. 741). В свою очередь С. Клингебель (Klingebliel, 2005) и О. Бакман (Bachmann, 2011, p. 4) полагают, что готовность внешних игроков к военному вмешательству в африканские конфликты будет снижаться, поэтому АП — АР становится неизбежной и долгосрочной тенденцией.

В целом факторы, способствовавшие появлению и распространению в 1990-е гг. и позже идеи АП — АР, можно суммировать таким образом:

- недовольство африканских лидеров степенью влияния внешних игроков на дела континента;
- стремление африканцев принять на себя ответственность за разрешение военно-политических кризисов;
- безусловно бóльшая, нежели у «чужаков», осведомленность африканцев о делах континента в целом и динамике локальных конфликтов в частности;
- налаживание более тесных связей между африканскими государствами в рамках миротворчества;
- очевидная заинтересованность Запада в использовании своего военного вмешатель-

³ OAU Charter // African Union. URL: https://au.int/sites/default/files/treaties/7759-file-oau_charter_1963.pdf (accessed: 22.04.2023).

⁴ 18 September 2008: African Solutions to African Problems // Institute for Security Studies. September 18, 2008. <https://issafrica.org/iss-today/african-solutions-to-african-problems> (accessed: 22.04.2023).

ства для расширения доступа к природным ресурсам континента и сохранения у власти лояльных ему лидеров. Последнее отчетливо проявилось, например, в стремлении Бельгии, Франции и США продлить различными экономическими и военными средствами правление (1971—1997 гг.) в Демократической Республике Конго (ДРК, тогда Заир) последовательного «антикоммуниста» Мобуту Сесе Секо, несмотря на высокий уровень коррумпированности и репрессивности его режима (Lobakeng, 2017, p. 2).

Существует также фактор «географической близости» к очагу конфликта, которая, впрочем, не всегда способствует его урегулированию, тем самым подрывая саму идею АП — АР: соседняя страна может поддерживать «не ту» сторону (например, повстанцев) в конфликте, еще больше дестабилизируя ситуацию. Хронологически забегая вперед, в качестве примера можно привести участие Чада в разрешении конфликта, начавшегося в 2012 г. в Центральноафриканской Республике (ЦАР): солдаты чадского контингента Многонациональных сил АС в Центральной Африке (МИСКА) не только поддерживали «деловые» контакты с центральноафриканскими повстанческими группировками, в том числе с исламистской «Селекой», и совершали военные преступления (Brosig, 2014, p. 18), но и, практикуя контрабанду, браконьерство, незаконную добычу золота и алмазов и т. д., способствовали эскалации конфликта (Денисова, Костелянец, 2019). Можно также упомянуть Руанду, вмешательство которой в ситуацию на востоке ДРК подрывает стабильность не только в этой стране, но и в районе Великих Африканских озер в целом (Денисова, Костелянец, 2023), что можно было бы назвать «созданием африканцами собственных проблем». Следует также отметить, что африканские государства нередко именно в одностороннем порядке, а не совместно с другими странами присваивают себе полномочия «миротворцев» в целях повышения своего авторитета на международной арене и привлечения доноров.

Создание Африканского союза и попытки реализации им идеи АП — АР

Одновременно с распространением этой концепции в полной мере проявилась и необходимость замены ОАЕ более эффективным органом. В результате на саммите глав африканских государств в Дурбане (ЮАР) в июле 2002 г. было объявлено о создании Африканского союза, заменившего ОАЕ, и решено сформировать в рамках АС Совет мира и безопасности (СМБ). Концепция АП — АР легла в основу деятельности Афросоюза, что отражено в Учредительном акте АС и Протоколе о создании СМБ, так как именно в этой сфере самостоятельность особенно важна (Majinge, 2010, p. 470).

Хартия АС предоставила СМБ мандат на вмешательство в дела других государств в серьезных обстоятельствах — в случаях военных преступлений, геноцида и осуществления преступлений против человечности. В феврале 2003 г. на очередном саммите в Аддис-Абебе был принят ряд поправок, в частности предусматривавших право Афросоюза вмешиваться во внутренние дела государств-членов лишь в случае возникновения там угрозы законному правительству, а также для восстановления в них мира и стабильности (Botei, 2015, p. 41). То есть мандат АС остается «ограниченным», а необходимость каждый раз доказывать наличие военных преступлений и др. способствует сохранению в отдельных странах «культуры безнаказанности», что нередко превращает Афросоюз в молчаливого свидетеля насилия.

Тем не менее АС является единственной в мире международной организацией, обладающей правом вмешиваться в дела своих государств-членов в случае возникновения там чрезвычайных обстоятельств. Адаптация принципа «неравнодушия» свидетельствует о твердости намерений и осознании того, что конфликты и отсутствие безопасности представляют собой серьезные препятствия на пути социально-экономического развития. Однако приходится признать, что механизмы предотвращения и разрешения конфликтов остаются недостаточно эффективными.

В 2010-е гг. АС провел ряд исследований, направленных на выявление характера реформ, необходимых для реализации задач, соответствующих АП — АР, согласованных в 2013 г. (к 50-летию создания ОАЕ) и утвержденных в 2015 г. в «Повестке дня на период до 2063 г.» (Африка — 2063) — документе, ставшем «руководящей концепцией развития Африки»⁵. «Повестка», разработанная совместно Комиссией Африканского союза (КАС), Агентством планирования и координации «Нового партнерства для развития Африки» (НЕПАД), Африканским банком развития (АфБР) и Экономической комиссией ООН (ЭКА ООН) для Африки, представляет собой скользящий план, который выполняется на трех уровнях — национальном, региональном и континентальном — и представляет собой долгосрочную траекторию развития Африки.

В 2015 г. Афросоюзом был принят первый 10-летний план реализации «Повестки дня на период до 2063 г.», в котором также содержался пункт, призывающий «к 2020 г. положить конец всем войнам в Африке»⁶, который, как приходится признать, выполнен не был. При общем уменьшении числа масштабных кровопролитных столкновений количество вялотекущих конфликтов и локальных вооруженных противостояний (в ДРК, Дарфуре, ЦАР, Нигерии, Эфиопии и других странах) даже растет.

Географический охват, общая численность и состав населения входящих в него стран делают АС самой крупной и многообразной международной организацией в мире. Вместе с тем именно эти параметры создают многочисленные проблемы, препятствующие эффективному выполнению Афросоюзом его объединительной миссии. Среди них —

сложность структуры, слабая координация и соперничество между отдельными органами Союза за доступ к финансовым ресурсам; нехватка — при большом разнообразии задач и направлений деятельности — квалифицированного управленческого и технического персонала; финансовая зависимость от внешних партнеров, прежде всего Европейского союза (ЕС); ограниченность координации и отсутствие механизмов взаимодействия между АС и региональными экономическими сообществами (РЭС).

Несмотря на перечисленные выше проблемы, идея АП — АР, возникшая отчасти под влиянием той точки зрения, что внешние военные интервенции даже под эгидой ООН, как правило, приводят к расширению политического влияния неафриканцев и создают дополнительные проблемы для континента (Mays, 2003), стала убедительной максимой АС — эмоциональным призывом, нашедшим широкий отклик у правительств и гражданских обществ. Идея была воплощена в структуре Африканской архитектуры мира и безопасности, включающей, кроме СМБ, Группу мудрецов, Континентальную систему раннего предупреждения (КСРП), Фонд мира и Африканские резервные силы (АРС). Последние состоят из пяти региональных группировок — Северной, Южной, Восточной, Западной и Центральной в соответствии с региональным разделением континента. В функции АРС входят мониторинг ситуации в зоне нестабильности, превентивное развертывание в случае роста напряженности, оказание гуманитарной помощи, силовое вмешательство в случае обострения обстановки и др. (Bachmann, 2011, p. 12).

Следует отметить, однако, что реалии препятствуют применению принципа региональности. Например, исламистская террористическая группировка Западноафриканская провинция «Исламского государства»⁷ проводит операции в Нигерии, Нигере, Чаде, Камеруне, Мали и других странах, таким образом бросая вызов географической конструкции АРС и их действиям.

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁵ Послание Генерального секретаря ООН по случаю Дня Африки (25 мая 2018 г.) // Организация Объединенных Наций в Российской Федерации. URL: <http://www.unrussia.ru/ru/un-in-russia/news/2018-05-30> (дата обращения: 22.04.2023).

⁶ Agenda 2063. The Africa We Want (Draft Document) // African Union Commission. 2014. P. 18. URL: https://www.iri.edu.ar/publicaciones_iri/anuario/anuario_2015/Africa/30-NEPAD.pdf (accessed: 22.04.2023).

Первыми практическими воплощениями Афросоюзом идеи АП — АР в сфере безопасности стали миротворческие миссии в Бурунди (АМИБ, 2003 г.), где войска АС смогли стабилизировать ситуацию на значительной части территории (Худайкулова, 2023, с. 344), а также в Судане (АМИС). Последняя была размещена в охваченном конфликтом Дарфуре в 2004 г. в соответствии с Соглашением по прекращению огня, подписанным в Нджамене (Чад) 8 апреля 2004 г. В те годы АС лишь пытался адаптировать принятый им на вооружение принцип «ответственности за защиту», и эффективность миссий была невысокой.

В частности, задачи АМИС — защита мирных граждан, охрана лагерей перемещенных лиц и беженцев, мониторинг выполнения сторонами пунктов Соглашения — были неосуществимы, так как не было создано условий для проведения операции: подписание документа не сопровождалось ни созданием карты районов, контролировавшихся вооруженными силами сторон, ни определением направлений передислокации этих сил, что делало почти невозможным отслеживание прекращения огня, и т. д. Деятельность АМИС способствовала некоторой стабилизации обстановки в отдельных районах Дарфура, однако фонды миссии стали быстро таять и вскоре войска остались не только без средств, но и без продовольствия и горючего.

Ошибкой лидеров АС был расчет на западных доноров: предполагалось, что Африка предоставит воинские контингенты, а Запад — необходимые средства и оборудование. Однако эти надежды не оправдались, и в 2005 г., когда уровень насилия в Дарфуре заметно снизился (после пика 2003—2004 гг.), на Западе началась кампания по замещению АМИС миссией ООН, хотя определенные успехи, достигнутые АС, напротив, должны были бы побудить Совет Безопасности ООН усилить миссию, а не сместить ее. Тем не менее в марте 2005 г. была учреждена Миссия ООН в Судане (МООНВС), призванная координировать свои действия с АМИС: в качестве обоснования гибридной операции АС — ООН послужило то обстоятельство, что

Афросоюз ранее не проводил операций по поддержанию мира такой сложности, какая была необходима в Дарфуре. 12 марта 2006 г. СМБ АС принял решение о передаче АМИС под эгиду ООН, 31 августа 2006 г. СБ ООН принял резолюцию о вводе в Дарфур международного контингента, а в июле 2007 г. был утвержден состав гибридной Смешанной операции Африканского Союза — Организации Объединенных Наций в Дарфуре (ЮНАМИД)⁸.

Передача полномочий от АМИС к ЮНАМИД произошла в то время, когда ситуация в регионе несколько стабилизировалась. То есть африканским контингентам пришлось проделать тяжелую работу, прежде чем передать ООН руководство миссией. В свою очередь, сторонники (в том числе из числа дарфурцев) размещения ооновских контингентов верили, что появление международных миротворцев приведет к снижению насилия, так как предполагалось, что это будет лучше экипированная и вооруженная сила, нежели АМИС. Однако в известном смысле ЮНАМИД не избежала участи миссии АС и не получила ни достаточного финансирования, ни оборудования, ни транспортных средств. По сути, объединение сил двух миссий вылилось в переокраску зеленых беретов солдат АС в голубые, при этом некоторые военнослужащие просто натягивали на береты голубые пластиковые пакеты. Надежды на быстрое — к концу 2008 г. — развертывание ЮНАМИД также не оправдались: лишь к концу 2010 г. миссия, наконец, смогла почти полностью развернуться в тех параметрах и пропорциях, которые были предусмотрены первоначальным планом. Однако ее деятельности по-прежнему препятствовали недоверие к африканским контингентам со стороны ООН и двойная подотчетность руководства миссии.

Поскольку Дарфурский конфликт, вспыхнувший в начале 2000-х гг., до сих пор не разрешен, можно признать неэффективной

⁸ Sudan Warns West of 'Iraq-Style Disaster' in Darfur // *The Guardian*. March 12, 2008. URL: <https://www.theguardian.com/world/2008/mar/12/sudan> (accessed: 22.04.2023).

деятельность всех последовательно действовавших в регионе миротворческих миссий, в том числе первую попытку самостоятельного решения АС «африканской проблемы». Однако и присутствие контингентов ООН не способствовало заметной стабилизации обстановки в регионе: насилие возникало, как только миротворцы покидали места дислокации.

Между тем, несмотря на недостатки и провалы в деятельности АМИС, АС извлек из нее определенные уроки и несколько изменил тактику, формируя (в отличие от ООН) миротворческие миссии на начальной стадии конфликта — до подписания мирного соглашения. Так, миротворческая миссия АС в Сомали (АМИСОМ) была развернута в этой стране в январе 2007 г. в условиях, когда террористическая группировка «Аш-Шабаб» контролировала значительные части сомалийской территории. Войска миссии провели ряд крупных наступательных операций и вытеснили террористов из основных населенных пунктов в южной и центральной частях страны, решили ряд задач по обеспечению населения продовольствием и продуктами питания. Хотя АМИСОМ не смогла добиться этих успехов самостоятельно — потребовалось финансирование со стороны ЕС, Лиги арабских государств и отдельных стран-доноров (США, Великобритании, Италии, Швеции, Китая) (Худайкулова, 2023, с. 349), эту миссию можно считать первым позитивным примером реализации концепции АП — АР.

Опыт АМИБ, АМИС и АМИСОМ показал, что АС способен самостоятельно, без внешней поддержки, хотя бы частично снижать как вооруженным путем, так и отвлекающими маневрами (переговоры, усмирения, угрозы и т. д.) накал конфликта, но нехватка средств (на долю африканских государств приходится лишь 2 % расходов на миротворческие инициативы Афросоюза) и опытных посредников до сих пор не позволяла ему добиваться реальных успехов в миротворческой деятельности. Важным препятствием на пути реализации концепции АП — АР остается и обычное отсутствие консенсуса при принятии лидерами АС ответственных решений.

Так, в 2010 г., после проведения в Кот-д'Ивуаре президентских выборов и отказа президента Л. Гбагбо передать власть Алаассану Уаттаре, страна оказалась охваченной военно-политическим кризисом, создавшим для АС очередную возможность продемонстрировать свою способность решать африканские проблемы. Между тем Афросоюз принял меры, которые не только не привели к разрешению конфликта, но и вызвали недоумение африканской общественности: полномочиями посредников были наделены сначала бывший президент ЮАР Табо Мбеки, затем премьер-министр Кении Р. Одинга. Первый незадолго до этого потерпел неудачу в урегулировании кризиса 2008 г. в Зимбабве, второй — публично принял сторону А. Уаттары, нарушив тем самым принцип нейтральности, обязательный при посредничестве. Формирование так называемой Группы высокого уровня по Кот-д'Ивуару с участием президентов Буркина-Фасо, Мавритании, Танзании, Чада и ЮАР также не привело к позитивным результатам, как и вмешательство Экономического сообщества стран Западной Африки (ЭКОВАС), по запросу которого Советом Безопасности ООН была создана миротворческая Операция ООН в Кот-д'Ивуаре (ОООНКИ) «для защиты жизни и собственности граждан, а также обеспечения немедленной передачи власти» (Lobakeng, 2017, p. 3).

Когда в начале 2010-х гг. в Северной Африке «вспыхнула» «арабская весна», именно АС в силу своих полномочий должен был оказаться в авангарде поиска решений возникших проблем. Однако кроме риторики в арсенале организации, подошедшей в то время к почти 10-летию юбилею своей деятельности, не оказалось необходимых инструментов для преодоления кризисов. Прежде всего, это касается событий 2011 г. в Ливии (восстания против режима Муаммара Каддафи), требовавших вооруженной интервенции. В феврале того же года СМБ АС издал коммюнике, в котором изложил свое намерение направить в страну миротворческую миссию⁹, однако, пока она готовилась,

⁹ Dewaal A. The African Union and the Libya Conflict of 2011 // World Peace Foundation. December 19, 2012.

СБ ООН принял резолюцию 1970, предполагающую вмешательство в ливийский кризис западных стран¹⁰, причем за нее проголосовали ЮАР и Нигерия, которые могли бы поддержать и пролоббировать «африканское решение», но пошли на поводу у собственных интересов.

Голосование свидетельствовало о разногласиях в СМБ. По ливийскому вопросу различались позиции даже двух временных африканских членов СБ ООН: Нигерия настаивала на смещении М. Каддафи военными средствами (чему противостояла ЮАР) и 23 августа 2011 г. раньше других стран признала Переходный национальный совет (ПНС) Ливии¹¹, пришедший к власти после отстранения М. Каддафи. Многими государствами — членами АС это было воспринято в качестве «преждевременной и односторонней» акции Абуджи (Agbu et al., 2013, p. 3). Надо сказать, что признание Нигерией ПНС было вызвано ее обидами на неоднократные призывы М. Каддафи разделить страну на две части — христианскую и мусульманскую (Kasajja, 2013, p. 131), поэтому в ответ на недовольство большинства членов АС тогдашний президент Нигерии Г. Джонатан заявил, что внешняя политика его страны не будет диктоваться правительствами других государств¹².

В результате принятием резолюции 1970 СБ ООН перехватил у АС инициативу по урегулированию ливийского конфликта, а Резолюцией 1973¹³ и вовсе отстранил

Афросоюз от его разрешения, показав таким образом, что африканским лидерам не хватает ни политической воли, ни приверженности идее АП — АР, чтобы применять ее на практике, и что неспособность к компромиссу даже в вопросах, требующих оперативного решения, создает вакуум для внешнего вмешательства в африканские дела.

Региональные организации и их попытки реализации идеи АП — АР

Реализация концепции АП — АР была задачей не только для Афросоюза. Региональные миротворческие усилия, предпринимавшиеся под эгидой ЭКОВАС, Сообщества развития Юга Африки (САДК) или других региональных экономических сообществ, сталкивались со схожими проблемами финансирования, отсутствия консенсуса в принятии решений и т. д. В результате, несмотря на определенные успехи, достигнутые ЭКОВАС в Либерии и Сьерра-Леоне, СБ ООН вынужден был одобрить отправку в эти страны миссий ООН (МООНЛ и МООНСЛ соответственно). То же можно сказать и об участии САДК в разрешении конфликтов в ДРК в 1995—1999 гг. и позже, в 2008 г. В ноябре 2008 г. страны — члены САДК были готовы направить войска на помощь правительству страны, где был поднят очередной мятеж, но одновременно ими было решено обратиться за поддержкой в ООН¹⁴, и после краткого вмешательства САДК главной миссией по обеспечению мира в Конго стала Миссия Организации Объединенных Наций в Демократической Республике Конго (МООНДРК).

Между тем ЭКОВАС остается самой продвинутой с точки зрения миротворческой деятельности региональной организацией в Африке. Так, в 2017 г., когда после обнародования итогов президентских выборов в Гамбии резко обострилась внутривнутриполитическая

URL: <https://sites.tufts.edu/reinventingpeace/2012/12/19/the-african-union-and-the-libya-conflict-of-2011> (accessed: 22.04.2023).

¹⁰ Resolution 1970 (2011) Adopted by the Security Council at its 6491st meeting, on 26 February 2011 // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/698927?ln=ru> (accessed: 22.04.2023).

¹¹ Bala-Gbogbo E., Cohen M. Nigeria Breaks Africa Ranks on Libya, Sparking Criticism // Bloomberg. August 23, 2011. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2011-08-23/nigeria-recognizes-libyan-rebel-transitional-council-as-legitimate> (accessed: 22.04.2023).

¹² Ogbu A. Jonathan: No Going Back on Recognition of New Govt in Libya // Nairaland Forum. August 26, 2011. URL: <https://www.nairaland.com/745722/no-going-back-recognition-new> (accessed: 22.04.2023).

¹³ Resolution 1973 (2011) Adopted by the Security Council at its 6498th meeting on March 17, 2011 // The

United Nations. March 17, 2011. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N11/268/39/PDF/N1126839.pdf?OpenElement> (accessed: 22.04.2023).

¹⁴ Страны юга Африки отправляют войска на помощь правительству ДР Конго // ТО. 10.11.2008. URL: <https://obzor.city/news/268301?ysclid=ljpd9ba07m582260230> (дата обращения: 22.04.2023).

ситуация, воинские контингенты Сообщества провели успешную операцию по стабилизации обстановки в этой стране. Вместе с тем разногласия между лидерами стран-партнеров, отчасти обусловленные их принадлежностью к французской или англосаксонской зонам влияния, и другие разъединяющие факторы (например, разный уровень экономического развития, сказывающийся на способности финансировать воинские контингенты) отражаются и на процессах интеграции, и на характере миротворчества, осуществляемого сообществом, хотя в отличие от руководителей АС лидеры ЭКОВАС охотнее и оперативнее реагируют на конфликты, опасаясь их распространения на территории своих стран.

Так, в 1990 г. была создана мониторинговая группа ЭКОВАС (ЭКОМОГ), воинские контингенты которой участвовали в разрешении конфликтов в Либерии, а позже — в Сьерра-Леоне, Гвинее-Бисау, Кот-д’Ивуаре, Нигере и Гамбии, где способствовали окончанию военных действий и стабилизации внутривосточной обстановки. Однако в случае, например, с Либерией уже сам процесс принятия решения об отправке миссии показал степень разногласий внутри сообщества и то, что реальная региональная интеграция — дело далекого будущего. Если «региональный гегемон» — Нигерия, за счет взносов которой формируется более трети бюджета ЭКОВАС, призвала к военному вмешательству в конфликт, то Кот-д’Ивуар — лидер франкофонного блока — выступал резко против (Adibe, 1997, p. 473). В конечном итоге свои контингенты в Либерию отправили англоязычные государства (Гамбия, Гана, Нигерия, Сьерра-Леоне) и единственная франкоязычная страна Гвинея — старый недруг Кот-д’Ивуара. Более того, в ответ на нигерийскую инициативу Кот-д’Ивуар и Буркина-Фасо усилили поддержку повстанцев, то есть сил, противостоявших ЭКОМОГ. Таким образом, с самого начала региональной миротворческой операции некоторые государства — члены ЭКОВАС оказались по разные стороны «линии фронта». Хотя миссия добилась определенного успеха, обстановка

в стране не была полностью стабилизирована, конфликт вспыхнул с новой силой (Вторая гражданская война в Либерии 1999—2003 гг.), и в сентябре 2003 г. в страну была направлена Миссия ООН в Либерии (МООНЛ)¹⁵.

Приверженность идее АП — АР может лежать в основе решения, принимаемого одной страной или группой стран по преодолению кризисов конкретно на их территориях. Воспринимая конфликт как «локальный» и не усматривая необходимости обращаться за помощью к АС или РЭС, эти государства стремятся разрешить кризис своими силами. Подобное решение было принято странами бассейна озера Чад (Нигерия, Нигер, Камерун, Чад, Бенин) для противодействия исламистской террористической группировке «Боко Харам».

В 2000-е гг. деятельность «Боко Харам» была сосредоточена на территории северовосточных районов Нигерии. К концу десятилетия нигерийским войскам удалось выдавить большую часть исламистов за пределы страны, что привело к резкому снижению уровня безопасности в прилегающих к озеру Чад районах Камеруна, Нигера и Чада, где повстанцы создавали свои базы, применяя насилие над местными жителями (Костелянец, Океке, 2021). Более того, сама по себе «прозрачность» границ способствовала росту масштабов трансграничной преступности, подрывавшей безопасность как Нигерии, так и других стран Западной Африки, препятствовала развитию эффективных экономических контактов и добрососедства, а незаконный оборот легкого стрелкового оружия и возможность вербовки жителей приграничных районов — по обе стороны границы — в повстанческие отряды и преступные группировки создавали основу для политической дестабилизации на национальном и региональном уровнях.

Между тем активизация «Боко Харам» на территории бассейна озера Чад, как ни парадоксально это звучит, привела к сближению

¹⁵ МООНЛ — Фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. 19.08.2023. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/unmil> (дата обращения: 22.04.2023).

Нигерии с ее ближайшими соседями (с некоторыми из которых, прежде всего с Камеруном и Чадом, до сих пор сохраняются территориальные споры) в связи с необходимостью совместного решения проблем безопасности. Неспособность Нигерии самостоятельно противостоять джихадистам обусловила изменение ее внешнеполитической тактики и побудила к инициированию развертывания в 2015 г. для противодействия исламистам Многонациональной объединенной целевой группы (МНОЦГ)¹⁶.

Надо сказать, что МНОЦГ была создана в 1994 г. на базе основанной еще в 1964 г. Комиссии по бассейну озера Чад (КБОЧ) в составе Нигерии, Нигера, Чада и Камеруна и нацелена на управление озерными ресурсами¹⁷. Нигерия в одностороннем порядке инициировала использование МНОЦГ для пресечения трансграничной преступности. В 1998 г. группа расширилась, включив военнослужащих из Чада, Нигера и Камеруна. Перманентная нестабильность и рост числа террористических атак в бассейне побудили правительства этих стран к возрождению в 2012 г. группы, практически бездействовавшей в течение десятилетия, и к расширению ее мандата на борьбу с терроризмом¹⁸.

Однако до 2014 г. все договоренности оставались простой риторикой. Лишь подъем террористической активности, присяга тогдашнего лидера «Боко Харам» Абубакара Шекау на верность халифу «Исламского государства» Абу-Бакру аль-Багдади и нападение боевиков на штаб-квартиру МНОЦГ в г. Бага на северо-востоке Нигерии неподалеку от оз. Чад в январе 2015 г.¹⁹

¹⁶ What is the Role for the Multinational Joint Task Force in Fighting Boko Haram? // International Crisis Group. July 7, 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/291-what-role-multinational-joint-task-force-fighting-boko-haram> (accessed: 22.04.2023).

¹⁷ Security Council, 73rd year : 8212th meeting, Thursday, 22 March 2018, New York // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1478792?ln=ru> (accessed: 22.04.2023).

¹⁸ National Security Strategy of the Federal Republic of Nigeria // Government of Nigeria. December 2019. URL: <https://ctc.gov.ng/wp-content/uploads/2020/03/ONSA-UPDATED.pdf> (accessed: 22.04.2023).

¹⁹ Город был сожжен, число убитых превысило 2 тыс., около 10 тыс. бежали в соседний Чад.

(после чего штаб-квартира была переведена в Нджамену) побудили Нигерию к укреплению военного сотрудничества с соседями.

Несмотря на большое число (по различным оценкам, 20—30 тыс.) жертв среди жителей всех стран бассейна, сначала лидеры этих государств рассматривали деятельность «Боко Харам» как «нигерийскую проблему», а военное сотрудничество сводилось к отдельным совместным приграничным операциям. Например, в 2013—2014 гг. войска Камеруна и Нигера, преследуя исламистов, заходили вглубь территории Нигерии, но эти события получили незначительную огласку из-за нежелания Абуджи показывать отсутствие своей боеспособности, а также потому, что рейды устраивались полевыми командами разных стран по простой договоренности с «коллегами» в приграничной зоне²⁰. То есть амбиции руководителей государств региона и взаимное недоверие между ними препятствовали борьбе с распространением угрозы терроризма, не говоря уже о возможности реализации в бассейне озера Чад идеи АП — АР.

Лишь в преддверии президентских выборов 2015 г. в Нигерии, опасаясь, что деятельность исламистов приведет к их срыву, тогдашний президент этой страны Г. Джонатан в марте 2014 г. организовал встречи лидеров Бенина, Камеруна, Нигера и Чада в Яунде (Камерун), а в мае — в Париже, где были достигнуты договоренности о сотрудничестве в сфере безопасности²¹. Позже подобные мероприятия состоялись в Лондоне (июнь 2014 г.), Абудже (сентябрь 2014 г.), Ниамее (октябрь 2014 и январь 2015 г.) и опять в Абудже (май 2015 г.). К марту 2015 г. при поддержке АС был подготовлен документ «Концепция операций» (Concept of

²⁰ Ekott I. Africa: The AU's Funding Woes Continue // AllAfrica. January 18, 2017. URL: <https://allafrica.com/stories/201701200093.html> (accessed: 22.04.2023).

²¹ Report of the Chairperson of the Commission on the Implementation of Communiqué PSC/AHG/COMM.2 (CDLXXXIV) on the Boko Haram Terrorist Group and on Other Related International Efforts // African Union. March 3, 2015. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-489-rpt-boko-haram-03-03-2015.pdf> (accessed: 22.04.2023).

Operations, CONOPS), содержащий подробную информацию о структуре командования и задачах миссии (устранение присутствия и влияния «Боко Харам») в регионе, возвращение внутренне перемещенных лиц в свои страны, облегчение доставки гуманитарной помощи в пострадавшие районы, предотвращение получения повстанцами оружия, освобождение похищенных и др.)²².

В начале 2015 г. страны — участницы МНОЦГ договорились о совместном развертывании в бассейне озера Чад военных контингентов общей численностью 8 700 солдат и офицеров. Позже эта цифра выросла до 10 тыс.²³ Схема распределения основных позиций — командир (нигериец), его заместитель (камерунец) и начальник штаба (чадец) — свидетельствовала об изменениях в отношениях между соседними государствами и готовности Нигерии пойти на уступки, «допустив» на командные должности военачальников из других стран. Впрочем, изначально предусматривалось чередование представителей четырех государств на должности главнокомандующего, однако в угоду Нигерии эта идея была отклонена. Абудже было предоставлено право назначения на этот пост, что не могло не вызывать недовольство прежде всего чадских военных, так как именно войска Чада сыграли ключевую роль в операциях 2015—2019 гг. Эта страна отправила большой воинский контингент в Камерун для обеспечения безопасности на его северо-западной границе, и эти силы часто проводили наступательные операции на территории Нигерии, атакуя исламистов в местах их сосредоточения в штате Борно²⁴.

²² Report of the Chairperson of the Commission on the Implementation of Communiqué PSC/AHG/COMM.2 (CDLXXXIV) on the Boko Haram Terrorist Group and on Other Related International Efforts // African Union. March 3, 2015. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-489-rpt-boko-haram-03-03-2015.pdf> (accessed: 22.04.2023).

²³ What is the Role for the Multinational Joint Task Force in Fighting Boko Haram? // International Crisis Group. July 7, 2020. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/west-africa/291-what-role-multinational-joint-task-force-fighting-boko-haram> (accessed: 22.04.2023).

²⁴ Lutte contre Boko Haram: le Tchad envoie des troupes au Cameroun // France 24. Janvier 16, 2015.

Вооруженные контингенты имели право на преследование боевиков на 20 км вглубь территорий всех стран — участниц МНОЦГ. Правительства рассматривали возможность создания трансграничных зон присутствия войск, но затем сделали выбор в пользу специальных секторов в пределах той или иной страны, чтобы избежать политических осложнений, прежде всего с Нигерией, из-за постоянных трансграничных передислокаций. То есть контингенты действовали почти исключительно на своих территориях, за исключением крупномасштабных совместных операций.

Нечеткость решения проблемы финансирования также имела свои последствия. Страны бассейна стремились к тому, чтобы доноры, прежде всего ЕС, финансировали МНОЦГ напрямую, однако Евросоюз согласился это делать лишь через АС. В результате из-за сложности процедур европейские деньги надолго оседали в Аддис-Абебе (где находится штаб-квартира АС), и первый транш МНОЦГ получила лишь через два года после его выделения — в начале 2017 г. Таким образом, оплачивать содержание миссии пришлось Нигерии²⁵.

Наступления МНОЦГ в 2017—2020 гг. заметно ослабили исламистов и обеспечили поставки гуманитарной помощи жителям отдельных пострадавших районов. Однако достижения объединенных сил, как правило, были недолговечными: джихадисты выдерживали атаки, отходили в другие районы и перегруппировывались.

Кроме того, каждая страна имела собственное видение и собственный план «освобождения» своей части региона. МНОЦГ одерживала спорадические победы, что

URL: <https://www.france24.com/fr/20150116-boko-haram-tchad-cameroun-lutte-troupes-armees-blindes-attaques-baga> (accessed: 22.04.2023).

²⁵ Report of the Chairperson of the Commission on the Implementation of Communiqué PSC/AHG/COMM.2 (CDLXXXIV) on the Boko Haram Terrorist Group and on Other Related International Efforts // African Union. March 3, 2015. URL: <https://www.peaceau.org/uploads/psc-489-rpt-boko-haram-03-03-2015.pdf> (accessed: 22.04.2023).

поднимало боевой дух у солдат всех армий, однако постепенно эффективность группы снизилась из-за разницы в наступательных приоритетах, нежелания четырех стран уступить друг другу командование в операциях и, соответственно, славу победы, зато в случае поражения они активно обвиняли в этом друг друга. Группа страдала от слабой координации действий, неподчинения командиров национальных контингентов общему командованию, а также стремления вести бои лишь на своей территории.

Отчасти недоверие между странами и их «долгое раскачивание» были связаны с различным восприятием угрозы и разногласиями по поводу способов решения проблемы. Абуджа, чтобы сохранить лицо, представляла операции сил других стран, прежде всего Чада, на своей территории как прорыв в деле международного сотрудничества, при этом стараясь играть ведущую роль в борьбе с «Боко Харам» и с осторожностью относясь к более полной интеграции сил. В свою очередь, Камерун, Чад и Нигер рассматривали МНОЦГ как ненавязчивую координацию действий национальных контингентов и также не стремились к более глубокой интеграции, а раскол в «Боко Харам» в 2016 г. и разделение группировки на две организации — собственно «Боко Харам» и Западноафриканскую провинцию «Исламского государства» — осложнил для МНОЦГ борьбу с исламистами (Денисова, Костелянец, 2021).

В конечном итоге МНОЦГ так и не добилась своей главной цели — уничтожения «Боко Харам», став еще одним примером провальной попытки решить африканскую проблему африканскими силами, причем не только из-за ограниченных оперативных возможностей, но и из-за неспособности достичь консенсуса в формировании военной стратегии.

Заключение

К началу XXI в. африканцы осознали, что недостаточно обвинять Запад в своих проблемах: пора взять на себя ответственность за их решение. Однако сформулировать

концепцию «Африканским проблемам — африканские решения» оказалось намного легче, нежели реализовать ее на практике. Из-за разногласий в руководстве АС и РЭС, неадекватного финансирования и оснащения миротворческих миссий обращение за внешней помощью почти каждый раз становилось лишь делом времени. Можно сказать, что на то и был расчет: убедившись в несостоятельности африканских контингентов, СБ ООН принимал решение о направлении в зону конфликта войск и оборудования. То есть успех продвижения идеи АП — АР зависел от ее внешней поддержки. Более того, в неудачах той или иной миссии (например, ЮНАМИД в Дарфуре) эксперты — и западные, и африканские, — как правило, обвиняли именно ее «западную» компоненту (Prunier, 2011, p. 137—138).

Безусловно, воплощение в жизнь концепции АП — АР требует от африканских лидеров политической воли, однако существуют и объективные препятствия на пути ее реализации. Помимо неравенства в ресурсах между развитыми и развивающимися странами, а также между различными государствами континента, проблемой является и то, что сама территория Африки, превышающая территорию США, Китая и Западной Европы, вместе взятых, слишком большая для обеспечения мониторинга стабильности и оперативного реагирования на военно-политические кризисы. При этом отдаленные от очага конфликта страны могут не иметь стимулов для предоставления ресурсов миротворческой миссии. В свою очередь, АС не в состоянии эффективно вмешиваться в конфликт, так как должен сохранять нейтралитет и одновременно представлять все стороны, что практически невозможно из-за сложной истории отношений между отдельными народами.

Это не означает, что Африка не должна нести ответственности за свои проблемы, тем более что располагает необходимыми для этого возможностями, но пока чаще использует эту уже достаточно распространенную формулировку — «Африканским проблемам — африканские решения», чтобы не отчитываться и не оправдываться перед

Западом за свои действия и события, происходящие на континенте, например за незаконную смену режимов. Впрочем, африканцы — как лидеры, так и рядовые граждане — все больше склоняются к тому, что вопросы экономического развития, обеспечения безопасности и повышения роли Африки на мировой арене должны решаться

самими жителями континента, а значит, концепция АП — АР будет получать все новые импульсы. Возможно, для решения этих вопросов следует более активно привлекать структуры гражданского общества, а также молодежные, женские и профессиональные организации.

Поступила в редакцию / Received: 07.04.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 22.06.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. Демократическая Республика Конго: политическая нестабильность и фактор Руанды // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 1. С. 37—47. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-1-37-47>
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. Раскол в «Боко Харам» и его последствия для региона бассейна озера Чад // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 2. С. 214—230. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-12>
- Денисова Т. С., Костелянец С. В. ЦАР: динамика конфликта // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6. С. 24—31. <https://doi.org/10.31857/S032150750005161-9>
- Костелянец С. В., Океке О. А. Э. Динамика африканской политики Нигерии в постколониальный период // Ученые записки Института Африки РАН. 2021. № 4. С. 56—71. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2021-57-4-56-71>
- Усов В. А. Африканский союз: цели и реальность // Азия и Африка сегодня. 2010. № 12. С. 21—26.
- Худайкулова А. В. Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 2. С. 339—357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357>
- Шагалов В. А. Гражданская война в Сомали и миротворческая операция Африканского союза // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, кн. 1. С. 207—216.
- Ютяева И. П. ЭКОВАС как провайдер миротворческой помощи в Африке // Ученые записки Института Африки РАН. 2022. № 1. С. 49—59. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2022-58-1-49-59>
- Adibe C. E. The Liberian Conflict and the ECOWAS — UN Partnership // Third World Quarterly. 1997. Vol. 18, no. 4. P. 471—488. <https://doi.org/10.1080/01436599714821>
- Agbu O., Okereke E., Wapmuk S., Adeniyi B. The Foreign Policy Environment in Nigeria and Implications for Nigeria — South Africa Relations: Baseline Study // SAFPI Policy Brief. 2013. No. 54. P. 1—12.
- Bachmann O. The African Standby Force: External Support to an ‘African Solution to African Problems’? // IDS Research Reports. 2011. Vol. 67. P. 1—73. URL: <https://www.ids.ac.uk/download.php?file=files/dmfile/Rr67web.pdf> (accessed: 22.04.2023)
- Beswick D. Peacekeeping, Regime Security and ‘African Solutions to African Problems’: Exploring Motivations for Rwanda’s Involvement in Darfur // Third World Quarterly. 2010. Vol. 31, no. 5. P. 739—754. <https://doi.org/10.1080/01436597.2010.503566>
- Bokeriya S. African Union in Addressing Regional Peace and Conflict in Darfur // Asia and Africa Today. 2021. No. 1. P. 37—42. <https://doi.org/10.31857/S032150750013624-8>
- Botei E. How Can the African Union Improve on Its Function of Being the “African Solution to African Problems” with Regard to Conflict Resolution? // American International Journal of Social Science. 2015. Vol. 4, no. 4. P. 39—45.
- Brosig M. African Solutions to African Problems or Meddling in Your Neighbour’s Conflict? // The ITPCM International Commentary. 2014. Vol. 10, no. 36. P. 13—20. URL: https://www.santannapisa.it/sites/default/files/commentary_pk_issue_july_20141.pdf (accessed: 22.04.2023).

- De Coning C.* Africa and UN Peace Operations: Implications for the Future Role of Regional Organisations // *United Nations Peace Operations in a Changing Global Order* / ed. by C. de Coning, M. Peter. Cham : Palgrave Macmillan, 2019 P. 213—229. http://doi.org/10.1007/978-3-319-99106-1_11
- Gardachew B. D.* The Rhetoric and Reality of the AU Peace Operations in Darfur (Sudan): Is the ‘African Solution’ Enough? // *African Security Review*. 2021. Vol. 30, no. 2. P. 1—21. <https://doi.org/10.1080/10246029.2021.1898999>
- Kasaija Ph. A.* The African Union (AU), the Libya Crisis and the Notion of ‘African Solutions to African Problems’ // *Journal of Contemporary African Studies*. 2013. Vol. 31, no. 1. P. 117—138. <https://doi.org/10.1080/02589001.2012.761463>
- Klingebiel S.* How Much Weight for Military Capabilities? Africa’s New Peace and Security Architecture and the Role of External Actors. Bonn : Deutsches Institut für Entwicklungspolitik, 2005. URL: <https://www.idos-research.de/uploads/media/2-2005.pdf> (accessed: 22.04.2023).
- Lobakeng R.* African Solutions to African Problems: A Viable Solution towards a United, Prosperous and Peaceful Africa? Pretoria : Institute for Global Dialogue, 2017.
- Majinge C. R.* The Future of Peacekeeping in Africa and the Normative Role of the African Union // *Goettingen Journal of International Law*. 2010. Vol. 2. P. 463—500. URL: https://www.gojil.eu/issues/22/22_article_majinge.pdf (accessed: 22.04.2023).
- Mays T. M.* African Solutions for African Problems: The Changing Face of African-Mandated Peace Operations // *Journal of Conflict Studies*. 2003. Vol. 23, no. 1. P. 106—125.
- Oyenyi B. A.* Technology: Negotiating Tomorrow’s Armed Conflict and Terrorism in West Africa // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2019. № 2. С. 48—67. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2019-47-2-48-67>
- Prunier G.* Darfur. The Ambiguous Genocide. New York : Cornell University Press, 2011.
- Sesay A.* The Limits of Peace-Keeping by a Regional Organization: The OAU Peace-Keeping Force in Chad // *Conflict Quarterly*. 1991. Vol. 11, no. 1. P. 7—26.

Сведения об авторах: *Денисова Татьяна Сергеевна* — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующая, Центр изучения стран Тропической Африки, Институт Африки РАН; ORCID: 0000-0001-6321-3503; e-mail: tsden@hotmail.com

Костелянец Сергей Валерьянович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий, Центр социологических и политологических исследований, Институт Африки РАН; ORCID: 0000-0002-9983-9994; e-mail: sergey.kostelyanyets@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-466-479

EDN: FRQCQY

Научная статья / Research article

Участие МВД России в повышении миротворческого потенциала полицейского персонала африканских стран

С.А. Тишков¹ , Д.С. Тишкова² ¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация²Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация stishkov@list.ru

Аннотация. Увеличение количества внутренних конфликтов в различных регионах мира, включая Африканский континент, и обострение конфликтов, приводящее к массовым нарушениям прав человека, актуализировали миротворческую повестку в международных отношениях. Проблемы обеспечения мира и безопасности стали приоритетом Организации Объединенных Наций (ООН) и региональных акторов, которые постоянно ведут поиск лучших стратегий и практик по урегулированию и разрешению конфликтов. При этом акторы миротворчества признают ключевую роль правоохранительных органов, прежде всего полиции, в обеспечении безопасности в условиях конфликта или постконфликтного восстановления. Именно поэтому ООН активно развивает стратегию использования полицейских методов работы при проведении миротворческих операций. Это привело к увеличению количества стран, предоставляющих под командование ООН полицейские контингенты, включая специализированные полицейские подразделения. Совместная работа представителей различных государств, обладающих разным уровнем образования, профессиональным опытом и специализацией, требует проведения качественной подготовки кандидатов в миротворческие операции. Целью исследования является анализ потребностей африканских полицейских в профессиональном развитии и возможностей Министерства внутренних дел Российской Федерации в подготовке полицейского персонала африканских государств для участия в миротворческих операциях ООН. Авторы опирались на междисциплинарный подход, сочетающий внешнее наблюдение и социологический метод, и контент-анализ официальных документов и данных ООН, учебных материалов, используемых для подготовки кандидатов в миротворческие миссии, а также актуальные научные труды отечественных и зарубежных ученых. Результаты исследования подтверждают, что Российская Федерация имеет многолетний опыт подготовки полицейского персонала африканских государств для миротворческих операций ООН. Перспективными направлениями российского участия в развитии миротворческого потенциала африканских полицейских наряду с предоставлением стандартизированного предмиссионного тренинга по унифицированным программам ООН могут стать обучение методике расследования преступлений и подготовка подразделений спецполиции государств — членов ООН.

Ключевые слова: региональная безопасность, ООН, миротворческие операции, полицейский компонент, обучение полицейского персонала

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Д.С. Тишкова — обработка материалов социологического исследования, написание текста; С.А. Тишков — сбор материалов социологического исследования, анализ полученных данных, написание текста.

© Тишков С.А., Тишкова Д.С., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Тишков С. А., Тишкова Д. С. Участие МВД России в повышении миротворческого потенциала полицейского персонала африканских стран // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 466—479. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-466-479>

Participation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in Enhancing African Police Personnel Peacekeeping Capacity

Sergey A. Tishkov¹ , Daria S. Tishkova²

¹Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

²Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Y. Kikot, Moscow, Russian Federation
stishkov@list.ru

Abstract. The peacekeeping became actual agenda of international relations due to increased number of internal conflicts with mass human rights violations in different regions of the world including Africa. The problems of ensuring peace and security have become priority for United Nations (UN) and regional organizations involved in constant search of conflict resolution best practices. Peacekeeping actors admitted the key role of law-enforcement agencies, and first of all the police, in ensuring security in conflict or post-conflict reconstruction. Therefore, the UN actively developing the strategy of police methods usage in peacekeeping operations. Because of this process, the number of member states contributing police contingents to the UN including formed police units increased. Joint activity of police officers from different countries with different education, professional experience and specialization requires high-quality training of candidates for peacekeeping operations. The purpose of this article is to analyze the needs of African police officers in professional development and the capabilities of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in training of African police officers for the UN peacekeeping operations. The study is based on insights from non-participant observation, interviews and analyses of the UN official documents, policies and training materials. Actual Russian and foreign scientific publications were used. Results confirmed that Russian Federation has many years of experience in African policemen training for the UN peacekeeping operations. The promising areas of Russian Federation participation in the development of the peacekeeping potential of African police, along with the provision of standardized pre-deployment training based on the UN certified programs, can be training in the crime investigation methodology and the training of special police units of the UN member states.

Key words: regional security, United Nations, peacekeeping operations, police component, training of police personnel

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contribution. D.S. Tishkova — data processing, text writing; S.A. Tishkov — data collection, data analysis, text writing.

For citation: Tishkov, S. A., & Tishkova, D. S. (2023). Participation of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation in enhancing African police personnel peacekeeping capacity. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 466—479. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-466-479>

Введение

Значимость обеспечения безопасности и господства права подтверждается многолетним опытом миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций (ООН) и поэтому вполне обоснованно рассматривается как основа прочного мира. Данное условие актуализирует проблему подготовки персонала для миротворческих операций ООН, так

как динамика внутренних конфликтов позволяет предположить увеличение спроса на квалифицированный миротворческий персонал. Поэтому «международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров становится новым перспективным направлением сотрудничества государств и их правоохранительных органов» (Алексеева, 2003, с. 3).

Несомненно, что для оказания помощи в такой узкоспециализированной области, как подготовка миротворческого персонала из числа сотрудников полицейских структур, государства — члены ООН должны обладать опытом в предоставлении национального персонала в состав миротворческих операций ООН, а также инфраструктурой для организации отвечающего современным стандартам процесса обучения.

В этом аспекте Российская Федерация обладает рядом существенных преимуществ среди государств — кандидатов на проведение обучения полицейского персонала для направления в миротворческие операции ООН.

В 2022 г. Министерство внутренних дел (МВД) Российской Федерации отметило 30-летний юбилей активного участия в миротворческой деятельности. Участие сотрудников органов внутренних дел (ОВД) Российской Федерации берет начало в апреле 1992 г., когда первая группа сотрудников ОВД в составе восьми человек была откомандирована для прохождения службы в Силы ООН по охране (СООНО) на территории Хорватии. За это время свыше 700 сотрудников МВД России приняли участие в более чем 24 операциях по всему миру¹.

Важно отметить, что российские полицейские миротворцы обладают опытом участия в миротворческих операциях ООН на Африканском континенте и знакомы со спецификой данного региона. В XXI в. с учетом смещения акцентов миротворческой деятельности ООН в направлении Африканского континента российские полицейские участвовали в работе миссий ООН в Демократической Республике Конго (с 2002 г.), Либерии (с 2003 г.), Сьерра-Леоне (апрель 2003 г.), а также на территориях Судана (с 2005 г.) и Южного Судана (с 2011 г.). Для организации качественной подготовки сотрудников МВД России к участию в миротворческих операциях в мае 2000 г., на базе Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России (ВИПК), был создан Центр

подготовки миротворцев (ЦПМ)². Создание Центра позволило собрать воедино накопленные учебно-методические материалы и на плановой основе организовать подготовку сотрудников для миротворческих операций, проводимых под эгидой ООН и региональных организаций.

Деятельность Центра вышла на новый международный уровень после подписания распоряжения Правительства Российской Федерации № 1023-р³, согласно которому на базе ЦПМ должны ежегодно проводиться два курса подготовки миротворцев из числа сотрудников правоохранительных органов африканских государств. Проведение этих курсов является практическим вкладом Российской Федерации в реализацию решений руководителей стран «Группы восьми» в Си-Айленде (США) и Глениглсе (Великобритания) по укреплению миротворческого потенциала африканских государств (Тишков, 2011, с. 133—134).

В 2008 г. учебная программа подготовки, реализуемая ЦПМ, была сертифицирована Секретариатом ООН. В 2012, 2016 и 2020 гг. деятельность ЦПМ была повторно сертифицирована на соответствие стандартам Интегрированной службы учебной подготовки (ИСУП) Департамента операций по поддержанию мира (ДОПМ) ООН⁴.

Ежегодно в стенах ЦПМ реализуется два международных курса обучения полицейских миротворцев. В их рамках стражи правопорядка приобретают компетенции, необходимые

² Во имя сохранения мира // МВД-Медиа. 06.05.2022. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/vo-imya-sokhraneniya-mira/> (дата обращения: 03.01.2023).

³ Распоряжение Правительства РФ от 17 июля 2006 г. № 1023-р Об организации обучения и содержания миротворцев из африканских стран во Всероссийском институте повышения квалификации работников МВД России и о направлении специалистов МВД России для проведения занятий в центры по подготовке миротворцев в г. Аккре (Республика Гана) и г. Виченце (Итальянская Республика) // Гарант. URL: <https://base.garant.ru/6324683/> (дата обращения: 15.10.2022).

⁴ Во имя сохранения мира // МВД-Медиа. 06.05.2022. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/vo-imya-sokhraneniya-mira/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹ 29 мая — Международный день миротворцев ООН // МВД-Медиа. 29.05.2022. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/29-maya-mezhdunarodnyu-den-mirotvortsev-oon/> (дата обращения: 01.12.2022).

сотруднику полиции ООН для реализации профессионального и комплексного подхода к выполнению полицейских задач в условиях проведения миротворческих операций, среди которых знание иностранных языков, умение управлять полноприводным транспортом, владение огнестрельным оружием и средствами связи.

Каждый из ежегодных курсов по подготовке может принять до 40 обучающихся из числа представителей африканских правоохранительных органов, при этом места для кандидатов на обучение распределяются пропорционально заявкам, поданным странами Африки. По окончании курса слушателям предоставляется возможность сдать квалификационный экзамен членам экспертной комиссии ООН.

Считаем важным подчеркнуть, что руководство МВД России откликнулось на призыв ООН о поощрении активного привлечения женщин для службы в полицейских контингентах миротворческих операций.

В ходе выступления на первом саммите руководителей полицейских ведомств государств — членов ООН, который проходил 3 июня 2016 г. в Нью-Йорке, министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев заявил о готовности наращивать участие сотрудников ОВД Российской Федерации в миротворчестве ООН. По мнению В.А. Колокольцева, миротворческие операции ООН являются эффективным инструментом в деле оказания помощи государствам, попавшим в ситуацию внутреннего кризиса. Министр отметил, что «Российская Федерация готова поделиться своим опытом и знаниями с мировым полицейским сообществом, включая практическое применение в миротворческих миссиях ООН, а также поддерживать действия мирового сообщества по расширению роли женщин-полицейских в миротворческой деятельности»⁵.

⁵ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева на II саммите руководителей полицейских ведомств государств — членов ООН // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 21.06.2018. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/document/13617208> (дата обращения: 15.10.2022).

В 2017 г. на базе ЦПМ был проведен первый специализированный курс подготовки женщин-миротворцев, в котором наряду с представительницами российской полиции прошли обучение сотрудницы правоохранительных органов Центральноафриканской Республики (ЦАР), Бенина, Сенегала, Буркина-Фасо, Ганы, Замбии, Кении, Республики Конго и Судана⁶. Проведение данного курса стало практическим вкладом России в реализацию повестки дня «Женщины, мир и безопасность», провозгласившей курс на расширение участия женщин в составе полицейских компонентов миротворческих операций ООН. С учетом положительных результатов данного специализированного гендерного курса для кандидатов в миротворческие миссии принято решение, что при отборе кандидатов на обучение на один из ежегодных курсов повышения квалификации преимущество будет отдаваться сотрудникам женского пола, но не исключая возможности направления лиц мужского пола⁷.

Таким образом, уже на стадии предмиссионного тренинга у обучающихся имеется возможность обсудить основные подходы ООН в контексте реализации гендерной политики миротворчества⁸ и методы работы с уязвимыми группами населения, включая женщин, детей и лиц с ограниченными возможностями (Holmes, 2019).

С 2000 г. в ЦПМ прошли обучение свыше двух тысяч сотрудников ОВД Российской Федерации и 800 африканских специалистов, многие из которых в дальнейшем несли службу

⁶ Во имя сохранения мира // МВД-Медиа. 06.05.2022. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/vo-imya-sokhraneniya-mira/> (дата обращения: 03.01.2023).

⁷ Информация об обучении сотрудников правоохранительных органов африканских государств на курсе повышения квалификации // ВИПК МВД России. URL: <https://xn--b1amgt.xn--b1aew.xn--p1ai/document/31409598> (дата обращения: 03.01.2023).

⁸ В октябре 2022 г. в ЦПМ завершился очередной международный курс подготовки полицейских миротворцев // ВИПК МВД России. 21.10.2022. URL: <https://xn--b1amgt.xn--b1aew.xn--p1ai/Press-sluzhba/Novosti/item/33287835/> (дата обращения: 03.01.2023).

в миротворческих миссиях в государствах Европы, Африки и Латинской Америки⁹.

Руководство МВД России поддерживает данную работу и выражает готовность к диалогу об участии в специализированных полицейских миссиях ООН. Об этом министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев заявил на саммите глав полицейских ведомств государств — членов ООН 21 июня 2018 г., предложив обменяться опытом в вопросах подготовки миротворцев и обсудить формы сотрудничества в выполнении задач по поддержанию мира и безопасности¹⁰.

Важным моментом подготовки полицейских из стран Африки является привлечение к проведению занятий наряду с профессорско-преподавательским составом ЦПМ инструкторов (*co-trainers*) из числа участников миротворческих операций ООН, в том числе и на территории Африканского континента. Знание особенностей культуры и традиций стран данного региона, специфики проведения операций ООН на Африканском континенте позволяет инструкторам стереть границы между национальным и международным подходами к обучению, установить контакт с обучающимися, а также плодотворно решать проблемы разного плана (Neubauer, 2022, p. 533). При этом создание благоприятных и стимулирующих условий для обучения и применение инструкторами своих личных подходов к преподаванию с использованием имеющихся ресурсов в полной мере соответствует современным подходам к организации обучения полицейского персонала (Kleygrewe et al., 2022).

Необходимо отметить, что в процессе обучения реализуется культурная программа, позволяющая кандидатам из-за рубежа узнать историю нашей страны. В текущей непростой геополитической обстановке формирование мультикультурной среды, основанной на уважении традиций и национальных обычаев,

⁹ Во имя сохранения мира // МВД-Медиа. 06.05.2022. URL: <https://mvdmedia.ru/publications/shield-and-sword/sluzhba/vo-imya-sokhraneniya-mira/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁰ МВД России готово принять участие в спец. миссиях ООН // ИА Красная Весна. 21.06.2018. URL: <https://rossaprimavera.ru/news/bf15f280> (дата обращения: 03.01.2023).

способствует укреплению доверия и уважения между людьми и государствами. Таким образом, через развитие международного сотрудничества в сфере подготовки миротворческого персонала можно организовать использование образовательного компонента политики «мягкой силы» в контексте реализации внешнеполитических целей Российской Федерации в Африке (Огнева, 2016, с. 22).

В условиях политизации полицейской деятельности и масштабного санкционного давления со стороны Запада подготовка кандидатов в миротворческие операции является одним из важных элементов совместной работы в международных организациях для повышения потенциала правоохранительных органов Африки, курс на который продолжает МВД России, в том числе и за счет заключения двусторонних договоров¹¹.

К вопросу о потребностях Африки во внешнем миротворческом вмешательстве

Благодаря личному участию в обучении африканских миротворцев у авторов появилась возможность оценить некоторые подходы кандидатов из африканских стран к проведению миротворческих действий на территории Африки.

Для этого в период 2016—2021 гг. были опрошены 107 кандидатов в миротворческие операции ООН (рис. 1). В опросе приняли участие 60 англоговорящих респондентов (Замбия — 23, Гана — 8, Судан — 6, Зимбабве и Намибия — по 5, Египет, Танзания, Уганда — по 2)¹² и 47 франкоговорящих

¹¹ Например 14 ноября 2022 г. статс-секретарь — заместитель министра внутренних дел Российской Федерации И. Зубов и министр безопасности и гражданской обороны Республики Мали Д.А. Мохаммедин подписали Соглашение о сотрудничестве между МВД России и Министерством безопасности и гражданской обороны Республики Мали. См. подробнее: Игорь Зубов подписал Соглашение о сотрудничестве между МВД России и Министерством безопасности и гражданской обороны Республики Мали // Министерство внутренних дел Российской Федерации. 14.11.2022. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/33749298/> (дата обращения: 03.01.2023).

¹² В семи случаях англоговорящие респонденты не указали свою страну.

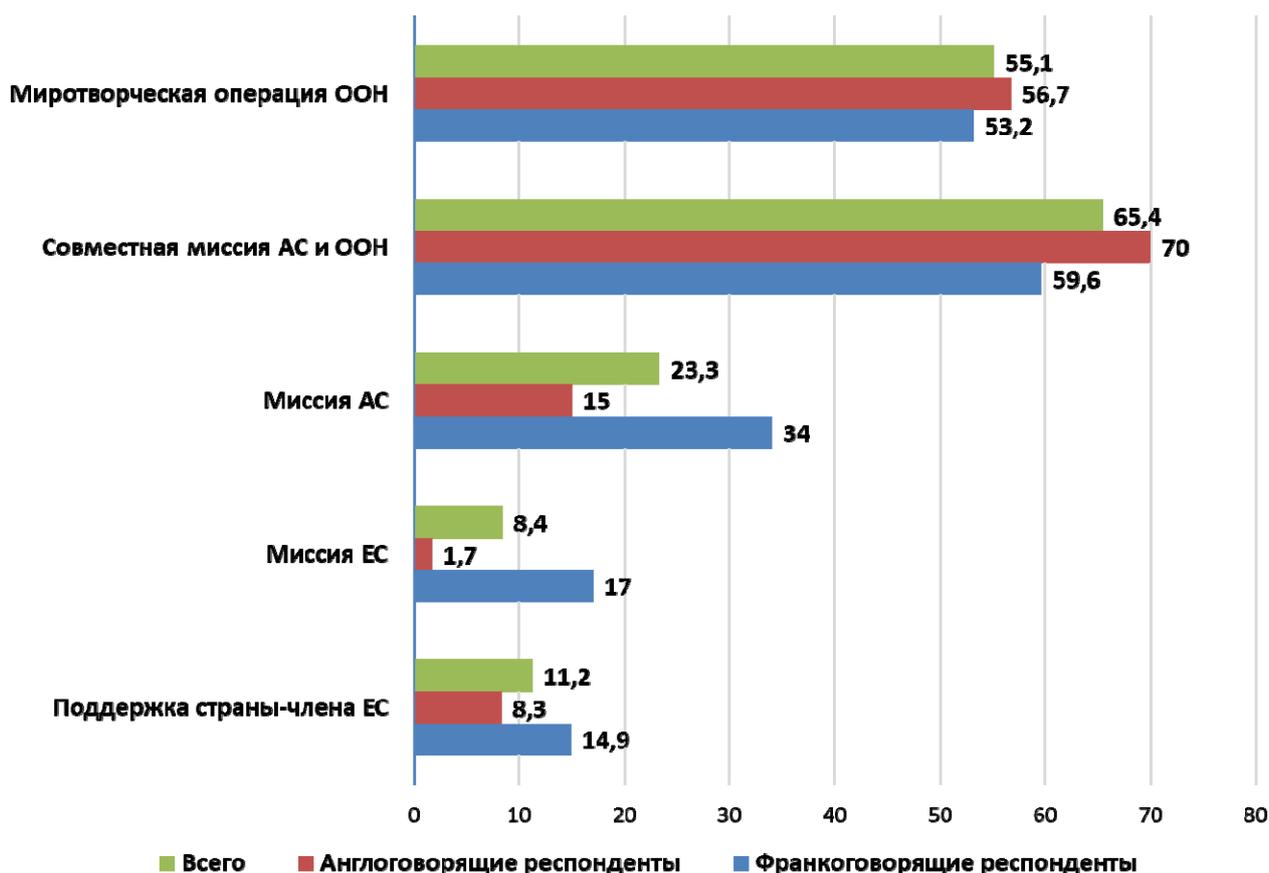

Рис. 1. Мнения опрошенных о наиболее подходящем для Африканского континента типе миротворческой операции, 2016—2021, %

Источник: подготовлено авторами.

респондентов (Республика Конго — 17, Камерун — 8, Габон — 6, ЦАР — 4, Буркина-Фасо, Бурунди, Сенегал — по 1)¹³, что позволяет признать данную выборку репрезентативной.

Определенный интерес представляет мнение опрошенных о возможности участия коллективных акторов в лице ООН и Африканского союза (АС), а также стран-лидеров в миротворческих акциях на Африканском континенте.

Несмотря на существующие проблемы эффективности в рамках миротворческой деятельности ООН, связанные с бюрократизацией процедур и инертностью на стадии развертывания новых операций, только восемь респондентов, что составляет 7,47 % от общего числа опрошенных (семь франкоговорящих и один англоговорящий), отметили,

¹³ В девяти случаях франкоговорящие респонденты не указали свою страну.

что Африка не нуждается в помощи ООН в урегулировании и разрешении конфликтов, и пять (все — франкоговорящие) респондентов (4,62 % опрошенных) ответили, что нет потребности в участии АС.

Таким образом, подавляющее большинство опрошенных кандидатов в миротворческие операции допускают внешнее вмешательство в урегулирование конфликтов в Африке, при этом незначительное преимущество отдается региональному актору в лице АС. Это может быть подтверждением поддерживаемой многими странами региона концепции поиска «африканских решений для африканских проблем», а также тенденции расширения роли АС в урегулировании конфликтов на своем континенте.

Необходимо отметить, что в структуре ООН с мая 2003 г. функционирует Канцелярия Специального советника по Африке (КССА), которая была учреждена во

исполнение резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/57/7 (2002)¹⁴. 19 апреля 2017 г. ООН и АС подписали Совместный рамочный документ об укреплении партнерства в области мира и безопасности, что стало продолжением курса на укрепление потенциала АС, провозглашенного в 2006 г.¹⁵

В данном направлении считаем возможным также отметить работу Департамента по политическим вопросам и вопросам миростроительства (ДПВМ) ООН и Отделения ООН при Африканском союзе (ООНАС), направленную на координацию деятельности ООН и АС в области мира и безопасности, обеспечения согласованного и последовательного консультирования как по вопросам создания потенциала на долгосрочную перспективу, так и краткосрочной оперативной поддержки в целях повышения эффективности их усилий в Африке¹⁶.

Примером совместной работы может являться Сомали, где ООН предоставила технические и оперативные рекомендации по развертыванию региональной миссии АС (АМИСОМ), осуществляла мероприятия по материально-технической поддержке ее деятельности (Шагалов, 2011, с. 212), а также планированию перехода от данной миссии к новой форме присутствия в стране — Переходной миссии АС в Сомали (АТМИС). Признав определенные успехи АМИСОМ в силовом противостоянии группировкам «Аш-Шабаб» в Сомали, ведущие акторы поддержали реорганизацию миссии АС совместным решением Совета Безопасности (СБ) ООН и Совета мира и безопасности АС¹⁷.

¹⁴ Канцелярия Специального советника по Африке // ООН. URL: <https://www.un.org/osaa/ru> (дата обращения: 03.01.2023).

¹⁵ Letter dated 11 December 2006 from the Secretary-General Addressed to the President of the General Assembly // The United Nations. December 12, 2006. URL: <https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/RO%20A61%20630.pdf> (accessed: 13.12.2022).

¹⁶ Укрепление партнерства в интересах мира в Африке // Политические вопросы и вопросы миростроительства. URL: <https://dppa.un.org/ru/african-union> (дата обращения: 13.12.2022).

¹⁷ См.: Resolution 2628 (2022) Adopted by the Security Council at its 9009th Meeting, on 31 March

Важным моментом в учреждении данной миссии является применение комплексного подхода к формированию основ мира и стабильности в соответствии с приоритетами, ориентированными на интересы населения Сомали. При этом подавляющее большинство задач новой миссии (8 из 10. — *Прим. авт.*) в той или иной мере связаны с обеспечением верховенства закона, осуществлением правосудия и деятельностью правоохранительной системы страны: от борьбы с коррупцией и предотвращения организованной преступности до усилий по борьбе с терроризмом и противодействию насильственному экстремизму.

Согласно резолюции СБ ООН 2628 (2022), численность полицейского компонента АТМИС составляет 1040 сотрудников, включая пять сформированных полицейских подразделений (СПП)¹⁸. Странами, предоставляющими полицейские силы для развертывания в пяти оперативных секторах, являются Гана, Кения, Нигерия, Сьерра-Леоне, Уганда и Замбия¹⁹. Задачи полицейского компонента предусматривают развитие потенциала сомалийской полиции по выполнению основных функций на всей территории Сомали и помощь в противодействии насильственному экстремизму и социальным беспорядкам за счет развития полицейской службы на уровне общин и других стратегий предупреждения преступности.

Подтверждением факта, что в настоящее время именно АС является основным партнером ООН в Африке, являются ответы респондентов на вопрос о наиболее приемлемой

2022 // The United Nations. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_RES_2628.pdf (accessed: 13.12.2022); *Communique Rev.1, Adopted by the Peace and Security Council (PSC) of the African Union (AU) at its 1068th Meeting Held on 8 March, 2022, on the Reconfiguration of the AU Mission in Somalia (AMISOM) // The African Union. March 8, 2022.* URL: <https://atmis-au.org/wp-content/uploads/2022/04/communique-for-the-1068th-meeting-on-atmis-mandate-8-march-2022.pdf> (accessed: 13.12.2022).

¹⁸ Resolution 2628 (2022) Adopted by the Security Council at its 9009th Meeting, on 31 March 2022 // The United Nations. URL: https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/S_RES_2628.pdf (accessed: 13.12.2022).

¹⁹ Police Component // АТМИС. URL: <https://www.atmis-au.org/police-component/> (accessed: 13.12.2022).

форме миротворческой операции для работы на континенте.

подавляющее большинство респондентов (64,8 %) выбрали в качестве наиболее приемлемой формы миротворческой операции в Африке совместные миссии АС и ООН. При этом данную точку зрения поддерживают 70 % англоговорящих и 59,5 % франкоговорящих респондентов.

Считаем возможным предположить, что данная тенденция основана на относительных успехах ООН в поддержке миротворцев АС в суданском Дарфуре. В 2004—2006 гг. эффективность действия африканских миротворцев была относительно низкой, что не позволяло защитить гражданское население от нападений со стороны незаконных формирований. В этой связи 12 января 2006 г. было принято решение о реформировании Миссии АС в Судане (МАСС) и переходе к Смешанной операции АС — ООН в Дарфуре (ЮНАМИД)²⁰.

Проанализировав деятельность миротворцев АС и ООН, А.С. Шагалов и Л.И. Ромадан делают «вывод о том, что смешанная миротворческая операция ООН и АС стала ключевым инструментом в деле стабилизации положения в Дарфуре» (Ромадан, Шагалов, 2015, с. 177). Мандат ЮНАМИД истек 31 декабря 2020 г.²¹, но ООН не свернула свое присутствие в стране. В настоящее время поддержку политическим переходным процессам в Судане оказывает политическая миссия ООН (ЮНИТАМС)²².

Второй по значимости организационной формой, по мнению 55,1 % опрошенных, являются миротворческие операции ООН, которые отметили 56,6 % англоговорящих и 53,1 % франкоговорящих респондентов. Третьей по значимости формой операции

вполне обоснованно стали миссии АС, которые были выбраны 23,1 % респондентов.

Интересным представляется факт, что целесообразность миротворческой помощи от стран, входящих в Европейский союз (ЕС), или проведения миссий ЕС в Африке поддерживают лишь 11,1 и 8,3 % опрошенных соответственно. При этом за указанные альтернативные миротворчеству ООН формы операций свои голоса отдали преимущественно представители франкофонных государств.

В контексте странового участия или участия групп государств, возглавляемых государством-лидером, можно предположить, что данная позиция во многом сформирована благодаря активной роли Франции во внутренних конфликтах (например, в Мали и ЦАР). Как представляется, используя свои руководящие позиции в ДОПМ, Франция получала поддержку мирового сообщества своими действиями по «управлению конфликтами и возможность контролировать миротворческие миссии ООН в зоне своих традиционных интересов — во франкоязычной Африке» (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022, с. 85). Например, за счет стратегического положения Мали играла роль связующего звена зон французского влияния в Западной Африке и являлась важной частью маршрута транспортировки полезных ископаемых (Давидчук, Дегтерев, Сидибэ, 2021, с. 51).

В своем выступлении в ходе международного научного семинара «Дилеммы современного миротворчества в Западной Африке», организованного кафедрой теории и истории международных отношений РУДН 16 июня 2021 г., малийский политик, премьер-министр (с 5 апреля 2014 г. по 8 января 2015 г.) Муса Мара отметил, что «колониальные государства действовали в Африке без учета интересов местного населения»²³. При этом участие Франции зачастую имело интервенционистскую направленность, связанную со сменой правящих режимов, что в итоге приводило к негативному эффекту. Например, в 2013—2016 гг. Франция провела

²⁰ Communique PSC/PR/Comm.(XLV) // AU Peace and Security Council. January 12, 2006. URL: [https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Sudan%20%20PSCPRComm\(XLV\).pdf](https://www.securitycouncilreport.org/atf/cf/%7B65BFCF9B-6D27-4E9C-8CD3-CF6E4FF96FF9%7D/Sudan%20%20PSCPRComm(XLV).pdf) (accessed: 13.12.2022).

²¹ Security Council Terminates Mandate of African Union — United Nations Hybrid Operation in Darfur, Unanimously Adopting Resolution 2559 (2020) // The United Nations. December 22, 2020. URL: <https://press.un.org/en/2020/sc14401.doc.htm> (accessed: 13.12.2022).

²² Mandate // UNITAMS. URL: <https://unitams.unmissions.org/en/mandate> (accessed: 13.12.2022).

²³ Научный семинар «Дилеммы современного миротворчества в Западной Африке» // ЦПАМТ РУДН. 16.06.2021. URL: <https://youtu.be/YEefyIw-xi0> (дата обращения: 13.12.2022).

для стабилизации обстановки в ЦАР военную операцию «Сангарис». Данная операция может быть рассмотрена как очередная военная акция французских вооруженных сил в ЦАР с момента обретения страной независимости в 1960 г. Для стабилизации ситуации в страну кроме французских подразделений были направлены военные контингенты Международной миссии под африканским руководством по поддержке в ЦАР (АФИСМЦАР), а также силы ЕС, получившие мандат ООН²⁴. В апреле 2014 г. СБ ООН учредил миротворческую миссию в ЦАР (МИНУСКА), основной костяк которой составили уже находившиеся в стране силы²⁵.

При этом деятельность французского контингента миротворческих сил в ЦАР вызывала критику местного населения, заявляющего, что «бывшая метрополия не скрывает своего желания снова захватить контроль над ценными ресурсами бывшей колонии... а Париж готовится к дестабилизации обстановки в республике и использует для этого контингент ООН»²⁶.

В качестве альтернативы французским подходам, которые служат ярким примером «западного подхода», можно рассмотреть российское участие в урегулировании конфликтного противостояния в ЦАР. По мнению директора Института современного государственного развития, эксперта Центра прикладных исследований и программ Д. Солонникова, «Франция не демонстрирует реальных успехов ни в военной мощи, как в той же Мали, ни в экономическом развитии. С силовой точки зрения Париж проигрывает Москве, с экономической — Китаю. При этом

²⁴ Резолюция 2127 (2013), принятая Советом Безопасности на его 7072-м заседании 5 декабря 2013 года // ООН. 05.12.2013. URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N13/594/45/PDF/N1359445.pdf?OpenElement> (дата обращения: 13.12.2022).

²⁵ Франция прекращает военную операцию «Сангарис» в ЦАР // ТАСС. 31.10.2016. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3748355> (дата обращения: 13.12.2022).

²⁶ Граждане ЦАР обвинили миротворцев ООН и Францию в подготовке переворота // ИА Реалист. 29.11.2021. URL: <https://realtribune.ru/grazhdane-car-obvinili-mirotvorcev-oon-i-franciju-v-podgotovke-perevorota> (дата обращения: 13.12.2022).

обращение ЦАР к России дает возможность и того, и другого»²⁷.

После подписания в 2018 г. соглашения о военном сотрудничестве между Российской Федерацией и ЦАР²⁸ российское военное ведомство поставляет своему партнеру в Африке вооружение и военных специалистов, которые тренируют местную полицию и армию, но при этом не могут применять оружие, то есть открыто вмешиваться в конфликт.

Сотрудничество ЦАР с Россией показало себя эффективным и «позволило модернизировать и обучить армию Республики, что способствовало победе над незаконными вооруженными формированиями в 2020—2021 гг. В результате законное правительство ЦАР смогло взять под контроль значительную часть страны, включая территории, богатые полезными ископаемыми» (Карлов, Карлов, 2022, с. 174—175).

При этом российская помощь ЦАР в укреплении потенциала в сфере обеспечения безопасности позволяет реализовывать «прагматичный подход» во внешнеполитическом курсе, совмещая воздействие на развитие динамики внутреннего конфликта (с учетом интересов России) с защитой основополагающих «общечеловеческих ценностей», гарантированных Уставом ООН и нормами международного права (Шамаров, 2021, с. 14).

Возможные сферы для развития личностно-компетентностного потенциала африканских полицейских

В контексте возможного расширения африканского участия в миротворчестве представляется определенный интерес информация о сферах профессиональной подготовки

²⁷ Дзержинский С. Движущая сила региона: политолог Солонников оценил успехи ЦАР за последний год // РИА ФАН. 01.12.2021. URL: <https://riafan.ru/turbopages.org/riafan.ru/s/1563997-dvizhushaya-sila-regiona-politolog-solonnikov-ocenil-uspekhi-car-za-poslednii-god> (дата обращения: 13.12.2022).

²⁸ Россия будет обучать в своих военных вузах специалистов из Центральноафриканской Республики // Министерство обороны Российской Федерации. 21.08.2018. URL: <https://mil.ru/army2018/news/more.htm?id=12192030@egNews> (дата обращения: 13.12.2022).

полицейских, в которых, по мнению респондентов, имеется потребность в правоохранительных органах африканских стран.

В ходе анкетирования полицейским из Африки было предложено выбрать из представленного списка²⁹ наиболее важные сферы полицейской деятельности, в которых, по их мнению, необходимо развитие личностно-компетентностного потенциала кандидатов в миротворческие миссии (табл. 1).

В результате опроса пятью сферами, отмеченными наибольшим количеством респондентов, стали:

— обучение методике расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий (ИТ-преступлений);

— обучение обеспечению прав человека;

— обучение в области гендерных проблем и защиты детей;

— обучение в сфере деятельности подразделений спецполиции;

— обучение в области защиты гражданского населения.

Анализируя полученные результаты, считаем важным отметить, что стратегические документы ООН неоднократно подчеркивали обеспечение прав человека в качестве приоритета в сфере деятельности полицейского компонента.

Доклад Группы высокого уровня по операциям ООН в пользу мира («доклад Брахими»³⁰) провозгласил необходимость расширения роли полиции ООН в более широком контексте мероприятий по обеспечению верховенства права и полной интеграции верховенства права и прав человека в рамках проводимых ею мероприятий. Позднее этот тезис нашел свое отражение в ряде стратегических документов ООН. Например, стратегия

«Полиция ООН в составе операций по поддержанию мира и специальных политических миссий»³¹ подтверждает, что сотрудники полиции и должностные лица органов по поддержанию правопорядка обязаны соблюдать и защищать права человека, включая право на жизнь, свободу и личную неприкосновенность, гарантированное Всеобщей декларацией прав человека.

Таблица 1

Мнения опрошенных о сферах деятельности полицейского персонала, в которых необходимо повышение профессионального потенциала, %

Сферы полицейской деятельности	Все-го	Англоговорящие респонденты	Франкоговорящие респонденты
Расследования преступлений, совершенных с применением информационно-телекоммуникационных технологий	62,6	46,7	61,7
Обеспечение прав человека	57,9	46,7	72,3
Решение гендерных проблем и защита детей	54,2	40,0	72,3
Деятельность подразделений полиции специального назначения	40,2	31,7	51,0
Защита гражданского населения	38,3	25,0	55,3
Деятельность экспертно-криминалистических подразделений	34,6	30,0	40,4
Организация полицейской деятельности (планирование и проч.)	34,6	23,3	48,9
Расследование убийств	33,6	23,3	46,8
Внутренняя административная деятельность (управление персоналом, инспектирование и проч.)	25,2	16,7	36,1
Деятельность финансово-экономических подразделений	20,6	20,0	21,2

Источник: составлено авторами.

В этой связи обучение в сфере обеспечения уважения прав человека при проведении миротворческих операций (включая защиту

²⁹ Данный список был сформирован авторами с учетом приоритетных направлений деятельности полиции ООН при мониторинге действий местной полиции или реализации программ по реформированию полиции принимающих государств в ходе миротворческих операций ООН.

³⁰ Report of the Panel on UN Peace Operations (Brahimi Report) // The United Nations. August 21, 2000. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/a_55_305_e_brahimi_report.pdf (accessed: 13.12.2022).

³¹ Policy on United Nations Police in Peace Operations and Special Political Missions // United Nations Police. 2014. URL: <https://police.un.org/en/policy-united-nations-police-peace-operations-and-special-political-missions-2014> (accessed: 13.12.2022).

женщин и детей в вооруженных конфликтах, кодекс поведения и дисциплины, действия по предотвращению сексуальной эксплуатации и жестокого обращения) являются важной частью блока «Основных учебных материалов» (*Core Pre-deployment Training Materials*) стандартизованных программ обучения кандидатов, относящихся к категории «индивидуальные сотрудники полиции».

Учитывая, что мандаты, направленные на защиту, провозглашены одним из приоритетов миротворческих операций ООН³², ИСУП ДОПМ осуществляет ряд учебных программ, таких как программа защиты гражданского населения (оперативный и тактический уровни), программа борьбы с сексуальным и гендерным насилием. Также были разработаны «Специальные учебные материалы по вопросам защиты детей» (*Training Materials on Child Protection for UN Police*)³³.

При этом полиция ООН в соответствии с резолюцией СБ ООН 1325 (2000) взяла обязательство уделять первостепенное внимание набору, развертыванию и удержанию женщин-полицейских в миротворческих операциях на всех уровнях. В этих целях было разработано «Пособие по гендерным вопросам для полиции ООН» (*United Nations Police Gender Toolkit*)³⁴, которое представляет собой комплект учебных материалов по передовой практике учета гендерной проблематики в деятельности полиции при проведении миротворческих операций.

Считаем важным подчеркнуть, что выбор данной тематики кандидатами из числа африканских полицейских является отражением тренда интеграции норм ООН в сфере обеспечения уважения прав и свобод

человека в правовое поле государств Африки в целях обеспечения защиты гражданского населения (Oksamytna & Wilén, 2022).

По нашему мнению, обучение полицейских-миротворцев не должно завершаться на предмиссионной стадии. Важную роль для повышения профессионального потенциала участников миротворческих операций ООН играет организация дополнительного обучения полицейских ООН в ходе их работы в миссии по таким «актуальным направлениям полицейской деятельности, как обеспечение прав человека, реформирование и реструктуризация местной полиции, предупреждение преступлений на сексуальной почве и работа с уязвимыми группами населения» (Тишков, 2016, с. 171—172). При формировании учебных программ подготовки миротворцев, прибывших в конкретную операцию для оказания помощи в сфере обеспечения господства права, необходимо учитывать особенности правовой системы принимающей страны, ее традиций и правовых институтов, характер и причины конфликта, динамику нарушений прав человека и положение уязвимых групп населения, а также содержание положений мирных соглашений в сфере господства права.

Наряду с рассмотренными выше базовыми сферами для обучения полицейских вполне обоснованным является потребность в подготовке специальных подразделений полиции. Именно СПП могут стать альтернативой применения воинских подразделений ООН для защиты гражданского населения в местах их временного проживания, объектов и инфраструктуры ООН.

Для подготовки СПП разработаны отдельные стандарты обучения, которые предусматривают получение кандидатами знаний об основных правах человека, особенно в случаях ареста или задержания, правил применения силы, расширенные знания и навыки в области обеспечения общественного порядка, а также защиты персонала и объектов ООН³⁵.

³² Report of the Secretary-General on the Protection of Civilians in Armed Conflict // The United Nations. May 10, 2017. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/1298583> (accessed: 13.12.2022).

³³ New Training on Child Protection Available for the United Nations Police // United Nations Police. May 3, 2022. URL: <https://police.un.org/en/new-training-child-protection-available-united-nations-police> (accessed: 13.12.2022).

³⁴ United Nations Police Gender Toolkit // United Nations Police. 2015. URL: https://police.un.org/sites/default/files/united_nations_police_gender_toolkit_handbook1.pdf (accessed: 13.12.2022).

³⁵ United Nations Police Temporary Training Standards for Formed Police Units // United Nations Police. URL: https://police.un.org/sites/default/files/fpu_training_standards_2010.pdf (accessed: 13.12.2022).

Важно отметить, что в мае-июле 2009 г. мобильная группа инструкторов ООН провела на базе ЦПМ обучение сотрудников специальных подразделений ООН. После прохождения обучения 36 сотрудников полиции из 32 стран были направлены в миссии в Демократической Республике Конго, Кот-д'Ивуаре, Гаити, Восточном Тиморе и Судане³⁶.

Считаем, что расширение спектра реализуемых задач за счет подготовки командного состава СПП африканских стран для ООН позволит повысить международный статус ЦПМ. Данная работа может быть организована как с привлечением инструкторов ООН, так и после сертификации российских инструкторов.

При этом необходимо учитывать, что проблемным моментом обучения СПП может стать материально-техническое обеспечение тренинга. Обучение данных подразделений «необходимо проводить с использованием специальных средств и снаряжения, которые в дальнейшем поступят на их вооружение» (Тишков, 2017, с. 114). Поэтому данный вопрос целесообразно рассматривать совместно с возможностью организации поставок российской специальной техники и вооружения подразделениям спецполиции африканских стран (Огнева, Тишков, 2011, с. 327).

Однако в контексте расширения спектра миротворческих задач полиция ООН должна также обладать потенциалом в сфере расследования различных видов преступлений для выполнения правоприменительных мандатов или обучения местных полицейских. Так, при анализе потребностей в обучении кандидатов в миротворческие миссии А.И. Тамбовцев вполне обоснованно отмечает целесообразность «организации обучения полицейского персонала ООН основам предупреждения, раскрытия и расследования не только преступлений на сексуальной почве, но и преступлений общеуголовного характера, а также преступлений, наиболее свойственных конкретному региону проведения миротворческой операции» (Тамбовцев, 2014, с.10).

³⁶ Доклад начальника ЦПМ А.Я. Казеева на заседании Ученого совета ВИПК МВД России. Июнь 2011 г. (неопубл.).

Поэтому наряду с описанными выше достаточно традиционными сферами подготовки миротворцев определенным интерес представляют ответы опрошенных о потребности в подготовке полицейских в такой относительно новой для правоохранительных органов отрасли, как расследование компьютерных преступлений. По нашему мнению, данные ответы показывают растущее внимание кандидатов в миротворческие операции из числа сотрудников правоохранительных органов различных государств к противодействию использованию информационно-телекоммуникационных технологий в преступной деятельности.

Цифровые технологии начинают играть заметную и все более сложную роль на арене конфликтов XXI в., создавая или трансформируя условия для них, а также порождая новые риски для миротворческой деятельности. Поэтому качественное обучение сотрудников методике расследования подобного вида преступлений может в дальнейшем помочь в развитии личностно-компетентностного потенциала кандидатов в миротворцы ООН и правоохранителей стран, на территории которых проводятся миротворческие операции.

Необходимо отметить, что Российская Федерация активно участвует в международных мероприятиях по противодействию использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях, например в рамках реализации «Плана взаимодействия государств — членов ШОС по вопросам обеспечения международной информационной безопасности на 2022—2023 годы»³⁷. Министр внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцев отмечает важность создания эффективной правовой базы сотрудничества правоохранительных органов, и прежде всего — в рамках ООН: «Россия первой подняла на этой главной переговорной площадке вопрос создания

³⁷ Выступление на церемонии открытия XVI Форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества в обеспечении международной информационной безопасности» // Шанхайская организация сотрудничества. 19.09.2022. URL: http://rus.sectsc.org/archive_news/20220921/913705/Vystuplenie-na-tseremonii-otkrytiya-XVI-Forum-a-Partnerstvo-gosudarstva-biznesa-i-grazhdanskogo.html (дата обращения: 13.12.2022).

практического механизма, сфокусированного на борьбе с IT-преступлениями и носящего по содержанию всеобъемлющий характер»³⁸.

При этом необходимо подчеркнуть, что образовательные организации МВД России обладают специалистами и методической базой для организации обучения методике расследования компьютерных преступлений, которая может быть использована для обучения африканских коллег.

Вместе с тем криминальная ситуация в условиях проведения различных миротворческих операций ООН может существенно различаться в соответствии с уровнем развития экономики и инфраструктуры страны, принимающей миротворцев. Зачастую полицейские ООН работают на территориях, не охваченных сетью Интернет, с высоким уровнем общеуголовных преступлений. Поэтому кандидаты в миротворческие операции в обязательном порядке должны обладать базовыми знаниями о методике расследования преступлений различных видов.

Считаем важным отметить, что в ходе исследования дополнительные комментарии оставили 25 респондентов, 11 из которых (10,2 % от общего числа опрошенных) отметили необходимость развития потенциала полиции стран Африки в различных сферах, включая проведение специализированного тренинга для полицейских (шесть комментариев), совершенствование партнерства в развитии потенциала местной полиции (два комментария), реформирование местной полиции (один комментарий), дополнительное изучение миротворческих мандатов (один комментарий), что подтверждает актуальность данной проблематики.

Подводя итог исследованию, подчеркиваем, что его результаты позволяют сформировать общее представление о возможных направлениях повышения личностно-компетентностного потенциала сотрудников полицейских органов африканских стран в области обеспечения господства права и правосудия и могут быть использованы для дальнейших научных исследований.

³⁸ Светлова В. С учетом геополитических реалий // Полиция России. 2022. № 9. С. 4.

Заключение

Подготовка кандидатов в миротворческие операции ООН из числа полицейского персонала стран Африки становится новым перспективным направлением в области международного полицейского сотрудничества. В последние десятилетия Российская Федерация все активнее участвует в данном процессе, организуя обучение африканских полицейских на базе ЦПМ ВИПК МВД России.

Выборочное анкетирование кандидатов в миротворческие операции ООН из числа полицейского персонала африканских стран показывает, что большинство опрошенных допускают внешнее миротворческое вмешательство во внутренние конфликты на Африканском континенте, как правило под флагом ООН.

Основной формой миротворческой операции кандидаты в миротворцы из стран Африки видят совместные операции АС и ООН. Реализация данного подхода позволит совместить преимущества миротворческого участия ООН, обладающей общепризнанной политической легитимностью и финансами, с оперативностью размещения региональных сил АС и их готовностью к возможным силовым акциям в пользу мира.

При этом альтернативой или дополнением к действиям ООН в Африке может стать участие государств-членов на двусторонней основе в оказании помощи в урегулировании внутренних конфликтов. Реализация потенциала Российской Федерации в данном направлении позволяет совместить свое политическое влияние в странах Африканского континента и военное присутствие с гуманитарными задачами.

Перспективными направлениями российского участия в развитии миротворческого потенциала африканских полицейских наряду с предоставлением стандартизированного предмиссионного тренинга по унифицированным программам ООН могут стать подготовка подразделений спецполиции государств — членов ООН и обучение кандидатов в миротворческие операции методике расследования преступлений различных видов (включая IT-преступления).

Расширение спектра предоставляемых образовательных программ для кандидатов в миротворческие операции позволит не только увеличить вклад Российской Федерации в решение актуальной для ООН проблемы подготовки миротворческого персонала, но и заложить основы для новых «незападных» подходов к миротворчеству.

Поступила в редакцию / Received: 14.01.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 15.05.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Алексеева Т. О.* Международное сотрудничество в области подготовки полицейских кадров: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва : Московский университет МВД России, 2003.
- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х.* «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2. С. 76—101.
- Давидчук А. С., Дегтерев Д. А., Сидибе У.* Конфликт в Мали. Взаимоотношения основных акторов // Азия и Африка сегодня. 2021. № 12. С. 47—56. <https://doi.org/10.31857/S032150750017789-9>
- Карлов В. В., Карлов В. П.* Международно-правовое регулирование военного конфликта в Центральноафриканской Республике и участие в нем Российской Федерации // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2022. Т. 1, № 3. С. 170—175. https://doi.org/10.51965/20767919_2022_1_3_170
- Огнева В. В., Тишков С. А.* Миротворческий вектор внешнеполитической деятельности современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2011. № 1. С. 322—330.
- Огнева В. В.* «Мягкая сила» — инструмент внешней политики современной России // Научно-аналитический журнал Обозреватель — Observer. 2016. № 3. С. 19—29.
- Ромадан Л. И., Шагалов В. А.* Сотрудничество ООН и АС по предотвращению конфликтов, поддержанию мира и миростроительству // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 6. С. 174—181.
- Тамбовцев А. И.* Особенности миссий ООН в странах Африки сквозь призму подготовки миротворцев // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 3. С. 6—10.
- Тишков С. А.* Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН по повышению профессионального потенциала полицейского персонала постконфликтных государств // Международные отношения. 2017. № 2. С. 107—117. <https://doi.org/10.7256/2454-0641.2017.2.19995>
- Тишков С. А.* Деятельность многокомпонентных миротворческих миссий ООН: современная парадигма, императивы совершенствования: дис. ... канд. полит. наук. Орел : Орловская региональная академия государственной службы, 2011.
- Тишков С. А.* Организация обучения полицейского персонала в условиях миротворческих миссий ООН // Наука и практика. 2016. № 3. С. 170—172.
- Шагалов В. А.* Гражданская война в Сомали и миротворческая операция Африканского союза // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 1. С. 207—216.
- Шамаров П. В.* Миротворческая деятельность в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук. Москва : Московский государственный лингвистический университет, 2021.
- Holmes G.* Situating Agency, Embodied Practices and Norm Implementation in Peacekeeping Training // International Peacekeeping. 2019. Vol. 26, iss. 1. P. 55—84. <https://doi.org/10.1080/13533312.2018.1503934>
- Kleygrewe L., Oudejans R. R., Koedijk M., Hutter R. I.* Police Training in Practice: Organization and Delivery According to European Law Enforcement Agencies // Frontiers in Psychology. 2022. Vol. 12. P. 1—13. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.798067>
- Neubauer P.* Making the International Work: Police Training Experts as Brokers for International Missions // International Peacekeeping. 2022. Vol. 29, iss. 3. P. 522—547. <https://doi.org/10.1080/13533312.2022.2080662>
- Oksamytna K., Wilén N.* Adoption, Adaptation or Chance? Inter-organisational Diffusion of the Protection of Civilians Norm from the UN to the African Union // Third World Quarterly. 2022. Vol. 43, no. 10. P. 2357—2374. <https://doi.org/10.1080/01436597.2022.2102474>

Сведения об авторах: *Тишков Сергей Александрович* — кандидат политических наук, доцент, заместитель начальника, кафедра криминалистики и предварительного расследования в органах внутренних дел, Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова; ORCID: 0000-0003-0406-0900; e-mail: stishkov@list.ru

Тишкова Дарья Сергеевна — слушатель, международно-правовой факультет, Московский университет МВД России имени В.В. Кикотя; ORCID: 0000-0002-1549-0124; e-mail: tishaulch@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496

EDN: GYKHEP

Научная статья / Research article

СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества

А.Л. Бовдунов

Международное «Евразийское Движение», Москва, Российская Федерация

 alexander.bovdunov@yandex.ru

Аннотация. Конфликт в Центральноафриканской Республике (ЦАР) привлекает внимание мирового сообщества с начала 2000-х гг. В попытках оказать содействие его разрешению принимали участие Африканский союз, ООН, Французская Республика. После 2018 г. активное участие в разрешении конфликта в ЦАР принимает Россия. Правительство ЦАР неоднократно выражало недовольство функционированием контингента Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Центральноафриканской Республике (МИНУСКА) и, напротив, заявляло о признательности российским военным специалистам, находящимся в ЦАР. Автор сравнивает эффективность миротворческого контингента ООН — МИНУСКА — и российских военных специалистов, действующих под эгидой «Содружества офицеров за международную безопасность» (СОМБ) на основании сущностного единства стоящих перед этими силами задач. На основании анализа данных по государственному контролю в ЦАР и насильственным инцидентам с 2014 по 2022 гг. сделан вывод о большей эффективности российского контингента с точки зрения обеспечения безопасности и укрепления государства в ЦАР (задачи, обозначенные и в мандате МИНУСКА). Автор также анализирует проблемы функционирования миротворческих контингентов ООН, отмечая их системные и структурные недостатки. Главным недостатком, однако, признается приверженность ООН либеральному подходу, который ставит под сомнение суверенитет принимающего государства. Российский реалистский подход, напротив, центрируется вокруг суверенитета и его силовой составляющей. Тем самым действия россиян в ЦАР вполне возможно изучать в рамках парадигмы «илиберального» миротворчества.

Ключевые слова: миротворчество, миростроительство, либерализм, илиберализм, реализм, международные отношения, Россия, Африка, Центральноафриканская Республика, ЦАР, МИНУСКА, СОМБ, Франция, права человека

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бовдунов А. Л. СОМБ и МИНУСКА в ЦАР: эффективность реалистской и либеральной парадигм миротворчества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 480—496. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496>

© Бовдунов А.Л., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

OUIS and MINUSCA in the CAR: The Effectiveness of Realist and Liberal Peacekeeping Paradigms

Aleksandr L. Bovdunov

Eurasian Movement International, Moscow, Russian Federation

alexander.bovdunov@yandex.ru

Abstract. The conflict in the Central African Republic (CAR) has attracted international attention since the early 2000s. The African Union, the United Nations (UN) and the French Republic have all been involved in trying to help resolve the conflict. Since 2018, Russia has been actively involved in resolving the conflict in the Central African Republic. The government and people of the CAR have repeatedly expressed their dissatisfaction with the functioning of the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic (MINUSCA) contingent and, conversely, expressed their appreciation for the Russian military specialists stationed in the CAR. The author attempts to compare the effectiveness of the UN peacekeeping contingent (MINUSCA) and Russian military specialists operating under the auspices of the Officers Union for International Security (OUIS), based on the essential unity of purpose of these forces. Based on an analysis of data on state control in the CAR and violent incidents from 2014 to 2022, the author concludes that the Russian contingent is more effective in providing security and strengthening the state in the CAR (tasks also outlined in the MINUSCA mandate). The author also analyzes the problems in the functioning of the UN peacekeeping contingents, highlighting their systemic and structural shortcomings. The main shortcoming, however, in his view, is the UN's commitment to a liberal approach that challenges the sovereignty of the host state. The Russian realist approach, by contrast, focuses on sovereignty and its power component. Thus, the actions of the Russians in the CAR can be studied within the paradigm of “illiberal” peacekeeping.

Key words: peacekeeping, peacebuilding, liberalism, illiberalism, realism, international relations, Russia, Africa, Central African Republic, CAR, MINUSCA, OUIS, France, human rights

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Bovdunov, A. L. (2023). OUIS and MINUSCA in the CAR: The effectiveness of realist and liberal peacekeeping paradigms. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 480—496. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-480-496>

Введение

С начала 2000-х гг. Центральноафриканская Республика (ЦАР) оказалась ввергнута в череду гражданских конфликтов (2001—2003 гг., 2004—2007 гг., 2012 г. — настоящее время). Для стабилизации обстановки в стране в 2013—2021 гг. находились французские миротворцы¹. С 2014 г. в ЦАР также были размещены миротворцы Многопрофильной комплексной миссии Организации Объединенных Наций по стабилизации в Центральноафриканской Республике (*the United Nations Multidimensional Integrated Stabilization Mission in the Central African Republic*,

MINUSCA, МИНУСКА), сменившие миротворческую миссию Африканского союза, также действовавшую на основании мандата Совета Безопасности ООН. В настоящее время в ЦАР находится более 16 тыс. миротворцев ООН². Их первостепенной задачей, согласно выданному мандату, является «защита гражданского населения»³. Кроме того, миссия ООН осуществляет «поддержку осуществления переходного процесса; содействие предоставлению гуманитарной помощи; поощрение и защиту прав человека; поддержку правосудия и обеспечение верховенства права; а также процессы разоружения,

¹ France Suspends Military, Budgetary Support to Central African Republic // Africanews. June 7, 2021. URL: <https://www.africanews.com/2021/06/07/france-suspends-military-budgetary-support-to-central-african-republic> (accessed: 15.02.2023).

² МИНУСКА — фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusca> (дата обращения: 15.02.2023).

³ Там же.

демообликации, реинтеграции и репатриации»⁴.

Однако к концу 2017—2018 гг., несмотря на присутствие более чем 11-тысячного контингента миротворцев, ситуация в ЦАР продолжала оставаться напряженной. Как отмечали западные наблюдатели, силы МИНУСКА выглядели «все более перегруженными и бессильными в условиях растущего противостояния»⁵. МИНУСКА сталкивалась «со значительными трудностями в выполнении своего мандата по защите гражданского населения и расформированию вооруженных групп, в основном из-за отсутствия инфраструктуры и нежелания применять военную силу»⁶.

В 2018 г. власти ЦАР обратились за помощью к России, и в страну были направлены российские военные специалисты (первая группа состояла из 170 гражданских и 5 военных инструкторов⁷). Официально поставленная перед ними задача заключается в подготовке военных ЦАР. 6 февраля 2019 г. при содействии России (Костелянец, 2020) власти и оппозиция ЦАР заключили Хартумское соглашение, или Соглашение о мире и примирении в ЦАР⁸.

Число российских военных специалистов начало расти после того, как в конце 2020 г. объединенная вооруженная оппозиция под

руководством бывшего президента Франсуа Бозизе попыталась взять столицу страны Банги и сорвать президентские выборы. Тем самым оппозиционеры нарушили прежние договоренности.

На 3 февраля 2023 г., по словам посла России в ЦАР, в стране находилось 1 890 российских инструкторов⁹. С российской стороны их курирует «Содружество офицеров за международную безопасность» (СОМБ) во главе с А.А. Ивановым¹⁰. По словам посла ЦАР в России Леона Додону-Пунагаза, «то, что они (французы и американцы. — Прим. ред.) не смогли сделать за десятилетия, Россия сделала за год. То же самое в Мали. Россия обещала, и меньше чем за два года порядок навели»¹¹.

Возможность сравнения

Существует теоретическая возможность сравнения эффективности действий миротворцев ООН и российских специалистов в ЦАР. Налицо и практическая необходимость: если после появления россиян, по словам посла ЦАР в России, ситуация изменилась к лучшему (чего не могли добиться долгие годы миротворцы ООН), значит, этот опыт необходимо изучить для масштабирования в других регионах Африки и мира в целом.

Сравнение облегчается следующими факторами:

1) время пребывания миротворцев ООН до появления первых российских военных советников и время нахождения российского контингента в ЦАР примерно равны (четыре года);

2) перед миротворцами и российскими инструкторами стояла и стоит сущностно

⁴ МИНУСКА — фактологический бюллетень // Операции ООН по поддержанию мира. URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/mission/minusca> (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ Zanoletti G. Increasing Political Violence in the Central African Republic // ACLED. June 8, 2018. URL: <https://acleddata.com/2018/06/08/increasing-political-violence-in-the-central-african-republic/> (accessed: 15.02.2023).

⁶ Conflict in the Central African Republic // CFR Global Conflict Tracker. May 11, 2022. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict-violence-central-african-republic> (accessed: 15.02.2023).

⁷ МИД сообщил об отправке российских военных в Центральную Африку // РБК. 22.03.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/03/2018/5ab3b98c9a79472ad58e6ca8> (дата обращения: 15.02.2023)

⁸ Political Agreement for Peace and Reconciliation in the Central African Republic, February 2019 (S/2019/145) // Reliefweb. February 15, 2019. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/political-agreement-peace-and-reconciliation-central-african> (accessed: 15.02.2023).

⁹ Интервью Посла России в ЦАР А.М. Бикантова МИА «Россия сегодня», 3 февраля 2023 года // МИД России. 03.02.2023. URL: <https://mid.ru/ru/maps/cf/1852373/> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁰ Об Александре Иванове // Содружество офицеров за международную безопасность. URL: <https://officersunion.org/ru/ivanov-ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

¹¹ Леон Додону: Россия навела порядок в ЦАР за год, а Запад не мог много лет // РИА Новости. 07.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220207/dodonu-1771085398.html> (дата обращения: 15.02.2023).

единая задача. Безотносительно теоретических споров в определении «миротворчества» и различия между «миротворчеством» (*peacekeeping*), «миростроительством» (*peacebuilding*) и «принуждением к миру» (*peace enforcement*) (Никитин, 2016, с. 21) в данном конкретном случае мандат МИНУСКА четко говорит о защите гражданских лиц как первоочередной задаче и укреплении государственности как второй по значимости для сил ООН в ЦАР¹².

По словам посла России в ЦАР А.М. Бикантова, российские военные специалисты оказывают поддержку вооруженным силам ЦАР «с целью повышения их компетенции в деле поддержания безопасности и правопорядка на всей территории государства, что должно способствовать нормализации обстановки и прочному урегулированию затянувшегося вооруженного конфликта»¹³. СОМБ официально позиционирует себя как «объединение людей, выступающих за мир и спокойствие»¹⁴.

Таким образом, и миротворцы ООН, и россияне находятся в ЦАР формально с одной и той же целью: стабилизация обстановки в стране и защита мирных жителей. Это значит, что вполне возможно поставить вопрос о сравнении их эффективности и о том, в чем состоит принципиальная разница между подходами МИНУСКА и СОМБ.

МИНУСКА и СОМБ: отношение властей и населения ЦАР

За последние четыре года у властей ЦАР и населения страны была возможность оценить эффективность как миротворцев

¹² Resolution 2149 (2014) Adopted by the Security Council at its 7153rd Meeting, on 10 April 2014 // United Nations Digital Library. April 10, 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/768393?ln=ru> (accessed: 15.02.2023).

¹³ В МИД заявили, что инструкторы РФ продолжают свою работу в ЦАР на законных основаниях // ТАСС. 08.04.2021. URL: <https://tass.ru/politika/11096083> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁴ О нас // Содружество офицеров за международную безопасность URL: <https://officersunion.org/ru/> (дата обращения: 15.02.2023).

МИНУСКА, так и россиян. Последние восемь лет в ЦАР неоднократно проходили манифестации против присутствия «голубых касок» в стране¹⁵. Ни одной такой манифестации, направленной против инструкторов из России в ЦАР, не было.

Согласно социологическому исследованию российского Фонда защиты национальных ценностей, которое было проведено в ЦАР в июне 2021 г., почти 70 % опрошенных негативно отзывались о МИНУСКА. Действия россиян получили положительную оценку 94 % опрошенных¹⁶. Социологическое исследование 2020 г., проведенное по инициативе Программы развития ООН (ПРООН) и Гарвардской гуманитарной инициативы

¹⁵ См.: Fisayo-Bambi J. Protesters in Bangui Call for Expulsion of MINUSCA Staff // Africanews. February 18, 2020. URL: <https://www.africanews.com/amp/2020/02/18/protesters-in-bangui-call-for-expulsion-of-minusca-staff-morning-call/> (accessed: 15.02.2023); CAR Protesters Clash with UN Peacekeepers Turns Deadly // Al Jazeera. April 10, 2015. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2015/4/10/car-protesters-clash-with-un-peacekeepers-turns-deadly> (accessed: 15.02.2023); Four Killed in CAR Protest against UN Peacekeepers // France 24. October 24, 2016. URL: <https://www.france24.com/en/20161024-central-africa-republic-un-peacekeepers-minusca-bangui> (accessed: 15.02.2023); Violent Demonstrations against MINUSCA in Kaga-Bandoro // Reliefweb. April 10, 2015. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/violent-demonstrations-against-minusca-kaga-bandoro> (accessed: 15.02.2023); Жители ЦАР забаррикадировали миротворцам ООН дорогу к аэропорту // Федеральное агентство новостей. 20.11.2021. URL: https://web.archive.org/web/20220810235317/https://riafan.ru/23056779-zhiteli_tsar_zabarrikadirovali_mirotvortsam_oon_dorogu_k_aeroportu (дата обращения: 15.02.2023); Жители ЦАР вышли на митинг против миротворцев ООН в Босангоа // Федеральное агентство новостей. 23.08.2021. URL: https://web.archive.org/web/20220701175244/https://riafan.ru/23241137-zhiteli_tsar_vishli_na_miting_protiv_mirotvortsev_oon_v_bosangoa (дата обращения: 15.02.2023); Граждане ЦАР обвинили миротворцев ООН и Францию в подготовке переворота // ИА Реалист. 29.11.2021. URL: <https://realtribune.ru/grazhdane-car-obvinili-mirotvorcev-oon-i-franciju-v-podgotovke-perevorota> (дата обращения: 15.02.2023).

¹⁶ ЦАР: Жители страны не доверяют Франции и ООН // Фонд защиты национальных ценностей. 21.06.2021 URL: <https://fznc.ru/afrikanskij-klub/czar-zhiteli-strany-ne-doverayut-franczii-i-oon/> (дата обращения: 15.12.2022).

(ГГИ) в сотрудничестве с МИНУСКА и при содействии США, Группы экспертов ООН по вопросам Верховенства закона и сексуального насилия в условиях конфликта, а также Фонда миростроительства (*Peacebuilding Fund*), при всей возможной ангажированности, связанной с заказчиками, подтверждает низкое доверие к МИНУСКА. «В целом респонденты меньше доверяют МИНУСКА, чем другим силовым структурам, в обеспечении безопасности в ЦАР», — отмечают социологи¹⁷. Жители ЦАР чувствуют себя в меньшей безопасности, когда встречаются с военнослужащими МИНУСКА, менее всего склонны воспринимать их в качестве сколь-нибудь значимых провайдеров безопасности¹⁸.

Россияне за время своего пребывания в республике не подвергались критике со стороны официальных властей ЦАР. В то же время конфликты между властями страны и МИНУСКА были неоднократно зафиксированы — например, офицеры МИНУСКА подвергались арестам и обвинениям в поддержке боевиков¹⁹.

Критерии эффективности миротворчества МИНУСКА и СОМБ

Субъективная оценка всегда может быть опротестована как предвзятая или сформированная под влиянием пропаганды. Однако и так называемый объективный инструментальный оценки эффективности миротворческого процесса на самом деле не всегда является непредвзятым.

Попытки квантифицировать в оценке миротворчества «помощь в проведении выборов, экономическую реконструкцию и государственное строительство»²⁰ и в целом

усвоение государством, где происходит конфликт, либеральных западных ценностных норм, внедрения либеральных институтов в рамках оценки «качества мира» (Wallensteen, 2015) являются весьма спорными. Вышеозначенные усилия необязательно приводят к миру, а часто создают не реальный, а «виртуальный мир», если сравнивать задачи, обозначенные в мандатах миротворцев и результаты их деятельности (Richmond, 2005, p. 175). Эти усилия основываются на идеологизированной «теории либерального мира» и представлении о западной либеральной демократии как единственной политической системе, якобы обеспечивающей мирное и бесконфликтное развитие. Такой взгляд, однако, вполне справедливо можно считать формой неокOLONИАЛЬНОГО подхода (Jabri, 2010; Taylor, 2017).

Другие, на первый взгляд объективные, показатели, в частности увеличение общего числа жертв в ходе конфликта за определенный период, в зависимости от контекста, могут говорить как об успешности, так и неуспешности миротворчества (например, жертвы могут быть вызваны интенсивным уничтожением боевиков в ходе операций по «принуждению к миру»). В гражданских конфликтах, где участвуют многочисленные вооруженные банды, грань между мирным населением и комбатантами размыта. К тому же в зависимости от геополитической конъюнктуры некомбатанты могут выдаваться за комбатантов, и наоборот. Поэтому данные по количеству погибших гражданских — также цифра ненадежная (особенно учитывая все сложности с объективной фиксацией таких явлений в ЦАР). Однако в целом общая динамика зафиксированных насильственных инцидентов и количество погибших могут показывать относительный уровень эскалации или деэскалации конфликта.

Для анализа ситуации в ЦАР можно использовать данные американской неправительственной организации (НПО) ACLED (*The Armed Conflict Location & Event Data Project*), абстрагируясь от ее антироссийских интерпретаций этих данных, анализируя «чистые цифры» и принимая во внимание в

¹⁷ Peace Justice & Security Polls. Central African Republic. Report 5 // Peacebuilding Data. November 2020. URL: http://www.peacebuildingdata.org/sites/m/pdf/CAR_Poll5_ENG.pdf (accessed: 15.02.2023).

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Guterres Strongly Condemns Arrest of UN Personnel in Central African Republic // UN News. February 23, 2022. URL: <https://news.un.org/en/story/2022/02/1112532> (accessed: 15.02.2023).

²⁰ Salvatore D. J., Ruggeri A. Effectiveness of Peacekeeping Operations // Oxford Research Encyclopedia of Politics. 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190228637.013.586>

первую очередь общие данные по «инцидентам политического насилия» и количеству погибших в них. Отметим, однако, что данные той же структуры по количеству «гражданских» погибших в данной статье не учитываются. Такое решение было принято, во-первых, из-за проблематичности отделения «гражданских» от «комбатантов», во-вторых, потому что эти данные не дают ничего нового, это часть тех же самых инцидентов политического насилия и погибших в них²¹.

Относительно объективным показателем успешности миротворчества в случае внутреннего гражданского конфликта можно считать территориальный, подразумевающий учет территории, на которой функционируют институты государственности, которая включена в функционирование государственной системы и где государство может применять легитимное насилие для защиты граждан. Конечно, возможны случаи, когда государство более репрессивно, чем контролировавшие до этого территорию вооруженные группы, или само является инструментом радикальных групп, представляя угрозу для своих граждан и других стран. При таких обстоятельствах можно ставить вопрос, является ли такое расширение государственного контроля благом. Вместе с тем с теоретической точки зрения, если власть является легальной и легитимной, то есть законной с точки зрения внутреннего и международного права, и пользуется общественной поддержкой (Вебер, 2008) и доверием населения (Клишас, 2018), то и благотворность расширения ее контроля не может быть поставлена под вопрос.

В случае ЦАР речь идет именно о действиях такой всенародно избранной и международно признанной власти, что было продемонстрировано на свободных выборах, прежде всего президентских, в 2016 и 2020 гг. Кроме того, в мандате МИНУСКА, подкрепленном резолюцией Совета Безопасности ООН 2149 (2014), в качестве второй по значимости задачи после защиты гражданского

населения прямо говорится о поддержке «осуществления переходного процесса, включая усилия, направленные на распространение государственной власти и сохранение территориальной целостности ЦАР»²². Тем самым, с точки зрения международного права, расширение территориального контроля властей ЦАР должно считаться благом и, соответственно, — прямым критерием эффективности находящихся в ЦАР военных контингентов.

Динамика численности миротворцев ООН и российских инструкторов в ЦАР

Контингент МИНУСКА был введен в ЦАР в 2014 г. (табл. 1). ООН и международное сообщество пытались разоружить вооруженные группы, контролировавшие страну, и заявляли о необходимости содействия распространению государственной власти²³: сначала — переходного правительства, после выборов 2015 г. — законно избранного президента страны, которым стал Фостен-Арканж Туадера. Попытки добиться всеобъемлющего мирного соглашения последовательно срывались, пока в 2019 г. при поддержке России не было заключено соглашение в Хартуме²⁴. Этому предшествовало активное включение России как в подготовку военнослужащих ЦАР, так и в переговорный процесс в 2018 г.²⁵

²² Resolution 2149 (2014) Adopted by the Security Council at its 7153rd Meeting, on 10 April 2014 // United Nations Digital Library. April 10, 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/768393?ln=ru> (accessed: 15.02.2023).

²³ Report of the Secretary-General on the Situation in the Central African Republic // United Nations Digital Library. November 28, 2014. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/784128?ln=en> (accessed: 15.02.2023).

²⁴ Central African Republic Militias Sign Agreement Brokered by Russia and Sudan // Defense Post. August 29, 2019. URL: <https://www.thedefensepost.com/2018/08/29/central-african-republic-armed-groups-agreement-russia-sudan/> (accessed: 23.02.2023).

²⁵ The Russian Effort to Bring Armed Groups and the Government in the CAR to the Negotiating Table Is Overtaking the AU's African Initiative // Institute for Security Studies. September 17, 2018. URL: <https://issafrica.org/pscreport/psc-insights/the-aus-african-initiative-vs-russiansudanese-mediation-in-the-car> (accessed: 23.02.2023).

²¹ Methodology // ACLED Data. URL: https://www.acleddata.com/wp-content/uploads/dlm_uploads/2017/10/Methodology.pdf (accessed: 27.02.2023).

Таблица 1. Динамика численности контингента МИНУСКА, российских военных специалистов, государственного контроля и уровня насилия в ЦАР в 2014—2022 гг.

Год	Контингент МИНУСКА*	Российский контингент	Государственный контроль, % территории страны	Количество инцидентов политического насилия (по данным ACLED)	Количество погибших в насильственных инцидентах (по данным ACLED)
2014	11 800	—	—	867	3 605
2015	12 830	—	—	251	515
2016	12 830	—	—	227	734
2017	13 730	—	40	357	1 824
2018	13 730	175	20	469	1 169
2019	13 730	235	—	192	596
2020	13 730	535	30	370	446
2021	17 420	1 135	С 30 % в начале года до 70 % в июне	666	1 708
2022	17 420	1 135	95	263	839

Примечание. * — Данные по резолюциям Совета Безопасности ООН. Учитывается численность военного и полицейского личного состава (без сотрудников исправительных учреждений): UN Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org> (accessed: 15.02.2023).

Источник: составлено автором по данным: МИД сообщил об отправке российских военных в Центральную Африку // РБК. 22.03.2018. URL: <https://www.rbc.ru/society/22/03/2018/5ab3b98c9a79472ad58eccac> (дата обращения: 15.02.2023); Бут З. МИД РФ: российские специалисты готовят военных и полицейских в ЦАР // Парламентская газета. 14.02.2020. URL: <https://www.pnp.ru/in-world/mid-rf-rossiyskie-specialisty-gotovyat-voennykh-i-policeyskikh-v-car.html> (дата обращения: 15.02.2023); Раскрыто число российских инструкторов в ЦАР // Лента.ру. 20.01.2022. URL: <https://lenta.ru/news/2022/01/20/instructors/> (дата обращения: 15.02.2023); Интервью заместителя директора Департамента информации и печати МИД России А.М. Бикантова медиахолдингу “Deutsche Welle”, 8 апреля 2021 года // МИД России. 08.04.2021. URL: https://archive.mid.ru/web/guest/foreign_policy/international_safety/conflicts/-/asset_publisher/xIEMTQ3OvzcA/content/id/4670482 (дата обращения: 15.02.2023); Ботороева Е. МИД: Россия дополнительно направила в ЦАР 300 военных инструкторов // Парламентская газета. 22.12.2020. URL: <https://www.pnp.ru/politics/mid-rossiya-dopolnitelno-napravila-v-car-300-voennykh-instruktorov.html> (дата обращения: 15.02.2023); Russia Insists CAfrica ‘Instructors’ Are Unarmed // France 24. May 28, 2021. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210528-russia-insists-cafrica-instructors-are-unarmed> (accessed: 15.02.2023); Central African Republic: Civilians Pay the Price of Renewed, Brutal Fighting // Reliefweb. April 13, 2017. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/central-african-republic-civilians-pay-price-renewed-brutal-fighting> (accessed: 15.02.2023); Central African Republic: A Forgotten Humanitarian Crisis on the Verge of Elections // Italian Institute for International Political Studies. October 22, 2020. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/central-african-republic-forgotten-humanitarian-crisis-verge-elections-27948> (accessed: 24.02.2023); Central African Republic Country Report 2022 // Bertelsmann Transformation Index. 2022. P. 7. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2022_CAF.pdf (accessed: 23.02.2023); Rebels Launch Attacks on Central African Republic’s Capital // Al Jazeera. January 13, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/13/rebels-launch-attacks-on-central-african-republics-capital> (accessed: 23.02.2023); Алмазы, золото и кровь. Почему Россию обвиняют в зверствах наемников из ЧВК в Центральной Африке? // Лента.ру. 03.07.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/07/03/central_african_rus/ (дата обращения: 15.02.2023); Леон Додону: Россия навела порядок в ЦАР за год, а Запад не мог много лет // РИА Новости. 07.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220207/dodonu-1771085398.html> (дата обращения: 15.02.2023); Central African Republic — Conflict Events // Humanitarian Data Exchange. URL: <https://data.humdata.org/dataset/central-african-republic-acled-conflict-data> (accessed: 21.02.2023); (Филиппов, 2019, с. 130).

В декабре 2020 г., после того как вооруженная оппозиция отказалась выполнять Хартумское соглашение и начала наступление на Банги, было принято решение увеличить число российских военных советников на 300 человек²⁶. В мае 2021 г. в ЦАР

прибыло еще 600 российских специалистов²⁷. Таким образом, в декабре 2021 г. официальная

ская газета. 22.12.2020. URL: <https://www.pnp.ru/politics/mid-rossiya-dopolnitelno-napravila-v-car-300-voennykh-instruktorov.html> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁷ Russia Insists CAfrica ‘Instructors’ Are Unarmed // France 24. May 28, 2021. URL: <https://www.france24.com/en/live-news/20210528-russia-insists-cafrica-instructors-are-unarmed> (accessed: 15.02.2023).

²⁶ Ботороева Е. МИД: Россия дополнительно направила в ЦАР 300 военных инструкторов // Парламент-

численность российских военных специалистов удвоилась, после чего вновь удвоилась в 2022 г. (см. рис. 1). То есть с декабря 2020 по май 2021 г. официальное число российских военных инструкторов в ЦАР увеличилось в 4,8 раза (см. табл. 1).

В 2021 г. также произошло увеличение численности контингента МИНУСКА на 27 % — с 13 730 до 17 420²⁸ (военный и полицейский контингент) (см. табл. 1 и рис. 2).

Изменения территориального контроля

За 2014—2015 гг. существуют лишь относительные, оценочные данные территориального контроля правительства. В частности, американское издание *Foreign Policy* отмечало, что в ЦАР в эти годы «правительство заканчивается в Банги»²⁹. Значимое присутствие государственной власти за пределами столицы отсутствовало (Karlsrud, 2015).

Международные организации, работающие в стране, отмечали, что после вспышки конфликта между группировками «Селека» и «Антибалака» в 2014—2015 гг. как минимум половина территории страны не контролировалась центральным правительством³⁰. Эксперты также говорят о фактическом распаде страны в 2016—2017 гг.³¹ Несмотря на оче-

видные проблемы, именно в 2016 г. Франция вывела из ЦАР большую часть своего контингента (1 000 человек³²), а военную миссию ЕС (*EUFOR CAR*) сменила миссия ЕС по подготовке военнослужащих (*EUTM RCA*)³³. При этом шло постоянное увеличение контингента ООН, что не приводило к улучшению в области государственного контроля над территорией.

В 2017 г. территория под контролем центрального правительства ЦАР составляла не более 40 % от общей территории страны³⁴. В 2018 г. контроль правительства оценивался в 20 % территории страны (Филиппов, 2019, с. 130), а в 2020 г. — в 30 %³⁵. В начале 2021 г. на пике наступления «Коалиции патриотов за перемены» (*Coalition des patriotes pour le changement*, CPC) группы боевиков контролировали, по разным данным, от 67 (2/3)³⁶ до 80 %³⁷ ЦАР (рис. 3).

URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict-violence-central-african-republic> (accessed: 15.02.2023).

³² Central African Republic Control Map & Timeline — July 2021 // *Political Geography Now*. July 20, 2021. URL: <https://www.polgeonow.com/2021/07/who-controls-the-central-african-republic-2021.html?m=1> (accessed: 24.02.2023).

³³ About the Military Training Mission in the Central African Republic (EUTM RCA) // European Union Training Mission in Central African Republic. September 15, 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/eutm-rca/about-military-training-mission-central-african-republic-eutm-rca_en?s=334#10110 (accessed: 24.02.2022).

³⁴ Knoope P., Buchanan-Clarke S. Central African Republic: A Conflict Misunderstood // *The Institute for Justice and Reconciliation*. April 13, 2017. P. 4. URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/pdfs/CAR_Report.pdf (accessed: 23.02.2023).

³⁵ Central African Republic: A Forgotten Humanitarian Crisis on the Verge of Elections // *Italian Institute for International Political Studies*. October 22, 2020. URL: <https://www.ispionline.it/en/publication/central-african-republic-forgotten-humanitarian-crisis-verge-elections-27948> (accessed: 24.02.2023).

³⁶ Rebels Launch Attacks on Central African Republic's Capital // *Al Jazeera*. January 13, 2021. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2021/1/13/rebels-launch-attacks-on-central-african-republics-capital> (accessed: 23.02.2023).

³⁷ Central African Republic Country Report 2022 // Bertelsmann Transformation Index. 2022. P. 7. URL: https://bti-project.org/fileadmin/api/content/en/downloads/reports/country_report_2022_CAF.pdf (accessed: 23.02.2023).

[com/en/live-news/20210528-russia-insists-cafrica-instructors-are-unarmed](https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict-violence-central-african-republic) (accessed: 15.02.2023).

²⁸ См.: Resolution 2566 (2021) Adopted by the Security Council on 12 March 2021 // *United Nations Digital Library*. March 12, 2021. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3905146?ln=en> (accessed: 23.02.2023); Resolution 2605 (2021) Adopted by the Security Council at its 8902nd meeting, on 12 November 2021 // *United Nations Digital Library*. November 12, 2021. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/3948208?ln=en> (accessed: 23.02.2023).

²⁹ McCormick T. One Day, We Will Start a Big War // *Foreign Policy*. February 5, 2017. URL: <https://web.archive.org/web/20170205203123/http://foreignpolicy.com/2015/10/28/one-day-we-will-start-a-big-war-central-african-republic-un-violence/> (accessed: 23.02.2023).

³⁰ Central African Republic: Civilians Pay the Price of Renewed, Brutal Fighting // *Reliefweb*. April 13, 2017. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/central-african-republic-civilians-pay-price-renewed-brutal-fighting> (accessed: 15.02.2023).

³¹ Conflict in the Central African Republic // *CFR Global Conflict Tracker*. May 11, 2022.

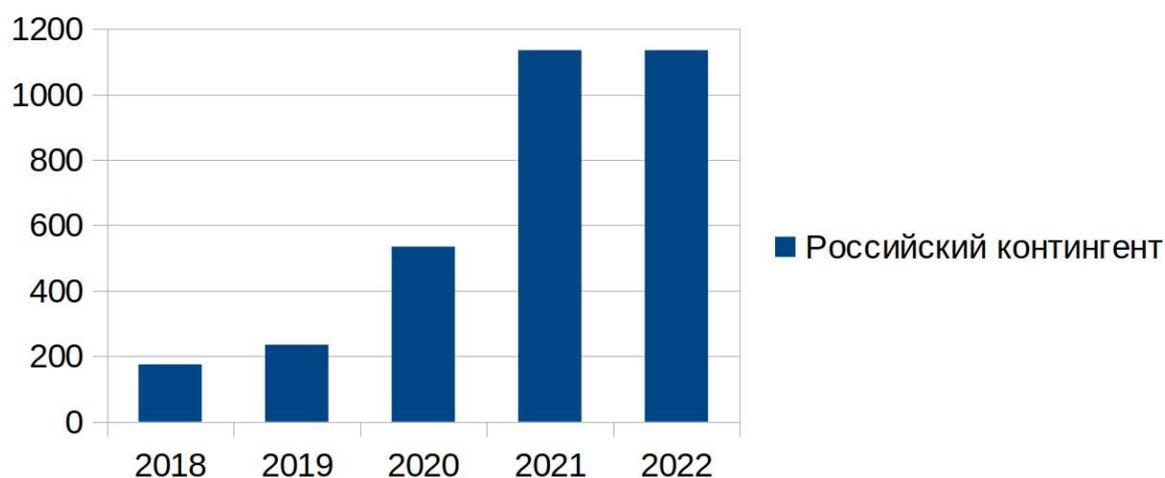

Рис. 1. Изменение численности российского контингента в ЦАР в 2018—2022 гг., чел.

Источник: составлено автором.

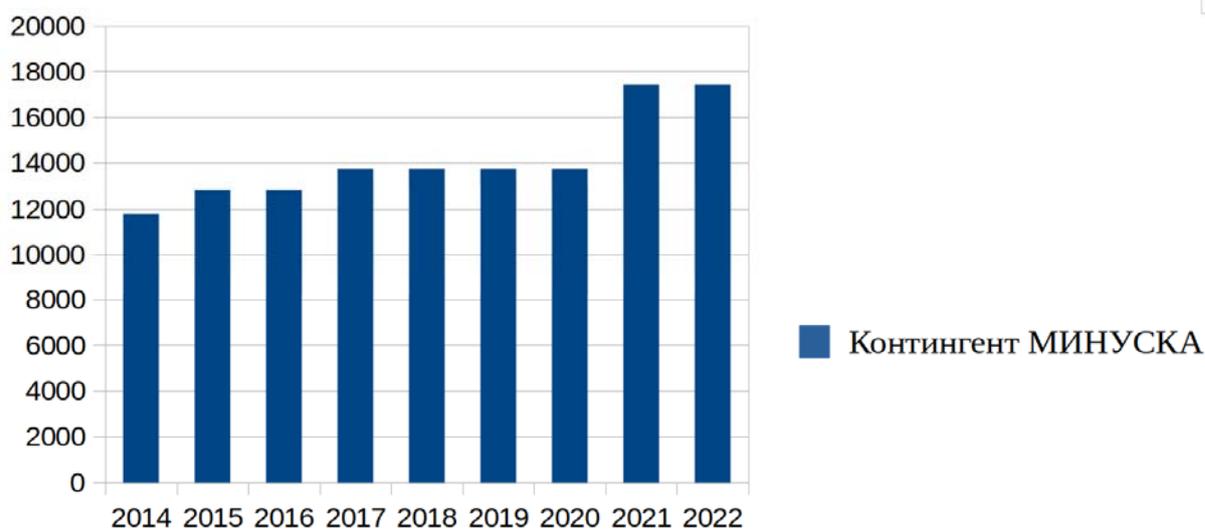

Рис. 2. Изменения численности контингента МИНУСКА в 2014—2022 гг., чел.

Источник: составлено автором.

По сообщениям СМИ, в 2020—2021 гг. российские специалисты, количество которых значительно выросло, активно включились в противодействие боевикам. В результате в июле 2021 г., по оценкам экспертов, как минимум 70 % территории страны было освобождено³⁸.

³⁸ Алмазы, золото и кровь. Почему Россию обвиняют в зверствах наемников из ЧВК в Центральной Африке? // Лента.ру. 03.07.2021. URL: https://lenta.ru/articles/2021/07/03/central_african_rus/ (дата обращения: 15.02.2023).

На этом фоне шло и увеличение численности контингента МИНУСКА, однако активного участия в контрнаступлении и соответствующей подготовке вооруженных сил ЦАР (*Forces Armées Centrafricaines*, ФАСА) они не предпринимали. Контингент МИНУСКА было решено увеличить на заседании Совета Безопасности ООН 12 марта 2021 г.³⁹

³⁹ Security Council Increases Size of Central African Republic Stabilization Mission, Adopting Resolution 2566 (2021) by 14 Votes in Favour, with 1 Abstention // Reliefweb. March 12, 2021. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/security-council-increases-size-central-african-republic> (accessed: 24.02.2023).

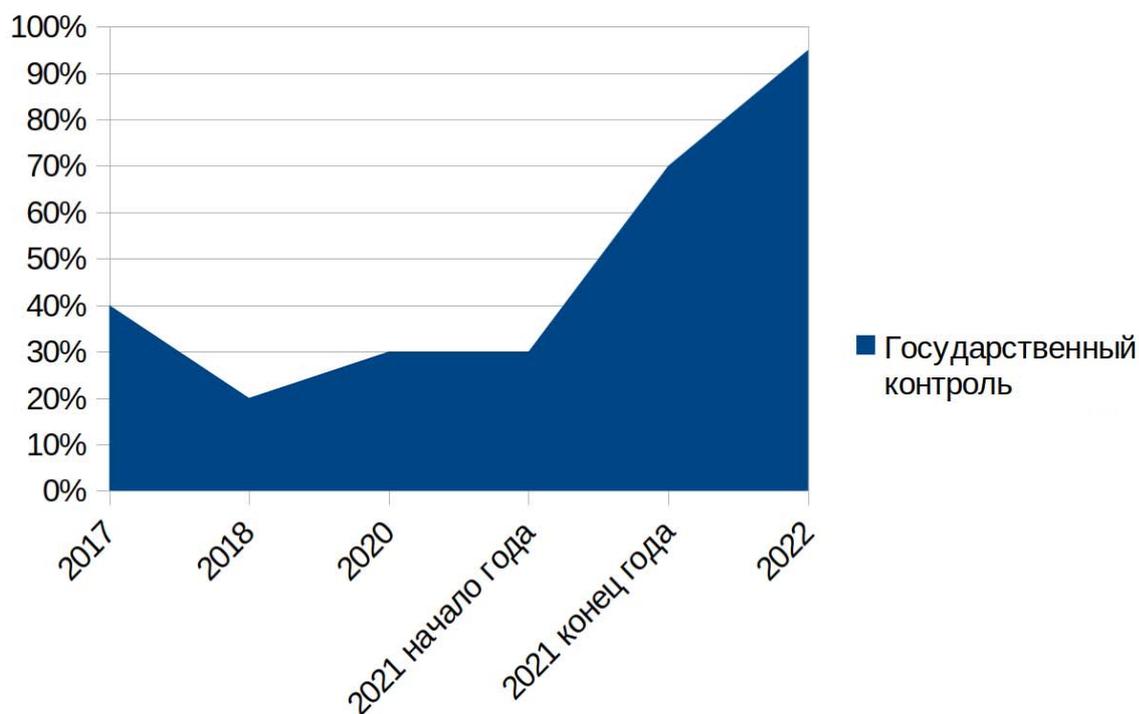

Рис. 3. Подконтрольные правительству территории ЦАР в 2017—2022 гг., % территории страны
 Источник: составлено автором.

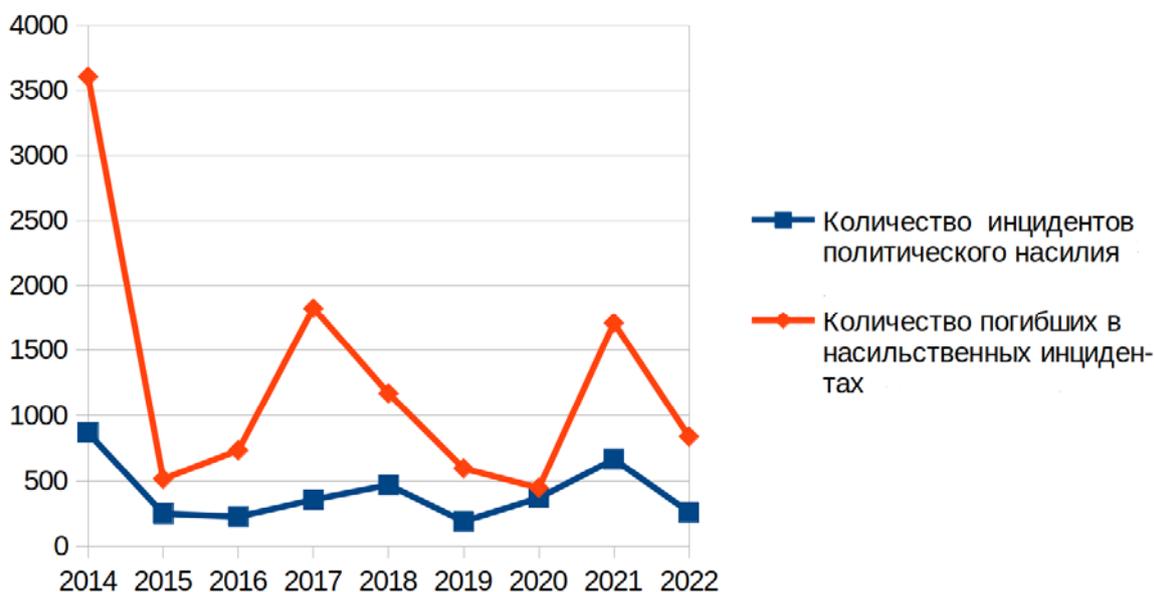

Рис. 4. Количество насильственных инцидентов и погибших в ЦАР, по данным ACLED, в 2014—2022 гг.
 Источник: составлено автором.

При этом еще в январе, феврале и марте 2021 г. ФАСА, подготовленные и поддержанные российскими военными специалистами и военным контингентом из Руанды, вели успешные действия против боевиков,

освобождая территории⁴⁰. Результативные боевые действия против повстанцев привели

⁴⁰ Central African Republic Control Map & Timeline — July 2021 // Political Geography Now. July 20, 2021. URL: <https://www.polgeonow.com/>

к расколу внутри антиправительственных сил. В апреле 2021 г. группировка «Союз за мир в ЦАР» (*Unité pour la paix en Centrafrique*, УРС) объявил о выходе из СРС⁴¹. Также сообщалось о вызванных нежеланием связывать себя с СРС внутренних расколах в других повстанческих группах⁴².

В начале 2022 г., согласно заявлению посла ЦАР в России, 95 % территории страны находилось под контролем центрального правительства⁴³. Независимые эксперты отмечают, что «признанное правительство страны в настоящее время контролирует больше территории, чем когда-либо с момента начала войны в 2012 г.»⁴⁴.

Количество насильственных инцидентов

Как свидетельствуют данные ACLED, на 2017 г. приходится пик насилия в ЦАР за все время пребывания миротворцев (см. табл. 1 и рис. 4). После резкого спада в 2015 г., в 2016 и 2017 гг. число насильственных инцидентов и погибших резко увеличилось. В 2018 г. и особенно в 2019 г. наблюдалось резкое снижение тех же самых показателей, что совпало с активным вовлечением России в миротворческую деятельность.

В 2021 г., после того как профранцузский экс-президент Франсуа Бозизе возглавил

2021/07/who-controls-the-central-african-republic-2021.html?m=1 (accessed: 24.02.2023).

⁴¹ Powerful Armed Group in Central African Republic Vows to Leave Rebel Coalition // France 24. April 6, 2021. URL: <https://www.france24.com/en/africa/20210405-powerful-armed-group-in-central-african-republic-vows-to-leave-rebel-coalition> (accessed: 24.02.2023).

⁴² Central African Republic: Report of the Secretary-General (S/2021/571) // Reliefweb. June 21, 2021. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/central-african-republic-report-secretary-general-s2021571> (accessed: 24.02.2023).

⁴³ Леон Додону: Россия навела порядок в ЦАР за год, а Запад не мог много лет // РИА Новости. 07.02.2022. URL: <https://ria.ru/20220207/dodonu-1771085398.html> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴⁴ Central African Republic Control Map & Timeline — July 2021 // Political Geography Now. July 20, 2021. URL: <https://www.polgeonow.com/2021/07/who-controls-the-central-african-republic-2021.html?m=1> (accessed: 24.02.2023).

мятеж против законной власти в ЦАР, произошел очередной всплеск числа насильственных инцидентов и количества погибших в ЦАР, и эти показатели почти достигли уровня 2017 г. Эта тенденция является продолжением тенденции конца 2020 г. с резким обострением насилия в декабре, когда СРС начал поход на Банги.

Однако уже в 2022 г. количество погибших и насильственных инцидентов упало вдвое (до уровня 2018—2019 гг.). Снижение насилия сопровождалось беспрецедентным распространением государственного контроля в ЦАР. Как показывают цифры из табл. 1 и сформированные на их основе графики, существует прямая корреляция между увеличением числа российских советников, более активным участием России в обеспечении помощи ЦАР, освобождением все большего числа территорий и последующим снижением уровня насилия. Относительно сил ООН такой корреляции нет.

Можно сделать следующие выводы.

1. В 2015—2016 гг. после ввода контингента МИНУСКА наблюдалось относительное снижение уровня насилия при почти отсутствующем государственном контроле территории ЦАР.

2. В 2017—2018 гг. имело место резкое увеличение уровня насилия, государственный контроль над территорией страны весьма сомнителен. Многотысячный контингент ООН в ЦАР вызывал упреки в неэффективности и бездействии.

3. В 2018—2020 гг. с подключением России к мирному процессу и обучению войск ЦАР началась деэскалация конфликта. Однако территориальный контроль правительства продолжает оставаться незначительным.

4. Эскалация конфликта в конце 2020—2021 гг. привела к 4-кратному увеличению контингента российских военных специалистов. 2021 г. — новый пик насилия, который, однако, сопровождался расширением зоны государственного контроля.

5. В 2022 г. произошло снижение насилия и усиление государственного контроля. Действия по ликвидации бандформирований в 2021 г. оказались эффективными. К 2022 г.

власти ЦАР добились не только расширения территориального контроля, но и деэскалации путем нанесения поражения мятежникам, вышедшим из Хартумского соглашения.

6. В результате присутствие российских военных специалистов привело к положительному эффекту, которого не смогли добиться до них и без них ни миротворцы ООН, ни европейские военные инструкторы, ни французские военные.

В итоге уже в конце 2021 г. абсолютно не симпатизирующие России эксперты *International Crisis Group* вынуждены были признать, что участие России в разрешении кризиса «в стране, которая на протяжении последних 20 лет страдает от повстанческих действий, было важным достижением, повысившим народную поддержку Туадеры. Многие жители Центральной Африки приветствовали русских наемников как освободителей»⁴⁵.

Это же подтверждает приведенный выше анализ данных по расширению государственного контроля и уровню насилия в ЦАР. Встречающиеся в западной аналитике негативные оценки действий СОМБ в ЦАР как направленные якобы исключительно на нарушение прав человека⁴⁶, заявления о подобных нарушениях «экспертов» ООН, ссылающихся на анонимные источники⁴⁷, призванные создать впечатление о российских инструкторах как угрозе для ЦАР⁴⁸, — скорее

⁴⁵ Вах Р. Russia's Influence in the Central African Republic // *International Crisis Group*. December 3, 2021. URL: <https://www.crisisgroup.org/africa/central-africa/central-african-republic/russias-influence-central-african-republic> (accessed: 24.02.2023).

⁴⁶ Munday D. Russian Mercenaries in the Central African Republic Create Problems for Democratic Actors // *London School of Economics*. May 5, 2021. URL: <https://blogs.lse.ac.uk/africaatlse/2021/05/05/russian-mercenaries-military-entr-al-african-republic-problems-democratic-actors/> (accessed: 26.02.2023).

⁴⁷ Central African Republic: Rights Experts Concerned Over 'Russian Advisers' and Close Contacts with UN Peacekeepers // *UN News*. March 31, 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1088802> (accessed: 26.02.2023).

⁴⁸ Russia's Use of Private Military Contractors // *Africa Center for Strategic Studies*. September 15, 2022. URL:

все не соответствуют действительности, ангажированы и дискредитируют сами структуры ООН. Наибольший уровень насилия и отсутствия государственного контроля наблюдался в момент, когда внешнюю поддержку безопасности в стране оказывали исключительно миротворцы ООН.

Концептуальные различия в деятельности СОМБ и МИНУСКА

Причины различной эффективности СОМБ и контингента МИНУСКА следует искать в принципиально разных подходах к поставленным задачам. МИНУСКА действует в рамках миротворческой доктрины, которая уравнивает легитимные гражданские власти страны и повстанцев. Это объясняется принципом «нейтральности» (*impartiality*)⁴⁹. Такой подход уже встретил критику России в ходе дебатов в ООН. Как отметила в ноябре 2022 г. заместитель постоянного представителя РФ при ООН А.М. Евстигнеева, Москва считает обоснованной просьбу ЦАР «обозначить помощь в поддержании государственного присутствия как приоритетную задачу МИНУСКА»⁵⁰. По ее словам, Россия не может согласиться с тем, что ООН «ставит стороны конфликта и вооруженные группы в равные условия»⁵¹.

Данные опросов местных жителей, проведенных по заказу Стокгольмского международного института изучения мира (СИПРИ) в 2019 г., свидетельствуют о том, что у жителей ЦАР есть запрос на усиление суверенного государства, сильного настолько (идеал — времена правления Ж.Б. Бокассы в 1966—1979 гг.), чтобы осуществлять контроль

<https://africacenter.org/experts/russia-private-military-contractors/> (accessed: 26.02.2023).

⁴⁹ Principles of Peacekeeping // *United Nations Peacekeeping*. URL: <https://peacekeeping.un.org/en/principles-of-peacekeeping> (accessed: 24.02.2022).

⁵⁰ Explanation of Vote by Deputy Permanent Representative Anna Evstigneeva after the UNSC Vote on a Draft Resolution on Renewal of the Mandate of MINUSCA // *Permanent Mission of the Russia Federation to the United Nations*. November 14, 2022. URL: https://russiaun.ru/en/news/141122_c (accessed: 24.02.2022).

⁵¹ Ibid.

границ и бороться с повстанческими движениями. Главной силой, способной обеспечить безопасность, респонденты видят Вооруженные Силы ЦАР (Van der Lijn, Glawion & de Zwaan, 2019, pp. 4—5). Именно этим занималась и занимается в ЦАР Россия — поддержкой государства и укреплением его вооруженных сил.

Системная проблема миротворчества ООН сочетается со структурными проблемами. Не только мандат миротворцев ООН крайне ограничен, что делает невозможным решение поставленных задач, — даже если бы миротворцы были менее ограничены в своих действиях, эффективность их по-прежнему оставалась бы низкой. Миротворческие силы ООН не первый год раз за разом сталкиваются с одними и теми же проблемами, которые проявились и в ЦАР:

1) нежеланием использовать военную силу⁵² и вмешиваться в решение ключевых проблем безопасности (Van der Lijn, Glawion & de Zwaan, 2019, p. 5);

2) слабой дисциплиной, насилием в отношении местного населения, постоянными обвинениями в сексуальном насилии⁵³;

3) плохой подготовкой (Tuvdendarjaa, 2022). Последнее нередко вызвано тем, что в миротворческих операциях, как правило, участвуют солдаты и офицеры в основном из развивающихся стран⁵⁴. Этот же фактор является причиной слабой мотивированности, отказа рисковать жизнью и защищать местное население⁵⁵. Отсутствуют структуры, которые бы могли побудить их к иному поведению;

4) многонациональные силы ООН также часто страдают из-за проблем в сфере субординации и координации действий. Зачастую

руководству миссии и государствам, предоставляющим миротворческий контингент, недостает понимания ситуации в стране, в которой они действуют (Tuvdendarjaa, 2022).

Миротворцы ООН в ЦАР часто наблюдают за насилием в отношении мирных жителей не вмешиваясь⁵⁶. В то же время российские инструкторы способны не только обучать центральноафриканских коллег, но защитить мирное население в случае необходимости, что отмечают даже критически относящиеся к россиянам западные СМИ⁵⁷. Иностранцы эксперты вынуждены отмечать, что россияне не испытывают проблем с координацией действий, отличаются хорошей подготовкой и высокой маневренностью⁵⁸. Как подчеркивает начальник штаба сухопутных войск Франции генерал Пьер Шилль, российские специалисты готовы платить своей кровью за успехи, выступая «грозым противником»⁵⁹.

Как представляется, тот факт, что со стороны России действует структура, которую определяют как «частную военную компанию» (ЧВК), лишь усиливает преимущества россиян (за счет высокой корпоративной этики, нацеленности на результат, «обкатки» бойцов в различного рода конфликтах). Например, другая ЧВК — южноафриканская *Executive Outcomes* — в 1990 г. добилась существенных результатов в сфере борьбы с повстанцами в Анголе и Сьерра-Леоне (*The Privatization of Security in Africa*, 1999,

⁵⁶ MINUSCA: Challenges Mount // The Nation. June 16, 2021. URL: <https://thenationonline.net/minusca-challenges-mount/> (accessed: 25.02.2023).

⁵⁷ Cohen R. Putin Wants Fealty, and He's Found It in Africa // The Japan Times. December 25, 2022. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/12/25/world/putin-africa-loyalty/> (accessed: 25.02.2023).

⁵⁸ Arduino A. The Wagner Group in Africa Is Where the Rubber Meets the Road // The National Interest. February 10, 2023. URL: <https://nationalinterest.org/feature/wagner-group-africa-where-rubber-meets-road-206202> (accessed: 26.02.2023).

⁵⁹ Le Groupe Wagner, «un Adversaire Redoutable», Selon le Chef d'État-Major de l'Armée de Terre Française // Le Figaro. 13.02.2023. URL: <https://www.lefigaro.fr/international/le-groupe-wagner-un-adversaire-redoutable-selon-le-chef-d-etat-major-de-l-armee-de-terre-francaise-20230213> (accessed: 26.02.2023).

⁵² Conflict in the Central African Republic // CFR Global Conflict Tracker. May 11, 2022. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/violence-central-african-republic> (accessed: 15.02.2023).

⁵³ UN Pulls out 450 Gabon Peacekeepers from CAR Over Sex Abuse Claims // TRT World. September 15, 2021. URL: <https://www.trtworld.com/africa/un-pulls-out-450-gabon-peacekeepers-from-car-over-sex-abuse-claims-49970> (accessed: 24.02.2023).

⁵⁴ Autesserre S. The Crisis of Peacekeeping: Why the UN Can't End Wars // Foreign Affairs. 2019. Vol. 98, no. 1. P. 108. <https://doi.org/10.7916/d8-gcre-q775>

⁵⁵ Ibid.

pp. 53—54) во многом из-за нацеленной на результат воинской культуры (Fitzsimmons, 2012, pp. 167—230). Даже критики ЧВК отмечали ее военную эффективность (Adamo, 2020). Однако отказ от услуг этой структуры вылился в новую вспышку гражданской войны, что привело к вводу в 1999 г. сначала миротворцев ООН (*the United Nations Mission in Sierra Leone*, UNAMSIL, ЮНАМСИЛ), а потом — на фоне неспособности последних справиться с ситуацией (Reno, 2001) — и британского военного контингента. В одинаковых условиях британцы, с одной стороны не стеснявшиеся применять силу против повстанцев, а с другой — пытавшиеся наладить связи государства с местными лидерами в бывшей колонии, продемонстрировали лучшие результаты, чем миротворцы ООН, не готовые принудить повстанцев к миру (Reno, 2001). Эксперты вынуждены признать, что все последние относительно «успешные» миротворческие миссии ООН обязаны своим успехом вооруженным силам, параллельно присутствовавшим в кризисных регионах⁶⁰.

В целом этот опыт, как и опыт действий российских военных специалистов в ЦАР, подтверждает, что «эффективное в военном отношении, решительное миротворчество наиболее важно для улучшения защиты гражданского населения и обеспечения доверия к миссии на театрах, где нет мира, который нужно поддерживать» (Williams, 2023, p. 32).

Теоретический базис миротворческих подходов МИНУСКА и СОМБ

Ключевым принципом российского миротворчества и экспорта безопасности, как видно на примере ЦАР, является государствоцентричный, реалистский подход. Принципиальная особенность этого подхода — отказ от навязывания партнерам тех или иных идеологических парадигм. Главное — укрепление государственных структур. Вторая

отличительная особенность еще с 1990-х гг. состоит в активной позиции по восстановлению мира (Trenin, 1996, p. 70).

В свою очередь вся миротворческая деятельность ООН с теоретической точки зрения базируется на теории «либерального мира» (Jabri, 2010; Cavalcante, 2014; Philipsen, 2014; Taylor, 2017; Maiangwa & Suleiman, 2017). Строительство институтов по образцу либеральных демократий Запада в рамках такой парадигмы рассматривается как единственно возможный и эффективный путь миротворчества, разрешения внутренних и внешних конфликтов. Неслучайно в задачи миротворцев ООН, как правило, входит проведение выборов, защита прав человека и гендерного равенства⁶¹, то есть задачи, сформулированные в терминах либеральной идеологии.

В основе теории либерального мира лежит «идея о том, что определенные виды (либерально устроенных) обществ будут иметь тенденцию быть более мирными как в своих внутренних делах, так и в международных отношениях, чем нелиберальные государства. Международным вариантом этой теории является „теория демократического мира“» (Newman, Paris & Richmond, 2009, p. 11). Однако на практике в Африке, в частности в ЦАР, этот подход не продемонстрировал свою эффективность (Cavalcante, 2014; Maiangwa & Suleiman, 2017). Более того, сама интернационалистская парадигма строительства либерального государства ведет к противоречию — теоретически такое государство должно быть подотчетно своему народу. Де-факто же практика либерального миростроительства ведет к обратному — зависимости власти от международных структур (Philipsen, 2014), то есть к десоверенизации.

Этому же соответствует принцип «ответственности по защите» (*Responsibility to Protect*, R2P), утвержденный Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 60/1 в 2005 г., представляющий собой «переработанную версию „гуманитарного вмешательства“»

⁶⁰ Howard L. Assessing the Effectiveness of the UN Mission in the Central African Republic // Reliefweb. November 21, 2019. URL: <https://reliefweb.int/report/central-african-republic/assessing-effectiveness-un-mission-central-african-republic> (accessed: 28.02.2023).

⁶¹ Autesserre S. The Crisis of Peacekeeping: Why the UN Can't End Wars // *Foreign Affairs*. 2019. Vol. 98, no. 1. P. 108. <https://doi.org/10.7916/d8-gcre-q775>

(Худайкулова, 2019, с. 115) и апробированный в 2011 г. в рамках ливийской кампании «Объединенный защитник». Результатом стали рост терроризма, экстремизма и фактическое разрушение единого ливийского государства.

Последствиями общего пренебрежения государственным суверенитетом со стороны структур ООН являются не только случаи одобрения прямых военных интервенций и нарушения государственного суверенитета под предлогом защиты населения от государства. Отказ ООН принуждать боевиков к миру там, где это необходимо, в частности в ЦАР, нежелание рассматривать усиление государственного суверенитета как важную составляющую процесса миротворчества — практические результаты следования тому же самому теоретическому принципу, при котором государственным суверенитетом пренебрегают в пользу иных приоритетов.

Однако в войне, где против законного правительства выступают банды, «нейтралитет» де-факто означает негласную поддержку этих банд. Крайне сомнителен и ключевой тезис «либерального миротворчества» о том, что вмешательство во внутренние дела и конструирование незападных обществ по западной модели может способствовать миру, а не усиливать дисфункции в обществе. Напротив, состязательный и партийный характер западных либеральных систем в разделенной этническими и религиозными границами Африке открывает путь к коррупции, nepoтизму, узурпации власти одними группами в ущерб другим, что приводит не к миру, а к конфликту (Maiangwa & Suleiman, 2017, p. 4; Finkenbusch, 2021).

Россия, напротив, не навязывает ни либеральную демократию, ни иную форму общественно-политического устройства своим партнерам. Москва готова к взаимодействию с иллиберальными режимами (Мали, Судан, Буркина-Фасо), если этот иллиберализм обеспечивает стабильность (можно назвать такой тип миротворчества «иллиберальным» (Russell, 2014; *Interrogating Illiberal Peace in Eurasia*, 2018)). К тому же именно иллиберальный режим Ж.Б. Бокассы в той же ЦАР

рассматривается как своеобразный «золотой век» с точки зрения безопасности (Van der Lijn, Glawion & de Zwaan, 2019). С идеологической точки зрения реалистская ориентация России на укрепление суверенитета партнера сопрягается с антиколониальной риторикой. Это, в свою очередь, находит понимание в рядах африканских борцов с неоконимализмом, для которых характерны симпатии к сильным авторитарным суверенистским режимам с антиколониальной, антизападной идеологией⁶².

Российские усилия по укреплению мира и безопасности в ЦАР базируются на подходе, опирающемся на укрепление местной государственности и суверенитета, а также обеспечение надлежащего функционирования сил безопасности (Братерский, 2018, с. 158). Этот подход основан на понимании государства как единственной силы, способной остановить «войну всех против всех». Такой реалистский в своей основе подход ставит во главу угла укрепление самостоятельности государства, а также свободу от ограничений, наложенных на него международными институтами. Поэтому абсолютно логичными в такой парадигме выглядят инициативы России по снятию оружейного эмбарго с ЦАР⁶³ или легализации экспорта алмазов⁶⁴. Задача — дать возможность государству самостоятельно обеспечивать свою стабильность за счет имеющихся у него ресурсов.

В свою очередь, подход стран Запада, отражающийся в функционировании миротворческого компонента ООН, центрирован не на укреплении государственности, а на расширении прав «мирового сообщества», что выражается во вмешательстве или

⁶² Кемби Себа: Россия ведет войну с глобализмом // Катехон. 23.03.2022. URL: <https://katehon.com/ru/article/kemi-seba-rossiya-vedet-voynu-s-globalizmom> (дата обращения: 15.02.2023).

⁶³ В ЦАР поблагодарили Россию за поддержку отмены оружейного эмбарго // РИА Новости. 23.10.2022. URL: <https://ria.ru/20221023/embargo-1826027893.html> (дата обращения: 15.02.2023).

⁶⁴ Москва поможет Банги с экспортом алмазов, заявил посол // РИА Новости. 03.02.2023. URL: <https://ria.ru/20230203/almazy-1849418960.html> (дата обращения: 15.02.2023).

опасном невмешательстве в конфликт, зачастую в ущерб интересам принимающего государства. Это подкрепляется идеалистским представлением о связи мира с навязыванием западных либеральных институтов и развитием институтов гражданского общества.

Заключение

Динамика конфликта в ЦАР показывает эффективность именно российского подхода и большую результативность действующей в ЦАР российской структуры СОМБ. Российское миротворчество с практической точки зрения приносит больше результатов, чем усилия контингента ООН. Последнее не следует понимать как призыв к выводу контингента МИНУСКА. Однако попытки помешать МИНУСКА взаимодействовать

с демонстрирующими эффективность российскими специалистами под предлогом защиты прав человека⁶⁵ необходимо признать вредными и не соответствующими стоящей перед миротворцами задаче.

Концептуализация российского опыта в ЦАР как силового «реалистского» миротворчества необходима и с теоретической точки зрения ввиду растущего интереса к «иллиберальному миротворчеству» как ответу на кризис западного либерального миротворчества и эрозию основ либерального миропорядка в целом.

⁶⁵ Central African Republic: Rights Experts Concerned Over ‘Russian Advisers’ and Close Contacts with UN Peacekeepers // UN News. March 31, 2021. URL: <https://news.un.org/en/story/2021/03/1088802> (accessed: 26.02.2023).

Поступила в редакцию / Received: 01.03.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 26.05.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Братерский М. В.* Россия и миротворческие операции: концептуальные и практические составляющие российской политики // *Вестник международных организаций*. 2018. Т. 13, № 1. С. 157—170. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-01-09>
- Вебер М.* Типы господства // *Личность. Культура. Общество*. 2008. Т. 10, № 1. С. 31—47.
- Клишас А. А.* Легальность и легитимность публичной политической власти: теоретические аспекты (на примере сирийского вопроса) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22, № 1. С. 1—20. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2018-22-1-1-20>
- Костелянец С. В.* Российское посредничество в конфликтах в Африке // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2020. № 6. С. 96—106. <https://doi.org/10.31857/S086919080012475-9>
- Никитин А. И.* Миротворчество ООН: обновление принципов, реформирование практики // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60, № 3. С. 16—26. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2016-60-3-16-26>
- Филиппов В. Р.* Центральнаяафриканская Республика: противостояние Кремля и Елисейского дворца // *ЛОКУС: люди, общество, культура, смыслы*. 2019. № 1. С. 124—143.
- Худайкулова А. В.* Миротворчество ООН в XXI веке: основные векторы реформ по повышению эффективности миротворческих операций // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2019. Т. 20, № 4. С. 109—126. <https://doi.org/10.31429/26190567-20-4-109-126>
- Adamo A.* Mercenaries or Peacekeepers? Comparing Executive Outcomes and ECOMOG in Sierra Leone // *Africana Studia*. 2020. No. 33. P. 153—169. URL: <https://ojs.lettras.up.pt/index.php/AfricanaStudia/article/view/10390> (accessed: 10.02.2023).
- Cavalcante F.* The Influence of the Liberal Peace Framework on the United Nations Approach to Peacebuilding in Guinea-Bissau // *RCCS Annual Review*. 2014. No. 6. P. 141—161. <https://doi.org/10.4000/rccsar.564>
- Finkenbusch P.* Liberal Peace: From Civilising Mission to Self-Doubt // *Global Change, Peace & Security*. 2021. Vol. 33, iss. 2. P. 163—176. <https://doi.org/10.1080/14781158.2021.1932783>
- Fitzsimmons S.* Mercenaries in Asymmetric Conflicts. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139208727>
- Interrogating Illiberal Peace in Eurasia / ed. by C. Owen, Sh. Juraev, D. Lewis, N. Megoran, M. N. Heathershaw. Lanham, Maryland: Rowman & Littlefield, 2018.

- Jabri V.* War, Government, Politics: A Critical Response to the Hegemony of the Liberal Peace // *Palgrave Advances in Peacebuilding* / ed. by O. P. Richmond. London : Palgrave Macmillan, 2010. P. 41—57. https://doi.org/10.1057/9780230282681_3
- Karlsruud J.* The UN at War: Examining the Consequences of Peace-Enforcement Mandates for the UN Peacekeeping Operations in the CAR, the DRC and Mali // *Third World Quarterly*. 2015. Vol. 36, iss. 1 P. 40—54. <https://doi.org/10.1080/01436597.2015.976016>
- Maiangwa B., Suleiman M. D.* Liberal Peace Intervention in the Central African Republic: Limitations and Reworking a “Hybrid” Order // *African Security*. 2017. Vol. 10, iss. 1. P. 1—24. <https://doi.org/10.1080/19392206.2016.1270138>
- Newman R., Paris R., Richmond O. P.* Introduction // *New Perspectives on Liberal Peacebuilding* / ed. by R. Newman, R. Paris, O. P. Richmond. Tokyo, New York, Paris : UN University Press, 2009. P. 3—25.
- Philipsen L.* When Liberal Peacebuilding Fails: Paradoxes of Implementing Ownership and Accountability in the Integrated Approach // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2014. Vol. 8, iss. 1. P. 42—67. <https://doi.org/10.1080/17502977.2014.877628>
- Reno W.* The Failure of Peacekeeping in Sierra Leone // *Current History*. 2001. Vol. 100, no. 646. P. 219—225. <https://doi.org/10.1525/curh.2001.100.646.219>
- Richmond O. P.* The Transformation of Peace. Basingstoke : Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9780230505070>
- Russell J.* Ramzan Kadyrov’s “Illiberal” Peace in Chechnya // *Chechnya at War and Beyond* / ed. by A. L. Huérou, A. Merlin, A. Regamey, E. Sieca-Kozłowski. London : Routledge, 2014. P. 133—151. <https://doi.org/10.4324/9781315798318-8>
- Taylor I.* The Liberal Peace Security Regimen: A Gramscian Critique of Its Application in Africa // *Africa Development*. 2017. Vol. 42, no. 3. P. 25—44.
- The Privatization of Security in Africa* / ed. by G. Mills, J. Stremlau. Johannesburg : SANA, 1999.
- Trenin D.* Russia // *Challenges for the New Peacekeepers* / ed. by T. Findlay. Oxford : Oxford University Press, 1996. P. 68—84. URL: <https://www.sipri.org/sites/default/files/files/RR/SIPRIRR12.pdf> (accessed: 26.02.2023).
- Tuvdendarjaa M.* Challenges of the United Nations Peacekeeping Operations // *Security Nexus*. 2022. Vol. 23. P. 1—6. URL: https://dkiapcss.edu/nexus_articles/challenges-of-the-united-nations-peacekeeping-operations/ (accessed: 26.02.2023).
- Van der Lijn J., Glawion T., de Zwaan N.* Securing Legitimate Stability in CAR: External Assumptions and Local Perspectives. Stockholm : SIPRI, 2019. URL: <https://www.sipri.org/publications/2019/other-publications/securing-legitimate-stability-car-external-assumptions-and-local-perspectives> (accessed: 26.02.2023).
- Wallensteen P.* Quality Peace: Peacebuilding, Victory, and World Order. Oxford : Oxford University Press, 2015.
- Williams P. D.* How Peacekeepers Fight: Assessing Combat Effectiveness in United Nations Peace Operations // *Security Studies*. 2023. Vol. 32, iss. 1. P. 32—65. <https://doi.org/10.1080/09636412.2023.2178965>

Сведения об авторе: Бовдунов Александр Леонидович — кандидат политических наук, ведущий аналитик, Международное «Евразийское Движение»; ORCID: 0000-0002-4977-0351; e-mail: alexander.bovdunov@yandex.ru

НАУЧНЫЕ ШКОЛЫ SCIENTIFIC SCHOOLS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-497-505

EDN: GCAFUX

Устав ООН — это наши правила!

*Интервью с Анной Михайловной Евстигнеевой,
заместителем Постоянного представителя Российской Федерации при ООН*

*Фото из личного архива А.М. Евстигнеевой.
Публикуется с разрешения правообладателя*

Аннотация. Практика функционирования Организации Объединенных Наций (ООН) и реальные механизмы миротворчества существенно отличаются от теоретических представлений о них. В ходе интервью Анна Михайловна Евстигнеева, заместитель Постоянного представителя Российской Федерации при ООН, которая много лет занималась проблематикой миротворчества, отвечает на ряд важных вопросов, касающихся современного миротворчества и миростроительства. По ее мнению, если Запад строит «порядок, основанный на правилах», то для России правила — это Устав ООН. Ключевой момент в обеспечении эффективности международной организации, по мнению А.М. Евстигнеевой, — это возможность сторон выходить на взаимовыгодные решения и учитывать интересы друг друга. Остальное — это «надстройка», которая, тем не менее, частично закреплена в доктрине. Особую роль при этом играют десятки факторов (диалог с гражданским обществом, гендер, климат и др.), которым со временем придается универсальный характер. Зачастую красивые западные теории либерального миротворчества не выдерживают столкновения с суровой реальностью, в ряде случаев имеет место умолчание ответственных лиц о реальной обстановке

на местах. Данное интервью наглядно показывает вызовы существующей системы международного миротворчества в контексте формирования многополярного мира.

Ключевые слова: миротворчество, ООН, Совет Безопасности, согласие сторон, беспристрастность, внешняя политика, конфликты, Российская Федерация, ответственность по защите, R2P

Для цитирования: Евстигнеева А. М. Устав ООН — это наши правила! Интервью с Анной Михайловной Евстигнеевой, заместителем Постоянного представителя РФ при ООН. Интервью провел Д.А. Дегтерев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 497—505. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-497-505>

The UN Charter Is Our Rules!

Interview with Anna M. Evstigneeva,

Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations

Abstract. The practice of the functioning of the United Nations and the actual mechanisms of peacekeeping differ significantly from the theoretical ideas about them. Anna Mikhailovna Evstigneeva, Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations (UN), who has been dealing with peacekeeping issues for many years, answers a number of important questions about contemporary peacekeeping and peacebuilding in her interview. She argues that while the West is building a “rules-based order,” for Russia the rules are the UN Charter. The key to ensuring the effectiveness of an international organization, according to A.M. Evstigneeva, is the ability of the parties to reach mutually beneficial solutions and to take each other’s interests into account. The rest is a “superstructure,” which, however, is partially enshrined in the doctrine. Dozens of factors (dialogue with civil society, gender, climate, etc.) play a special role, which over time become universal. Often, the beautiful Western theories of liberal peacebuilding do not stand up to the harsh reality; and in a number of cases there is silence on the part of decision-makers about the real situation on the ground. This interview highlights the challenges of the existing system of international peacekeeping in the context of the formation of a multipolar world.

Key words: peacekeeping, UN, Security Council, consent of the parties, impartiality, foreign policy, conflicts, Russian Federation, Responsibility to Protect, R2P

For citation: Evstigneeva, A. M. (2023). The UN Charter is our rules! Interview with Anna M. Evstigneeva, Deputy Permanent Representative of the Russian Federation to the United Nations. Interviewed by D.A. Degterev. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 497—505. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-497-505>

— **Уважаемая Анна Михайловна, Россия традиционно выступает за центральную роль Организации Объединенных Наций (ООН) в мировой политике. Тем не менее в последние годы, по мнению министра иностранных дел С.В. Лаврова, ООН теряет «репутацию площадки для честных дискуссий по поиску баланса интересов всех государств-членов»¹. С чем это связано?**

— Россия, безусловно, выступает за центральную роль ООН в мировой политике. Это мировой порядок, который был установлен по итогам Второй мировой войны, он закрепил

¹ Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова на общеполитической дискуссии 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 24 сентября 2022 года // МИД России. 25.09.2022. URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1831211/ (дата обращения: 21.06.2023).

за Советским Союзом и, соответственно, за Россией ключевую роль в мировых делах. Наша страна — постоянный член Совета Безопасности ООН (СБ ООН). Мы уважаем Устав ООН, «это наши правила» (отсылка к западному «порядку, основанному на правилах». — *Прим. ред.*), мы последовательны в выполнении взятых на себя обязательств. Немаловажно на данный момент, что ООН по-прежнему является единственной универсальной организацией, альтернатив которой нет и пока не просматривается. Однако все эти параметры нисколько не гарантируют, что ооновский механизм идеален, не сбоит или не подвергается эрозии временем. Поэтому с министром С.В. Лавровым нельзя не согласиться.

Есть расхожий ответ на обвинения ООН в неэффективности: она, дескать, эффективна настолько, насколько эффективной делают ее государства-члены. В частности, насколько

они настроены договариваться между собой, стремиться к взаимовыгодным решениям, учитывать интересы друг друга. И в этом загвоздка. Необходимо признать, что никто, и тем более западные страны, не стремится к согласию только ради самого согласия, а в основе любых переговоров — стремление сторон добиться максимального учета своих интересов. При этом если есть возможность выторговать или принудить противоположную сторону к более выгодным решениям, все будет сделано для достижения этой цели.

Последние десятилетия страны Запада не теряли времени, активно использовали ситуацию для того, чтобы закрепить свои подходы в качестве единственно правильных, продвигали свою идеологию и среди государств-членов, и в Секретариате ООН. Было бы несправедливо признать, что эти усилия были неэффективными. Весьма эффективными. Однако в этой системе и кроется ошибка. Нельзя бесконечно использовать гуманистические (в ООН мы называем это *moral high ground*) лозунги только для того, чтобы гнуть свою линию и эксплуатировать систему в своих интересах (Beckley & Waters, 2008). Простыми словами — требовать от стран демократии и принятия либеральных ценностей в условиях, когда людям, по сути, нечего есть.

Через Организацию делается много нужного, однако нельзя не отметить, что ООН уже не соответствует в полной мере ожиданиям международного сообщества. Лозунги есть, репутация пока еще более или менее сохраняется, а результатов все меньше. Меньше и веры в решения, принимаемые на ооновской площадке. Наглядным примером является Генеральная Ассамблея, чьи резолюции содержат положения, которые могут не нравиться многим государствам-членам, но при принятии решений они приходят к выводу, что «овчинка выделки не стоит», и в дальнейшем просто вынуждены рассчитывать только на свои силы. В итоге все это принимается и накапливается как снежный ком.

Времена горячих баталий вокруг принципиальных позиций прошли, для многих развивающихся государств важно добиться

конкретного финансирования. Схожая ситуация складывается и в Совете Безопасности. Многие решения, особенно по общим вопросам, принимаются в «однодневном» формате: проголосовали, объявили в СМИ, но, скорее всего, к ним никто никогда не вернется². Другое дело — страновые резолюции, предполагающие какие-то принудительные меры или судьбоносные решения (в том числе мандаты миротворческих операций). Договориться по ним гораздо сложнее. Однако и в этом случае мы сталкиваемся с мнением принимающих государств: пусть будут приняты какие-то не отвечающие их интересам параграфы, главное — судьба миссии на обозримое будущее.

— Обострение международных противоречий между странами «коллективного Запада» и остальным миром, усложнение характера современных кризисов и их стремительная интернационализация испытывают на прочность достаточно консервативный механизм и инструментарий ООН по поддержанию мира. Наблюдается все больше расхождений между доктриной и практикой. Такие принципы, как согласие, беспристрастность, «общие интересы» и неприменение силы, на практике в миротворческой деятельности ООН, к сожалению, не всегда используются. К чему может привести это несоответствие?

— Я бы не называла инструментарий ООН по поддержанию мира «консервативной практикой». На самом деле тут не так много, что можно придумать нового. Все равно все сводится к необходимости «договориться» и найти человека или людей (посредников), которые могут помочь в этом. Здесь следует обратить внимание на статью Л. Брахими³

² ‘Pragmatism, Not Populism’ Will Overcome Global Inertia, Chilean President tells UN // The United Nations. September 21, 2016. URL: <https://news.un.org/en/story/2016/09/539762> (accessed: 21.06.2023).

³ Лахдар Брахими (р. 1934 г.) — министр иностранных дел Алжира (1991—1993 гг.), несколько десятилетий проработал в системе ООН. В разные годы был спецпредставителем ООН на Гаити, в Афганистане и Ираке, в Сирии. В 2000 г. возглавлял Группу по операциям ООН в пользу мира, на этом посту выпустив итоговый доклад по повышению эффективности миро-

и С. Ахмеда⁴ «В поисках устойчивого мира. Семь смертных грехов в посредничестве» (Brahimi & Ahmed, 2023). Она была написана в мае этого года, и в ней авторы возвращают нас в реальность.

Затем надо обеспечить выполнение соглашений, на основании которых происходит развертывание операций по поддержанию мира (это именно о *the peace to keep*). К сожалению, на этом направлении картина не очень благополучная: достаточно пройтись по основным странам, принимающим миротворческие миссии, и посмотреть, где что выполнено и в какие сроки (этим, кстати, в ряде случаев объясняется и длительность пребывания миротворцев в странах развертывания). Если в дополнение к этому в стране имеются так называемые асимметричные угрозы (проще говоря, террористы или боевики, не являющиеся участниками соглашения), а национальные органы безопасности слабы, то картина становится еще более комплексной, прагматичного ответа на которую ООН пока так и не выработала.

Большинство других доктринальных аспектов — это «надстройка», и чем меньше возможностей для того, чтобы реализовать суть главной политической задачи, тем больше вырастает «надстройка». Это мы и видим на примере ООН. В нашем, ооновском, случае зачастую настройка закрепляется в доктрине. То есть в нее добавляются различные компоненты, без которых, дескать, договориться нельзя. Необходимо учитывать десят-

творчества ООН («Доклад Брахими»): Report of the Panel on United Nations Peace Operations. A/55/305, S/2000/809 // The United Nations. 2000. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/a_55_305_e_brahimi_report.pdf (accessed: 21.06.2023).

⁴ Салман Ахмед — директор отдела планирования политики в Администрации президента США Дж. Байдена с 2021 г., ранее 8 лет работал в администрации президента Б. Обамы. Участвовал в планировании полевых миссий ООН в Ираке (2003—2004 гг.), Афганистане (2001—2002 гг.), Боснии и Герцеговине (1996—1998 гг.), ЮАР (1994 г.) и Камбодже (1992—1993 гг.). В 2002 г. являлся секретарем Группы по операциям ООН в пользу мира и также участвовал в подготовке «Доклада Брахими». Работал исследователем в Фонде Карнеги, преподавал в Принстонском университете.

ки факторов, которые со временем приобретают *общий (generic) и якобы универсальный характер*: мир невозможен, если не проконсультировались с гражданским обществом, если соглашение заключено без участия женщин и молодежи, без учета климатических факторов, если не созданы какие-то специфические условия для отправления правосудия и так далее (Лебедева, 2023, с. 13—14). Каждый из этих факторов может иметь значение в каждой конкретной ситуации, но это реально обусловлено ее спецификой, а не некой доктриной.

Проблема заключается в том, что западные страны, выступая авторами этого подхода, хорошо научились пользоваться его рычагами, а именно задействовать разные компоненты этих доктрин тогда, когда это нужно им. В этом плане настроенная по соответствующим лекалам ооновская бюрократия работает на них. Однако когда принципы этих доктрин работают в другую сторону, они отменяются. Посмотрите, кого и когда волновали права русскоязычного населения на Украине, жертвы среди детей в Донбассе или притеснения Украинской православной церкви (УПЦ). Буквально недавно западники выступили против предложенного Россией докладчика от гражданского общества (священника УПЦ Московского Патриархата), заявив, что «в СБ выступает слишком много представителей гражданского общества»⁵. Хотя именно они стояли у истоков и неизменно продвигали их участие в Совете.

Приведу другой пример. Старый добрый принцип согласия сторон: назначенный Генеральным Секретарем специальный представитель в Судане Ф. Пертес потерял доверие суданцев, они попросили о его замене, однако Генеральный Секретарь отказался, и Хартум был вынужден объявить его персоной нон-грата⁶. Западные страны по-прежнему

⁵ Брацкий Я. Полянский: отстранение епископа УПЦ от участия в заседании СБ ООН — вопиющее злоупотребление // Телеканал Звезда. 26.07.2023. URL: <https://tvzvezda.ru/news/20237262011-7awKH.html> (дата обращения: 27.07.2023).

⁶ Sudan Declares UN Envoy Volker Perthes “Persona Non Grata” // AfricaNews. June 9, 2023. URL: <https://www.africanews.com/2023/06/09/sudan-declares->

продолжают настаивать на том, что он должен выполнять свои обязанности, ведь нельзя же просто так взять и отказать высокопоставленному сотруднику ООН в доверии!⁷ Ф. Пертес в страну доступа не имеет, выполнять свои функции не может, в Судане острейший конфликт, а СБ ООН по-прежнему спорит, легитимен этот человек или нет.

Беспристрастность — отдельная тема, поскольку под ней все понимают разные вещи (Boulden, 2005; Donald, 2002; Rhoads, 2016; Yamashita, 2008). Может ли признаваться беспристрастным ооновский функционер, который ради достижения мира поступает «общепризнанными принципами»? Когда речь идет о том, чтобы ради прекращения войны и гибели людей давались бы гарантии физической безопасности политиков, которые, возможно, совершили тяжкие преступления?

Что касается применения или неприменения силы (это особенно важно для миротворчества), то проблема здесь также имеет политическую подоплеку. Совершенно нормально, если миротворец применил силу в условиях конкретной ситуации (нападения на гражданских лиц или на него самого). Вопрос возникает тогда, когда применение миротворцами силы сопоставимо с тем, что они занимают чью-либо сторону в конфликте.

Сейчас активно обсуждается «старый новый» вариант «силовых» операций на основе коалиций заинтересованных стран, региональных и субрегиональных организаций (прежде всего африканских) с привлечением финансирования по линии ООН (Бокерия, 2022; Худайкулова, 2023). Однако здесь также много подводных камней, главный из которых, на мой взгляд, — способность обеспечить политическую солидарность относительно целей и параметров их проведения,

un-envoy-volker-perthes-persona-non-grata/ (accessed: 22.06.2023).

⁷ UN Says Sudan Cannot Apply Persona Non Grata To UN Envoy // Reuters. June 9, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/africa/un-says-sudan-cannot-apply-persona-non-grata-un-envoy-2023-06-09/> (accessed: 22.06.2023).

причем не только среди глобальных игроков, но и среди членов самих этих объединений.

— В Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 г. отмечено, что приоритетное значение имеет «повышение роли России в миротворческой деятельности (в том числе в рамках взаимодействия с ООН, региональными международными организациями и сторонами конфликтов), укрепление миротворческого и антикризисного потенциалов ООН и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)»⁸. На ваш взгляд, как на практике будет реализовано повышение роли РФ в международном миротворчестве?

— Полностью согласна с Концепцией российской внешней политики. Исторически сложилось, что Россия являлась как «страной-воином», так и миротворцем, который знает цену человеческой жизни, а также когда ею необходимо пожертвовать. Миротворчество же не обязательно ооновское. Это и Грузия до 2008 г., и Приднестровье (Шевчук, 2023), и Нагорный Карабах сейчас. Участие сил ОДКБ в Казахстане в 2022 г. — это высший уровень (Сысоева, 2023). Необходимо будет также изучить современный опыт россиян, вносящих вклад в стабилизацию ситуации в африканских странах, подготовку их национальных потенциалов для противодействия угрозам, в том числе террористическим⁹. Полагаю, что в вопросе повышения роли России в международном миротворчестве необходимо идти от смысла, а не конкретных цифр, например, присутствия в миротворческих контингентах ООН.

— Несмотря на более чем 20 лет международных и региональных усилий по увеличению количества и активному

⁸ Концепция внешней политики Российской Федерации, 31.03.2023 // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70811> (дата обращения: 22.06.2023).

⁹ См. статью А.Л. Бовдунова в этом номере (*Прим. ред.*).

вовлечению женщин в миротворческую деятельность, численность женщин в операциях по поддержанию мира в Африке остается невысокой. Какова позиция РФ по данному вопросу?

— Россия поддерживает вовлечение женщин в миротворческую деятельность, особенно в нынешних обстоятельствах, когда операции по поддержанию мира ООН имеют очень широкие мандаты. Участие женщин важно в сферах, связанных с обеспечением безопасности женщин и детей, расследованием преступлений в их отношении. Вклад женщин-миротворцев не ограничивается только этими функциями, он широко востребован в других ситуациях. Однако я уверена, что здесь не может быть автоматизма. Миротворческие подразделения — это в большинстве своем части вооруженных сил или правоохранительных подразделений отдельных стран. Неважно, мужчины это или женщины, главное, чтобы они выполнили поставленную задачу.

— Африку принято считать самым конфликтогенным континентом мира. Многие государства вовлечены в процессы урегулирования африканских кризисов, в том числе по линии ООН. С чем связано печальное лидерство Африканского континента? С незавершенной деколонизацией? Недостатком координации с региональными (Африканский союз) и субрегиональными организациями (Экономическим сообществом западноафриканских государств (ЭКОВАС) и др.) или чем-то другим? Какова роль России в обеспечении мира и безопасности в Африке?

— Как представляется, тема самой высокой конфликтогенности Африки — несколько надуманный, удобный для многих тезис. Здесь требуется анализ статистики с точным подсчетом количества кризисов и их жертв по временным периодам. Насколько потери, например, в мировых войнах соотносятся с потерями в тот же период с жертвами от конфликтов в Африке. Если брать более близкие к нам временные периоды, то нельзя забы-

вать, что в конце прошлого века имела место череда гражданских войн в Анголе, Чаде и Сьерра-Леоне. Война в Демократической Республике Конго (ДРК) и геноцид в Руанде — это тоже произошло 20—30 лет назад. Где-то видела статистику, что в настоящее время африканские конфликты не являются самыми кровавыми. В Сирии, Йемене и других неафриканских конфликтах потери от боевых действий значительно выше. Очень важно признать (и говорить об этом), что африканские страны, Африканский союз и субрегиональные организации достигли значительного прогресса в сдерживании таких событий. На данный момент следим за событиями в Нигере. Переворот в этой стране произошел без жертв, однако существует риск большой войны в регионе, которая будет кровопролитной.

При этом даже на фоне того, что такое силовое решение обсуждается в ЭКОВАС, считаю, что принцип «Африканским проблемам — африканские решения» релевантен¹⁰. Многих кризисных ситуаций (как в Западной Африке) можно было избежать, если бы не было вмешательства в дела африканских государств (как произошло в Ливии, в том числе в плане подрыва региональных усилий), наследия колониализма, внешнего влияния на процессы принятия решений на национальном и региональном уровнях. Однако путь снижения зависимости от этих факторов далеко не прост, состоит не только в политических, но и экономических, а также социально-культурных аспектах.

Что касается России, то мы не должны рассматривать наше содействие Африке сквозь призму наших сложных отношений с Западом. Это самодостаточный регион с перспективным населением, которое где-то уже научилось, а где-то учится уважать себя. Мы должны помогать ему обрести силу и независимость, хотя бы получить «пространство и время», насколько это возможно. России не нужно пытаться сделать кого-то зависимым

¹⁰ См. статью Т.С. Денисовой, С.В. Костелянца в этом номере (*Прим. ред.*).

от нее (к тому же у нас нет такого ресурса) или навязать свою идеологию.

— В последние годы получили распространение самые инновационные подходы к миростроительству. Ряд международных организаций делают особый акцент на противодействии радикализации молодежи. В странах Азии, Африки и Латинской Америки в урегулирование региональных конфликтов вовлекают традиционные институты, в том числе религиозные. По вашему мнению, какие «рецепты» наиболее действенны сегодня в этой сфере? Каково соотношение универсальных и региональных практик?

— Миростроительство действительно является одной из популярных идей в ООН по преодолению конфликтов, ведутся вполне реалистичные дискуссии относительно увеличения финансирования программ миростроительства из средств регулярного бюджета ООН. Насчет инновационности можно поспорить, хотя я и слышала идеи замещения всех миротворческих операций некими миростроительными миссиями. Однако суть здесь все та же, как ни назови, — универсальных рецептов для конфликтных ситуаций не существует. Есть конкретная ситуация, с которой надо предметно работать, объективно устранять причины ее возникновения. Если это терроризм — бороться с ним военным путем, если неравенство регионов — преодолевать помощью в области развития, если слабы государственные институты — строить их и распространять на отстающие части страны.

Как говорил С. Хантингтон, сначала государства должны контролировать свою территорию, а потом уже себя (Huntington, 1993, p. 29). Работа с молодежью или какие-то меры в области прав женщин, безусловно, важны, но только усилиями в этой области фундаментальные проблемы не решить. Нет каких-либо универсальных решений — они все по факту могут оказаться субъективными и произвольными. Повышается роль региональных площадок. Однако, по моему мнению, наиболее эффективными останутся национальные, государственные предложе-

ния, в том числе если речь идет о подключении традиционных институтов или религиозных лидеров (Крашенинникова, 2019).

— По вашему мнению, кто реально формирует новые подходы в миротворчестве и миростроительстве в современном мире — теоретики или практики?

— Роль и теоретиков, и практиков важна. К сожалению, большинство теоретических предложений, которые я видела в моей работе в качестве дипломата за последние 15 лет, так или иначе приходили «с Запада» и в их основе лежали либеральные подходы. На бумаге обычно все выглядит красиво, но «забывают про овраги». В ООН наибольшее хождение имеют именно такие «красивые теории». К тому же у тех же европейцев имеется мощный кадровый, финансовый и институциональный ресурс для их продвижения. С практиками сталкиваешься несколько реже, но с ними разговаривать гораздо интереснее, поскольку они более реалистичны в своих подходах.

Многие, кстати, ратуют за силовые методы в миротворчестве, диалог со всеми участниками конфликта, в том числе с путчистами, радикальными группами и т. п., сквозь пальцы смотрят на особенности «демократических процессов», если знают, что «требуемое международным сообществом» может привести к дестабилизации. Как сказал один из уважаемых мною спецпредставителей Генерального Секретаря, выборы, как этого требуют СБ ООН и большинство западных государств, сейчас проводить в курируемой им стране никак нельзя, поскольку это приведет к дальнейшему расколу не только элит, но и страны. Сожаление вызывает тот факт, что такие люди не могут напрямую сказать это в Совете Безопасности или публично. От иных, наоборот, видишь действия, как предписано «в методичке». Так произошло в Судане, о котором я говорила выше: во многом именно «зуд демократических преобразований» и желание как можно скорее показать результат и привели к обострению нынешнего противостояния.

— Как представляется, большинство концептуальных подходов современного миротворчества сформировано теоретиками и практиками западных стран, в том числе концепция «Ответственности по защите» (R2P). Насколько данные подходы соответствуют современным реалиям?

— Проблема либеральной западной идеологии или миротворческой теории заключается даже не в том, что она ошибочна сама по себе, а в уверенности этих идеологов в том, что их подходы — единственно правильные и универсальные, даже если они не принимаются теми, на кого они направлены, и не дают устойчивых результатов. Кроме того, при переходе к «практике» ключевую роль начинает играть геополитика, перестраивающая всю «теорию» под себя.

Концепция «Ответственности по защите» — хороший пример. Ее основная идея — гуманистическая, направленная на защиту людей (Вокериya, 2018). Однако если посмотреть на примеры ее применения, оторопь берет относительно тысяч жертв. Я очень надеюсь на то (хотя это и цинично звучит), что после Ливии на R2P поставлен крест (Худайкулова, 2016). Вмешательство в дела этой страны в 2011 г. под благородным предлогом нанесло такой ущерб этой стране, половине Африки и даже самой Европе, что еще долгое время люди будут содрогаться от ссылок на «ответственность по защите». Хотя, повторюсь, сам смысл ее идеи будет

актуален всегда. На самом деле, действия России в Крыму и Донбассе — это тоже отчасти R2P.

— Какова роль России в концептуальном переосмыслении миротворчества и миростроительства? В чем уникальность российского подхода?

— Роль России в концептуальном переосмыслении миротворчества и миростроительства, на мой взгляд, очень велика. Мы активно участвуем в обсуждении этих вопросов в Совете Безопасности, в Комиссии по миростроительству и Генеральной Ассамблее. В дискуссиях по общим вопросам мы во многом являемся «голосом разума», продвигаем адекватные оценки. То же происходит и при обсуждении мандатов миротворческих миссий. Мы зачастую являемся «последней надеждой» принимающих государств, которые рассчитывают на нашу поддержку, а также людей, работающих «на земле». Хотелось бы, чтобы у нас было больше активных представителей в полевых миссиях, которые бы реализовывали наши подходы (Амара, Дегтерев, Эгамов, 2022), чтобы у российских дипломатов и теоретиков было больше возможностей изучать деятельность ооновских присутствий, в том числе в Африке. В этом есть определенные объективные зазоры, но хочется надеяться, что они будут преодолены в самом ближайшем будущем.

Интервью провел Д.А. Дегтерев

Поступила в редакцию / Received: 25.07.2023

Библиографический список

- Амара Д., Дегтерев Д. А., Эгамов Б. Х. «Общие интересы» в миротворческих операциях ООН в Африке: прикладной анализ кадрового состава // Проблемы национальной стратегии. 2022. № 2 (71). С. 76—101.
- Бокерия С. А. Партнерство ООН и АС в области миротворчества: тенденции и проблемы // Вестник международных организаций. 2022. Т. 17, № 2. С. 189—207. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-02-08>
- Крашенинникова Е. А. Религиозная дипломатия в урегулировании афганского конфликта: возможности и ограничения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19, № 4. С. 533—544. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-4-533-544>
- Лебедева О. В. Приоритеты современной российской дипломатии: между ООН и «порядком, основанным на правилах» // Международная жизнь. 2023. № 3. С. 10—19.

- Сысоева П. В.* Январские события 2022 г. и миротворческая операция ОДКБ в Казахстане // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 241—252. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-241-252>
- Худайкулова А. В.* Новое в управлении международными конфликтами: опосредованные войны вместо гуманитарных интервенций? // *Международные процессы*. 2016. Т. 14, № 4. С. 67—79. <https://doi.org/10.17994/IT.2016.14.4.47.5>
- Худайкулова А. В.* Регионализация миротворчества в Африке: опыт Африканского союза // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 339—357. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-339-357>
- Шевчук Н. В.* Роль российского миротворчества в процессе приднестровского урегулирования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2023. Т. 23, № 2. С. 228—240. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-2-228-240>
- Beckley C., Waters E.* *Who Holds the Moral High Ground?* Exeter : Imprint Academic, 2008.
- Bokeriya S. A.* R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2018. Т. 18, № 4. С. 955—964. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964>
- Boulden J.* Mandates Matter: An Exploration of Impartiality in United Nations Operations // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2005. Vol. 11, no. 2. P. 147—160. <https://doi.org/10.1163/19426720-01102003>
- Brahimi L., Ahmed S.* In Pursuit of Sustainable Peace. The Seven Deadly Sins of Mediation. Center on International Cooperation, New York University, 2023. URL: https://peacemaker.un.org/sites/peacemaker.un.org/files/SevenDeadlySinsofMediation_BrahimiAhmed2008.pdf (accessed: 22.06.2023).
- Donald D.* Neutrality, Impartiality and UN Peacekeeping at the Beginning of the 21st Century // *International Peacekeeping*. 2002. Vol. 9, no. 4. P. 21—38. <https://doi.org/10.1080/714002776>
- Huntington S. P.* The Clash of Civilizations? // *Foreign Affairs*. 1993. Vol. 72, no. 3. P. 22—49. <https://doi.org/10.2307/20045621>
- Rhoads E. P.* Taking Sides in Peacekeeping: Impartiality and the Future of the United Nations. Oxford : Oxford University Press, 2016. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198747246.001.0001>
- Yamashita H.* ‘Impartial’ Use of Force in United Nations Peacekeeping // *International Peacekeeping*. 2008. Vol. 15, no. 5. P. 615—630. <https://doi.org/10.1080/13533310802396152>

МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

INTERNATIONAL SECURITY

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517

EDN: CKQKRY

Научная статья / Research article

Государственное строительство и истоки «американской империи»: к проблеме легитимации суверенного неравенства в XXI веке

А.Н. Богданов Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация
 enlil82@mail.ru

Аннотация. На протяжении последних двух десятилетий политика государственного строительства на Большом Ближнем Востоке использовалась Вашингтоном в качестве инструмента построения «американской империи», опирающейся на неравноправные отношения между США и зависимыми от них режимами в Афганистане и Ираке. При этом современные исследования в основном фокусируются на инструментах реализации этой политики, обеспечивающих принятие местным населением новых политических и экономических институтов. Изучаются усилия Вашингтона в сфере государственного строительства как специфическая практика легитимности, нацеленная на закрепление суверенного неравенства и институционализации политического контроля США над «режимами-клиентами». Исследование опирается на теоретическое наследие Английской школы, сторонники которой рассматривают «легитимность» в неразрывной связи с «международным обществом» как группой государств, объединенных общими целями, институтами и ценностями. Используемые членами этого общества стратегии легитимации предполагают исполнение различных международных ролей, посредством которых государства обретают признанные статусы, права и обязанности. Фокусируясь на таких ролях США, как «имперская держава» и «патрон», автор приходит к выводу, что усилия Вашингтона в сфере государственного строительства были направлены на увязывание американских интервенций в Афганистане и Ираке с коллективными целями международного общества и поэтому играли важную роль в процессе легитимации неравноправных отношений с «государствами-клиентами» в условиях формального юридического равенства членов международного общества. Таким образом, применение предложенного подхода помогает пролить свет на малоизученные аспекты механизмов воспроизводства доминирования США и институционализации суверенного неравенства, присущего «американской империи» в XXI в.

Ключевые слова: США, государственное строительство, империя, легитимность, Английская школа

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Богданов А. Н. Государственное строительство и истоки «американской империи»: к проблеме легитимации суверенного неравенства в XXI веке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 506—517. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517>

© Богданов А.Н., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Statebuilding and the Origins of the “American Empire”: Towards the Problem of Legitimizing Sovereign Inequality in the 21st Century

Alexey N. Bogdanov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
enlil82@mail.ru

Abstract. In recent decades, “statebuilding” policies in the Greater Middle East have been used by Washington as a tool for forging an “American empire” based on unequal relations between the U.S. and its dependent regimes in Afghanistan and Iraq. At the same time, current research focuses mainly on the instruments for implementing these policies and ensuring the acceptance of new political and economic institutions by the local population. Unlike the established approaches, the author examines Washington’s statebuilding efforts as a specific practice of legitimacy aimed at entrenching sovereign inequality and institutionalizing the US political control over “client-regimes.” The study draws on the theoretical legacy of the English school, which views “legitimacy” as a phenomenon inextricably linked with “international society,” comprising a group of states bound by common goals, institutions, and values. The legitimation strategies adopted by members of this society involve the performance of various international roles through which states acquire recognized statuses, rights and obligations. Focusing on the US roles such as “imperial power” and “patron,” the author concludes that Washington’s statebuilding efforts were aimed at linking the US interventionism in Afghanistan and Iraq with the collective goals of international society, and thus served to legitimize inequitable relations with “client-states” under the formal legal equality of members of international society. Therefore, the application of the proposed approach helps to shed light on the underexplored aspects of the legitimizing instruments of the US dominance and the means of institutionalizing sovereign inequality inherent in the “American empire” in the 21st century.

Key words: United States, statebuilding, empire, legitimacy, English school

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Bogdanov, A. N. (2023). Statebuilding and the origins of the “American empire”: Towards the problem of legitimizing sovereign inequality in the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 506—517. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-506-517>

Введение

Согласно распространенному в экспертных кругах мнению, окончательный вывод американского контингента из Афганистана свидетельствует о намерении Вашингтона пересмотреть обширные международные обязательства (Цветков, 2021; Самуйлов, 2022), взятые на себя Соединенными Штатами после терактов 11 сентября 2001 г. При этом исследователи склонны рассматривать принятое президентом Дж. Байденом решение в контексте нарастающей конфронтации между США и «восходящими державами» (Китаем и Россией), недооценивая то обстоятельство, что присутствие США в Афганистане и в Ираке было частью стратегии построения так называемой «американской империи» со времен начала «глобальной войны с террором». В рамках этого амбициозного проекта США стремились оказывать обширную поддержку

политическим реформам в странах Большого Ближнего Востока¹ с тем, чтобы положить конец тирании и способствовать укреплению региональной стабильности и процветания². Эти усилия должны были способствовать созданию «баланса сил, который благоприятствует свободе»³, и обеспечению триумфа «цивилизованного сообщества» над силами

¹ National Strategy for Combating Terrorism // White House. September 2006. P. 11. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (accessed: 23.03.2022).

² Democracy Promotion: Cornerstone of U.S. Foreign Policy? // CRS Report for Congress. December 26, 2007. P. 1. URL: https://www.everycrsreport.com/files/20071226_RL34296_39232d9d9bfdd071ad684649d3b6535503cd2f8f.pdf (accessed: 23.03.2022).

³ Rice C. A Balance of Power that Favors Freedom // Carrie Chapman Catt Center for Women and Politics. October 1, 2002. URL: <https://awpc.cattcenter.iastate.edu/2017/03/21/a-balance-of-power-that-favors-freedom-oct-1-2002/> (accessed: 23.03.2022).

хаоса и разрушения, охватившими исторически беспокойный и сопротивляющийся внешнему вмешательству регион. При этом ключевым приоритетом США была коренная трансформация общественных систем Афганистана и Ирака с помощью государственного строительства, предполагающего внутреннее переустройство подвергшихся интервенциям государств и превращение «давних противников в новых жизненно важных партнеров»⁴.

Таким образом, выявление роли государственного строительства как инструмента легитимации неравноправных отношений между США и их «клиентами» на Большом Ближнем Востоке представляется важным с точки зрения всестороннего понимания способов воспроизводства суверенного неравенства как опоры выгодного для Вашингтона регионального порядка. Для достижения этой цели автор привлекает идейное наследие Английской школы, сторонники которой рассматривают «легитимность» как феномен, неизменно присущий «международному обществу», понимаемому как группа государств, связанных общими правилами и институтами, а также регулярным взаимодействием (Bull, 1995, p. 202). В рамках этого видения международное общество предстает в виде «целеустремленной организации, с помощью которой ее члены преследуют коллективные цели и закрепляют разделяемые ценности» (Morris, 2005, p. 265), что в конечном счете приводит к формированию устойчивых паттернов взаимодействия, поддерживающих международный порядок. Поэтому легитимация властных отношений между государствами предполагает увязывание их действий с социальной структурой международного общества, наделяющей своих членов дифференцированными статусами («великие» и «средние» державы, «патрон» и «клиент» и т. д.) и задающей параметры допустимого поведения.

Данное обстоятельство побуждает членов международного общества преследовать

«бесконечные стратегии легитимации, чтобы представить определенные виды деятельности или акторов в качестве легитимных» (Clark, 2005, p. 2). Эти стратегии подразумевают исполнение различных «ролей», ядром которых являются «институционализированные практики особых прав и обязательств» (Clark, 2011, p. 4), связанные с положением государства внутри международного общества (например, «великая держава», «гегемон», «гарант безопасности» и т. д.). Успешное исполнение данных ролей позволяет государствам претендовать на закрепление своего привилегированного статуса и полномочий в рамках существующей системы властных отношений. С этой точки зрения «государственное строительство» можно рассматривать в качестве специфической ролевой практики, помогающей увязать интервенционистскую политику и ограничение суверенитета «режимов-клиентов» с коллективными целями международного общества (обеспечение региональной стабильности, решение проблемы «несостоявшихся государств» и т. д.).

При этом успешное исполнение роли «строителя государства» (*state-builder*) позволяет сгладить противоречие между очевидным неравноправием отношений «патрон — клиент» и социальной структурой международного общества, конституированной принципами суверенитета и формального юридического равенства своих членов. Таким образом, применение обозначенного подхода будет способствовать всестороннему пониманию природы так называемой «американской империи» путем фокусирования на государственном строительстве как практике легитимности, способствующей воспроизводству суверенного неравенства в отношениях между Вашингтоном и его «клиентами» на мировой периферии.

«Имперская» легитимность и проблема «несостоявшихся государств» после холодной войны

Хотя империи исторически опирались на подавляющее материальное превосходство «метрополии» над «периферией», устойчивость имперского доминирования во многом

⁴ National Strategy for Combating Terrorism // White House. September 2006. P. 23. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/nsc/nsct/2006/> (accessed: 23.03.2022).

зависела от убедительности идеологических оправданий политики колонизации и территориальной экспансии. Так, легитимация присущего империям неравенства обеспечивалась посредством распространения институциональных практик «ядра» (Motyl, 1999, p. 133) и культивирования специфических образов империи (Kurchan, 1994, p. 22), предоставляющих правдоподобные объяснения превосходства «метрополии» над «периферией».

Как правило, эти образы представляли империю в качестве единственно возможной формы организации социального космоса (Каспэ, 2007, с. 276), утверждение которой во всемирном масштабе ведет к торжеству наиболее прогрессивной формы правления, несущей порядок и цивилизацию менее развитым народам. Поэтому воплощение имперского проекта предполагало распространение специфического правового состояния, олицетворяющего высший закон и справедливость, а также подразумевающего установление единого закона, отвергающего все различия в правах и традициях (Kohn, 1966, p. 120) с тем, чтобы рационализировать, гармонизировать и ассимилировать правовые системы периферийных акторов.

Действуя в таком ключе, имперские державы добивались унификации образующих внешний мир субъектов, воспринимая их как «хаотичную массу... которая остро нуждается в упорядочивании» (Исаев, 2007, с. 38). В конечном счете эти усилия были направлены на обеспечение единства и однородности мира, а также устранение различий и противоречий, угрожающих стабильности имперского правления. Эти соображения обуславливали склонность имперских государств проецировать свои идентичности в отношении разнородной «периферии» с тем, чтобы приобщить ее к ценностям «ядра» (Nexon & Wright, 2007, p. 254), оправдать эксклюзивные prerogatives доминирующей политики и тем самым закрепить суверенное неравенство (Wendt & Friedheim, 1995, p. 700).

Кроме того, легитимация имперского доминирования подразумевает предоставление социально востребованных благ, которые

являются «доступными и выгодными хотя бы для некоторых (элитных) групп в периферийных зонах империи» (Saul, 2008, p. 312). Подобные стратегии установления «имперского» контроля предполагают следование практикам, предполагающим исполнение доминирующими державами особых обязательств путем удовлетворения фундаментальных общественных нужд с тем, чтобы увязать свои действия с социальными ожиданиями, сложившимися на уровне структуры «ядро — периферия». Так, к наиболее важным аспектам «имперской» роли могут относиться установление общего закона, предотвращение перехода международного соперничества в стадию военного конфликта, предоставление защиты от внешней агрессии (Munkler, 2005, p. 153), а также интеграция политического пространства империи и распространение достижений прогресса (Баталов, 2005, с. 337). Если имперская держава успешно справляется с этой ролью, ее привилегированное положение и экспансионистская политика с большей вероятностью будут рассматриваться в качестве легитимных, то есть соответствующих сложившимся представлениям о коллективном благе.

Применительно к современным условиям следует отметить, что усиление «имперских» черт в политической организации постбиполярной международной системы является следствием совокупности факторов. К наиболее важным из них относятся углубление социокультурных различий и рост числа внутригосударственных конфликтов, нередко приводящих к столкновениям между центральными правительствами и сепаратистскими группами. По мнению некоторых исследователей, это создает предпосылки фундаментального кризиса государственности, конституционных и правовых норм, а также общей деградации оказавшихся на грани коллапса обществ (Лапкин, 2018, с. 39). При этом углубляющийся институциональный кризис национального государства обуславливает необходимость создания инструментов международного контроля над «несостоявшимися государствами», которые могут стать спонсорами терроризма или стремятся к

обладанию оружием массового уничтожения (ОМУ). Эффективность такого контроля зависит от способности международных администраций обеспечивать безопасность и справедливость, предоставлять критически важные общественные блага и услуги населению, формировать устойчивые экономические структуры, организовывать гуманитарную помощь и создавать институциональную основу демократической легитимности (Bonacker & Brodocz, 2017, p. 403).

После окончания холодной войны достижение этих целей предполагало координацию действий сообщества государств со стороны США как единственной сверхдержавы, желающей примерить роль не только «лидера», но и «патрона», способствующего формированию более эффективных форм правления в «проблемных государствах». При этом США получали возможность закрепить свою особую ответственность по противостоянию нарастающему на мировой периферии «хаосу» и обеспечению триумфа «порядка», «цивилизации» и «прогресса» путем содействия трансформации внутреннего устройства таких государств.

В то же время Вашингтон стремился добиться таких коллективных целей, как предотвращение расширения доступа к ОМУ и нейтрализация угрозы со стороны транснационального терроризма, приведшего к «исторически беспрецедентной ситуации, в которой политики с ограниченным военным потенциалом угрожают безопасности namного более могущественных держав» (Krasner, 2004, p. 86). Таким образом, «имперская» роль США, предполагающая установление порядка и учреждение прогрессивной формы правления в тех государствах, которые «неспособны или не желают управлять собой согласно новым стандартам цивилизации» (Colas, 2007, p. 159), приобрела особое значение с точки зрения достижения коллективных целей международного общества. В случае успешного исполнения этой роли путем реализации практик государственного строительства на мировой периферии США могли рассчитывать на укрепление легитимности своего привилегированного положения

посредством институционализации своих особых прав как «строителя государства» и «патрона».

Государственное строительство как стратегия легитимации «американской империи»

Наряду с институциональными реформами политика государственного строительства подразумевает легитимацию действий, направленных на коренное преобразование ключевых общественных и политических структур стран, подвергшихся интервенции и оккупации (Paragi, 2016). Так, официальные оправдания усилий США в сфере государственного строительства акцентируют внимание на том, что «неспособность многих государств эффективно поддерживать порядок или работать со своими соседями для обеспечения региональной безопасности является вызовом для всей международной системы»⁵.

Эта аргументация делает акцент на том, что различные субнациональные группы подрывают стабильность ключевых государств и несут угрозу важным для США регионам. Поэтому Вашингтон должен решить проблему «дисфункциональных государств», представляющих собой «локус терроризма, наркоторговли, разработки ОМУ» и несущих «угрозу порядку и стабильности во всем мире» (Rao, 2004, p. 146).

Из этой логики также следовало, что Соединенные Штаты должны принять на себя обязательства по установлению стабильных форм правления на мировой периферии, особенно в тех случаях, когда речь шла о восстановлении государственных институтов после многосторонней интервенции. Так, с середины 2000-х гг. так называемые «операции по обеспечению стабильности» приобрели статус первоочередных военных миссий Вашингтона в Афганистане и Ираке. Эти миссии составляли ядро политики государственного строительства, включавшей

⁵ National Defense Strategy // National Security Strategy Archive. June 2008. P. 2. URL: <https://nssarchive.us/national-defense-strategy/national-defense-strategy-2008/> (accessed: 23.03.2022).

принудительную стабилизацию ситуации в оккупированных странах, восстановление функционирования правительственных институтов и экономической инфраструктуры с тем, чтобы обеспечить последующий переход этих государств к независимому развитию (Самуйлов, 2010, с. 21). Данная стратегия также предполагала восстановление или создание политических институтов, а также экспорт новой ценностной системы в страну, которая оказалась слишком слабой для того, чтобы обрести или сохранить независимый статус (Рыхтик, 2003, с. 91). Итогом этих усилий должно было стать превращение «несостоявшихся государств» в относительно стабильные общества, опирающиеся на прочный институциональный фундамент и имеющие мирные отношения с соседями.

В более узком смысле политика государственного строительства включала развитие способности «несостоявшихся государств» контролировать общество, а также определять способ организации взаимоотношений между обществом и правительством. Решение этих задач предполагало принятие Соединенными Штатами ответственности по обеспечению «хорошего правления» (*good governance*) и защите прав человека (Barnett, 2006, p. 91). На практике эта ответственность воплощалась в стремлении США участвовать в создании «новых попечительств» (*neotrusteeships*), сочетающих структуры международного администрирования и внутреннего управления и предполагавших институционализацию внешнего контроля над внутривнутриполитическими инстанциями и основными экономическими функциями «несостоявшихся государств» (Fearon & Laitin, 2004, p. 7). Внедрение этих организационных форм привело к появлению де-факто протекторатов (Босния и Косово в 1990—2000-е гг., Афганистан и Ирак в 2000—2010-е гг.), которые предполагалось превратить в современные государства, опирающиеся на фундаментальные принципы верховенства закона, рынка и демократии (Barnett, 2006, p. 88). При этом способность США исполнять роль «патрона», распределяющего ресурсы и формулирующего правила, которые лежат в основе иерархий

контроля над суверенными делами «несостоявшихся государств», стала важным фактором поддержания порядка и обеспечения безопасности. Это обстоятельство также обусловило ключевое значение практик государственного строительства, посредством которых формируются отношения «патрон — клиент» и поддерживается суверенное неравенство.

Афганистан

После начала оккупации Афганистана в октябре 2001 г. США приняли на себя роль «строителя государства» (*state-builder*) путем осуществления надзора за демократическими реформами, поддержания безопасности и правопорядка внутри страны в качестве необходимых предпосылок создания устойчивых политических институтов. Кроме того, Вашингтон сосредоточил в своих руках функции распределения жизненно важных ресурсов с тем, чтобы способствовать укреплению способности местного правительства контролировать территорию страны. Исполнение этой роли также подразумевало содействие демократизации путем создания представительного режима, проведения контртеррористической операции против движения «Талибан»⁶ и «Аль-Каиды»⁷, а также предоставление финансовых ресурсов афганскому правительству (Dobbins et al., 2003, pp. 132—133). Немаловажное значение также имела помощь со стороны Вашингтона в обучении, экипировке и консультировании Афганских сил национальной безопасности, а также укрепление эффективности институтов безопасности Афганистана⁸. Центральная роль при этом отводилась Международным силам содействия безопасности (*International*

⁶ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁷ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

⁸ Enduring Strategic Partnership Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan // U.S. Department of State. May 2, 2012. P. 3—4. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12-704-Afghanistan-Relations.pdf> (accessed: 23.03.2022).

Security Assistance Force, МССБ), участники которых находились в рамках эксклюзивной юрисдикции своих национальных правительств, а также обладали иммунитетом от ареста или задержания со стороны властей Афганистана⁹.

В дальнейшем переход МССБ под контроль НАТО в 2003 г. обозначил важный этап в эволюции роли Альянса, от которого в то время многие ждали расширения сферы ответственности за пределы Евроатлантического региона. При этом НАТО также должна была играть институционализированную роль «кризисного менеджера» (Бурлинова, 2010, с. 78), принимающего на себя ответственность за выполнение миротворческой функции и восстановление внутреннего порядка в Афганистане. В частности, Североатлантический альянс оказывал содействие в обучении афганских военнослужащих и полицейских, предоставлял финансовую поддержку национальной армии Афганистана, а также принимал участие в реализации образовательных программ в военной и гражданской сферах (Boguslavskaya, 2019, p. 45). Важным фактором эффективности этих усилий было согласие сторон с целями военного присутствия США в Афганистане — разгром «Аль-Каиды» и ее сторонников, а также содействие региональному миру, стабильности и процветанию. Для достижения этих целей Соединенные Штаты декларировали необходимость восстановления «исторической роли» Афганистана как моста, соединяющего Центральную и Южную Азию с Ближним Востоком. Это, в свою очередь, предполагало решение таких задач, как создание региональных инициатив в сфере торговли и транзита, усиление пограничной координации между Афганистаном и соседними государствами, реализация инфраструктурных проектов, а также привлечение международных

⁹ Military Technical Agreement between the International Security Assistance Force (ISAF) and the Interim Administration of Afghanistan ('Interim Administration') // Berlin Information-center for Transatlantic Security. 2002. P. 1. URL: https://www.bits.de/public/documents/US_Terrorist_Attacks/MTA-AFGHFinal.pdf (accessed: 23.03.2022)

инвестиций, способствующих ускоренной интеграции Афганистана внутри региона¹⁰. Не менее важно, что Декларация о партнерстве США и Афганистана предусматривала надление последнего статусом «ключевого союзника вне НАТО» с тем, чтобы обеспечить долгосрочную основу для кооперации в сфере обороны и взаимной безопасности¹¹. Такое сотрудничество предполагало помощь Альянса в развитии и реформировании министерств в сфере безопасности и других национальных институтов, содействие в укреплении профессионализма Афганских сил безопасности, а также предоставление доступа к ресурсам военной и гражданской экспертизы НАТО¹².

Наряду с этим США приняли на себя большую часть связанных с интервенцией издержек путем предоставления преобладающей доли военного потенциала для ведения борьбы с талибами и участия в наиболее ожесточенных столкновениях. Также следует отметить, что американское доминирование в ходе оккупации и послевоенного восстановления Афганистана проявлялось в отношениях Вашингтона с младшими союзниками по НАТО. Как отмечает О. Шмитт, это доминирование не только обуславливалось решающим вкладом США в ходе военных действий, но также было продуктом ряда практик на тактическом (МССБ) и стратегическом (командование НАТО) уровнях. Так, офицеры США явно преобладали в цепочке командования, в то время как европейские союзники фактически не оказывали влияния на принятие плана операций, признавая тем самым определяющее значение вклада Вашингтона в конечный успех мероприятия. При этом

¹⁰ Enduring Strategic Partnership Agreement between the United States of America and the Islamic Republic of Afghanistan // U.S. Department of State. May 2, 2012. P. 5. URL: <https://www.state.gov/wp-content/uploads/2019/02/12-704-Afghanistan-Relations.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹¹ Ibid. P. 2—3.

¹² Declaration by the North Atlantic Treaty Organization (NATO) and the Government of the Islamic Republic of Afghanistan on an Enduring Partnership // NATO. September 6, 2006. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_50575.htm (accessed: 23.03.2022).

доминирование США при утверждении планов операций способствовало оправданию их претензий на компетентность своих действий, что позволяло Вашингтону позиционировать себя в качестве лидера интервенции (Schmitt, 2017, p. 508).

Это также помогало США исполнять роль «патрона», предполагающую удержание всеобъемлющего контроля над Афганистаном как «государством-клиентом» и позволяющую укрепить легитимность влияния США как на местный режим, так и на союзников по НАТО и партнеров по «коалиции желающих». При этом роль «строителя государства» подразумевала использование ведущего положения США в руководимой Североатлантическим альянсом международной коалиции, с тем чтобы содействовать обеспечению внутреннего порядка и безопасности в Афганистане, а также консолидации эффективных управленческих структур в стране. Таким образом, как материальные (финансовые средства, военная мощь), так и позиционные (лидерство в рамках НАТО, положение «патрона» в отношениях с местным режимом) ресурсы были вовлечены в процесс структурирования неравноправных отношений между Вашингтоном и Кабулом. В результате силовая асимметрия и суверенное неравенство были закреплены в качестве структурных свойств «имперской» структуры доминирования, посредством которой США стремились контролировать внутреннюю политику и внешние связи Афганистана.

Ирак

Посредством инициирования военной интервенции в Ирак в марте 2003 г. США стремились заменить враждебную диктатуру С. Хусейна стабильным и демократическим режимом, способным содействовать проведению либеральных реформ и укреплению безопасности на Ближнем Востоке. Согласно официальной риторике, к ключевым приоритетам Вашингтона относились такие цели, как построение «стабильных, плюралистичных и эффективных национальных институтов», создание иракских сил безопасности и

укрепление способности локальных институтов «предоставлять услуги, продвигать верховенство закона и возвращать гражданское общество», а также реформирование «иракской экономики в соответствии с рыночными принципами»¹³.

После свержения местного режима американские вооруженные силы приняли обязательства по установлению мира и обеспечению правопорядка, в то время как примкнувшие к «коалиции желающих» союзники Вашингтона обеспечивали военную поддержку. При этом важно отметить, что, так же как и в случае с формированием МССБ в Афганистане, операция «Несокрушимая свобода» в Ираке предполагала использование военной силы в таких пределах, которые позволяли сохранить восприятие легитимности совершаемых Соединенными Штатами действий со стороны локальных акторов (von Billerbeck & Gippert, 2017, p. 281). Кроме того, коалиционное временное правительство (КВП) взяло на себя ответственность по реконструкции, переустройству государственной службы и формированию переходной администрации. Это позволяло Соединенным Штатам использовать широкий набор материальных и организационных ресурсов в процессе исполнения роли «строителя государства» посредством предоставления жизненно важных благ местному населению, укрепляя способность местного правительства контролировать страну и обеспечивая легитимность отношений «патрон — клиент» между Вашингтоном и Багдадом. Так, американо-иракская «Декларация о принципах долгосрочных отношений сотрудничества и дружбы» установила в качестве ключевых приоритетов США защиту демократической системы Ирака от внутренних и внешних угроз, содействие национальному примирению и переходу к рыночной экономике, помощь в обучении и вооружении Сил безопасности Ирака с целью повышения их способности обеспечивать защиту

¹³ National Security Strategy of the United States of America // Historical Office of the Secretary of Defense. March 2006. P. 13. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CM18yHpX4x6IA%3d%3d> (accessed: 23.03.2022).

местного населения. Не менее важно, что Декларация предусматривала «укрепление положения Ирака в региональных и международных институтах» с тем, чтобы он «мог играть позитивную и конструктивную роль в регионе и в мире», а также содействие «дальнейшей интеграции Ирака в региональные и международные финансовые и экономические организации»¹⁴.

При этом усилия по стабилизации и восстановлению Ирака были направлены на убеждение международного общества в том, что США успешно справляются с принятой на себя «имперской» ролью, внося решающий вклад в достижение таких коллективных целей, как борьба с международным терроризмом и контроль за нераспространением ОМУ¹⁵ посредством демократизации Ближнего Востока, который «слишком долго испытывал дефицит свободы»¹⁶. Согласно официальной риторике, исполнение этой роли Соединенными Штатами было обусловлено их беспрецедентным положением в мире, которому сопутствовали особые возможности, обязательства и ответственность¹⁷.

Вместе с тем прерогативы «имперской державы» оправдывали интервенционистскую политику Вашингтона, а также способствовали закреплению суверенного неравенства, характерного для отношений «патрон — клиент». Так, в ходе послевоенного восстановления Ирака США стремились принять на себя бремя государственного строительства, принимающего форму «военных

операций иностранного государства или коалиции с целью создания нового режима» (Lake, 2010, p. 259) и его последующего превращения в полусуверенный протекторат. В частности, это предполагало создание таких структур, как Объединенные координационные комитеты (включая Высший координационный комитет), обеспечивающие мониторинг соблюдения сторонами принятых обязательств, координацию действий правительственных ведомств и разрешение споров¹⁸. Важная роль также отводилась Координационным комитетам объединенных военных операций, призванных «помочь Ираку в его усилиях по поддержанию безопасности и стабильности... включая кооперацию в проведении операций против „Аль-Каиды“ и других террористических групп... и остатков прежнего режима»¹⁹.

Следует отметить, однако, что хотя декларируемая цель политики государственного строительства в Афганистане и Ираке оставалась неизменной (создание стабильных, демократических и миролюбивых правительств), используемые Соединенными Штатами способы легитимации ограничения суверенитета «государств-клиентов» претерпели заметную эволюцию на протяжении последних десятилетий. Так, вплоть до середины 2000-х гг. США делали акцент на том, что их действия направлены на построение полных правных государств. Это предполагало понимание «легитимности» как феномена, проистекающего из демократических политических институтов и основанного на предположении, что «государство делают легитимным всеобщие выборы и широкое народное

¹⁴ Declaration of Principles for a Long-Term Relationship of Cooperation and Friendship Between the Republic of Iraq and the United States of America // The White House. November 26, 2007. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2007/11/20071126-11.html> (accessed: 23.03.2022).

¹⁵ National Security Strategy of the United States of America // Historical Office of the Secretary of Defense. March 2006. P. 19—22. URL: <https://history.defense.gov/Portals/70/Documents/nss/nss2006.pdf?ver=Hfo1-Y5B6CM18yHpX4x6IA%3d%3d> (accessed: 23.03.2022).

¹⁶ Ibid. P. 38.

¹⁷ National Security Strategy of the United States // U.S. Department of State. September 2002. P. 1. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/63562.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹⁸ Strategic Framework Agreement for a Relationship of Friendship and Cooperation between the United States of America and the Republic of Iraq // U.S. Department of State. November 17, 2008. P. 6—7. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/122076.pdf> (accessed: 23.03.2022).

¹⁹ Agreement between the United States of America and the Republic of Iraq on the Withdrawal of United States Forces from Iraq and the Organization of Their Activities during Their Temporary Presence in Iraq // Peace Agreements Database. November 17, 2008. P. 4. URL: <https://www.peaceagreements.org/viewmasterdocument/1577> (accessed: 23.03.2022).

представительство, а также общественный контроль над государством» (Lake, 2010, p. 265).

Однако во второй половине 2000-х гг. на фоне очевидной неэффективности усилий США построить демократические государства в Афганистане и Ираке происходит переосмысление Вашингтоном его роли как «строителя государства». В частности, с 2007 г. Соединенные Штаты начинают разрабатывать новую стратегию государственного строительства, опирающуюся на понимание «легитимности» как феномена, произрастающего из стремления доминирующих держав заручиться поддержкой и признанием со стороны «клиентов» посредством предоставления жизненно важных общественных услуг, таких как безопасность и поддержание правопорядка.

Это, в свою очередь, предполагало смещение фокуса в сторону защиты местного населения и предоставления ему необходимых благ для того, чтобы заручиться его поддержкой (Lake, 2013, p. 108). Действуя в таком ключе, США стремились обеспечить эффективность государственного строительства, что позволяло рассчитывать на легитимацию контроля Вашингтона над суверенными сферами Ирака и Афганистана посредством исполнения роли «патрона», предоставляющего необходимые ресурсы, обеспечивающего протекцию и способствующего постепенной интеграции своих «клиентов» в «цивилизованное сообщество».

В частности, как показывает Д. Лейк, хотя данная стратегия была нацелена на демократизацию и проведение экономических реформ, ее фундаментальной целью было удовлетворение базовых нужд населения «несостоявшихся государств», что позволяло рассчитывать на успешное воплощение в жизнь теории общественного договора при формировании правительства как наиболее эффективного механизма создания легитимного государства (Lake, 2010, p. 273). Практическая реализация этой стратегии подразумевала, что исполнение Соединенными Штатами роли «строителя государства» позволит обеспечить воспроизводство неравноправной

структуры «американской империи» посредством институционализации регулярного вмешательства «патрона» в суверенные дела «клиентов». При этом статус «клиента» выступал в качестве основы для нормальных и неисключительных отношений между США и «несостоявшимися государствами», а также предполагал, что, «независимо от того, насколько сомнительным является клиентский режим, США должны быть готовы приложить существенные усилия для его сохранения» (Sylvan & Majeski, 2009, pp. 238—239). Это позволяет объяснить склонность Вашингтона прибегать к таким мерам, как военные интервенции, практики неформального контроля или предоставление материальной помощи «клиентам» в рамках специфической системы ролевой дифференциации, отводящей Соединенным Штатам положение «патрона» и формирующей определенные социетальные ожидания. Исполнение «патроном» и его «клиентами» соответствующих ролей должно было способствовать закреплению суверенного неравенства в качестве паттерна международного порядка в регионе Большого Ближнего Востока.

Заключение

После объявления глобальной «войны с террором» в ответ на теракты 11 сентября 2001 г. политика государственного строительства использовалась Соединенными Штатами не только как инструмент трансформации «проблемных» государств, но также в качестве стратегии легитимации, направленной на поддержание суверенного неравенства внутри так называемой «американской империи». Это асимметричное и неравноправное политическое устройство опиралось на подавляющее материальное превосходство США и их привилегированное положение «патрона» в отношениях с такими «государствами-клиентами», как Афганистан и Ирак. Колоссальный силовой дисбаланс и неравномерное распределение прав и обязанностей позволяли поддерживать суверенное неравенство, лежащее в основе поддерживаемых Вашингтоном политических иерархий.

Эти иерархии были призваны укреплять контроль США над суверенитетом «клиентов», а также институционализировать паттерны интервенции и субординации в качестве социально приемлемых практик, способствующих решению проблемы «несостоявшихся государств». Так, Соединенные Штаты пытались увязать свою интервенционистскую политику с коллективными целями международного общества посредством принятия на себя особой ответственности, институционализированной в виде ролей «имперской державы», «строителя государства» и «патрона».

В частности, США пытались противостоять вызовам со стороны «несостоявшихся государств» и «государств-изгоев» (в случае с Ираком) путем интервенций и последующего государственного строительства, направленного на создание «клиентских» режимов, поддерживающих усилия Вашингтона по обеспечению международной безопасности и региональной стабильности. Эти действия, сопровождаемые акцентированием «цивилизационной миссии» США и их особой ответственности по продвижению прогресса, модернизации и демократизации мировой периферии, во многом определяли сущность «имперской» роли Соединенных Штатов в XXI в.

Однако следует отметить, что успешное исполнение этой роли заметно осложняется наметившимся в последние годы стремлением Вашингтона реорганизовать свои международные обязательства ради высвобождения ресурсов, необходимых для сохранения

доминирующего положения в глобальном масштабе. В частности, этот приоритет предполагает отказ Соединенных Штатов от таких обременительных (и не доказавших свою эффективность) практик, как государственное строительство, а также сокращение прочих издержек доминирования.

В результате перераспределение материального бремени призвано способствовать укреплению способности США противостоять вызовам, которые могут пошатнуть их лидерство в мире. Эта способность предоставляет более широкие возможности для использования различных стимулов и принудительных мер. В то же время сокращение международных обязательств ведет к ослаблению глобальной роли Вашингтона, обеспечивающей взаимосвязь между политикой США и коллективными целями международного общества. Как следствие, нежелание Соединенных Штатов исполнять роль «патрона», поддерживающего региональную стабильность посредством контроля над «несостоявшимися» или «дисфункциональными» государствами, осложняет легитимацию присущего «американской империи» суверенного неравенства. Поэтому отход Вашингтона от государственного строительства как стратегии легитимации американского доминирования создает риски кризиса механизмов, обеспечивающих воспроизводство политического неравноправия и иерархий авторитета, призванных закрепить привилегированное положение США в международной системе.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 28.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Баталов Э. Я. Мировое развитие и мировой порядок. Москва : РОССПЭН, 2005.
- Бурлинова Н. В. НАТО в Афганистане: стратегия и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 8. С. 76—83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2010-8-76-83>
- Исаев И. А. Топос и номос: пространство и правопорядок. Москва : Норма, 2007.
- Каспэ С. И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. Москва : Московская школа политических исследований, 2007.
- Лапкин В. В. О национальном vs имперском обустройстве современного миропорядка // Полис. Политические исследования. 2018. № 4. С. 37—55. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.04.04>
- Рыхтик М. И. Государствостроительство (nation-building) во внешнеполитической стратегии США // Международные процессы. 2003. Т. 1, № 2. С. 91—100.
- Самуйлов С. М. Пентагон и «строительство государства» // США и Канада: экономика, политика, культура. 2010. № 10. С. 21—38.

- Самуйлов С. М.* Поражение США в Афганистане и усиление напряженности в Центральной Азии // США и Канада: экономика, политика, культура. 2022. № 2. С. 5—23. <https://doi.org/10.31857/S2686673022020018>
- Цветков И. А.* Проблема международных обязательств США после ухода из Афганистана: готова ли Америка защищать Тайвань? // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2021. Т. 14, № 4. С. 393—408. <https://doi.org/10.21638/spbu06.2021.402>
- Barnett M.* Building a Republican Peace. Stabilizing States after War // *International Security*. 2006. Vol. 30, no. 4. P. 87—112. <https://doi.org/10.1162/isec.2006.30.4.87>
- Boguslavskaya Yu.* The Member States' Contributions to NATO's Policy in Afghanistan During Donald Trump Presidency // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2019. Т. 12, № 1. С. 40—57. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu06.2019.103>
- Bonacker Th., Brodocz A.* Introduction: Authority Building in Internationally Administered Territories // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2017. Vol. 11, iss. 4. P. 395—408. <https://doi.org/10.1080/17502977.2017.1384604>
- Bull H.* *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. New York : Columbia University Press, 1995.
- Clark I.* *Hegemony in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 2011. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199556267.001.0001>
- Clark I.* *Legitimacy in International Society*. Oxford : Oxford University Press, 2005.
- Colas A.* *Empire*. Cambridge : Polity Press, 2007.
- Dobbins J., McGinn J. G., Crane K., Jones S. G., Lal R., Rathmell A., Swanger R. M., Timilsina A. R.* *America's Role in Nation-Building: From Germany to Iraq*. Rand Corporation, 2003. URL: https://www.rand.org/pubs/monograph_reports/MR1753.html (accessed: 23.03.2022).
- Fearon J., Laitin D.* Neotrusteeship and the Problem of Weak States // *International Security*. 2004. Vol. 28, no. 4. P. 5—43. <https://doi.org/10.1162/0162288041588296>
- Kohn H.* *Political Ideologies of the Twentieth Century*. New York : Harper & Row Publishers, 1966.
- Krasner S. D.* Sharing Sovereignty: New Institutions for Collapsed and Failing States // *International Security*. 2004. Vol. 29, no. 2. P. 85—120. <https://doi.org/10.1162/0162288042879940>
- Kupchan Ch.* *The Vulnerability of Empire*. Cornell : Cornell University Press, 1994.
- Lake D. A.* Legitimizing Power: The Domestic Politics of U.S. International Hierarchy // *International Security*. 2013. Vol. 38, no. 2. P. 74—111. https://doi.org/10.1162/ISEC_a_00139
- Lake D. A.* The Practice and Theory of US Statebuilding // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2010. Vol. 4, iss. 3. P. 257—284. <https://doi.org/10.1080/17502977.2010.498933>
- Morris J.* Normative Innovation and the Great Powers // *International Society and Its Critics* / ed. by A. Bellamy. Oxford : Oxford University Press, 2005. P. 265—282. <https://doi.org/10.1093/0199265208.003.0016>
- Motyl A. J.* Why Empires Reemerge: Imperial Collapse and Imperial Revival in Comparative Perspective // *Comparative Politics*. 1999. Vol. 31, no. 2. P. 127—145. <https://doi.org/10.2307/422141>
- Munkler H.* *Empires. The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Cambridge : Polity Press, 2005.
- Nexon D., Wright Th.* What's at Stake in the American Empire Debate // *American Political Science Review*. 2007. Vol. 101, no. 2. P. 253—271. <https://doi.org/10.1017/S0003055407070220>
- Paragi B.* Divide et Impera? Foreign Aid Interventions in the Middle East and North Africa Region // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2016. Vol. 10, iss. 2. P. 200—221. <https://doi.org/10.1080/17502977.2015.1112493>
- Rao R.* The Empire Writes Back (to Michael Ignatieff) // *Millennium: Journal of International Studies*. 2004. Vol. 33, iss. 1. P. 145—166. <https://doi.org/10.1177/03058298040330010601>
- Saull R.* Empire, Imperialism, and Contemporary American Global Power // *International Studies Perspectives*. 2008. Vol. 9, iss. 3. P. 309—318. <https://doi.org/10.1111/j.1528-3585.2008.00337.x>
- Schmitt O.* International Organization at War: NATO Practices in the Afghan Campaign // *Cooperation and Conflict*. 2017. Vol. 52, iss. 4. P. 502—518. <https://doi.org/10.1177/0010836717701969>
- Sylvan D., Majeski S.* *U.S. Foreign Policy in Perspective. Clients, Enemies, and Empire*. London, New York : Routledge, 2009.
- Von Billerbeck S. B. K., Gippert B. J.* Legitimacy in Conflict: Conceptions, Practices, Challenges // *Journal of Intervention and Statebuilding*. 2017. Vol. 11, iss. 3. P. 273—285. <https://doi.org/10.1080/17502977.2017.1357701>
- Wendt A., Friedheim D.* Hierarchy under Anarchy: Informal Empire and the East German State // *International Organization*. 1995. Vol. 49, iss. 4. P. 689—721. <https://doi.org/10.1017/S0020818300028484>

Сведения об авторе: Богданов Алексей Николаевич — кандидат политических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет; ORCID: 0000-0002-9608-0708; e-mail: enli82@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-518-535

EDN: BWPWQP

Научная статья / Research article

«Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения

А.Н. Пятаков , М.А.-М. Кодзоев

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Институт Латинской Америки РАН, Москва, Российская Федерация

 anpyatakov@yandex.ru

Аннотация. Авторы анализируют формы взаимодействия между США и Латинской Америкой в военной сфере. Актуальность изучения данной проблематики обусловлена тем, что в условиях обострения конфликта между коллективным Западом и Россией, а также стабильно напряженных отношений между США и Китаем Латинская Америка волей-неволей выступает зоной конкуренции мировых держав. В связи с этим анализ латиноамериканского вектора США в военном аспекте с точки зрения стратегических интересов России особо важен. Дефицит отечественных научных исследований по данной проблеме также добавляет ей актуальности. Новизна исследования обусловлена тем, что на основе обзора мирового рынка вооружений и военной техники (ВиВТ) определена динамика и доля американского производителя в общем объеме торговли вооружениями. В контексте военно-технического сотрудничества (ВТС) рассмотрены особенности проекции американской военной мощи на Латинскую Америку, являющейся зоной исключительных интересов США. К числу ключевых форматов взаимодействия и проекции влияния авторы относят следующие: поставки вооружений и военно-техническое снабжение армий и служб безопасности государств региона, подготовка военных кадров в странах Латинской Америки, финансирование армий и военных подразделений, программы сотрудничества по оптимизации управленческих и организационных функций латиноамериканских вооруженных сил, обустройство и поддержание функционирования различного типа военных баз, проведение совместных военных учений. На новом фактологическом материале рассмотрена каждая из перечисленных форм и показан систематический и геостратегический характер влияния США на латиноамериканский регион в военном аспекте. В военно-торговом отношении определены основные партнеры США в Южной Америке.

Ключевые слова: США, Латинская Америка, военно-техническое сотрудничество, ВТС, взаимодействие, военные базы, совместные учения

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке проекта «Роль вооруженных сил в современном обществе: экономические условия, политические процессы и международный контекст (на примере латиноамериканских и иберийских стран)» № 061500-0-000, реализуемого на базе экономического факультета РУДН.

© Пятаков А.Н., Кодзоев М.А.-М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Пятаков А. Н., Кодзоев М. А.-М. «Форпосты» США в Латинской Америке: военно-техническое сотрудничество, военные базы и совместные учения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 518—535. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-518-535>

US “Outposts” in Latin America: Military-Technical Cooperation, Military Bases and Joint Exercises

Andrei N. Piatakov , Magomed A.-M. Kodzoev

RUDN University, Moscow, Russian Federation

Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

 anpyatakov@yandex.ru

Abstract. The authors analyze the forms of interaction between the United States and Latin America in the military sphere. The relevance of studying this issue is due to the aggravation of relations between the collective West and Russia, as well as between the United States and China, within the framework of which Latin America acts as a zone of competition between the world powers. In this regard, the analysis of Latin American vector of US policy in the military aspect from the point of view of Russia’s strategic interests is particularly important. The lack of domestic scientific research on this problem greatly adds to its relevance. As for the novelty, based on the review of the world market of arms and military equipment (AME), this article determines the dynamics and the share of the American producer in the total volume of arms trade. In the context of military-technical cooperation (MTC), the authors also consider the peculiarities of the American military power projection on Latin America, which is a zone of exclusive interests of the United States. Among the key formats of interaction and projection of influence, the authors include the following: arms and military-technical supplies to the armies and security services of the states of the region; training of military personnel in Latin American countries; financing of armies and military units; cooperation programs to optimize the managerial and organizational functions of the Latin American armed forces, establishment and maintenance of various types of military bases, conducting joint military exercises. Using new factual material, we examine each of the listed forms and show the systematic and geostrategic nature of the US influence on the Latin American region in the military aspect. As for military trade, the authors identify the main partners of the United States in South America.

Key words: USA, Latin America, military-technical cooperation, MTC, interaction, military bases, joint exercises

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors’ contribution. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article’s text.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the project “The Role of the Armed Forces in Modern Society: Economic Conditions, Political Processes and the International Context (in the Example of Latin American and Iberian Countries)”. No. 061500-0-000, held at the Faculty of Economics of the Peoples’ Friendship University of Russia (RUDN University).

For citation: Piatakov, A. N., & Kodzoev, M. A.-M. (2023). US “outposts” in Latin America: Military-technical cooperation, military bases and joint exercises. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 518—535. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-518-535>

Введение

Актуальная ситуация в мировой политике характеризуется высокой степенью геополитической напряженности, одним из ключевых симптомов которой стали переговоры по безопасности между Россией и США, состоявшиеся в 2021—2022 гг. Лейтмотивом переговоров стала проблема проекции

военной силы США и НАТО на ближних рубежах России. Необходимо подчеркнуть, что данное направление силового проецирования является лишь частным моментом глобальной военной политики США.

Другим важным направлением этой же политики была и остается Латино-Карибская Америка (ЛКА) как ближний и стратегически

важный для Вашингтона регион, который с 2017 г. квалифицируется США как зона конкуренции с Россией и Китаем (Евсеев, 2022, с. 164), хотя в академической литературе об этом заговорили еще раньше (Evan Ellis, 2013). О важности данного направления свидетельствует тот факт, что латиноамериканская проблематика активно обсуждается с начала Россией специальной военной операции на Украине. Так, в марте 2022 г. представитель Государственного департамента США Керри Хеннан заявил, что Россия угрожает «экспортировать украинский кризис» в Америку, расширяя свое военное сотрудничество с Кубой, Никарагуа и Венесуэлой¹. Таким образом, современное состояние российско-американских отношений актуализирует изучение проблемы военного присутствия США в ЛКА в контексте постановки более общих проблем, связанных с позиционированием сверхдержавы на глобальном рынке вооружений.

В толковании обозначенного круга проблем в западной политологии можно выделить два ключевых научных подхода — американский и латиноамериканский, которые во многом носят противоположный характер. В первом основной акцент закономерно делается на прогрессивной направленности военно-технического сотрудничества (ВТС) США и ЛКА² и факторе Пентагона в модернизации и оптимизации технической обеспеченности латиноамериканских армий (Evan Ellis, 2019). Для ряда работ характерна позитивная оценка американской региональной оборонной стратегии как примера успешного межамериканского сотрудничества по линии наднациональных организаций, таких как Организация американских государств (ОАГ) (Medeiros, 2014). В связи с новейшим проникновением

внерегиональных держав в латиноамериканский регион стали также появляться публикации, анализирующие конкуренцию за регион в области обороны и безопасности (Gilroy, 2020).

В современной латиноамериканской научной традиции доминирует видение, связанное с критическим осмыслением феномена военного влияния США на регион. Многие авторы обращают внимание на проблему асимметричности между двумя Америками, в частности в военном аспекте (Gandáségui, 2015). Пожалуй, в наиболее рафинированном виде критический взгляд на американское военное влияние в регионе был сформулирован бразильским политологом и историком Энрике Серра Падросом, введшим термин «пентагонизация» Латинской Америки (Padrós, 2007). В разработках мексиканского исследователя Карлоса Баррачина изучалась эволюция военного влияния США на регион на рубеже XX—XXI вв. (Lisón, 2006). Комплексный взгляд на сложную систему отношений между США и ЛКА, включая военный аспект, предложен в работе американского исследователя Дж. Тулчина (Tulchin, 2018). Хрестоматийной по своему значению является монография Себастьяна Элиаса и Битара Хиральдо, исследовавших феномен милитаристского влияния США в регионе на примере военных баз (Giraldo & Elias, 2017).

В отечественной политологии при анализе отношений между США и ЛКА приоритет отдавался внешнеполитическим аспектам, в то время как аспекты ВТС чаще всего отходили на второй план. В русскоязычной научной литературе чувствуется дефицит исследований на тему военного взаимодействия Вашингтона с латиноамериканскими государствами. Однако все же имеется некоторый задел. К числу наиболее заметных исследований российских авторов принадлежит статья А.А. Манухина про влияние американского фактора на состояние вооруженных сил стран региона (Манухин, 2019). Вопросы военного сотрудничества в контексте пандемии COVID-19 поднимались А.Н. Пятаковым (Пятаков, 2021). О последних тенденциях на мировом рынке вооружений и военной техники писали С.С. Гореславский

¹ The US Warned that Russia Threatens to Export to Latin America the Conflict in Ukraine Using Venezuela, Nicaragua and Cuba // Infobae. March 31, 2022. URL: <https://www.infobae.com/en/2022/03/31/the-us-warned-that-russia-threatens-to-export-to-latin-america-the-conflict-in-ukraine-using-venezuela-nicaragua-and-cuba/> (accessed: 04.04.2022).

² Baer J. U.S. Military Presence in Latin America Increasing // The Council on Hemispheric Affairs. July 1, 2015. URL: <https://www.coha.org/u-s-military-presence-in-latin-america-increasing/> (accessed: 23.03.2022).

(Гореславский, 2020a; 2020b) и Т.А. Алексеева (Алексеева, Гореславский, 2018; 2020). К числу новейших исследований взаимодействия Вашингтона с регионом в сферах ВТС и безопасности относятся работы О.О. Криволапова и Н.В. Степановой (Krivolapov & Stepanova, 2020; 2021).

Это позволяет говорить о том, что анализ внешней политики США в отношении стран Латинской Америки через призму актуального состояния и развития ВТС является относительно новым и неизученным явлением в отечественной литературе, что открывает немалое пространство для прикладных исследований. В то же время необходимо иметь в виду, что данная статья не претендует на какое-либо место в военной науке, поскольку ее цели и задачи (которые будут определены ниже) несут сугубо прикладной политологический характер. Поэтому авторы оставляют за собой право не выходить за рамки ограниченного круга проблем, достаточного для достижения поставленной цели (но, возможно, недостаточного для решения задач, стоящих перед военной наукой).

Цель статьи — проанализировать динамику и актуальное состояние ВТС между США и ЛКА как одного из факторов геополитического влияния Вашингтона в регионе. Достижение поставленной цели потребует определения позиций США на мировом рынке вооружений как объективного фундаментального основания для разворачивания военной мощи на латиноамериканском направлении, чему посвящена первая часть статьи. На этом этапе будет показана критическая разница в весовых категориях позиций США и латиноамериканских стран в масштабах мирового рынка вооружений и военной техники (ВиВТ). Во второй и третьей частях статьи будет исследована стратегия непосредственного военного присутствия США на примере военных баз, расположенных в регионе, и совместных учений. Ожидается, что таким образом выявится комплексный эффект военного присутствия США, которое в совокупности с программами околвоенного характера (такими как военно-образовательные программы и проч.) является важным фактором внешней политики Вашингтона в ЛКА.

Авторы прибегли к сравнительному анализу, позволившему выявить взаимозависимость между внешнеполитическими приоритетами США и реалиями ВТС в масштабе Западного полушария. Между этими двумя явлениями имеет место своего рода корреляция, поскольку позиции американского производителя вооружений и военной техники, как покажет дальнейшее исследование вопроса, чрезвычайно сильны. США — мировой рекордсмен по экспорту ВиВТ, и поэтому от Вашингтона во многом зависит ситуация, наблюдающаяся на латиноамериканском рынке вооружений.

В то же время имеет место также и обратный эффект: реалии военно-технического сотрудничества государств региона в немалой степени определяют политику Вашингтона в отношениях с ними. Принятие Закона о противодействии противникам Америки посредством санкций от 2017 г. (*Countering America's Adversaries Through Sanctions Act*, CAATSA), который позволил ограничивать возможности других стран по приобретению российских вооружений, говорит о том, что США беспокоят вопросы конкуренции на рынке ВиВТ. В соответствии с законом CAATSA США могут вводить санкции за приобретение или перепродажу российского вооружения³. После февраля 2022 г. США стали поддерживать введение еще более жестких санкций.

При решении задач исследования реализована стратегия, сочетающая в себе политологические методы анализа в приложении к эмпирико-статистическому подходу Стокгольмского института исследования проблем мира (СИПРИ). СИПРИ имеет свои слабые стороны и ограничения, связанные с некоторой неточностью и приблизительностью получаемых данных. Тем не менее Институт является крупнейшим центром, занимающимся вопросами контроля над вооружениями. По признанию самого СИПРИ, его подсчеты приблизительны, так как точно вычислить тенденции мирового рынка ВиВТ ввиду

³ H.R.3364 — *Countering America's Adversaries Through Sanctions Act* // Library of US Congress. August 2, 2017. URL: <https://www.congress.gov/bills/115th-congress/house-bill/3364/text> (accessed: 23.03.2022).

отсутствия доступа к закрытым базам данных невозможно. Некоторые страны обнародуют лишь часть из них, другие всю информацию держат в секрете. При этом в доступе находится лишь валовая стоимость реализованных за тот или иной период на мировом рынке ВиВТ контрактов по купле-продаже, не включая оборонный бюджет государств и другие расходы, связанные с вооружениями. Применение данного подхода в научной статье могло бы вызвать у читателя вопросы к достоверности, но вследствие отсутствия более точных и авторитетных источников были использованы именно подсчеты СИПРИ.

Гипотетико-дедуктивный метод позволил обосновать центральное предположение работы о том, что военное сотрудничество США и стран ЛКА является одной из форм реализации внешнеполитического влияния Вашингтона. Совершенство и массовое производство американского оружия, огромный (и успешный) опыт участия в военных действиях, колоссальная финансовая поддержка со стороны государства и все остальное, что связано с военным присутствием США в Латинской Америке, есть, по существу, результат общего социально-экономического превосходства сверхдержавы над соседями к югу от р. Рио-Гранде. Поэтому военное присутствие американской сверхдержавы само по себе демонстрирует огромное внешнеполитическое влияние Вашингтона здесь.

США на мировом и латиноамериканском рынках вооружений

США являются крупнейшей военной державой мира, расходы которой на армию и оборону в 2022 г. составили 740 млрд долл. США⁴. Эта страна также обладает передовым военно-промышленным комплексом (ВПК), позволяющим оставаться в лидерах среди мировых поставщиков ВиВТ. Помимо очевидных коммерческих выгод от экспорта

⁴ Defense Budget Overview. Fiscal Year 2023. Budget Request // U.S. Department of Defense. March 2022. URL: https://comptroller.defense.gov/Portals/45/Documents/defbudget/FY2023/FY2023_Budget_Request.pdf (accessed: 19.03.2023).

(в 2021 г. совокупный экспорт ВиВТ США составил 10,9 млрд долл. США, а в следующем 2022 г. — 14,5 млрд долл. США)⁵, внушительный ВПК служит серьезным стратегическим ресурсом, помогающим в реализации внешнеполитических задач.

В Вашингтоне существует четкое понимание того, как велик геополитический потенциал ВТС со странами мира, поэтому выработка стратегии действий на данном направлении осуществляется на весьма профессиональном уровне. Для эффективной координации работы дипломатического и военного ведомств действует специальное Бюро по военно-политическим вопросам при Государственном департаменте США⁶. Решающим критерием поставок американских ВиВТ в ту или иную страну является национальная безопасность Соединенных Штатов, что было отражено в «Президентском меморандуме по национальной безопасности США» (*National Security Presidential Memorandum Regarding U.S.*) от 2018 г.⁷ В последней Стратегии национальной безопасности от октября 2022 г. главный фокус был перенесен на глобальное геополитическое соперничество между США, Китаем и Россией⁸. Сам здравый смысл в данном случае говорит о том, что в условиях полномасштабного, открытого конфликта с Россией США, скорее всего, в еще большей степени будут волновать вопросы ВТС с регионами мира, в том числе с Латинской Америкой.

⁵ SIPRI Dataset. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/html/export_values.php (accessed: 19.03.2022).

⁶ Directorate of Defense Trade Controls // U.S. Department of State. URL: <https://www.state.gov/bureaus-offices/under-secretary-for-arms-control-and-international-security-affairs/bureau-of-political-military-affairs/directorate-of-defense-trade-controls-pm-ddtc/> (accessed: 20.03.2022).

⁷ Presidential Memorandum on United States Government-Supported Research and Development National Security Policy // The White House. January 14, 2021. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/presidential-actions/presidential-memorandum-united-states-government-supported-research-development-national-security-policy/> (accessed: 20.03.2022).

⁸ National Security Strategy // The White House. October 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2022/11/8-November-Combined-PDF-for-Upload.pdf> (accessed: 20.12.2022).

Вооружая союзников по всему миру, Вашингтон может влиять на геополитический баланс сил на уровне регионов, что представляется первоочередной задачей, в том числе и в зоне исключительных интересов сверхдержавы — на латиноамериканском направлении. Несмотря на то, что в новейшей истории Латинской Америки, за исключением эпизодических вспышек напряженности, практически не наблюдается межгосударственных вооруженных конфликтов, все же по ряду причин наличие достаточно сильной армии имеет немаловажное значение для многих государств ЛКА.

По данным СИПРИ, 76 % всего мирового экспорта ВиВТ обеспечивают в совокупности США (36 %), Россия (20 %), Франция (8,2 %), Германия (5,5 %) и Китай (5,2 %). В период с 2010—2014 по 2015—2019 гг. экспорт США вырос на 23 %, что позволило заметно увеличить отрыв от ближайших конкурентов, в то время как рост глобального рынка вооружений составил примерно 5,5 %, достигнув в обозначенный период самых высоких показателей со времен окончания холодной войны (около 97 млрд долл. США)⁹. Заметный относительный рост за тот же период показали лишь французские (на 72 %) и немецкие производители (на 17 %), чьи доли в общем объеме, впрочем, относительно невелики¹⁰. При этом поставки российских вооружений на глобальный рынок серьезно упали (на 18 %) (Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021, с. 319). Очевидно, такое положение дел выгодно для США, и они попытаются сохранить и закрепить свой успех¹¹.

⁹ Усредненная цифра в 97 млрд долл. США авторам данной статьи представляется существенно меньшей по сравнению с реальными объемами.

¹⁰ Причем совокупный импорт ВиВТ всех 28 государств ЕС за 2015—2019 гг. составлял 26 % от общемирового экспорта.

¹¹ Согласно докладу *Military Balance 2022*, подготовленному экспертами Международного института стратегических исследований (IISS), в реальном выражении (с учетом сильной инфляции, вызванной пандемийными ограничениями в 2020—2021 гг.) военные расходы всех стран мира немного сократились. К примеру, военный бюджет США в 2021 г. сократился на 6 % (см.: *Military Balance 2022. Further Assessments* // IISS. February 15, 2022. URL: <https://www.iiss.org/online-analysis/online-analysis/2022/02/military-balance->

Господство на мировом рынке вооружений обеспечивает США огромное влияние на его конъюнктуру. За последние годы заметно трансформировалась архитектура глобальных потоков ВиВТ, в чем не последнюю роль сыграли действия США. В 2015—2019 гг. ощутимо вырос общий импорт вооружений в страны Европейского союза (ЕС) и Ближнего Востока. Поставки в страны Азии и Океании, а также Западного полушария, напротив, существенно снизились (табл. 1). В то же время поставки вооружений отдельно из США в европейские и ближневосточные страны увеличились на 45 и 79 % соответственно, а на американский и азиатский рынки в каждом случае снизились на 20 %. Эти тенденции вскрывают устойчивую корреляцию мировых рынков ВиВТ и американского экспорта. Единственным исключением является Африканский континент, где, несмотря на незначительный рост американских поставок, произошел также небольшой спад общего объема. Сложный вопрос, что в данном случае первично — глобальные колебания спроса по регионам или же сознательный и контролируемый рост предложения в конкретные регионы со стороны поставщика? Думается, что первое все же происходит чаще, хотя могут быть исключения. В нашем случае важно, что при наличии политической воли военная *superpotencia*¹² в лице США может на практике влиять на ситуацию на рынке, что и происходит в действительности. Однако, во-первых, страны, особо не нуждающиеся в вооружениях, не могут обеспечивать серьезный спрос, а, во-вторых, если в регионе появится прямой конкурент, то США будет крайне сложно воспрепятствовать его выходу на местный рынок и заполнению его вооружениями имеющихся здесь свободных ниш.

2022-further-assessments/ (accessed: 20.03.2022)). Однако поскольку негативный эффект от пандемии ударил по всей мировой экономике, а не только по США, то в среднем мировом выражении американские производители ВиВТ сохранили изначальные позиции на мировом рынке.

¹² *Superpotencia* (исп.) — сверхдержава.

Таблица 1

Географическая структура мирового рынка ВиВТ по регионам в 2016—2020 гг., %*

Регион	Прирост поставок ВиВТ	Доля региона на мировом рынке	Рост импорта из США	Доля среди импортеров ВиВТ из США
Азия и Океания	-8,3	42	-20	32
Ближний Восток	+25	25	+79	47
ЕС	+12	12	+45	15
Африка	-13	7,3	+10	2,7
Западное полушарие	-43	5,4	-20	2,6

Примечание. * — Динамику роста поставок ВиВТ в те или иные регионы мира по традиции считают в «трехлетках» и «пятилетках». Показатели за 2016—2020 гг. высчитываются в сравнении с предыдущей пятилеткой 2011—2015 гг. Поэтому для выявления долгосрочных и даже среднесрочных трендов на рынке вооружений вполне достаточно относительно свежих сведений. Однако для полноты картины приводим данные за период 2017—2021: Азия и Океания (-4,7 %), Ближний Восток (+2,8 %), ЕС (+19 %), Африка (-34 %), Западное полушарие (-36 %). Источник: SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security // SIPRI. 2022. P. 13. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-06/yb22_summary_en_v2_0.pdf (accessed: 20.03.2022). Очевидно, что указанные в таблице тенденции сохранялись и несколькими годами позже.

Источник: составлено авторами по данным: (Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021).

В свете сказанного весьма показательные подвижки имели место на латиноамериканском рынке ВиВТ, сокращение объема которого более чем на 40 % связано главным образом с экономическими трудностями, вызванными рядом кризисов, приведших к снижению платежеспособности государств. В основном это коснулось Южной Америки, где позиции производителей из США изначально были не так сильны¹³. Для четырех крупнейших импортеров региона США в последние годы не являются основным поставщиком. В 2017—2021 гг. для Бразилии «северный сосед» стал пятым (после Великобритании, Швеции, Франции и Италии), для

¹³ На весь американский рынок, не считая США, приходилось меньше 2,6 % американского экспорта ВиВТ. Из них 68 % шло в Канаду и Мексику.

Чили — третьим (после Австралии и Германии), для Перу — пятым (после Южной Кореи, Испании, Италии и Новой Зеландии). Для Венесуэлы США не входили даже в первую пятерку партнеров (Нидерланды, Испания, Германия и т. д.) и лишь для Колумбии оставались первыми¹⁴. Однако поскольку страны южноамериканского региона богаче центральноамериканских и карибских, следовательно, именно они и закупают гораздо больше оружия. Исключение — Мексика, но она столь близко расположена к США, что может считаться надежно «защищенной» от масштабного проникновения внерегионального поставщика вооружений.

Негативные тенденции на южноамериканском рынке вооружений в первую очередь затрагивают интересы внерегиональных производителей, чьи позиции здесь слабее. К примеру, в 2010—2014 гг. Венесуэла, для которой основными поставщиками являлись Россия, Китай, Испания и Нидерланды, ежегодно закупала ВиВТ на сотни миллионов долларов США и была крупнейшим в регионе реципиентом вооружений. Связи по линии ВТС стали выстраиваться с первых же лет правления Уго Чавеса: за период с 2002 по 2011 г. поставки российских вооружений в южноамериканскую страну увеличились на 555 % (Rethinking Post-Cold War..., 2022, pp. 154—155). Однако в 2015—2019 гг. в контексте финансово-экономического кризиса общие объемы закупок резко снизились (на 88 %) ¹⁵. После этого импорт российских вооружений в страну сократился на 40 %, а в период 2017—2019 гг. вообще прекратился. В итоге РФ уступила Китаю место главного поставщика ВиВТ на венесуэльском рынке (58 %) (Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021, с. 349). В целом по ЛКА за этот период наблюдалась похожая тенденция: общий объем импорта ВиВТ за пятилетие 2015—2019 гг. сократился на 59 %, что сопровожда-

¹⁴ Данные составлены с помощью интерактивной системы подсчета СИПРИ. См.: Importer/Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 23.03.2022).

¹⁵ Venezuela — Arms Imports // Index Mundi. URL: <https://www.indexmundi.com/facts/venezuela/arms-imports> (accessed: 23.03.2022).

лось замедлением средних темпов роста южноамериканского ВВП¹⁶.

Отсеивание таким путем внерегиональных производителей играет на руку США, поскольку открывает для них дополнительные возможности. Последние макроэкономические данные говорят о вероятных позитивных изменениях в экономике латиноамериканских государств в ближайшем будущем. Согласно подсчетам Экономической комиссии для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК), ВВП Южной Америки, резко снизившийся в 2020 г., начал восстанавливаться уже в 2021 г., а по итогам 2022 г. ожидается его существенный рост¹⁷. Данная тенденция может создать условия для восстановления спроса на вооружение и, следовательно, реанимации регионального рынка ВиВТ. Вопрос в том, какой поставщик получит основные заказы на поставку ВиВТ, если спрос в регионе снова увеличится.

Совсем иные тренды наблюдаются у ближайших подступов к границам США — в Мексике, странах Центральной Америки и Карибского бассейна, где сверхдержава является крупнейшим поставщиком вооружений. За 2015—2019 гг. эти страны существенно нарастили объемы своих закупок (на 23 %). Рост военных расходов в субрегионе за 2010—2019 гг. вырос на 49 %, что объясняется необходимостью наращивания военно-технических средств борьбы с криминальным насилием. В особенности это касается Мексики¹⁸, где наблюдается плохая криминогенная обстановка. На Мексику пришлось около 70 % всех вооружений, импортированных США в Мезоамериканский регион

¹⁶ Tasa de crecimiento del producto interno bruto (PIB) total anual a precios constantes // CEPAL. URL: https://statistics.cepal.org/portal/cepalstat/dashboard.html?indicator_id=2207&area_id=131&lang=es (accessed: 23.03.2022).

¹⁷ Estudio Económico de América Latina y el Caribe Dinámica laboral y políticas de empleo para una recuperación sostenible e inclusiva más allá de la crisis del COVID-19 // CEPAL. 2021. P. 109. URL: <https://www.cepal.org/es/publicaciones/47192-estudio-economico-america-latina-caribe-2021-dinamica-laboral-politicas-empleo> (accessed: 23.03.2022).

¹⁸ В отчетах СИПРИ рынок ВиВТ Мексики и Центральной Америки рассматривается как единое целое.

в 2015—2019 гг. (Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021, с. 349). В 2007 г. по соглашению о сотрудничестве в области безопасности была принята масштабная совместная программа «Инициатива Мерида», по которой Соединенные Штаты за десять лет выделили Мексике свыше 2,8 млрд долл. США на закупку вооружений, включая самолеты и вертолеты на сумму 590,5 млн долл. США¹⁹.

В последнее время страна вновь заявляет о своих планах по увеличению военных расходов, о чем еще в 2016 г. говорил экс-президент Э. Пенья Ньето²⁰, а в 2019 г., после столкновений полиции и крупнейшей в стране организованной преступной группы (ОПГ) «Картель Нового поколения Халиско», президент А.М. Лопес Обрадор учредил Национальную гвардию²¹, на операционные и военные нужды которой также необходимо дополнительное вооружение. Тенденция продолжилась проявляться позднее: в 2021 г. в ЛКА произошло восемь вооруженных конфликтов, каждый из которых унес жизни более тысячи человек²². Речь, разумеется, идет о внутренних конфликтах, так как международных столкновений в регионе не наблюдалось очень давно.

Этим также объясняется то, что большинство поставляемого в ЛКА вооружения из США относится к категории легкого и стрелкового. Военная техника, импортируемая регионом, — это в основном бронетранспортеры, легкие штурмовики или учебно-тренировочные самолеты, транспортные самолеты и вертолеты, реже — боевые

¹⁹ Seelke C. R., Finklea K. U.S.-Mexican Security Cooperation: The Mérida Initiative and Beyond // Congressional Research Service. June 29, 2017. P. 9—11. URL: <https://sgp.fas.org/crs/row/R41349.pdf> (accessed: 20.03.2022).

²⁰ Aumenta sin precedentes gasto militar en México // TeleMundo. 05.01.2016. URL: <https://www.telemundo47.com/noticias/local/aumenta-gasto-militar-en-mexico-sin-precedentes/101725/> (accessed: 20.03.2022).

²¹ Ley de la guardia nacional // Cámara de diputados del h. congreso de la Unión. 27.05.2019. URL: <https://www.diputados.gob.mx/LeyesBiblio/pdf/LGN.pdf> (accessed: 20.03.2022).

²² SIPRI Yearbook 2022: Armaments, Disarmament and International Security // SIPRI. 2022. P. 4. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2022-06/yb22_summary_en_v2_0.pdf (accessed: 20.03.2022).

вертолеты, самоходные артиллерийские установки, противолодочные торпеды, боевые катера, радары и истребительные реактивные двигатели. Из серьезного вооружения можно назвать разве что поставленные в 2020 г. в Мексику 23 корабельных зенитно-ракетных комплекса (ЗРК) RIM-116A RAM и 8 ЗРК модификации RIM-162 ESSM, а также одну зенитную ракету средней дальности класса «корабль — воздух» Mk-56 VLS, оснащенную полуактивной радиолокационной головкой самонаведения²³. В целом очевидно, что набор поставляемых в страны региона ВиВТ больше подходит под задачи противодействия внутренним угрозам государству, нежели для защиты от внешнего врага.

В странах «Северного треугольника» (Гватемала, Гондурас, Сальвадор) в это же время начался новый этап борьбы с организованной преступностью. В соответствии с «Планом Байдена по обеспечению безопасности и процветания в партнерстве с народами Центральной Америки» (*The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America*) ожидается выделение им крупной помощи объемом 4 млрд долл. США, которая, помимо прочего, должна пойти на дальнейшую модернизацию правоохранительных органов и их перевооружение²⁴. Судя по крайне оптимистичной ответной реакции стран субрегиона, проект Дж. Байдена может повторить судьбу «Плана Мерида» и усугубить их зависимость от поставок товаров из США, в том числе вооружений.

Для Вашингтона Мексика, Центральная Америка и Карибский бассейн представляют собой особо чувствительную зону, где американское военное присутствие является вопросом национальной безопасности. По мнению американского исследователя Т. Брунео, если во времена холодной войны США вели здесь

борьбу против коммунизма, то сегодня пытаются предотвратить гуманитарную катастрофу (Bruneau, 2016). Во Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности от 2021 г. сказано, что «национальные интересы США неразрывно связаны с судьбой ближайших соседей»²⁵. Очевидно, это определяет заинтересованность Вашингтона сохранять здесь свое положение как главного торгового партнера, так и основного поставщика вооружений.

Потребность стран ЛКА в поставках ВиВТ из США также обусловлена неразвитостью регионального ВПК. В отличие от европейских и азиатских государств, латиноамериканские страны обладают весьма ограниченными возможностями по самостоятельному производству большинства видов вооружений. В 2015—2019 гг. ни одна страна ЛКА не вошла в десятку крупнейших импортеров или экспортеров ВиВТ.

Основным поставщиком из региона остается Бразилия (24-е место в мире с долей в 0,2 % от мировых поставок) (Ежегодник СИПРИ 2020..., 2021, с. 325). С 2018 по 2020 г. ее экспорт увеличился на 40 млн долл. США и составил 281 млн долл. США. Бразилия пыталась играть более весомую роль на мировом рынке, поставляя боевые и учебные самолеты, вертолеты, бронетехнику и патрульные лодки (Яковлев, 2013), но достигнуть каких-либо серьезных результатов ей пока не удалось. Остальные страны региона значительно отстают: экспорт Колумбии равен около 14 млн долл. США, Эквадора — 2 млн долл. США²⁶.

Основным импортером в ЛКА также является Бразилия (37-е место в мире), закупившая с 2018 по 2020 г. ВиВТ на 594 млн долл. США. За ней следуют Чили — 367 млн долл. США, Мексика — 276 млн долл. США,

²³ Trade Registers // SIPRI. URL: https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/trade_register.php (accessed: 20.03.2022).

²⁴ The Biden Plan to Build Security and Prosperity in Partnership with the People of Central America // Joe Biden for President. URL: <https://web.archive.org/web/20191231132015/https://joebiden.com/centralamerica/> (accessed: 20.03.2022).

²⁵ Renewing America's Advantages. Interim National Security Strategic Guidance // National Security Strategy Archive. March 2021. P. 10. URL: https://nssarchive.us/wp-content/uploads/2021/03/2021_Interim.pdf (accessed: 20.03.2022).

²⁶ Данные получены при помощи интерактивной системы подсчета СИПРИ. См.: Importer/Exporter TIV Tables // SIPRI. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 23.03.2022).

Перу — 113 млн долл. США, Колумбия — 107 млн долл. США и Венесуэла — 51 млн долл. США²⁷. Это позволяет региону, демонстрирующему в последнее время периодический рост экономики и укрепление платежеспособности, в долгосрочной перспективе оставаться выгодным рынком. Учитывая готовность США жертвовать прагматикой в пользу геополитики и политическую волатильность самой ЛКА, североамериканские производители сохраняют здесь конкурентные преимущества даже в периоды экономического спада в регионе.

Торговля вооружением США в ЛКА имеет и свои «темные» стороны, вызывающие возмущение в обществе. К примеру, беспрепятственная продажа огнестрельного оружия в США способствует наполнению арсеналов мексиканских ОПГ. Около 70 % изъятого с 2013 по 2018 г. правоохранительными органами Мексики оружия было американского происхождения²⁸. Несмотря на то, что речь идет в основном о стрелковом и в меньшей степени легком вооружении, данная проблема остается в русле ВТС США с Мексикой, поскольку влияет на уровень безопасности в соседней стране, заставляя правительство увеличивать импорт американских ВиВТ²⁹. Сам факт того, что оружие попадает в распоряжение членов ОПГ, является фактором, омрачающим двусторонние отношения и имидж США в регионе. Похожее положение дел также наблюдается в Гондурасе, где, по некоторым данным, более половины используемого криминальными структурами оружия массово поступает из США³⁰.

²⁷ Данные получены при помощи интерактивной системы подсчета СИПРИ. См.: *Importer/Exporter TIV Tables // SIPRI*. URL: <https://armstrade.sipri.org/armstrade/page/values.php> (accessed: 23.03.2022).

²⁸ *Redes sociales democratizan tráfico de armas en México // Insight Crime*. 12.10.2021. URL: <https://es.insightcrime.org/noticias/redes-sociales-democratizan-trafico-armas-mexico/> (accessed: 23.03.2022).

²⁹ *Las armas de Estados Unidos invaden América Latina // Latinta*. 28.05.2019. URL: <https://latinta.com.ar/2019/05/las-armas-de-estados-unidos-invaden-america-latina/> (accessed: 23.03.2022).

³⁰ *Reporte: Las armas de EEUU invaden América Latina // HispanTV*. 27.05.2019. URL: <https://www.hispantv.com/noticias/sudamerica/429455/eeu-u-armas-america-latina-mexico> (accessed: 23.03.2022).

Интересы США в регионе не ограничиваются лишь присутствием на рынке вооружений. В отличие от большинства своих внерегиональных конкурентов они преследуют здесь не только и не столько экономические, сколько геополитические цели. Опыт холодной войны, когда США, к примеру, активно вооружали никарагуанских «контрас», говорит о том, что в столь важном для них регионе жизненно необходимо обеспечивать постоянное присутствие на рынке вооружений и на других направлениях ВТС³¹. США «привязывают» государства региона к своему военно-техническому комплексу на многие годы, поскольку обслуживание поставляемой военной техники требует периодической закупки комплектующих и запчастей. При этом США не соглашаются на передачу технологий, так как это могло бы ослабить уровень зависимости латиноамериканских партнеров, на что в последнее время даже возник некоторый спрос у импортирующих стран (Алексеева, Гореславский, 2020, с. 41—42).

В свете сказанного важнейшим фактором для США является та роль, которую они издавна сами на себя примерили, — роль регионального жандарма и защитника от внешних посягательств на безопасность латиноамериканских стран. Межамериканский договор о взаимной помощи (Пакт Рио-де-Жанейро 1947 г.), положивший начало региональной системе коллективной безопасности, а также ОАГ, подкрепляемый Южным командованием армии США и воссозданным в 2008 г. 4-м флотом ВМС США, который Фиделем Кастро назывался «четвертым интервенционистским флотом»³², надежно «защищают» Западное полушарие от внерегиональных военных вторжений, но от самих Соединенных Штатов защитить не могут. Именно по этой причине можно смело утверждать, что по

³¹ *Stohl R., Doug T. The Small Arms Trade in Latin America // NACLA*. March 6, 2008. URL: <https://nacla.org/article/small-arms-trade-latin-america> (accessed: 23.03.2022).

³² *Американский ответ в масштабе полушария: 4-й интервенционистский флот // Размышления товарища Фиделя Кастро*. 04.05.2008. URL: <https://web.archive.org/web/20080611032841/http://www.cuba.cu/gobierno/reflexiones/2008/rus/f040508r.html> (дата обращения: 20.03.2022).

большей части военные поставки США в ЛКА решают две задачи: они обеспечивают стабильный рынок стрелкового и легкого вооружений, что приносит немалые доходы, и помогают правительствам латиноамериканских стран поддерживать у себя относительный правопорядок и стабильность, что всегда было выгодно Вашингтону.

Формы взаимодействия

Военное сотрудничество по линии США — ЛКА осуществляется на комплексной основе. В контексте стратегии расширения геополитического влияния военное присутствие США в регионе не ограничивается экспортом ВиВТ. Базы различных типов (традиционные и нетрадиционные), размещенные в ряде стран ЛКА, позволяют США непосредственно проецировать свою военно-политическую мощь. Контингент вооруженных сил (ВС), постоянно дислоцированный на местах, является по своей сути гарантом обеспечения долгосрочных интересов Вашингтона. Показательна весьма малая доля постоянного военного контингента, присутствующего в странах ЛКА: так, в 2019 г. из 200 тыс. американских военных, постоянно расположенных за рубежом, только 1,5 тыс. приходилось на регион (Herrera, 2020, p. 271). В 2022 г. эта цифра приблизилась к отметке 2 тыс. человек³³. Совместно с вооруженными силами латиноамериканских стран Пентагон разрабатывает оборонные стратегии и проводит масштабные учения. Кроме того, как на двусторонней основе, так и по линии ОАГ реализуются мероприятия по противодействию терроризму, а также миротворческие и разного рода гуманитарные программы (борьба с наркоторговлей (Мартынов и др., 2017), незаконным оборотом оружия (Елесеенко, 2021) и т. д.).

К формам военного присутствия США помимо поставок вооружения и военно-технического снабжения армий и служб

безопасности государств в регионе относятся следующие: во-первых, организация и проведение учебного процесса по подготовке кадров латиноамериканских военных; во-вторых, финансирование армий и военных подразделений латиноамериканских армий; в-третьих, программы сотрудничества по оптимизации управленческих и организационных функций латиноамериканских вооруженных сил, в-четвертых, установка и поддержание функционирования различного типа военных баз и, наконец, в-пятых, проведение совместных военных учений.

Подготовка военных кадров в форме обучения офицерского состава в американских военных ВУЗах имеет давнюю историю. Наиболее ярким примером является Институт Западного полушария по вопросам безопасности (*Western Hemisphere Institute for Security Cooperation*, WHINSEC) в Форте Бэннинг (Джорджия)³⁴. Печально известная Школа Америк, располагавшаяся в зоне Панамского канала, в 2000 г. была перемещена на территорию США и в настоящее время функционирует как WHINSEC. В XX в. целый ряд высших политических и государственных деятелей ЛКА, среди которых президент Гондураса в 1975—1978 гг. Хуан Мельгар Кастро, командир сальвадорских «эскадронов смерти» Роберто д'Обюссон, лидер аргентинской хунты Леопольдо Галтиери и др., были выпускниками этой школы³⁵. Скандалы вокруг ее деятельности получили широкий резонанс, особенно после того, как в 1996 г. под давлением общественности были опубликованы применявшиеся в Школе Америк учебные пособия, санкционирующие применение пыток, а также вымогательства и казни задержанных, подозреваемых в незаконной деятельности³⁶. Существует правозащитная организация, основная цель

³⁴ Western Hemisphere Institute for Security Cooperation. URL: <https://armyunity.edu/whinsec/en/home> (accessed: 23.03.2022).

³⁵ Livingstone G. The School of Latin America's Dictators // The Guardian. November 19, 2010. URL: <https://www.theguardian.com/commentisfree/cifamerica/2010/nov/18/us-military-usa> (accessed: 23.03.2022).

³⁶ SOA Watch: Then and Now // SOA Watch. URL: <https://soaw.org/soa-watch-then-and-now> (accessed: 23.03.2022).

³³ Number of Military and DoD Appropriated Fund (APF) Civilian Personnel // Global Security. 2022. URL: https://www.globalsecurity.org/military/library/report/2022/dmdc_website_location_report_2209.xlsx (accessed: 23.03.2022).

которой — добиться закрытия WHINSEC по соображениям гуманности³⁷. В базах данных *SOA Watch* собрано колоссальное количество документов, подтверждающих несовместимость практических результатов деятельности Института с принципами демократии и гуманизма, декларируемых руководством Соединенных Штатов в качестве доктринальной основы всей своей внешней политики. О тенденциозности этих утверждений можно спорить, но однозначно то, что репутация WHINSEC весьма сомнительна и скандальна.

В XXI в. в рамках WHINSEC регулярно проходят курсы повышения квалификации для представителей высшего офицерского состава латиноамериканских армий. Кроме того, активно ведется практика так называемых выездных сессий. По приглашению военных ведомств латиноамериканских государств инструктора из США проводят специальные тренировочные курсы. Таким образом, например, в Перу с 2001 по 2015 г. было обучено 13,6 тыс. военнослужащих. В рамках «Плана Колумбия» США подготовили 77 тыс. колумбийских военных. В обоих случаях основной целью подготовки была борьба с наркотрафиком, однако, учитывая тот факт, что в обоих государствах все еще сохраняются очаги партизанского сопротивления, курсы также были направлены на обучение противодействию герилье³⁸.

Осуществляется ряд крупных совместных программ по усовершенствованию управленческих методов в области обороны, например, такие многосторонние практики, как Инициатива по реформированию институтов обороны (*Defense Institutions Reform Initiative*, DIRI) и Программа военных советников Министерства обороны США (*Military Advisory Program*), которые распространяются на все страны, признаваемые США демократическими. К числу двусторонних программ относится Интегрированная система

оборонного планирования и управления в Гватемале (*Sistema Integrado de Planeamiento y Gestión de Defensa*, SIPLAGDE)³⁹.

Несмотря на то, что ни одна из названных программ не предусматривает прямое участие американских советников в выработке оборонных стратегий латиноамериканских государств, очевидно, что, будучи сами по себе разработкой высокоразвитой военной державы, все эти программы не смогут быть применены достаточно эффективно без дальнейшей помощи со стороны США. Вашингтон, таким образом, стремится сохранить и закрепить свое присутствие и геополитическое влияние в регионе, активно используя ВТС как один из способов достижения этих целей.

Довольно распространенным каналом влияния и присутствия США выступает финансирование вооруженных сил и военных подразделений латиноамериканских армий. В число лидеров входят Мексика, Колумбия и Перу. Накопленный объем американского финансирования армий и полиций стран региона (в форме грантов или прямой материальной помощи) в 2000—2017 гг. составил 20,5 млрд долл. США, из них на Колумбию приходилось 9,5 млрд долл. США, на Мексику — 2,9 млрд долл. США, а на Перу — 1,5 млрд долл. США⁴⁰. Однако самым эффективным и непосредственным методом проекции силы является размещение военных и военно-морских баз, а также оперативных военизированных групп.

Военные базы США в Латиноамериканском регионе

Военное присутствие США в ЛКА является константой достаточно напряженной и наполненной бурными политическими событиями жизни региона. Особенно широкое

³⁷ About SOA Watch // SOA Watch. URL: <https://soaw.org/about-soa-watch> (accessed: 23.03.2022).

³⁸ Duque Y. V., Rodríguez A. I. Colombia: Un peligro para la región // *Desinformémonos*. 13.07.2021. URL: <https://desinformemonos.org/colombia-un-peligro-para-la-region/> (accessed: 02.05.2023).

³⁹ Alemán A. J. Transforming Defense in Guatemala // PRISM. The Journal of Complex Operations. November 20, 2017. URL: <https://cco.ndu.edu/News/Article/1375956/15-transforming-defense-in-guatemala/> (accessed: 23.03.2022).

⁴⁰ Isacson I., Kinosian S. U.S. Military Assistance and Latin America // Washington Office on Latin America. April 27, 2017. URL: <https://www.wola.org/analysis/u-s-military-assistance-latin-america/> (accessed: 23.03.2022).

военное проникновение в регион имело место в XX в. Главным политическим следствием присутствия США была организация или поддержка государственных переворотов. Достаточно сказать, что в период с 1902 по 2002 г. при прямом или косвенном участии США в 27 государствах региона произошло 327 государственных переворотов⁴¹.

В целом формы военного присутствия США в регионе по критерию транспарентности можно подразделить на две основные группы — прямые и косвенные, которые, в свою очередь, поддаются внутренней классификации. При этом следует отметить, что в начале XXI в. четко обозначилась тенденция к преобладанию косвенных форм. Это позволяет во многом закамуфлировать присутствие американских военных в регионе и, как следствие, извлечь из этого присутствия ряд общественно-политических дивидендов: снизить градус политической напряженности вокруг данного вопроса, меньше привлекать к нему общественное внимание и максимально увести «в тень» военно-политического процесса в регионе.

Основной прямой формой присутствия Вооруженных Сил США в ЛКА остаются военные базы. Одновременно в последние десятилетия этот формат претерпевает наибольшие институциональные трансформации. Ряд латиноамериканских политологов фиксирует формирование такого феномена, как «квази-базы», которые внешне выглядят иначе, но де-факто выполняют тот же набор функций и задач⁴². Трансформация внешней оболочки феномена американских военных баз обычно не приводит к изменению содержания.

Что касается экспертных оценок количества военных баз США в регионе, то здесь нет единого мнения, разные источники предоставляют различную и подчас противоречивую информацию. Так, согласно докладу

⁴¹ Guerrero M. E. Memoria del golpe de Estado en América latina durante el siglo XX // *Voltaire, Actualidad Internacional*. 30.03.2006. URL: <https://www.voltairenet.org/article137304.html> (accessed: 23.03.2022).

⁴² Enciso F. Bases militares estadounidenses en América Latina // *Revista mexicana de ciencias políticas y sociales*. 2019. Vol. 64, no. 235. P. 625—630. <https://doi.org/10.22201/fcpys.2448492xe.2019.235.62573>

Base Structure Report, подготовленному Департаментом обороны США в 2015 г., по меньшей мере в пяти латиноамериканских государствах официально действуют военные базы США⁴³. Речь идет о Кубе (база Гуантанамо), Гондурасе (база Сото-Кано, или Пальмерола), Сальвадоре (Комалапа), Колумбии и Перу. Также в докладе упоминается о военном присутствии США в Коста-Рике, однако этот случай в статусе военной базы американскими аналитиками не рассматривается.

Чтобы составить представление о реальном положении дел и оценить общий объем военных баз США в ЛКА, следует прежде всего обратиться к их официальной классификации. После закрытия в 1999 г. базы Говардс (*Howards*) в Панаме согласно договору, заключенному еще в 1977 г. О. Торрихосом и Дж. Картером⁴⁴, США почувствовали недостатки прямого военного присутствия и выработали более гибкую модель. Согласно типологии, внедренной Пентагоном в начале XXI в.⁴⁵, существует несколько типов американских военных баз.

Первый тип — военные базы в традиционном понимании, обозначаемые в американской терминологии как основные операционные базы (*Main Operating Base*, МОБ). Это максимально оснащенные военные комплексы с соответствующей инфраструктурой и логистикой, с крупным военным контингентом на постоянной основе. По всей видимости, именно базы такого типа Пентагон считает за собственно военные базы и упоминает их в своих докладах. Главная особенность таких баз заключается в том, что они функционируют в рамках соответствующих

⁴³ The Base Structure Report — FY 2015 Baseline // U.S. Department of Defense. 2015. URL: <https://web.archive.org/web/20161102172301/https://www.acq.osd.mil/eie/downloads/bsi/base%20structure%20report%20fy15.pdf> (accessed: 25.08.2022).

⁴⁴ Treaty Concerning the Permanent Neutrality and Operation of the Panama Canal // Panama Canal Authority. URL: <https://pancanal.com/wp-content/uploads/2022/07/neutralty-treaty.pdf> (accessed: 25.08.2022).

⁴⁵ The Global Posture Review of United States Military Forces Stationed Overseas // U.S. Government Publishing Office. September 23, 2004. URL: <https://www.govinfo.gov/content/pkg/CHRG-108shrg23080/html/CHRG-108shrg23080.htm> (accessed: 25.08.2022).

межгосударственных соглашений, с согласия местных правительств, и поэтому юридически легитимны. В настоящее время добиваться согласия правительств, как правило, все сложнее (хотя случай Перу демонстрирует обратное), поэтому США отдают предпочтение более мягким формам военного присутствия.

К форматам косвенного присутствия относятся следующие разновидности баз — передовые операционные пункты (*Forward Operating Locations*, FOL) и совместные пункты по обеспечению безопасности (*Cooperative Security Location*, JCSL). В таком формате военный контингент минимален, но существует возможность его временного увеличения в случае проведения военной операции или совместных учений, юридически такие базы не принадлежат США. В некоторых случаях они могут сдаваться в аренду, в других — использование их инфраструктуры осуществляется по коммерческому принципу (например, за посадку военного самолета на такой базе Пентагон должен заплатить определенную сумму). Часто базы типа FOL и JCSL находятся под управлением частных военных корпораций, а основной контингент военнослужащих составляют контрактники принимающей стороны⁴⁶.

По всей видимости, к такому типу «мягких» баз (или квазيبаз) можно отнести семь военных объектов Колумбии, которые в официальных отчетах не фигурируют в статусе собственно военных баз США, но де-факто ими являются. Напомним, что в 2009 г. Богота и Вашингтон подписали соглашение о планируемом размещении американских военных экспертов на семи базах колумбийских вооруженных сил⁴⁷. Впоследствии Верховный Суд Колумбии признал это решение правительства неконституционным. Тогда колумбийские власти решили перейти к формату

⁴⁶ Más tropas de EEUU en América Latina: Señales de una invasión // HispaTV. 21.10.2017. URL: <https://www.hispantv.com/noticias/opinion/357196/america-latina-base-militar-invasion-amazonia> (accessed: 21.02.2022).

⁴⁷ Colombia y EEUU firmaron acuerdo sobre bases militares // La Nación. 30.10.2009. URL: https://web.archive.org/web/20091103092330/http://www.nacion.com/ln_ee/2009/octubre/30/mundo2142464.html (accessed: 25.02.2022).

сдачи военной инфраструктуры в аренду сроком на 10 лет. В настоящее время американское присутствие ограничивается 200 военными экспертами, распределенными между семью базами, и в задачи этих экспертов официально входит оказание помощи андской стране в борьбе с наркотрафиком и терроризмом. Однако действующий договор аренды предполагает возможность расширения военного контингента США до 800, а гражданского персонала — до 600 человек в случае необходимости⁴⁸.

В современной истории ЛКА имели место несколько случаев закрытия военных баз США и пресечения переговоров по их размещению. Так, в 2010 г. эквадорское правительство Р. Корреа решило не продлевать контракт на аренду базы Манта⁴⁹. В 2003 г. бразильский президент Л.И. Лула да Силва вышел из переговоров с Пентагоном по развертыванию радиолокационной базы в Алкантара, однако в 2020 г., в период правления Ж. Болсонару, соглашение, предоставляющее США доступ к базе, все же было подписано⁵⁰.

Процесс установки новых военных баз в традиционном понимании активно разворачивался вплоть до середины второго десятилетия XXI в. Так, в конце 2016 г. правительство перуанской провинции Амасонас, Южное командование США и перуанская компания *Partenon Contratistas E.I.R.L.* подписали соглашение о проведении работ по строительству вертолетной базы. Какого-либо названия данный объект не имел, а обозначался довольно расплывчато — Центр по проведению региональных операций в случае чрезвычайных ситуаций (*Centro de*

⁴⁸ ¿Existen 8 bases militares estadounidenses en Colombia? // AFP. 12.07.2018. URL: <https://factual.afp.com/existen-8-bases-militares-estadounidenses-en-colombia-es-inexacto> (accessed: 25.02.2022).

⁴⁹ Ecuador le pidió a Estados Unidos desalojar la base militar de Manta // El Tiempo. 29.07.2008. URL: <https://www.eltiempo.com/archivo/documento/CMS-4417675> (accessed: 27.02.2022).

⁵⁰ Governo promulga acordo com EUA para Base de Alcântara; ministro prevê testes em 2021 // Globo. 05.02.2020. URL: <https://g1.globo.com/politica/noticia/2020/02/05/governo-promulga-acordo-com-eua-para-base-de-alcantara-ministro-preve-testes-em-2021.ghtml> (accessed: 27.02.2022).

Operaciones de Emergencia Regional, COER). Перуанский вариант COER некоторые аналитики рассматривают в качестве четвертой разновидности американских военных баз⁵¹. Стоимость объекта оценивается в 1,3 млн долл. США. По проекту на военной базе должен быть расположен вертолетный аэродром площадью 625 кв. м, а также вся необходимая инфраструктура с логистическими, коммуникационными, мониторинговыми и аналитическими центрами. Для Перу подобная практика является скорее правилом, нежели исключением. Развертывание центров типа COER активно ведется здесь с 2008 г. К 2021 г. уже действовало 17 военных центров с различным функциональным назначением⁵².

Таким образом, можно с некоторой долей уверенности констатировать, что с учетом гибких форматов американского присутствия (включая FOL, JCSL и COER) в ЛКА в настоящее время функционируют десятки военных объектов с участием военного контингента США. Сообщается о примерно 75 различных «квазибазах», расположенных на территории региона⁵³. Если же добавить к этому новый формат, апробированный Бразилией (военные базы в виде непрерывных военных учений, о чем речь пойдет ниже), то их количество возрастет. Следует подчеркнуть, что стратегия развертывания военных баз в ЛКА не теряет своей актуальности и в настоящее время. Об этом говорит ведение Пентагоном строительных работ по возведению военного объекта в аргентинской Патагонии, обнародованное в мае 2022 г.⁵⁴

⁵¹ Operación América Unida: Presencia militar permanente de EEUU en América Latina // TeleSur. 06.11.2017. URL: <https://www.telesurtv.net/opinion/Operacion-America-Unida-presencia-militar-permanente-de-EEUU-en-America-Latina-20171106-0055.html> (accessed: 27.02.2022).

⁵² Ruiz P. Bases y presencia militar de EE.UU. en Perú // Rebelión. 02.02.2023. URL: <https://rebellion.org/bases-y-presencia-militar-de-ee-uu-en-peru/> (accessed: 27.02.2023).

⁵³ Más tropas de EEUU en América Latina: Señales de una invasión // HispaTV. 21.10.2017. URL: <https://www.hispantv.com/noticias/opinion/357196/america-latina-base-militar-invasion-amazonia> (accessed: 21.02.2022).

⁵⁴ Miranda B. ¿Una nueva base militar de Estados Unidos en América del Sur? // El Espectador. 29.05.2022.

Совместные военные учения

В общей сложности под эгидой Пентагона проводится следующий комплекс регулярных учений: *UNITAS* — самые продолжительные военно-морские учения в мире (с 1959 г.), *Fuerzas Comando* — подготовка спецназа и отработка взаимодействия региональных подразделений, *NAMSI* — поддержка Североамериканской инициативы по морской безопасности, *Tradewinds* — морские учения, ориентированные на безопасность Карибского бассейна, *PANAMAX* — морские учения по обеспечению свободного судоходства через Панамский канал и *CENTAM Guardian* — маневры сухопутных подразделений, ориентированные на реагирование на стихийные бедствия и региональную безопасность. Процесс проведения маневров к настоящему моменту ведется практически в непрерывном формате и де-факто представляет собой стратегическую, развернутую во времени и пространстве систему военных учений.

Нередко США устраивают военные маневры, фактически преследуя политические цели, хотя последние не обозначаются явно. Обычно операции подобного типа проводятся под прикрытием антитеррористических или иных мотиваций. В качестве иллюстрации можно привести два примера из современной политической жизни ЛКА.

Первый случай — боливийский — относится к 2005 г., когда США не скрывали целей политического давления. На маневрах *Unified Quest-2009* войска США отрабатывали интервенцию в Боливию в ходе предполагаемой гражданской войны между правыми и левыми (Pellegrini, 2018, pp. 130—141). Маневры были осуществлены в качестве меры устрашения и давления на избирателей в период президентских выборов 2005 г. В рамках таких маневров на военной базе в Парагвае, в 200 км от боливийской границы, был дислоцирован военный контингент США в составе 500 военнослужащих⁵⁵.

URL: <https://www.elespectador.com/opinion/columnistas/beatriz-miranda/una-nueva-base-militar-de-estados-unidos-en-america-del-sur/> (accessed: 04.06.2022).

⁵⁵ Dangl B. What is the U.S. Military Doing in Paraguay? // Upside Down World. August 1, 2005. URL:

Второй случай относится к политическому процессу в Венесуэле. С 6 по 17 июня в морских водах недалеко от ее берегов были проведены межгосударственные маневры *Tradewinds-2017*⁵⁶. По данным Южного командования США, в маневрах принимали участие 2,5 тыс. военных Антигуа и Барбуды, Содружества Багамских о-вов, Барбадоса, Белиза, Доминики, Доминиканской Республики, Гайаны, Гаити, Гренады, Суринама, Ямайки и др. Со стороны НАТО принимали участие военные контингенты США, Канады, Франции и Великобритании. Официальные цели маневров были обозначены как «выработка способов противодействия организованной транснациональной преступности и терроризму и отработка операций спасения в случае природных катаклизмов»⁵⁷. Однако обращает на себя внимание, что учения состоялись за несколько дней до выборов в Национальную конституционную ассамблею Венесуэлы, которые должны были состояться 30 июня 2017 г. В 2021 г. учения *Tradewinds* проводились у берегов Гайаны⁵⁸, а в 2022 г. — в акватории Белиза и Мексики⁵⁹, однако в последние годы политическая составляющая уже не выступает столь явно.

Примером военных учений, которые проводились без непосредственного участия американских военных, но при координации Пентагона, можно отнести маневры, проведенные в «сердце» Амазонии в зоне так называемой «тройной границы», где пролегают демаркационные линии трех латиноамериканских государств — Бразилии, Перу и

Колумбии. Формально учения состоялись с 6 по 12 ноября 2017 г. по инициативе бразильского правительства и получили название *Amazon Log-17*, а также операция «Объединенная Америка» (*America Unida*)⁶⁰. Сокращение *Log* в официальном названии указывало на логистический характер учений, во время которых официально отрабатывались задачи по доставке гуманитарной помощи в гипотетические зоны политической и социальной нестабильности. Данные учения не относились к разряду регулярных и скорее были проведены в формате *ad hoc*. Тем не менее они привлекли колоссальное внимание общественности, а в прессе квалифицировались как «беспрецедентные», поэтому их целесообразно рассмотреть более подробно.

Всего в *Amazon Log-17* приняли участие 1,5 тыс. перуанских, бразильских и колумбийских военных. Ход учений пристально отслеживали и координировали представители Южного командования США и наблюдатели из 19 стран⁶¹. С бразильской стороны было представлено Логистическое подразделение армии. Дело не ограничилось обозначенными временными рамками учений как таковых. По их завершении решением бразильских военных было установлено, что в Табатинге (штат Амазонас) будет функционировать «временная военная база», а учения будут продлены на неопределенный срок (де-факто завершились лишь во втором квартале 2018 г.). Ситуация развивалась по сценарию, аналогичному учениям войск США в Гондурасе в 1980-е гг., сил НАТО в Венгрии и Прибалтике в 2015—2016 гг.: вначале кратковременные маневры, а потом на базе созданной инфраструктуры продлевалось присутствие военных в зоне проведения учений. Юридически такой формат военного присутствия не

<https://upsidedownworld.org/archives/paraguay/what-is-the-us-military-doing-in-paraguay/> (accessed: 23.03.2022).

⁵⁶ More Bases, Military Exercises: The (Para)Military Option against Venezuela in Action // *TeleSur*. September 18, 2017. URL: <https://www.telesurenglish.net/opinion/More-Bases-Military-Exercises-The-ParaMilitary-Option-Against-Venezuela-in-Action-20170918-0023.html> (accessed: 23.03.2022).

⁵⁷ *Tradewinds 2017* // U.S. Southern Command. 2017. URL: <https://www.southcom.mil/Media/Special-Coverage/Tradewinds-2017/> (accessed: 23.03.2022).

⁵⁸ *Tradewinds 2021* // U.S. Southern Command. 2021. URL: <https://www.southcom.mil/Media/Special-Coverage/Tradewinds-2021/> (accessed: 23.03.2022).

⁵⁹ *Tradewinds 2022* // U.S. Southern Command. 2022. URL: <https://www.southcom.mil/Media/Special-Coverage/Tradewinds-2022/> (accessed: 23.03.2022).

⁶⁰ Côrtes B. M. ¿Qué hay detrás de las maniobras militares conjuntas en la Amazonia? // *El Espectador*. 15.11.2017. URL: <https://www.elespectador.com/mundo/america/que-hay-detras-de-las-maniobras-militares-conjuntas-en-la-amazonia-article-723088/> (accessed: 23.03.2022).

⁶¹ Fuerzas multinacionales con apoyo de EE.UU. se despliegan en la Amazonía // *Caras y Caretas*. 12.11.2017. URL: <https://www.carasycaretas.com.uy/fuerzas-multinacionales-apoyo-ee-uu-se-despliegan-la-amazonia> (accessed: 23.03.2022).

подлежит квалификации как «военная база» (и, что немаловажно, утверждению конгрессами стран-участниц), но де-факто это является полновесной многонациональной военной базой. Место проведения учений *Amazon Log-17* также выбрано неслучайно⁶².

Подводя итог рассмотрению феномена совместных военных учений, следует подчеркнуть, что данный формат взаимодействия выступает существенным дополнением сети военных баз США, дислоцированных в регионе. Масштабы, регулярность и широкий спектр участия со стороны латиноамериканских партнеров США, задействованных в учениях, позволяют квалифицировать их как один из важнейших элементов сложной и многоуровневой конструкции военного влияния «северного соседа» на ЛКА.

Заключение

Исходя из проведенного исследования, можно сделать несколько выводов, касающихся политического и военно-стратегического аспектов присутствия США в ЛКА.

⁶² Pastor M. Más tropas de EEUU en Latinoamérica: Señales de una invasión anunciada (+ Infografía) // CubaDebate. 23.10.2017. URL: <http://www.cubadebate.cu/especiales/2017/10/23/mas-tropas-de-eeuu-en-latinoamerica-senales-de-una-invasion-anunciada-infografia/> (accessed: 23.03.2022).

Во-первых, ВТС со странами региона и поставки вооружений позволяют Вашингтону сохранять постоянное присутствие на рынке ВиВТ, что немаловажно с геополитической точки зрения. Проникновение сюда конкурирующих производителей невыгодно, так как фактически лишает Соединенные Штаты не только прибыльного рынка, но и одного из эффективных способов влияния на местные правительства.

Во-вторых, несмотря на то, что тактические интересы Вашингтона на нынешнем этапе локализованы преимущественно на Ближнем и Дальнем Востоке, ЛКА остается в фокусе долгосрочных военных интересов Пентагона. В регионе сохраняется и имеет тенденцию к расширению довольно мощная военная инфраструктура, функционирующая при участии американских военных. В арсенале у Пентагона имеется достаточно широкий спектр механизмов взаимодействия с латиноамериканскими партнерами. Это дает основание квалифицировать регион как зону перманентного и фронтального влияния «северного соседа». В случае гипотетической политической нестабильности стран региона или резкого обострения глобальной напряженности потенциал военного присутствия США может быть актуализирован и оперативно применен в полную силу.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 19.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Алексеева Т. А., Гореславский С. С. Военно-техническое сотрудничество России со странами Латинской Америки. Потенциал развития и факторы риска // Латинская Америка. 2020. № 9. С. 24—46. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0010598-6>
- Алексеева Т. А., Гореславский С. С. Торговля вооружениями как инструмент стратегического влияния на международной арене // Стратегическая стабильность. 2018. № 4. С. 27—33.
- Гореславский С. С. Мировой рынок вооружений: тенденции десятилетия 2011—2020 гг. // Вестник Академии военных наук. 2020а. № 4. С. 16—24.
- Гореславский С. С. Современный рынок вооружений стран Юго-Восточной Азии: вектор развития и новые возможности для России // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2020b. Т. 3, № 4. С. 20—33. <https://doi.org/10.31696/2072-8271-2020-3-4-49-020-033>
- Евсеев А. С. Расширение присутствия КНР и РФ в Латинской Америке как вызов американским интересам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 163—177. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.14>

- Ежегодник СИПРИ 2020 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН / под ред. А. А. Дынкина, А. Г. Арбатова, В. Г. Барановского. Москва : ИМЭМО РАН, 2021. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0594-9>
- Елесеенко Д. М. Сотрудничество США и Мексики в борьбе с незаконным оборотом оружия // Россия и Америка в XXI веке. 2021. S1. <https://doi.org/10.18254/S207054760018163-6>
- Манухин А. А. США и вооруженные силы стран Латинской Америки: в поисках новых форм влияния // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1. <https://doi.org/10.18254/S207054760004711-9>
- Мартынов Б. Ф., Ивановский З. В., Воронникова Т. А., Дьякова Л. В., Лукин В. Н. и др. Современная организованная преступность в Латинской Америке и странах Карибского бассейна. Москва : Весь мир, 2017.
- Пятаков А.Н. Роль военно-гражданских каналов во взаимодействии США и стран Латинской Америки в контексте пандемии // США и Канада: экономика — политика — культура. 2021. № 7. С. 70—75. <https://doi.org/10.31857/S268667300015576-3>
- Яковлев П. П. Бразилия на пути к статусу глобальной державы (военно-промышленный ракурс) // Перспективы. Электронный журнал. 2013. URL: https://www.perspektivy.info/oykumena/politika/brazilija_na_puti_k_statusu_globalnoj_derzhavy_vojenno-promyshlennyj_rakurs_2013-12-24.htm (дата обращения: 23.03.2022).
- Bruneau Th. The United States and Central America: From Stopping Communism to Stopping Kids // Perry Center Occasional Paper. 2016. P. 1—28. URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=794541> (accessed: 23.03.2022).
- Evan Ellis R. The Strategic Dimension of Chinese Engagement with Latin America // Perry Paper Series. 2013. No. 1. P. 1—172. URL: https://web.archive.org/web/20210328031400/http://williamjerrycenter.org/sites/default/files/publication_associated_files/The%20Strategic%20Dimension%20of%20Chinese%20Engagement%20with%20Latin%20America.pdf (accessed: 23.03.2022).
- Evan Ellis R. The U.S. Military in Support of Strategic Objectives in Latin America and the Caribbean // PRISM. 2019. Vol. 8, no. 1. P. 27—39. URL: https://cco.ndu.edu/Portals/96/Documents/prism/prism8_1/190306_PRISM8_1_Ellis.pdf?ver=2019-03-05-152841-827 (accessed: 23.03.2022).
- Gandasegui M. A. América Latina y EE.UU.: Una Relación Asimétrica // Tareas. 2015. No. 150. P. 93—105.
- Gilroy Ch. Great Power Competition and Counternarcotics in the Western Hemisphere // Perry Center Occasional Paper. 2020. P. 1—25. URL: https://web.archive.org/web/20201003012844/http://www.williamjerrycenter.org/sites/default/files/publication_associated_files/Competition%20and%20Counternarcotics%20in%20the%20WH.pdf (accessed: 23.03.2022).
- Giraldo B., Elias S. La Presencia Militar de Estados Unidos en América Latina: Bases y Cuasibases. Bogotá : Universidad de los Andes, 2017.
- Herrera D. El Siglo del Americanismo. Una Interpretación Histórica y Geoestratégica de la Hegemonía de los E.U. Mexico : Ediciones Akal, 2020.
- Krivolapov O. O., Stepanova N. V. La Cooperación de EE.UU. con Países de América Latina en el Ámbito de Seguridad Antes y Después de la Llegada de Joseph Biden al Poder // Iberoamerica. 2021. No. 4. P. 58—79. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2021-4-03>
- Krivolapov O. O., Stepanova N. V. La Estrategia Político-Militar de la Administración de Donald Trump con Respecto a América Latina // Iberoamerica. 2020. No. 4. P. 24—47. <https://doi.org/10.37656/s20768400-2020-4-02>
- Lisón C. B. La Asistencia Militar de Estados Unidos en América Latina: Permanencias, Discontinuidades e Intereses // Revista Fuerzas Armadas y Sociedad. 2006. Vol. 20, no. 2. P. 109—140.
- Medeiros S. E. Inter-American Cooperation: Looking for Trust and Reputation // Perspectivas. 2014. Vol. 2. P. 20—33. <https://doi.org/10.13140/RG.2.1.3516.8806>
- Padrós E. S. Los EUA y la Pentagonización de América Latina // XI Jornadas Interescuelas/Departamentos de Historia. 2007. P. 1—20. URL: <https://cdsa.academica.org/000-108/880> (accessed: 23.03.2022).
- Pellegrini L. Imaginaries of Development through Extraction: The ‘History of Bolivian Petroleum’ and the Present View of the Future // Geoforum. 2018. Vol. 90. P. 130—141. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2018.01.016>
- Rethinking Post-Cold War. Russian-Latin American Relations / ed. by V. Rouvinski, V. JEIFETS. London : Routledge, 2022.
- Tulchin J. S. Las Relaciones entre Estados Unidos y América Latina. Desafiando la Hegemonía Norteamericana. Santiago de Chile : FCE, 2018.

Сведения об авторах: Пятаков Андрей Николаевич — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр аналитических разработок, Институт Латинской Америки РАН; научный сотрудник, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0002-3934-958X; e-mail: anpyatakov@yandex.ru
 Кодзоев Магомед Абдул-Мажитович — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Латинской Америки РАН; доцент, кафедра Иberoамериканских исследований, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0001-9330-5599; e-mail: zakon2bona@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-536-546

EDN: BXYWNE

Научная статья / Research article

Критический анализ соглашений в сфере безопасности между Индией и США

Р.Д. Нисар

Университет Саргодха, Саргодха, Пакистан

 ranadanishnisar@gmail.com

Аннотация. В настоящее время Азия является центральной частью мировой политики, где столкнулись интересы ряда глобальных и региональных игроков, среди которых можно выделить Индию, Китай, Японию, США и Россию. С распадом социалистического блока и окончанием холодной войны США приступили к формированию новой политики в сфере безопасности — изменили свои приоритеты, содействовали новой расстановке сил и определили для себя новую роль в постбиполярном мире. Индия же благодаря быстрому экономическому росту и огромному внутреннему рынку, модернизации вооруженных сил, а также индийской практике демократизации усилила свои позиции в Азиатском регионе. Учитывая трансформацию Индии и стратегическое значение Индийского океана, а также проходящих в нем морских транспортных путей, Вашингтон проявлял интерес в укреплении своих отношений с Нью-Дели. В результате на современном этапе отношения между Индией и США переходят от царившего в прошлом отчуждения к стратегическому взаимодействию. Начиная с 2004 г., когда была принят документ «Следующий шаг к стратегическому партнерству», обе страны переживают этап глубокого стратегического сближения. В первую очередь это касается сферы безопасности и обороны. Автор на основе проведенного анализа утверждает, что соглашения между Индией и США в сфере обороны стимулируют наступательную мощь Индии, оказывают негативное влияние на региональную безопасность в Южной Азии, особенно на безопасность Пакистана. В качестве методологии применяются контент-анализ, ивент-анализ и проблемно-хронологический метод.

Ключевые слова: США, Индия, Пакистан, безопасность, основополагающие соглашения, Общее соглашение о безопасности в области военной информации, GSOMIA, Меморандум о сотрудничестве в области логистики, LEMOA, Соглашение о совместимости и безопасности коммуникаций, COMCASA, Основное соглашение об обмене и сотрудничестве, BECA

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нисар Р. Д. Критический анализ соглашений в сфере безопасности между Индией и США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 536—546. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-536-546>

© Нисар Р.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Assessing India — United States Security Agreements: A Critical Analysis

Rana Danish Nisar

University of Sargodha, Sargodha, Pakistan
ranadanishnisar@gmail.com

Abstract. Asia is now a central part of world politics, where the interests of a number of global and regional actors have collided, including India, China, Japan, the United States and Russia. With the collapse of the socialist bloc and the end of the Cold War, the U.S. embarked on a new security policy, changed its priorities, promoting a new balance of power and defining a new role for itself in the post-bipolar world. India, on the other hand, has strengthened its position in the Asian region thanks to its rapid economic growth, huge domestic market, modernization of armed forces, and practice of democratization. Given India's transformation and the strategic importance of the Indian Ocean and its maritime transport routes, Washington has become interested in strengthening ties with New Delhi. As a result, India — U.S. relations are moving from the estrangement of the past to the strategic engagement of the present. Since 2004, when the document entitled “Next Step towards Strategic Partnership” was adopted, the two countries have been experiencing a phase of deep strategic convergence. This is particularly true in the area of security and defense. In the present study the author argues that Indo-US defense agreements stimulate India's offensive power, while negatively affecting regional security in South Asia and especially Pakistan's security. In the milieu of research methodology, the author uses the methods of content analysis, event analysis, and problem-chronological method.

Key words: U.S., India, Pakistan, security, basic agreements, General Security of Military Information Agreement, GSOMIA, Logistics Exchange Memorandum of Agreement, LEMOA, Communications Compatibility and Security Agreement, COMCASA, Basic Exchange and Cooperation Agreement, BECA

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Nisar, R. D. (2023). Assessing India — United States security agreements: A critical analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 536—546. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-536-546>

Введение

В исторической ретроспективе Индия и США находились в противоположных блоках — во времена холодной войны Вашингтон возглавлял западный блок, противостоящий СССР, а Нью-Дели, напротив, придерживался более открытого и нейтрального курса, будучи одним из организаторов Движения неприсоединения (ДН). Окончание холодной войны оказало серьезное влияние на международные процессы, что стало одной из причин дальнейшего развития отношений между двумя странами, особенно в сфере обороны и безопасности.

С изменением своих внешнеполитических приоритетов в 1990-е гг. Индия нуждалась в новом и современном технологичном оружии, предназначенном для реализации внешнеполитических амбиций в Южной Азии и за ее пределами, а США, в свою очередь, хотели получить новый рынок для своего

вооружения и превратить Индию в форпост противодействия антиамериканским силам. Таким образом, совпадение интересов резко сблизило Индию и США.

Самым первым шагом, который был предпринят обеими сторонами для развития отношений в сфере безопасности и обороны, стало подписание в 1995 г. «Согласованного протокола по оборонным отношениям» (*Agreed Minute on Defense Relations, AMDR*)¹. В рамках AMDR были созданы специальные группы для обсуждения вопросов оборонной политики, совместных технологий и военного сотрудничества (Sharma, 2012). Однако в 1998 г. Индия провела ядерные испытания «Похран-II», в результате которых Вашингтон осудил действия Нью-Дели и ввел санкции в отношении торговли оружием и

¹ Framework for the U.S. — India Defense Relationship // U.S. Department of Defense. September 17, 2004. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015-Defense-Framework.pdf> (accessed: 23.03.2022).

другими технологиями, связанными с вооружением, а также оборонного сектора Индии².

Спустя два года, после визита президента США Б. Клинтона в Индию в 2000 г., отношения двух стран вновь вернулись в русло конструктивного диалога. В 2004 и 2005 гг. были подписаны два важных документа — «Следующий шаг в стратегическом партнерстве» (*Next Step towards Strategic Partnership, NSSP*)³ и Новое рамочное соглашение по американо-индийским отношениям в сфере обороны (*New Framework for the U.S. — India Defense Relationship, NFDR*)⁴, открывшие новую эру сотрудничества в отношениях двух стран. В рамках NSSP оба государства согласились расширить взаимодействие в определенных сферах: ядерной, космической, сфере обороне и безопасности, а также в плане обмена высокими технологиями. Целями же NFDR являлись стимулирование торговли вооружением, обмен опытом в развитии вооруженных сил наряду с военными учениями. Это соглашение было продлено на 10 лет в 2015 г.⁵

Администрации Б. Обамы и Д. Трампа открыли новые горизонты для сотрудничества Индии и США в области безопасности, предоставив Индии статус «основного партнера в области обороны» (*major defense partner*) и привилегии в рамках Разрешения на стратегическую торговлю (*Strategic Trade Authorisation-1, STA-1*) соответственно (Ahamed, 2021). Кроме того, в 2012 г. оба государства согласовали Инициативу по оборонным технологиям и торговле (*Defense*

Technology and Trade Initiative, DTTI), направленную на укрепление отношений в области безопасности и обороны, что считается огромным триумфом администрации Б. Обамы⁶.

Таким образом, Индия и США поддерживают стабильные и надежные отношения, что, по мнению ряда экспертов, будет иметь серьезные последствия для Пакистана (Singh, 2019), особенно в контексте развития Индо-Тихоокеанской стратегии США (Hayat, Zaid & Shahzad, 2020, p. 63). Наряду с военным сотрудничеством подписанные соглашения о безопасности между Индией и США еще больше расширили процесс передачи исключительных высоких технологий, а торговля, связанная с обороной, стала главным столпом соглашений о безопасности. Дальнейшее развитие этого партнерства осуществлялось в рамках серии так называемых основополагающих соглашений в сфере безопасности⁷.

Это теоретическое исследование, подготовленное с использованием вторичных данных, собранных из опубликованных работ, и информации, полученной в библиотеках и сети Интернет. Автор использовал исторические, описательные и аналитические методы. Для получения объективных выводов применялся метод контент-анализа. Для обеспечения сбалансированности исследования и исключения предвзятости был проведен перекрестный сравнительный критический анализ имеющихся данных.

Обсуждение

Общее соглашение о безопасности в области военной информации

Первым основополагающим документом, подписанным двумя странами в 2002 г., стало Общее соглашение о безопасности в области военной информации (*General Security of Military Information Agreement, GSOMIA*). Нью-Дели и Вашингтон преследовали цель

² India — Pakistan Nuclear Tests and U.S. Response // CRS Report for Congress. November 24, 1998. URL: https://www.everycrsreport.com/files/19981124_98-570_6ba82961282f5bb2b429282bbb444eada17df798.pdf (accessed: 23.03.2022).

³ United States — India Joint Statement Next Step in Strategic Partnership // U.S. Department of State. September 17, 2004. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2004/36290.htm> (accessed: 23.03.2022).

⁴ New Framework for the U.S. — India Defense Relationship // Rumsfeld Papers. June 28, 2005. URL: <http://library.rumsfeld.com/doclib/sp/3211/2005-06-28%20New%20Framework%20for%20the%20US-India%20Defense%20Relationship.pdf> (accessed: 23.03.2022).

⁵ Framework for the U.S. — India Defense Relationship // U.S. Department of Defense. September 17, 2004. URL: <https://dod.defense.gov/Portals/1/Documents/pubs/2015-Defense-Framework.pdf> (accessed: 23.03.2022).

⁶ U.S. — India Defense Technology and Trade Initiative (DTTI) // International Cooperation Office. URL: <https://www.acq.osd.mil/ic/dtti.html> (accessed: 23.03.2022).

⁷ Jain B. LSA, CISMOA, and BECA: The Future of US — India Defence Ties // CLAWS Journal. 2018. P. 115. URL: https://archive.claws.in/images/journals_doc/362182962_BhupeshJain.pdf (accessed: 23.03.2022).

создания надежного канала обмена разведывательной и конфиденциальной информацией между двумя странами (Shida, 2019).

Заключение этого соглашения имеет свою предысторию. В 1981 г. Индия продемонстрировала готовность закупить у США легкие многоцелевые истребители F-5G, но Вашингтон опасался продавать их, считая, что это может привести к утечке секретной разведывательной информации. Именно поэтому в 1984 г. оба государства подписали Меморандум о взаимопонимании в области передачи технологий (*Memorandum of Understanding on Technology Transfers*) (Samuel, 2007). Аналогичным образом в 2002 г. США настояли на том, чтобы Индия подписала новое соглашение с дополнительными условиями — GSOMIA, дабы укрепить взаимное доверие между государствами.

Подписание GSOMIA сыграло важную роль в развитии отношений Индии и США, так как Вашингтон снял санкции, которые были введены в 1998 г. после проведенных Нью-Дели ядерных испытаний. Для Индии это соглашение открыло возможности в осуществлении закупок в США передовых вооружений и технологий четвертого и пятого поколений и в целом сблизило два государства (Rosen & Jackson, 2017). Одним из прямых последствий подобного сближения стало возобновление с 2002 г. военно-морских учений «Малабар»⁸.

В дальнейшем, основываясь на GSOMIA, на министерской встрече в формате «2+2»⁹ в 2019 г. Индия и США подписали Приложение

⁸ Военно-морские учения «Малабар» проводятся с 1992 г. на двусторонней основе с участием Индии и США. Однако после ядерных испытаний, проведенных Индией в 1998 г., Вашингтон прекратил свое участие в них. В период с 1992 по 2021 г. было проведено 24 учения. См.: Malabar Naval Exercises // Press Information Bureau. Government of India. February 8, 2021. URL: <https://pib.gov.in/Pressreleaseshare.aspx?PRID=1696140> (accessed: 23.03.2022).

⁹ Ежегодные встречи министра иностранных дел и министра обороны Индии и государственного секретаря и министра обороны США, проводимые с 2018 г. См.: What India, US Would Have Discussed in '2+2' Dialogue // The Indian Express. July 3, 2018. URL: <https://indianexpress.com/article/explained/what-india-us-would-have-discussed-in-22-dialogue-5243151/> (accessed: 23.03.2022).

по промышленной безопасности (*Industrial Security Annex, ISA*)¹⁰. Целью подписания документа было желание наладить двустороннее сотрудничество в сфере оборонной промышленности для производства новейшего вооружения и использования передовых технологий в создании боевых самолетов. По мнению экспертов, ISA может сыграть значимую роль в развитии сотрудничества частных предприятий двух стран в сфере оборонной промышленности¹¹, что будет способствовать развитию оборонной промышленности Индии и может стать крайне выгодным для Нью-Дели¹².

Меморандум о сотрудничестве в области логистики

29 августа 2016 г. США и Индия подписали Меморандум о сотрудничестве в области логистики (*Logistics Exchange Memorandum of Agreement, LEMOA*)¹³, что стало шагом вперед в развитии взаимодействия между двумя странами в сфере безопасности, особенно в контексте использования военной инфраструктуры. По сути, LEMOA является адаптированной для Индии версией Соглашения о логистической поддержке (*Logistic Support*

¹⁰ Chaudhury D. R. India and USA Conclude Several Landmark Agreements in 2+2 Ministerial Dialogue // International Cooperation Office. December 19, 2019. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/politics-and-nation/india-and-usa-conclude-several-landmark-agreements-in-22-ministerial-dialogue/articleshow/72892719.cms?from=mdr> (accessed: 23.03.2022).

¹¹ Industrial Security Annex Opens Indian Private Partnership for U.S. Defense Firms // The Hindu. December 19, 2019. URL: <https://www.thehindu.com/news/national/defence-ties-with-us-set-to-deepen-rajnath-singh/article61605050.ece#:~:text=%EF%BB%BFThe%20Industrial%20Security%20Annex,deal%20for%20114%20fighter%20jets.> (accessed: 23.03.2022).

¹² Industrial Security Annex to Deepen Industry Collaboration between India, US: Nisha Desai Biswal // Economics Times. December 28, 2019. URL: <https://m.economictimes.com/news/economy/foreign-trade/industrial-security-annex-to-deepen-industry-collaboration-between-india-us-nisha-desai-biswal/articleshow/73004435.cms> (accessed: 23.03.2022).

¹³ Rajagopalan R. P. Logistics Pact with US: Why LEMOA Is Significant for India // Hindustan Times. August 31, 2016. URL: <https://www.hindustantimes.com/analysis/logistics-agreement-with-us-why-signing-lemoa-is-significant-for-india/story-btGO0oM2jVfxRZt6xkxHgJ.html> (accessed: 23.03.2022).

Agreement, LSA)¹⁴. Следует отметить, что Вашингтон заключил подобные соглашения о логистической поддержке лишь с ограниченным количеством стран, с которыми установлено тесное военное сотрудничество¹⁵.

Основная цель подписания ЛЕМОА заключалась в предоставлении вооруженным силам Индии и США возможности получать доступ к логистическим объектам друг друга для оказания материально-технической поддержки (Ramaswamy & Shivaswamy, 2018). В соглашении уделяется большое внимание таким аспектам логистической помощи, как, например, правила захода в морские порты, совместные учения вооруженных сил, оказание гуманитарной помощи, а также управление и оказание помощи при стихийных бедствиях. Таким образом, ЛЕМОА оценивается экспертами как важная веха в оборонной истории стран-участниц.

Новое соглашение открывает дополнительные возможности для ВВС и ВМФ США и Индии, которые могут использовать базы друг друга в Индо-Тихоокеанском регионе для дозаправки и пополнения запасов¹⁶. Фактически оно создает «зону комфорта» для региональной военно-морской деятельности Индии. Это соглашение еще больше усилит наступательную мощь Индии в регионе Индийского океана, что может оказаться крайне эффективным для удовлетворения стремления Индии к региональному доминированию и гегемонии.

Если говорить о выгодах для США, то это соглашение является проявлением

¹⁴ LSA — это двустороннее соглашение, которое регламентирует целый ряд форм сотрудничества сторон. См.: Logistic Support Agreements — A Growing Footprint // Vivekananda International Foundation. October 27, 2020. URL: <https://www.vifindia.org/article/2020/october/27/logistic-support-agreements-a-growing-footprint> (accessed: 23.03.2022).

¹⁵ Singh R. Logistic Support Pact with US Helps Naval Ties // Hindustan Times. December 26, 2018. URL: <https://www.hindustantimes.com/india-news/logistic-support-pact-with-us-naval-ties/story-saqNwKfsM2hBrBhwC5YJ5O.html> (accessed: 23.03.2022).

¹⁶ US Military Aircraft Refuels at Indian Base for First Time under Defense Pact // The Print. October 2, 2020. URL: <https://theprint.in/defence/us-maritime-surveillance-aircraft-refuels-in-andamans-amid-tensions-with-china/515631/> (accessed: 23.03.2022).

стратегии третьего противовеса¹⁷, а также стратегии передачи ответственности (*buck-passing strategy*) и стратегии балансирования, основанной на наступательном реализме Дж. Миршаймера (Mearsheimer, 2001). Одна из задач такой политики Вашингтона — сделать Индию достаточно сильной для сдерживания или противодействия антиамериканским силам.

Говоря о Китае и Пакистане, необходимо отметить, что обе страны испытывают серьезные опасения по поводу своей безопасности в связи с растущими и постоянно укрепляющимися стратегическими отношениями между Индией и США. По мнению пакистанских экспертов по вопросам стратегии, это соглашение имеет множество последствий для Пакистана¹⁸.

Продолжающееся стратегическое сближение Индии и США и само соглашение ЛЕМОА расширяют стремление Индии к региональной гегемонии, а также выходу за пределы Южной Азии под безопасным прикрытием США. Это соглашение придает дополнительные преимущества Индии, провоцируя усиление политической напряженности и углубление традиционной асимметрии сил в Южной Азии между двумя региональными соперниками — Индией и Пакистаном.

Соглашение о совместимости и безопасности коммуникаций

Соглашение о совместимости и безопасности коммуникаций (*Communications Compatibility and Security Agreement, COMCASA*) представляет собой модифицированную версию Меморандума о соглашении по информационной безопасности (*Information Security Memorandum of Agreement, CISMOA*), адаптированного в пользу индийского оборонного сектора с целью предоставления Индии больших привилегий. Подписание COMCASA стало знаковым результатом

¹⁷ Remarks by Deputy Secretary Work on Third Offset Strategy // U.S. Department of Defense. April 28, 2016. URL: <https://www.defense.gov/News/Speeches/Speech/Article/753482/remarks-by-deputy-secretary-work-on-third-offset-strategy/> (accessed: 23.03.2022).

¹⁸ Muneer Z. Logistics Exchange Memorandum of Agreement // CSCR. 2016. URL: http://cscr.pk/pdf/rb/RB%20_LEMOA.pdf (accessed: 23.03.2022).

встречи министров в формате диалога «2+2», состоявшейся в сентябре 2018 г.¹⁹

Новое соглашение было разработано с целью улучшения оперативной совместимости, коммуникации и, вероятно, расширения возможностей для работы американских тактических передовых систем разведки и защиты важных данных²⁰. В соответствии с этим соглашением обе страны согласились избегать передачи своей информации какой-либо третьей стороне без взаимного согласия, что наиболее важно для индийской стороны²¹. Фактически COMCASA позволяет военным Индии и США использовать каналы связи, недоступные ранее²².

Используя платформу COMCASA, Нью-Дели и Вашингтон получили возможность взаимодействовать в нескольких форматах, в частности в области оценки совместных угроз, планирования и проведения совместных операций против любого типа повстанческих движений, обучения и подготовки вооруженных сил, сотрудничества в структурах и системах командования и управления, а также при оказании друг другу логистической и коммуникационной помощи²³. Это соглашение не только открыло для Индии возможность использовать американские коммуникационные технологии, связанные с оборонительной сферой, но также позволило Индии

получить доступ к американским разведывательным технологиям, в том числе технологии получения разведанных в режиме реального времени, что рассматривается в Нью-Дели как преимущество, которое Индия может использовать против своих противников, в частности против Пакистана²⁴. Например, при помощи COMCASA Индия и США могут отслеживать все перемещения и действия своих оппонентов, особенно в Индо-Тихоокеанском регионе. К тому же в ближайшие годы, после внедрения COMCASA, индийские дроны морского базирования будут заменены аппаратами с более передовыми технологиями, например БПЛА MQ-9B SeaGuardian²⁵, которые обладают большей мощностью и способны оставаться в воздухе более 30 часов.

По словам главы Индо-Тихоокеанского командования Вооруженных Сил США в 2018—2021 гг. П. Дэвидсона, «мы смотрим вперед и дальше, чтобы полностью ввести в действие COMCASA с Индией, поскольку оборонные связи между Нью-Дели и Белым домом слишком сильны»²⁶. В отчете *Economic Times* утверждается, что «соглашение изменит правила игры для Индии в сфере оперативной совместимости, связи, разведки и слежения в реальном времени», что окажет неблагоприятное воздействие на безопасность Пакистана и может поставить под угрозу оборонительные средства и ядерные боеприпасы страны, а также нанести ущерб пакистанским средствам ракетного сдерживания в условиях высокой опасности²⁷.

¹⁹ Joint Statement on the Inaugural U.S. — India 2+2 Ministerial Dialogue // U.S. Embassy and Consulates in India. September 7, 2018. URL: <https://in.usembassy.gov/joint-statement-on-the-inaugural-u-s-india-22-ministerial-dialogue/> (accessed: 23.03.2022).

²⁰ Ramaprasad. COMCASA — Should India Sign? // Delhi Defence Review. January 26, 2017. URL: <https://delhidefencereview.com/2017/01/26/comcasa-should-india-sign/> (accessed: 23.03.2022).

²¹ Smith J. COMCASA: Another Step Forward for the United States and India // The Diplomat. September 11, 2018. URL: <http://thediplomat.com/2018/09/comcasa-another-step-forward-for-the-united-states-and-india/> (accessed: 23.03.2022).

²² Panda A. What the Recently Concluded US — India COMCASA Means // The Diplomat. September 9, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/09/what-the-recently-concluded-us-india-comcasa-means/> (accessed: 23.03.2022).

²³ Kanwal G. Meeting the Chinese Challenge through Cooperative Security // Indian Defense Review. April 3, 2017. URL: <http://www.indiandefencereview.com/spotlights/meeting-the-chinese-challenge-through-cooperative-security/> (accessed: 23.03.2022).

²⁴ India, US Navies Set Up First Ever Secure Communication Link under COMCASA // Business Today. April 3, 2019. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy-politics/story/india-us-navies-set-up-first-ever-secure-communication-link-under-comcasa-185097-2019-04-03> (accessed: 23.03.2022).

²⁵ Pandit R. COMCASA Will Pave Way for Armed Drones, Sharing of Op Intel // The Times of India. September 7, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/comcasa-will-pave-way-for-armed-drones-real-time-sharing-of-operational-intelligence/articleshow/65710226.cms> (accessed: 23.03.2022).

²⁶ India — US Defense Sales at All Time High: Pentagon // Asian Age. February 13, 2019. URL: <https://www.asianage.com/world/americas/130219/india-us-defence-sales-at-an-all-time-high-pentagon.html> (accessed: 23.03.2022).

²⁷ India, US Navies Set Up First Ever Secure Communication Link under COMCASA // Business

STA-1

STA-1 связан с механизмом американского экспортного контроля и представляет собой клуб стран, имеющих разрешение на экспорт и реэкспорт определенной продукции, включенной в Контрольный список товаров (*Commerce Control List*)²⁸. Эти страны также являются членами четырех многосторонних режимов экспортного контроля: Группы ядерных поставщиков (*Nuclear Suppliers Group*), Режима контроля за ракетными технологиями (*Missile Technology Control Regime*), Австралийской группы (*Australia Group*) и Вассенаарских договоренностей (*Wassenaar Arrangement*). Вашингтон предоставил этот привилегированный статус только 37 странам мира²⁹, которые являются крайне важными для национальных интересов США.

Индия получила статус STA-1 в июле 2018 г. Можно сказать, что предоставление Индии подобного статуса оказало серьезное влияние на безопасность в регионе Южной Азии. Фактически с 2018 г. Нью-Дели получил полный доступ к американским технологиям, в том числе связанным с передовым вооружением четвертого и пятого поколений (боевые самолеты и боеприпасы)³⁰, и к технологиям двойного назначения без необходимости приобретения лицензий. В итоге примерно 50 % торговли вооружением между двумя странами не нуждаются в какой-либо лицензии в рамках STA-1³¹.

Today. April 3, 2019. URL: <https://www.businesstoday.in/latest/economy-politics/story/india-us-navies-set-up-first-ever-secure-communication-link-under-comcasa-185097-2019-04-03> (accessed: 23.03.2022).

²⁸ Understanding Strategic Trade Authorization // Customs & International Trade Law. URL: <https://customsandinternationaltradelaw.com/2021/04/20/understanding-strategic-trade-authorization/> (accessed: 23.03.2022).

²⁹ License Exceptions. Supplement No. 1 to Part 740 // Bureau of Industry and Security. September 15, 2022. P. 1—3. URL: <https://www.bis.doc.gov/index.php/documents/regulation-docs/2255-supplement-no-1-to-part-740-country-groups-1/file> (accessed: 20.04.2023).

³⁰ US Eases Export Controls for High-Tech Product Sales to India // The Times of India. July 30, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/business/india-business/us-eases-export-controls-for-high-tech-product-sales-to-india/articleshow/65203062.cms> (accessed: 23.03.2022).

³¹ Granting of Strategic Trade Authorization-1 (STA-1) // Strategic Vision Institute. August 29, 2018. URL:

Определенно, переход Индии в приоритетную категорию стран — партнеров США откроет дополнительные возможности для американской оборонной промышленности. Без сомнения, это десятилетие стало свидетелем масштабной торговли оружием между двумя странами: вертолеты, самолеты F-35, дроны, датчики информационной безопасности, технологии аэрокосмического слежения и передовые средства связи являются частью этих отношений в военно-технической сфере³². Предоставление статуса STA-1 может также свидетельствовать о желании Вашингтона потеснить Москву как с индийского рынка вооружений, так и с позиций одного из ключевых партнеров индийской оборонительной промышленности и, возможно, занять ее место.

Базовое соглашение об обмене и сотрудничестве

27 октября 2020 г. во время встречи в рамках министерского диалога «2+2» две страны подписали «Основное соглашение об обмене и сотрудничестве» (*Basic Exchange and Cooperation Agreement, BECA*)³³. Документ предоставляет Индии доступ к топографическим, геофизическим, геомагнитным, геодезическим данным США, а также к морским и аэронавигационным картам.

Следует отметить, что до подписания данного соглашения Индия уже имела доступ к разведывательной информации, предоставляемой США, в рамках уже существовавшего COMCASA, в том числе к данным геоинформационных систем, данным о погодных условиях и др. Однако в рамках BECA Нью-Дели получает доступ к геопространственным и

<https://thesvi.org/granting-of-strategic-trade-authorization-1-sta-1/> (accessed: 23.03.2022).

³² Gady F. S. US Approves Sale of 6 More Apache AH-64E Attack Helicopters to India // The Diplomat. June 13, 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/06/us-approves-sale-of-6-more-apache-ah-64e-attack-helicopters-to-india/> (accessed: 23.03.2022).

³³ Raghuvanshi V. India, US Sign Intel-Sharing Agreement Amid Tension with Neighboring China // Defense News. October 28, 2020. URL: <https://www.defensenews.com/space/2020/10/28/india-us-sign-intel-sharing-agreement-amid-tension-with-neighboring-china/> (accessed: 23.03.2022).

иным данным уже в формате реального времени, так как они передаются напрямую с американских спутников. Доступ к информации такого уровня повышает военную мощь Индии, что важно в новую эпоху цифровых войн и искусственного интеллекта.

Получение новых американских разведывательных данных позволит в несколько раз увеличить наступательные возможности Индии³⁴, в том числе возрастет точность индийских баллистических и крылатых ракет³⁵, что позволит ей более точно и эффективно поражать противника. Это также повысит эффективность индийских беспилотных летательных аппаратов и особенно ударных дронов.

В ходе реализации этого соглашения США поставят и установят различные цифровые датчики, а также новейшую авионику и навигационные инструменты на территории Индии для мониторинга потенциальных угроз. Более того, благодаря этому соглашению Индия сможет отслеживать все передвижения в регионе Индийского океана, а также расположение военных группировок и действия своего противника — Пакистана — в западной части Индийского океана.

Последствия для Пакистана

Военные и дипломатические отношения между Пакистаном и Индией остаются напряженными с самого момента получения независимости. Оба государства являются региональными соперниками, причем между ними существует очевидная асимметрия потенциалов. Это особенно важно, учитывая, что безопасность Пакистана переплетается с наступательной угрозой со стороны Индии.

По данным сайта *Global Firepower*, Индия по своему военному потенциалу занимает четвертое место среди 145 стран, тогда как

Пакистану принадлежит седьмое место³⁶. Разрыв между расходами на оборону Индии и Пакистана также значителен. В то время как Пакистан тратит всего 7 млрд долл. США в год на оборону, Индия тратит 47 млрд долл. США. Правительство Индии ежегодно увеличивает расходы на оборону в среднем на 5,5 %, в результате чего сегодня Индия находится на пике наступательной эффективности своих вооруженных сил (Abbasi & Nisar, 2022, p. 3878).

На фоне роста индийского военного потенциала развитие оборонного сотрудничества Нью-Дели и Вашингтона дополнительно усиливает Индию. По мнению ряда пакистанских экспертов, национальная безопасность Пакистана находится под угрозой из-за растущего сопряжения США с Индией (Khan, 2013), которое может привести к военной стычке между Индией и Пакистаном (Yusuf, 2018) или полноценной войне (Ganguly, 2016). Кроме того, сближение Индии и США в военно-политической и военно-технической сферах наносит серьезный удар по сохранявшемуся до 1998 г. военному и ядерному паритету в индийско-пакистанских отношениях³⁷. Таким образом, своими действиями США нарушают долго сохранявшийся баланс сил в Южной Азии, который становится асимметричным.

Активное развитие оборонительного сотрудничества Индии и США вызвано стремлением Вашингтона сдержать усиление Китая. Именно поэтому Индии оказывается массивная поддержка, в результате чего значительно увеличилась как военная мощь Индии, так и ее наступательные амбиции в Азии и за ее пределами. На этом фоне Нью-Дели также усиливает морскую составляющую своей ядерной триады, введя в эксплуатацию стратегическую ударную атомную подводную лодку

³⁶ Global Firepower Countries Index // Global Firepower. 2023. URL: <https://www.globalfirepower.com/countries.php> (accessed: 20.04.2023).

³⁷ См.: Sawhney P. Why India's Latest Defense Agreement with the United States May Prove a Costly Bargain // The Wire. October 27, 2020. URL: <https://m.thewire.in/article/security/beca-india-usa-comcasa-defence-data-sharing> (accessed: 23.03.2022); Ghaffar T. US and India Sign BECA, Putting Pakistan in a Vulnerable Position // Global Village Space. October 29, 2020. URL: <https://www.globalvillagespace.com/us-and-india-sign-beca-putting-pakistan-in-a-vulnerable-position/> (accessed: 23.03.2022).

³⁴ Ali S. Whither Strategic Autonomy? India Sign BECA // CISS. October 28, 2020. URL: <https://ciiss.org.pk/whither-strategic-autonomy-india-signs-beca/> (accessed: 23.03.2022).

³⁵ Raghuvanshi V. India, US Sign Intel-Sharing Agreement Amid Tension with Neighboring China // Defense News. October 28, 2020. URL: <https://www.defensenews.com/space/2020/10/28/india-us-sign-intel-sharing-agreement-amid-tension-with-neighboring-china/> (accessed: 23.03.2022).

«Арихант», которую можно использовать для поражения целей на расстоянии до 750 км (Joshi, 2020). Все это дополнительно оказывает негативное влияние на региональный баланс сил и подталкивает Пакистан к более тесному сближению с Китаем, который заинтересован в сохранении баланса сил в регионе (Hussain, 2017).

Соглашения в области безопасности между Индией и США (GSOMIA, LEMOA, COMCASA, BECA), вне всякого сомнения, не только создают угрозу региональной безопасности, но и углубляют дисбаланс в стратегической стабильности Южной Азии. Представляется возможным, что Индия, нарастив свой военный потенциал, в том числе благодаря сотрудничеству с США, может задействовать его против Пакистана, например, использовать полученные разведывательные данные относительно ядерных, обычных и ракетных вооружений Пакистана. Это, в свою очередь, вынудит Пакистан принять контрмеры против Индии. Кроме того, эти соглашения создают дилемму безопасности не только для Пакистана, но и для малых государств Южной Азии.

В азиатском ядерном поясе, который включает в себя Россию, Китай, Индию, Пакистан и Северную Корею, США стремятся противостоять растущему влиянию Китая, одновременно пытаясь ограничить Россию и сблизиться с Индией (Einhorn & Sidhu, 2017). Безусловно, противостояние между Китаем и США набирает обороты (Edelstein, 2019), и Индия, соответственно, используется в качестве транзитного союзника. Мощная в экономическом и военном плане Индия может проявить агрессию в отношении не только Пакистана, но и других периферийных государств, и США, вероятно, будут разыгрывать именно индийскую карту в попытке решить проблему Южно-Китайского моря, а также в других стратегических планах (Mahrukh, 2017, p. 115). Кроме того, сама Индия понимает, насколько она важна для США, которые хотят использовать ее для противостояния Китаю, поэтому она ведет двойную игру: например, Нью-Дели приобретает зенитные ракетные комплексы С-400 у России, не опасаясь санкций и цитируя слова начальника штаба армии Индии в 2016—2019 гг. Бипина Равата (Shaza, 2021).

Гонка вооружений в регионе, в частности между Индией и Пакистаном, также становится побочным продуктом индийско-американских соглашений. Углубление стратегического партнерства между Индией и США, основанное на четырех основополагающих соглашениях в области безопасности, может спровоцировать рост наступательных возможностей Индии как в традиционном, так и в стратегическом проецировании силы. Последовательное и регулярное наращивание военной мощи государства «А» (Индия) в условиях, когда отношения США и Индии укрепляют обороноспособность последней, одновременно ставит дилемму для обеспечения безопасности государства «Б» (Пакистан) и других более слабых малых государств.

Соглашения по безопасности будут способствовать дальнейшему укреплению наступательной военной доктрины Индии — «Холодный старт»³⁸. Например, соглашение BECA будет стимулировать дальнейшее развитие методов сетецентрической войны, а именно — интеграции индийской военной доктрины с атаками в режиме реального времени (Babar & Mirza, 2021, p. 87).

В рамках доктрины «Холодный старт» индийские интегрированные боевые группы (*Integrated Battle Groups, IBG*)³⁹ действуют вблизи границы Индии и Пакистана (Khan & Khalid, 2018, p. 335). В основе стратегии их использования лежит принцип «Угроза, территория, задача и ресурсы» (*Threat, Terrain, Task and Resources, TTTR*)⁴⁰. Создание и возможное

³⁸ Доктрина «Холодный старт» была предложена в 2004 г. для ускорения развертывания подразделений индийской армии на границе с Пакистаном. Согласно доктрине, индийская армия должна иметь возможность проводить ограниченные пограничные операции на индо-пакистанской границе в течение 72 часов. См.: (Ladwig III, 2008).

³⁹ Интегрированные боевые группы представляют собой боевые формирования бригадного типа индийской армии, развернутые вдоль приграничных районов, способные в случае начала боевых действий быстро нанести удар по противнику. См.: *Decoding Integrated Battle Groups of the Indian Army* // China Military Online. September 29, 2019. URL: http://eng.chinamil.com.cn/OPINIONS_209196/Opinions_209197/9639138.html (accessed: 23.03.2022).

⁴⁰ Принцип TTTR был предложен начальником штаба армии в 2016—2019 гг. генералом Бипином Раватом. Он означает, что ресурсы, выделяемые каждой IBG, будут

использование подобных боевых единиц представляет собой масштабную угрозу для безопасности Пакистана на приграничных территориях, так как возможное ограниченное их использование (Khattak, 2020, p. 130) может привести к ядерной войне.

Именно поэтому безопасность Пакистана и других соседних стран может оказаться под угрозой. Например, в 2017 г. начальник штаба ВВС Индии Бирендер Сингх Дханоа заявил, что «в следующий раз следует нанести хирургический удар по ядерным объектам Пакистана»⁴¹. Кроме того, в условиях растущей цифровизации и распространения передовых технологий Индийское агентство внешней разведки — «Отдел исследований и анализа» (*Research and Analysis Wing*) играет свою роль в дестабилизации Пакистана, используя цифровые и компьютерные технологии и распространяя конфиденциальную и стратегическую информацию⁴².

Следует отметить, что это уже не первый случай, когда американо-индийские отношения имеют серьезные последствия для безопасности Пакистана, как, впрочем, и Китая (Madan, 2020, p. 11). Похоже, что растущее взаимодействие в сфере безопасности и ядерное

определяться ее миссией, местностью и угрозой, с которой она сталкивается. Например, IBG, действующие в пустынной местности на границе с Пакистаном, будут вооружены иначе, чем IBG в гористой местности на границе с Китаем. См.: Unnithan S. *The New Strike Strategy* // *India Today*. October 5, 2019. URL: <https://www.indiatoday.in/magazine/the-big-story/story/20190916-the-new-strike-strategy-1595666-2019-09-06> (accessed: 23.03.2022).

⁴¹ IAF Chief Said Pak Nukes Sites Can Be Hit, Then India Shouldn't Expect Restraint: Pakistan // *Wion*. October 6, 2017. URL: <https://www.wionews.com/south-asia/pak-warns-india-against-surgical-strike-on-its-nuclear-installations-21071> (accessed: 23.03.2022).

⁴² Nisar R. D. *5th Generation Warfare: A Real Global Warming (Alarming) and its Implications for Pakistan* // *Geostrategic Insight*. May, 22, 2022. URL: <https://wgi.world/5-generation-warfare-a-real-global-warming-and-its-implications-for-pakistan/> (accessed: 20.04.2023).

сотрудничество между двумя государствами оказало влияние на индийскую ядерную политику — Нью-Дели постепенно отходит от принципа «неприменения первым» (*No First Use*) к принципу «Используй первым» (*First Use*) (Narang, 2018). Кроме того, Индия пересматривает свою политику в области ядерного сдерживания в отношениях с Пакистаном, что может подтолкнуть регион к необратимой гонке ядерных вооружений, что представляет угрозу для всего азиатского ядерного пояса (России, Китая, Индии, Пакистана, Северной Кореи и, возможно, Ирана). Как представляется, ядерная политика Индии после индийско-американского сближения в этой области превращается в масштабное наступательное возмездие и утверждение господства над Пакистаном (Abbasi & Khan, 2020).

Заключение

Финальные размышления в данном исследовании подтверждают тот факт, что верные шаги укрепляют глобальный мир, в то время как ошибочные действия его разрушают. Растущее стратегическое партнерство и подписанные соглашения по безопасности между Индией и США посеяли семена новой гонки вооружений и нестабильности в Южной Азии. Предоставление Индии различных стратегических и военных инструментов со стороны США будут иметь неблагоприятные последствия для региональной безопасности. Фактически они будут усиливать военные амбиции Индии, которые со временем будут становиться все более антагонистическими и воинственными, что, в свою очередь, поставит под угрозу суверенитет и безопасность соседних государств. Учитывая, что безопасность Пакистана тесно связана с наступательными возможностями Индии, именно Пакистан, главный соперник и традиционный противник Индии, находится под большей угрозой.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 16.05.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Abbasi R., Khan Z. *Nuclear Deterrence in South Asia: New Technologies and Challenges to Sustainable Peace*. Abingdon : Routledge, 2020.
- Abbasi S. Y., Nisar R. D. *Two Angry-Birds of South Asia & Balance of Power: (An Appraisal)* // *Webology*. 2022. Vol. 19, no. 3. P. 3878—3890.

- Ahamed M. A Matter of Trust: India — US Relations from Truman to Trump. Noida : HarperCollins Publishers India, 2021.
- Babar S. I., Mirza M. N. Indian Strategic Doctrinal Transformation: Trends and Trajectory // Journal of Security and Strategic Analyses. 2021. Vol. 6, no. 2. P. 79—100.
- Edelstein D. M. The Persistence of Great Power Politics // Texas National Security Review. 2019. Vol. 2, no. 2. P. 117—120. URL: https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/74827/TNSRVol2Issue2_Edelstein.pdf?sequence=2&isAllowed=y (accessed: 23.03.2022).
- Einhorn R., Sidhu W. P. S. The Strategic Chain: Linking Pakistan, India, China, and the United States // Arms Control and Non-Proliferation Series Paper. 2017. No. 14. P. 1—68. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/03/acnpi_201703_strategic_chain.pdf (accessed: 23.03.2022).
- Ganguly S. Deadly Impasse: Indo-Pakistani Relations at the Dawn of a New Century. Cambridge : Cambridge University Press, 2016.
- Hayat M. U., Zaid A., Shahzad F. Strategic Uncertainty in India's Nuclear Doctrine: Collusive Threat, Implications for Pakistan // Global Political Review. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 57—68. [https://doi.org/10.31703/gpr.2020\(V-II\).06](https://doi.org/10.31703/gpr.2020(V-II).06)
- Hussain M. Impact of India — United States Civil Nuclear Deal on China — Pakistan Strategic Partnership // Journal of South Asian Studies. 2017. Vol. 5, no. 1. P. 13—25.
- Joshi S. How Terrorist Actors in Pakistan Use Nuclear Weapons for Political Influence // Asian Security. 2020. Vol. 16, no. 2. P. 221—242. <https://doi.org/10.1080/14799855.2019.1582522>
- Khan H. U., Khalid I. Indian Cold Start Doctrine and Pakistan's Policy Response // Journal of the Research Society of Pakistan. 2018. Vol. 55, no. 1. P. 325—341.
- Khan Z. South Asian Security Structure: New Technologies and Nuclear Deterrence // Strategic Studies. 2013. Vol. 33, no. 3/4. P. 85—108.
- Khattak M. U. R. The Indian Army's Land Warfare Doctrine 2018: A Critical Analysis // IPRI Journal. 2020. Vol. 20, no. 1. P. 105—134. <https://doi.org/10.31945/iprij.200105>
- Ladwig III W. C. A Cold Start for Hot Wars? The Indian Army's New Limited War Doctrine // International Security. 2008. Vol. 32, no. 3. P. 158—190. <https://doi.org/10.1162/isec.2008.32.3.158>
- Madan T. Fateful Triangle: How China Shaped U.S. — India Relations during the Cold War. Washington, D.C. : Brookings Institution Press, 2020.
- Mahrukh K. Growing India — US Strategic Cooperation: An Analysis // Journal of Strategic Studies. 2017. Vol. 37, no. 4. P. 97—117.
- Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics. New York : W.W. Norton, 2001.
- Narang V. India's Nuclear Strategy Twenty Years Later: From Reluctance to Maturation // India Review. 2018. Vol. 17, no. 1. P. 159—179. <https://doi.org/10.1080/14736489.2018.1415289>
- Ramaswamy M., Shivaswamy A. India's Logistics Exchange Memorandum of Agreement (LEMOA): A Dysphoria in Disguise // International Area Studies Review. 2018. Vol. 21, no. 3. P. 271—286. <https://doi.org/10.1177/2233865918761922>
- Rosen M., Jackson D. The U.S. — India Defense Relationship: Putting the Foundational Agreements in Perspective // CNA. 2017. P. 1—50. URL: https://www.cna.org/archive/CNA_Files/pdf/drm-2016-u-013926-final2.pdf (accessed: 23.03.2022).
- Samuel C. Indo-US Defence Cooperation and the Emerging Strategic Relationship // Strategic Analysis. 2007. Vol. 31, no. 2. P. 209—236. <https://doi.org/10.1080/09700160701391159>
- Sharma G. D. Indo-U.S. Defense Cooperation. New Delhi : Vij Books India Pvt Ltd, 2012.
- Shaza A. India's Acquisition of the S-400 Air Defense System: Implications and Options for Pakistan // Journal of Indo-Pacific Affairs. 2021. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/JIPA/Display/Article/2743750/indias-acquisition-of-the-s-400-air-defense-system-implications-and-options-for/#:~:text=India's%20acquisition%20of%20the%20S-400%20air%20defense%20system%20will,from%20this%20air%20defense%20system> (accessed: 23.03.2022).
- Shida W. The Challenge of India — US Security Cooperation to India's Tradition of Strategic Independence // Contemporary International Relations. 2019. Vol. 29, no. 3. P. 46—67. URL: <http://www.cicir.ac.cn/UpFiles/file/20200228/6371847869381966374066448.pdf> (accessed: 23.03.2022).
- Singh B. Indo-US New Strategic Bonhomie in the 21st Century // The Journal of Political Science. 2019. Vol. 34, no. 1. P. 1—11. URL: <http://ps.gcu.edu.pk/wp-content/uploads/2020/04/1.-Indo-US-New-Strategic-Bonhomie-in-the-21st-Century-by-Balwinder-Singh.pdf> (accessed: 23.03.2022).
- Yusuf M. Brokering Peace in Nuclear Environments: U.S. Crisis Management in South Asia. Stanford : Stanford University Press, 2018.

Сведения об авторе: Рана Даниш Нусар — доктор наук (международные отношения), приглашенный преподаватель, кафедра политики и международных отношений, Университет Саргодха; ORCID: 0000-0002-1354-5144; e-mail: ranadanishnisar@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561

EDN: DGXYWG

Научная статья / Research article

Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции

Дж. Карами

Тегеранский университет, Тегеран, Иран

 jkarami@ut.ac.ir

Аннотация. Процесс интеграции в Евразийском регионе важен для всех государств, и после украинского кризиса 2014 г. в контексте евразийской политики России и расширения Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) условия для интеграции стали более подходящими, чем прежде. После полутора десятилетий членства в качестве наблюдателя Иран наконец стал официальным членом ШОС в 2022 г., и благодаря его большой территории, простирающейся от границ Турции до Афганистана, были созданы новые возможности для региональной интеграции. Цель исследования заключается в изучении роли и места Ирана в евразийской региональной интеграции после вступления в ШОС. Автор приходит к выводу, что на фоне расширения связей Евразийского региона с Южной Азией и Ближним Востоком членство Ирана в ШОС предоставляет значительные возможности для взаимодействия в противостоянии источникам региональной нестабильности, сотрудничества в области торговли и расширения региональных перевозок и коммуникаций, что, в свою очередь, может способствовать экономическому развитию, безопасности и более широкой региональной интеграции. Для подтверждения данного тезиса автор обращается к теории региональной интеграции и контент-анализу официальных документов, выступлений государственных лидеров, новостных лент, относящихся к евразийской интеграции. Результаты этого исследования показывают, что регион Большая Евразия нуждается в более глубокой интеграции в области экономики, торговли, связи и транспорта, и решение этих проблем становится возможным благодаря сотрудничеству всех влиятельных региональных игроков, в том числе Ирана, одного из ведущих региональных игроков, который был недостающим звеном в евразийской интеграции. Достижение всеобщей безопасности и углубление экономической интеграции в Евразии требуют активного участия Ирана в решении этих проблем, и его официальное вступление в ШОС создает новые возможности для этого.

Ключевые слова: Евразия, Россия, Китай, Иран, Шанхайская организация сотрудничества, ШОС, развитие, безопасность, интеграция, геополитика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Карами Дж. Стратегическая роль Ирана для ШОС: укрепление евразийской интеграции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 547—561. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561>

© Карами Дж., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Strategic Role of Iran for the SCO: Strengthening Eurasian Integration

Jahangir Karami

University of Tehran, Tehran, Iran

 jkarami@ut.ac.ir

Abstract. The process of integration in the Eurasian region is important for all states and after the 2014 Ukraine crisis, Russia's greater Eurasian policy and the expansion of the Shanghai Cooperation Organization (SCO), the conditions for integration have become more suitable than before. After a decade and a half of observer membership, Iran has finally become an official member of SCO in 2022, and it seems that due to the wide territorial contiguity from the borders of Türkiye to Afghanistan, new possibilities for regional integration have been created. This article is written with the aim of discussing Iran's role in Eurasian integration after the membership in the SCO. The main question in this article is that how Iran can contribute to Eurasian regional integration within the framework of this organization? The author's idea is that Iran's membership in the SCO, through the increasing expansion of the connections of the Eurasian region to South Asia and the Middle East, provides more opportunities for cooperation in confronting the sources of regional insecurity, cooperation in the field of trade and the expansion of regional transport and communications and this issue can contribute to economic development, security and broader regional integration in the region. The author has tried to use the theory of regional integration and the method of qualitative content analysis of documents, texts, reports and news related to the Eurasian integration to verify the hypothesis. The findings of this research show that the greater Eurasian region needs a wider integration in the fields of economy, trade, communication and transportation, and the solution to reduce its problems is possible through the cooperation of all effective regional actors, and Iran is also one of the effective countries that has been a missing linkage in Eurasian integration and any comprehensive security and economic integration in Eurasia requires its active participation, which an official member of the SCO has created this opportunity.

Key words: Eurasia, Russia, China, Iran, Shanghai Cooperation Organization, SCO, development, security, integration, geopolitics

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Karami, J. (2023). The strategic role of Iran for the SCO: Strengthening Eurasian integration. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 547—561. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-547-561>

Введение

В турбулентном мире третьего десятилетия нового тысячелетия основные очаги напряженности и конфликтов по-прежнему находятся в Евразии, и 2022 г. следует считать переломным в развитии не только этого региона, но и всего мира.

Политические и международные процессы в Центральной Евразии стали как никогда сложными, особенно после 2014 г. Формирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС), более активная политика Китая в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), восточная политика России после украинского кризиса и реализация проекта «Большая Евразия», расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) за счет Индии и Пакистана — важнейшие события, которые оказали серьезное влияние на ситуацию в регионе.

Одним из ключевых факторов стало изменение позиции и роли Ирана в Евразийском регионе. Активизация восточного направления во внешней политике Ирана, соглашение о преференциальной торговле между Ираном и Евразийским экономическим союзом и членство в ШОС с 16 сентября 2022 г. сделали Тегеран влиятельной региональной силой¹.

ШОС была создана для обеспечения безопасности Центральной Азии, но после начала реализации в 2016 г. российского проекта «Большая Евразия» организация расширилась и стала преследовать более широкие цели, постепенно приобретая значение за пределами Центральной Азии и, по сути,

¹ The Samarkand Declaration of the Heads of State Council of the SCO // Shanghai Cooperation Organization. September 16, 2022. URL: <http://eng.sectsc.org/load/914622/> (accessed: 14.10.2022).

во всей Евразии. Вопрос развития, безопасности и интеграции в этом регионе по-прежнему актуален для всех государств. Фактически важное геостратегическое расположение Ирана на стыке трех регионов — Ближнего Востока, Евразии и Восточной Азии — делает страну уникальным актором в XXI в. Находящаяся в процессе трансформации мировая система не может недооценивать значение этих регионов. Представляется, что роль Ирана в этом процессе очень важна, и благодаря своей географической близости к Евразии, Персидскому заливу и Индийскому океану страна имеет уникальную возможность играть более активную роль в формирующейся международной системе. Конечно, эта роль во многом зависит от стратегических, мудрых и реалистичных решений и, что более важно, от политической воли и умелого использования соответствующих инструментов в новых условиях.

Однако главный вопрос этой статьи заключается в том, какие последствия для Евразийского региона будет иметь членство Ирана в ШОС? Какой вклад Иран может внести в евразийскую региональную интеграцию?

Гипотеза автора заключается в том, что членство Ирана в ШОС создаст больше возможностей для взаимодействия в противодействии источникам региональной турбулентности, сотрудничества в сфере торговли и расширения региональных перевозок и коммуникаций за счет все большего расширения связей Евразийского региона с Южной Азией и Ближним Востоком. Это, в свою очередь, может способствовать экономическому развитию, безопасности и более широкой интеграции в регионе.

Автор применяет теорию региональной интеграции для понимания взаимосвязи между понятиями «институционализм», «интеграция» и «региональная безопасность». Основное положение этой теории заключается в том, что региональные институты создаются в интересах наиболее влиятельных государств для снижения операционных издержек, установления норм и правил в их пользу или удовлетворения их потребностей. Это часто происходит в критические моменты истории

международных отношений, когда неопределенность обстановки требует либо вмешательства великих держав, либо создания стабилизирующих институтов (Keohane, 2005). Однако созданные институты, если они будут успешными в сфере экономического сотрудничества, постепенно распространяются и на области политики и безопасности, что в конечном итоге приводит к безопасности регионального сообщества (Bellamy, 2004).

Для подтверждения данной гипотезы в статье используется метод контент-анализа официальных документов, статистических данных, политических отчетов, относящихся к исследуемому региону Евразии, а также Ирана и России. Естественно, в центре исследования находится изучение возможностей Ирана после вступления в ШОС для содействия интеграции Евразийского региона. В исследовании последовательно представлены основные этапы развития Евразии с 2014 г. и расширения ШОС, дана характеристика внешней политики Ирана и его возможностей и сделаны выводы относительно влияния новой иранской стратегии на развитие сотрудничества и интеграции в регионе в целом.

Расширение ШОС в Большой Евразии

За последнее десятилетие Евразия постепенно трансформировалась, превратившись в регион, за присутствие и влияние в котором борются сразу несколько акторов. После 2014 г. политические и международные характеристики региона усложнились, а после 2022 г. его будущее стало еще более туманным, и последствия этого кризиса до сих пор неясны. Самое главное, что политика России в данном регионе претерпела существенные изменения за последние три десятилетия, пройдя несколько этапов: первый (конец 1980-х гг.) — озаглавлен проектом создания Общего европейского дома, второй (1990-е гг.) — планами европейской интеграции, третий (2009—2014 гг.) — реализацией Комплексного плана европейской безопасности. Текущий этап, начавшийся после украинского кризиса 2014 г., стал вызовом для политики Москвы в регионе. Этот кризис подвел Россию к выводу, что страна никогда

не сможет занять достойное место в европейской конфигурации, и поэтому с 2014 г. она проводит новую евразийскую политику.

Большая евразийская стратегия России по поддержанию и укреплению связей на постсоветском пространстве осуществляется через региональный институционализм, воплощаемый в форме деятельности трех организаций: Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и ЕАЭС. Существуют разные трактовки понятий «Евразия» и «евразийство», и они по-разному понимаются в различных странах региона². Тем не менее, несмотря на эти различия, евразийство можно рассматривать как одну из стратегий создания многополярного миропорядка (Базавлук, Курылев, Савин, 2022, с. 30). Кризис на Украине в 2014 г. имел целый ряд негативных последствий, но без участия Украины в ЕАЭС этот институт будет недостаточно эффективен для России. В.В. Путин впервые публично упомянул «Большое евразийское партнерство» в своем ежегодном обращении к парламенту 3 декабря 2015 г. В основе его выступления лежали идеи, изложенные в докладе Валдайского клуба³ о сопряжении ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути в рамках более широкого Евразийского пространства (Sakwa, 2021, р. 13). Цель состояла в том, чтобы сохранить стабильность в Центральной Азии и избежать российско-китайского соперничества. 16 июня 2016 г. В.В. Путин анонсировал проект «Большая Евразия», целью которого является расширение сотрудничества между государствами региона, такими как Иран, Турция и Китай⁴.

Таким образом, когда диалог России с Западом был прерван и Евросоюз перестал

рассматривать Москву как стратегического партнера, российская политическая элита сделала упор на реализацию проекта «Большого евразийского партнерства». Основная идея проекта заключается в реализации Россией новой стратегии азиатской политики и формировании политического, экономического пространства и пространства безопасности на территории Евразии на базе цивилизационного сотрудничества. Согласно этому проекту, Россия видит себя большим и сильным евразийским государством и автономным полюсом силы в полицентричном мире с уникальной европейской и азиатской геополитической ориентацией.

На практике основной повесткой дня в этом проекте стало создание энергетических и транспортных коридоров, развитие торгово-экономического сотрудничества и решение приграничных проблем. Однако в более широком контексте проект затрагивает сферы стратегической безопасности, политическую идеологию, долгосрочные социально-экономические проблемы и культурные ценности. На Петербургском международном экономическом форуме в июне 2016 г. президент РФ В.В. Путин заявил, что Евразийский экономический союз может стать одним из центров более широкой интеграции с участием Китая, Индии, Пакистана, Ирана и других заинтересованных государств и институтов (Арсентьева, 2021).

Пристальное внимание к соседним странам Евразийского региона и запрос на более широкое сотрудничество с ними стали новым направлением российской евразийской стратегии, и это вызвало позитивную реакцию у потенциальных партнеров. Укрепление позиций стран Азии в мировой экономике будет ускорять процесс создания региональной системы экономических отношений, для чего постепенно будет формироваться необходимая институциональная база. Формы и механизмы сотрудничества в рамках ШОС и ЕАЭС будут развиваться и совершенствоваться и в конечном итоге поспособствуют дальнейшему углублению взаимодействия между странами Юго-Восточной Азии (Алимов, 2018, с. 29).

² См. подробнее: (Эршен, 2022).

³ Toward the Great Ocean—3: Creating Central Eurasia // Valdai Discussion Club. June 4, 2015. URL: https://valdaiclub.com/a/reports/toward_the_great_ocean_3_creating_central_eurasia/ (accessed: 18.05.2023).

⁴ Караганов С. Россия в Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 29.07.2019. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-v-bolshoj-evrazii/> (дата обращения: 04.12.2022).

Особое место в углублении взаимосвязей внутри Евразии принадлежит ЕАЭС. Целью этой организации является взаимодействие между европейскими и азиатскими странами и реализация основных принципов евразийской интеграции (Курылев и др., 2021). В основе проекта «Большой Евразии» лежит концепция создания сети морских торговых путей, которые в долгосрочной перспективе, несомненно, будут наиболее выгодными для перевозки товаров, произведенных в Азии, за счет сокращения времени в пути. «Большая Евразия» должна завершиться развитием двух международных транспортно-логистических коридоров: «Восток — Запад — Транссибирская магистраль (Россия)» и «Север — Юг»⁵, и главными инициаторами этого проекта являются Индия и Иран. Очевидно, что сформировались благоприятные условия для углубления евразийского сотрудничества в рамках нового плана. Дмитрий Тренин считает, что «для создания Большой Евразии стратегия России в краткосрочной перспективе должна быть реалистичной и сфокусированной на развитии отношений с Китаем, а также налаживании сотрудничества между Китаем, Индией и Россией. Цель этой стратегии — превратить ШОС в площадку для дипломатии и непрерывных переговоров на континентальном уровне, а также в структуру для достижения консенсуса в регионе»⁶.

Таким образом, представляется, что план Большой Евразии включает в себя комплекс взаимодействий с соседними державами с целью реализации возможностей более широкого развития и достижения безопасности для всех стран Евразийского региона. Важнейшим фактором развития в Евразии должно стать расширение ШОС.

ШОС была создана в 2001 г. по итогам саммита Шанхайской пятёрки. В новую организацию вошли Китай, Россия, Таджикистан,

⁵ Международный транспортный коридор «Север — Юг».

⁶ Trenin D. *Russia's Evolving Grand Eurasia Strategy: Will It Work?* // Carnegie Endowment for International Peace. July 20, 2017. URL: <https://carnegiemoscow.org/2017/07/20/russia-s-evolving-grand-eurasia-strategy-will-it-work-pub-71588/> (accessed: 18.11.2021).

Казахстан, Киргизия и Узбекистан. В 2017 г. полноправными членами ШОС стали Индия и Пакистан, а 16 сентября 2022 г. — Иран⁷. Сотрудничество в рамках организации, выйдя за рамки урегулирования пограничных вопросов, распространилось на проблемы противодействия терроризму. Постепенно включив в свою повестку взаимодействие в политической, экономической, культурной и образовательной сферах, ШОС смогла стать новой моделью многостороннего сотрудничества (Хуе & Makengo, 2021). Основное внимание в деятельности ШОС направлено на Центральную Азию, а именно — содействие миру, безопасности и расширение экономического сотрудничества в регионе. Хотя ШОС пока не смогла стать важным и эффективным институтом региональной интеграции, участие России, Китая, Индии и Ирана в этом объединении свидетельствует о формировании авторитетной межгосударственной коалиции, нацеленной на борьбу с терроризмом, экстремизмом и сепаратизмом. ШОС может сыграть более серьезную роль в противодействии терроризму в ближайшем будущем, что особенно актуально в свете установления власти талибов⁸ в Афганистане в 2021 г.

Исследователи по-разному оценивают природу этой организации. Одни называют ее «бумажным тигром», другие — противовесом НАТО. Некоторые считают ее средством обеспечения стабильности, мира, безопасности и процветания в Евразийском регионе. Однако направления деятельности ШОС демонстрируют, что эта структура выходит за рамки таких исследовательских оценок, поскольку она стремится дать ответ на вызовы меняющегося мира как на глобальном уровне, так и в Евразийском регионе (Хуе & Makengo, 2021). Здесь очень важен сам факт того, что создание ШОС в 2001 г. бросило вызов глобальному мультилатерализму, который на протяжении 1990-х гг. доминировал в

⁷ The Samarkand Declaration of the Heads of State Council of the SCO // Shanghai Cooperation Organization. September 16, 2022. URL: <http://eng.sectsc.org/load/914622/> (accessed: 14.10.2022).

⁸ Здесь и далее упоминается организация, включенная в РФ в список террористических.

мире в интересах западных держав (Fabbrini & Marchetti, 2017, p. 24). Поэтому организацию следует рассматривать как институт, находящийся в постоянном развитии и продвигающий собственную точку зрения на международную повестку, тем самым символизируя плюрализм в международной системе.

В действительности образ Большой Евразии без учета деятельности ШОС выглядит неполноценным, поскольку именно эта организация является одним из ключевых механизмов поддержания стабильности и безопасности в Евразии. За годы существования ШОС приобрела значительный вес и политический авторитет на мировой арене. Хотя некоторые считают ее аналогом НАТО на Востоке (Ozer, 2018), в Уставе Шанхайской организации сотрудничества подчеркивается, что она не направлена против какого-либо другого государства или союза⁹. Вместе с тем благодаря обширным договоренностям между Россией и Китаем, достигнутым за последнее время, военный вес ШОС постепенно увеличивается, а сама организация принимает антизападную направленность. По мнению Е.Г. Гарбузаровой, «бегство США из Афганистана в 2021 г. показало крайне пессимистичные сценарии развития событий, и существует вероятность активизации региональных вызовов и угроз, а ШОС как важный элемент в архитектуре безопасности Евразии имеет хорошие возможности для борьбы с этими угрозами» (Гарбузарова, 2021).

Помимо вопросов региональной безопасности в Центральной Азии и таких проблем, как ситуация в Афганистане и возможность распространения терроризма на соседние страны, ШОС активно вовлечена в глобальные и региональные процессы, становясь одним из важнейших акторов на евразийском геополитическом пространстве (Курылев и др., 2021). Однако следует принять во внимание, что со временем ШОС станет жизненно важным региональным институтом для обеспечения растущих интересов Китая

в Евразии и примером нового регионализма в форме открытого функционального сотрудничества соседних государств, основанного на взаимных интересах (Kawalski, 2010, p. 107). Пекин все чаще стремится влиять на эту организацию, делая ее частью своей стратегии институционального баланса в регионе, которая включает в себя энергетическую безопасность, усиление экономической интеграции и сокращение влияния США (Yuan, 2023). Поэтому представляется, что «институционализация ШОС в сфере безопасности, экономики и политики, наряду с другими региональными институтами, такими как ОДКБ и ЕАЭС, позволяет Китаю и России формулировать и реализовывать эксклюзивные институциональные стратегии по устранению присутствия США и минимизации их влияния» в Евразии (Yuan, 2023).

Конечно, способность Китая использовать ШОС как эксклюзивную институциональную тактику балансирования и инклюзивную стратегию зависит от поддержки России. Москва и Пекин имеют общие интересы в противодействии американскому влиянию в Евразийском регионе (Yuan, 2023). Однако создается впечатление, что Китай придает этой структуре большее значение, чем другие государства, хотя Россия также отводит ШОС особое место, особенно после оглашения проекта «Большая Евразия» в 2016 г. На наш взгляд, усилия по расширению ШОС, реализация проекта «Большая Евразия» и возрастающая роль региональных держав отражают процесс постепенного сокращения влияния Запада и особенно США в Евразийском регионе.

Таким образом, совокупность событий, имевших место в 2014—2022 гг., свидетельствует о кардинальных изменениях в евразийской региональной подсистеме и формировании новых реалий, неотъемлемой частью которых выступают стремление государств региона к более широкому сотрудничеству в рамках ЕАЭС, ОПОП и реализация проекта «Большая Евразия». Расширение ШОС стало одним из ключевых событий, которое привело к объединению трех регионов — Евразии, Южной Азии и Ближнего

⁹ Article 2 of the Charter of the Shanghai Cooperation Organization approved in 2002. For more information, see: Shanghai Cooperation Organization. URL: <http://eng.sectsco.org/documents> (accessed: 10.01.2023).

Востока. В этом плане деятельность ШОС как межрегионального института может иметь серьезные глобальные последствия. Естественно, участие серьезно изменившегося во внешнеполитическом плане Ирана в деятельности ШОС может сыграть очень важную роль как в этой организации, так и в трансформации Евразийского региона в целом.

Восточная политика Ирана и членство в ШОС

С момента обретения независимости соседними странами Иран установил с ними всесторонние отношения и представил несколько инициатив в области безопасности и развития Евразийского региона. В этой связи следует упомянуть деятельность по расширению Организации экономического сотрудничества (ОЭС) в 1992 г., предложение о демилитаризации Каспийского моря и создании Организации прикаспийских стран в 1995 г.¹⁰, а также растущий интерес Тегерана к сотрудничеству с государствами Центральной Азии и Южного Кавказа. Расположенный между Турцией и Афганистаном Иран, граница которого со странами региона составляет 3000 км, и выход Ирана к Каспийскому морю делают Исламскую Республику одним из ключевых акторов в Евразии.

Вместе с тем вакуум влияния на Южном Кавказе и в Центральной Азии обусловил острую конкуренцию за лидерство в этих регионах, и Иран как участник этой борьбы уделяет этим регионам приоритетное внимание в своей внешней политике. Иран обладает обширными возможностями в развитии более тесного сотрудничества со странами региона в силу многовековой общей истории, схожей культуры, религии и языка¹¹. Кроме того, особую важность приобретают географические, экономические, инфраструктурные и транспортные возможности Ирана для

транспортировки энергоресурсов, развития торговли и предоставления доступа к морскому побережью.

Вследствие ряда проблем внутреннего и внешнего характера, а главное — в результате давления США на страны региона и проведения политики «всё без Ирана»¹², возможности Тегерана для реализации своих проектов сокращались. Это вызвало необходимость обращения к «восточному вектору»¹³ внешней политики Ирана для снижения давления США на Исламскую Республику. Таким образом, восточная политика стала результатом напряженности между Тегераном и Вашингтоном, длящейся последние четыре десятилетия. В 2018 г., после выхода США из ядерного соглашения в период президентства Д. Трампа, иранские реформаторы потеряли свое влияние в формировании внешнеполитического курса страны, а восточный вектор стал для Ирана необходимостью и неизбежной реальностью. Этим вопросом занимались высшие власти Ирана, и аятолла Хаменеи так высказался об этом подходе: «Во внешней политике предпочтение Востока Западу, предпочтение соседа расстоянию, предпочтение народов и стран, имеющих с нами общие черты, перед другими является одним из наших приоритетов сегодня. В целом наш взгляд должен быть обращен на Восток. Взгляд на Запад не имеет для нас никакого эффекта, кроме неприятностей. Мы должны смотреть на Восток, именно там находятся страны, которые могут нам помочь, мы можем разговаривать с ними на равных, мы помогаем им, они помогают нам, мы можем наладить с ними научный обмен»¹⁴.

На самом деле восточная политика Ирана формировалась постепенно. С 2005 г. она становится важной темой выступлений лидера Исламской Республики Иран, а после выхода Д. Трампа из Всеобъемлющего плана

¹⁰ В 1992 г. тогдашний президент Ирана Али Акбар Хашеми-Рафсанджани предложил демилитаризировать Каспийское море и создать Организацию прикаспийских стран на встрече лидеров прикаспийских стран. См. подробнее: (Karami, 2009).

¹¹ См. подробнее: (Safavi & Hosseini, 2012).

¹² См. подробнее: (Mesbahi, 2004).

¹³ См. подробнее: (Sanaci & Karami, 2021).

¹⁴ Baianat dar didare Mardome Azarbaijane Sharghi [Заявления на собрании народа Восточного Азербайджана] // Information base of the Office of the Supreme Leader. February 18, 2018. (На персидском языке). URL: <https://www.leader.ir/fa/speech/20596/> (accessed: 10.11.2022).

действий по иранской ядерной программе, а затем после президентских выборов весной 2021 г. внешнеполитическим приоритетом Ирана при новом президенте стали «восточная политика и политика соседства» (Soleimani, 2022, p. 10).

Следует отметить, что взаимодействие стран Ближнего Востока с Евразией и Восточной Азией беспрецедентно расширилось в свете экономических связей, строительства транспортных коридоров и вопросов безопасности. В подобной ситуации роль Китая и России как стратегических соседей Ирана становится как никогда важной. Близость Ирана к государствам Южной Азии, Индийского субконтинента, Центральной Азии, Южного Кавказа и России, а также к Оманскому заливу, Индийскому океану и Каспийскому морю сделало восточную политику важным аспектом международных отношений Ирана. Сухопутная и морская граница Ирана к востоку от границы с Арменией до Оманского залива составляет около 5000 км¹⁵. Иран занимает важное положение между Афганистаном, государствами Центральной Азии и Южного Кавказа и обеспечивает этим замкнутым сухопутным территориям доступ к водам Персидского и Оманского заливов и Индийского океана. Именно поэтому сотрудничество с восточными странами является географической, экономической, социальной и культурной необходимостью для Ирана¹⁶.

За последние годы положение и роль Ирана как крупной региональной державы сильно изменились, и в ответ на санкции США Иран пытается диверсифицировать внешнюю торговлю и сделать страны Евразии и особенно Китай своими основными экономическими партнерами. Временное соглашение о свободной торговле между Ираном и ЕАЭС от 2018 г. (вступило в силу

¹⁵ Подробнее об иранских границах см.: (Gharehbeygi & Otikand, 2018).

¹⁶ Shesh dalile tarjibe Shargh bar Gharb [Шесть причин предпочесть Восток Западу] // The Leader of the Islamic Republic of Iran. January 31, 2018. (На персидском языке). URL: <https://farsi.khamenei.ir/others-note?id=38981> (accessed: 05.10.2022).

в 2019 г.) было продлено до 27 октября 2025 г. или до тех пор, пока окончательное соглашение не будет достигнуто и не вступит в силу¹⁷. 20 января 2023 г. Иран и ЕАЭС также подписали соглашение о создании зоны свободной торговли¹⁸. В свою очередь, украинский кризис и усилия Москвы по противодействию западным санкциям привели к повышению значимости отношений с Ираном для России. В условиях, когда Соединенные Штаты и Европейский союз пытаются найти эффективные варианты давления на Россию, украинский кризис может сыграть на руку Тегерану в корректировке его стратегии на обширной и богатой ресурсами территории Евразийского региона¹⁹.

Вместе с тем слабая экономика, безработица среди молодежи и негативное влияние американских санкций на экономику Ирана породили целый ряд экономических проблем. Это обусловило необходимость поиска новых союзников и возможностей для Исламской Республики на Востоке. ШОС, в состав которой наряду с другими странами-членами входят восходящие региональные державы, такие как Китай и Россия, возможно, является наилучшей платформой для восстановления Ирана после серьезного ущерба, нанесенного санкциями. Именно на основании перечисленных фактов вступление Ирана в ШОС оказалось принципиальным вопросом, и решение о принятии Ирана в качестве полноправного члена в организацию стало важным событием для обеих сторон (Iqbal & Bukhari, 2022).

Также следует обратить внимание на мнение иранской общественности. Революционная внешняя политика Ирана была

¹⁷ Iran: EAEU Interim Free Trade Agreement Extended Until 2025 // Special Eurasia. January 3, 2022. URL: <https://research.hktdc.com/en/article/OTQ4OTMyMTAx/> (accessed: 25.07.2022).

¹⁸ Iran and the Eurasian Economic Union Signed an Agreement on a Free Trade Zone // Special Eurasia. January 20, 2023. URL: <https://www.specialeurasia.com/2023/01/20/iran-eaeu-free-trade-zone/> (accessed: 15.02.2023).

¹⁹ Hussain A. How the Ukraine Crisis Benefits Iran's Eurasia Strategy // Carnegie Endowment for International Peace. July 7, 2022. URL: <https://carnegieendowment.org/sada/87457> (accessed: 13.01.2023).

ориентирована на принцип «Ни Восток, ни Запад». Некоторые специалисты в Иране считают, что взгляд на Восток и широкое сотрудничество с восточными государствами противоречат этому принципу. Под влиянием виртуального пространства и западных СМИ часть интеллектуального сообщества Ирана настроена пессимистично в отношении сотрудничества с восточными странами и игнорирования западных государств. Это приводит к тому, что социальная база для расширения отношений с восточными странами оказывается ограниченной. В то же время из-за внутренних экономических проблем большинство людей больше внимания уделяют результатам и последствиям отношений с восточными странами для внутриэкономической ситуации, и, пока эта политика приводит к положительным результатам, они не противостоят ей.

Важнейшей целью членства Ирана в ШОС следует считать сотрудничество в интересах региональной безопасности. С 1991 г. Иран постоянно стремился содействовать укреплению безопасности в Центральной Азии и на Южном Кавказе. В этой связи мы можем сослаться на посреднические усилия в урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта в 1991—1993 гг., содействии миру в Таджикистане в 1992—1996 гг., а также в сотрудничестве с Россией для поддержки «Коалиции Северного Афганистана» против талибов в 1996—2001 гг. Следует также отметить укрепление региональных связей с другими странами Центральной Азии.

Фактически Иран преодолел региональную институциональную изоляцию, и, учитывая общие цели с Россией и Китаем на фоне односторонних действий США, членство в ШОС может в определенной степени ограничить негативное внешнее давление на Иран. Исламская Республика стала наблюдателем в этой организации в 2005 г. и подала заявку на официальное членство в 2007 г., но резолюции Совета Безопасности ООН создали препятствия для достижения этой цели²⁰.

²⁰ Cheshmandaze ozvyate Iran dar Sazmane Hamkarie Shanghai [Перспектива членства Ирана в ШОС] //

После того как в 2015 г. эти резолюции были сняты в связи с выполнением Ираном своих обязательств в ядерной области в соответствии с Совместным всеобъемлющим планом действий (СВПД)²¹, а также учитывая стремление ШОС к расширению, были созданы все необходимые условия для вступления Ирана в организацию. Самаркандская встреча 16 сентября 2022 г.²² и принятие Ирана в ШОС будут способствовать углублению сотрудничества и расширению взаимодействия между Ираном и странами Востока.

Вступление Ирана в ШОС послужило символом закрепления ориентации внешней политики Тегерана на Восток²³. Для Исламской Республики членство в этой организации представляет собой первый опыт участия в многосторонней и транснациональной организации, которая занимается вопросами коллективной безопасности. Мало кто из иранских внешнеполитических деятелей сомневается в важности России для Ирана, учитывая приверженность обоих государств многополярному миропорядку и поддержку Москвой членства Ирана в многосторонних евразийских институтах, таких как ЕАЭС и ШОС. Однако желание Ирана участвовать в деятельности ШОС, помимо повышения экономической независимости страны, также может увеличить асимметрию в двусторонних отношениях Тегерана с Москвой и Пекином (Therme, 2022, p. 26). Похоже, что возможный возврат США к ядерному соглашению не изменит эту тенденцию. Вступление Ирана в ШОС происходит в ситуации, когда растет потребность в создании новых механизмов сотрудничества между членами объединения,

Tasnim News. August 1, 2021. (На персидском языке). URL: <https://www.tasnimnews.com/fa/news/1400/05/10/2547137/> (accessed: 20.03.2022).

²¹ Joint Comprehensive Plan of Action (JCPOA) // European Parliament. July 14, 2015. URL: <https://www.europarl.europa.eu/cmsdata/122460/full-text-of-the-iran-nuclear-deal.pdf> (accessed: 23.02.2023).

²² The Samarkand Declaration of the Heads of State Council of the Shanghai Cooperation Organization // The Shanghai Cooperation Organization. September 16, 2022. URL: <http://eng.sectsc.org/documents/> (accessed: 12.02.2023).

²³ См. подробнее: (Ansarinasab & Bidmal, 2023).

и если раньше организация казалась просто одной из возможных альтернатив западному порядку, то сегодня в некоторых случаях она становится насущной необходимостью²⁴.

В Евразийском регионе Иран также принципиально выступал против трех основных угроз, перечисленных в Хартии ШОС, то есть радикализма, терроризма и сепаратизма, и всегда был очень заинтересован в экономическом сотрудничестве в Центральной Азии. В рамках восточной политики президент Ирана Эбрахим Раиси придает большое значение сотрудничеству с соседями Ирана и пятью евразийскими странами, имеющими сухопутные и морские границы с Исламской Республикой, и поэтому членство в ШОС открывает большие возможности для евразийской политики Ирана.

Конструктивная роль Ирана в евразийской интеграции

Как уже отмечалось, приоритетность евразийской политики для Ирана возросла, и присоединение к ШОС будет иметь важные последствия для всего региона с точки зрения безопасности, коммуникаций и экономики. В плане безопасности можно говорить о более активном участии Тегерана в формировании региональных режимов безопасности, что может сыграть важную роль в развитии и эволюции организации, поскольку Иран заинтересован в решении региональных проблем с целью не допустить превращения региона в очаг терроризма и экстремизма.

В частности, Иран может стать одним из ключевых акторов в налаживании отношений с новым правительством Афганистана. ШОС обладает значительным интеграционным потенциалом в сфере безопасности и должна сыграть положительную роль в урегулировании афганского кризиса. Этот вопрос становится все более важным, особенно после вывода американского контингента из Афганистана.

²⁴ Смагин Н. Иран в ШОС: вынужденный поворот на Восток и альтернативный миропорядок // Российский совет по международным делам. 06.10.2021. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/iran-v-shos-vynuzhdenny-povorot-na-vostok-i-alternativnyu-miroporyadok/> (дата обращения: 09.12.2022).

Как пишет Е.Г. Гарбузарова, «Иран всегда внимательно следил за событиями в Афганистане и старался активно участвовать в пресечении вызовов и угроз, исходящих от Афганистана. Особую озабоченность иранских властей вызывают такие проблемы, как международный терроризм и незаконный оборот наркотиков, которые непосредственно затрагивают национальную безопасность Ирана» (Гарбузарова, 2021, с. 431—432).

Роль Ирана в обеспечении безопасности Афганистана, Центральной Азии, бассейна Каспийского моря и Южного Кавказа приобретает все большее значение для укрепления стабильности и безопасности всего Евразийского региона. В дополнение к опыту последних трех десятилетий следует отметить серьезное стремление действующего президента Исламской Республики противостоять деструктивному влиянию западных держав и развивать сотрудничество с Россией, Китаем и другими странами региона, что естественным образом институционализируется в рамках ШОС и будет содействовать процессу устойчивого сотрудничества в области безопасности. Президент Ирана Э. Раиси на самаркандской встрече 16 сентября 2022 г. заявил, что «максимальное взаимодействие и сотрудничество с членами ШОС и эффективное присутствие в региональных договоренностях находятся в центре внешней политики Ирана, и Иран играет важную роль в обеспечении стабильности и безопасности в регионе, особенно в борьбе против терроризма и экстремизма, пресечении наркотрафика и других форм международной организованной преступности»²⁵.

Военное и экономическое сотрудничество Ирана с Россией и Китаем повысит значение проекта Большой Евразии. Иран представляет собой мост, соединяющий Север, Юг, Восток и Запад с портами, доступными для стран Евразии, поскольку обладает развитой

²⁵ Hozoure faal va moaser dar Sazmane Namkarye Shanghai [Активное и эффективное участие в деятельности Шанхайской организации сотрудничества] // Foreign Ministry of IRI. September 25, 2022. (На персидском языке). URL: <https://mfa.gov.ir/portal/newsview/693493/> (accessed: 24.10.2022).

транспортной системой, соединяющей важные населенные пункты Евразии с Ближним Востоком и Африкой. Иран может замкнуть евразийское кольцо и сделать его непроницаемым, в противном случае союз Ирана с морскими державами может вызвать проблемы у других евразийских государств²⁶.

Однако роль Ирана выходит далеко за рамки вопросов безопасности, и новая иранская стратегия, которая в значительной степени основана на приоритете широкого сотрудничества со странами Востока и особенно Азии, в частности Россией и Китаем, может сыграть ключевую роль в повестке дня Евразийского региона, учитывая национальные и региональные возможности и геополитическое положение Исламской Республики. Фактически Иран оказывается недостающим звеном любой евразийской региональной инициативы, порядка, сотрудничества и интеграции, поскольку он объединяет культурные, интеллектуальные, силовые и институциональные тенденции в трех стратегических регионах — на Ближнем Востоке, в Евразии и Азии.

Эти важные коммуникационные возможности, наряду с экономическими, энергетическими аспектами и вопросами безопасности, могут обеспечить важную позицию для Ирана как ответственного и прагматичного актора в формировании будущей региональной и международной системы. С членством Ирана в ШОС географический охват этой организации расширился до Большого Ближнего Востока. Иран укрепил ШОС (Yuan, 2023), поскольку обширная и хорошо развитая транспортная инфраструктура этой страны открывает другим членам организации доступ к открытым морям и позволяет со значительной долей экономии транспортировать энергоресурсы.

Как известно, одной из важных проблем стран Евразии является именно доступ к мировым рынкам, а создание инфраструк-

турных коридоров, которые содействовали бы эффективному развитию экономики этих стран, несмотря на многочисленные усилия, до сих пор не получило достойного решения. Основная причина связана с ограниченным взглядом на поиски таких коридоров: из-за враждебной политики Запада и его давления на государства региона кратчайший маршрут по коридору Север — Юг, проходящему по территории Ирана, игнорировался.

Однако, как отмечалось выше, значительные возможности Ирана в плане инфраструктуры и экономического потенциала серьезно возрастают на фоне сложившихся международных и региональных условий, обусловленных украинским кризисом, новой восточной стратегией России, ростом напряженности в отношениях США с Россией и Китаем. В такой ситуации членство Ирана в ШОС и ориентация Ирана на развитие восточного вектора своей внешней политики создают важные предпосылки для формирования совершенно новой ситуации, подходящей для практической реализации этих возможностей. Указывая на важность иранских коммуникаций для организации, Р. Каплан отмечает, что «для ШОС территория Ирана будет служить стратегическим транзитным поясом между Евразией и Западной Азией. Иран расположен на юге центральной, жизненно важной области, обозначенной Маккиндером как “Хартленд”, а также занимает территорию периферийного региона, обозначенного Спайкменом, и это позиционное, географическое преимущество Ирана следует учитывать. Веление географии таково, что Иран будет ключевой страной в процессе развития Центральной Евразии» (Kaplan, 2012).

В рамках своей восточной политики Иран подписал с Китаем соглашение о стратегическом сотрудничестве сроком на 25 лет. Согласно этому соглашению, Китай будет вкладывать значительные средства в развитие коммуникационной и портовой инфраструктуры Ирана, соединяющей Евразию с Персидским заливом (Khanmohammadi & Sun, 2022). Также, по сообщению МИД Ирана, в ближайшее время будет подписано стратегическое соглашение с Россией,

²⁶ Asisian N. Iran, China, and the Future World Order: Unipolarity or Multipolarity? // Kenney Papers. March 15, 2022. URL: https://www.airuniversity.af.edu/Portals/10/AUPress/Papers/KP_01_Asisian_Iran_China_and_the_Future_World_Order_Unipolarity_or_Multipolarity.pdf (accessed: 19.08.2022).

рассчитанное на 20 лет²⁷. Эти два соглашения, наряду с многочисленными договорами, заключенными между Ираном и странами Центральной Азии и Южного Кавказа, а также активизация коридора Север — Юг, который начал действовать в 2022 г., могут создать экономическую взаимозависимость между Ираном и регионом для формирования единой Евразии.

Сеть автомагистралей, морских и железных дорог протяженностью 7200 км делает коридор Север — Юг кратчайшим маршрутом для сообщения (около 35—37 дней) между Россией и Индией. По мнению экспертов, это также снизит стоимость перевозок между двумя странами примерно на 30 %²⁸. 21 февраля 2023 г. В.В. Путин выступил с посланием Федеральному Собранию, отметив: «Мы будем уделять особое внимание международному коридору Север — Юг, это знают те, кто занимается данным вопросом каждый день. В этом году по Волго-Каспийскому морскому каналу смогут проходить суда с осадкой до 4,5 метров. Это откроет новые пути для делового сотрудничества с Индией, Ираном, Пакистаном, странами Ближнего Востока. Мы продолжим развивать этот коридор»²⁹.

В Концепции внешней политики Российской Федерации, опубликованной 31 марта 2023 г., коридору Север — Юг уделено особое внимание. В п. 54 подчеркивается, что экономическая и транспортная взаимосвязанность в Евразии будет укрепляться, в том числе за счет ускоренного запуска Международного транспортного коридора Север — Юг³⁰.

²⁷ 20-year Cooperation Agreement with Russia at Final Stage, Iran says // Tehran Times. December 12, 2021. URL: <https://www.tehrantimes.com/news/467983/20-year-cooperation-agreement-with-Russia-at-final-stage-Iran/> (accessed: 19.12.2022).

²⁸ Koridore Shomal — Janub Ruye Reile Amalyati Shodan Dar Doulate Sizdaho [Коридор Север — Юг готовится к вводу в эксплуатацию при 13-м правительстве] // IRNA. September 15, 2022. (На персидском языке). URL: <https://www.irna.ir/news/84882554/> (accessed: 06.09.2022).

²⁹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 21.02.2023. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/70565> (дата обращения: 29.02.2023).

³⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство

Основными препятствиями, с которыми все эти годы сталкивался Иран, когда стремился содействовать сближению региональных коммуникационных коридоров с глобальными морскими путями, были экономические санкции и давление со стороны США на страны региона с целью ограничения их сотрудничества с Ираном. Вступление Ирана в ШОС и расширение сотрудничества в рамках восточной политики позволяют практически полностью устранить эти препятствия. В результате взаимодействие Ирана в области инфраструктуры, передачи энергии и более широких экономических отношений со странами региона поможет естественному потоку транспорта и росту объемов торговли. Это, в свою очередь, повысит эффективность развития государств и может не только способствовать росту экономического сотрудничества и интеграции в регионе, но и создаст возможности для более активного участия Ирана в вопросах обеспечения безопасности.

Кроме того, в рамках восточной политики Ирана предполагается более тесное сопряжение с российским планом Большой Евразии и китайским ОПОП, что будет иметь большое значение для экономического развития всех стран Центральной Азии. Таким образом, продолжение делового сотрудничества между Ираном и государствами Евразии приведет к положительным результатам.

По мнению С. Пейруза, Иран до сих пор был «недостающим звеном» в региональной интеграции, а санкции международного сообщества в отношении него во многом препятствовали развитию политических и экономических отношений с соседями³¹. Таким образом, с вхождением Ирана в состав ШОС эта структура стала подлинно региональной организацией, решающей не только проблемы безопасности, и одновременно реальным

иностранных дел Российской Федерации. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 14.04.2023).

³¹ Peyrouse S. Iran's Growing Role in Central Asia? Geopolitical, Economic and Political Profit and Loss Account // Aljazeera Centre for Studies. April 1, 2014. URL: <https://studies.aljazeera.net/en/dossiers/2014/04/2014416940377354.html> (accessed: 01.12.2021).

проектом регионализма с долгосрочной экономической отдачей для всех стран-членов. Можно утверждать, что членство в ШОС стало политическим и дипломатическим достижением Тегерана, позволяющим избежать зависимости и региональной изоляции и способствующим экономической интеграции (Nabirou, 2021, p. 24).

С точки зрения теории региональной интеграции региональная безопасность в целом обеспечивается за счет расширения экономического сотрудничества и формирования механизмов экономической интеграции на региональном уровне. Таким образом, создается впечатление, что некоторые причины нестабильности и протестов в некоторых странах региона связаны с неэффективностью государств в деле обеспечения средств к существованию и экономических возможностей для населения. В случае с Евразией этот вопрос во многом связан с отсутствием выхода к морю у этих стран и трудностью доступа к мировым рынкам, что сильно ограничивало их перевозки и внешнюю торговлю. Здесь Иран может сыграть важную роль. В частности, через территорию Ирана страны Центральной Азии и Южного Кавказа получают выход к Персидскому, Оманскому заливам и Индийскому океану в рамках коридора Север — Юг. Иран обладает обширной транспортной и коммуникационной инфраструктурой, а железнодорожные и автомобильные маршруты Ирана простираются от границ Афганистана, Туркменистана, Азербайджана, Армении и портов Каспийского моря до портов Персидского и Оманского заливов. Таким образом, если страны региона будут иметь доступ к свободным портам, то экономическое развитие региона может получить серьезный импульс, и Иран может рассматриваться как недостающее звено евразийской региональной конвергенции.

Заключение

Опираясь на основные положения теории региональной интеграции, автор выявил взаимосвязь переменных институционализма, интеграции и региональной безопасности с

процессом расширения ШОС. Членство Ирана в ШОС в новых условиях создает эффективные возможности для расширения конструктивного взаимодействия в регионе. Конкретным примером такого сотрудничества следует считать транспортный коридор Север — Юг, который наглядно демонстрирует роль Ирана в коммуникации между Евразийским регионом, Ближним Востоком и Южной Азией.

Немаловажным является и то, что в третьем десятилетии нового века Евразийский регион стоит на пороге больших перемен. Россия, Китай, Иран и другие страны региона приступили к расширению сотрудничества в новых условиях. Представляется, что состояние международной среды неизбежно подталкивает именно эти три страны к дальнейшему сотрудничеству. Кризис на Украине, события на Тайване, проблемы в отношениях Ирана и США создают неопределенность в развитии ситуации на глобальном и региональном уровнях. Территория Евразии как центр региональной коммуникации находится под давлением западных стран, и Шанхайская организация сотрудничества после двух десятилетий существования в качестве института для обеспечения стабильности, безопасности, сотрудничества и интеграции, стремится реагировать на происходящие изменения.

Эти новые глобальные и региональные условия предоставили Ирану уникальную возможность укрепить свое положение. Восточная политика Ирана, ориентирующаяся на Евразийский регион, официальное вступление в ШОС, использование географического преимущества, такого как общая протяженная граница с рядом государств региона, исторические, культурные и социальные связи наглядно показывают, что Иран важен как для углубления сотрудничества в сфере безопасности в Евразийском регионе, так и для объединения этого региона, обеспечения для региональных держав выхода к Ближнему Востоку, Персидскому заливу и Индийскому океану. Как представляется, отстраненность Ирана от Евразийского региона в последние три десятилетия нанесла ущерб обеим сторонам, и сегодня Тегеран может исправить

ситуацию путем официального и институционального присутствия в регионе, а также динамичного взаимодействия в решении политических, экономических вопросов и проблем безопасности Евразии.

В современном мире безопасность и развитие взаимосвязаны, и возможности Ирана по обеспечению доступа стран к морским путям и транспортировке энергоресурсов из региона на глобальные рынки в значительной степени будут содействовать эффективности и экономическому развитию Евразийского региона, что укрепит и региональную безопасность. Россия позитивно относится к более активной деятельности Ирана, Китая, Турции, Индии и Пакистана в регионе в рамках инициативы Большой Евразии. Активно участвуя в евразийских проектах и институтах и играя роль регионального моста с Персидским заливом, Ближним Востоком и Индийским океаном, Иран имеет возможность преодолеть прежние ограничения

и внести свой вклад в стабильность, безопасность и развитие Евразии.

Однако не следует игнорировать такие факторы, как по-прежнему существующее давление американских санкций и слабость частного сектора Ирана, что во многом ограничивает эффективность региональной политики Ирана в экономической, торговой и коммуникационной областях. Способность Тегерана эффективно играть свою роль в экономической кооперации и интеграции региона в сфере безопасности зависит от умелого противостояния санкциям США, повышения эффективности государственных структур, укрепления частного сектора, а также ускорения экономического развития. Естественно, одной только евразийской политикой не решить всех проблем, но даже в таких условиях необходимо использовать все возможности, которые Ирану предоставляет евразийская интеграция.

Поступила в редакцию / Received: 30.01.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 31.05.2023

Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Алимов Р. К. Шанхайская организация сотрудничества и Большая Евразия // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13, № 3. С. 19—32. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2018-03-01>
- Арсентьева И. И. Большое евразийское партнерство после 2020 года: проблемы и перспективы развития проекта в посткарантинном мире // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество / отв. ред. В. Герасимов. Москва : ИНИОН РАН, 2021. С. 23—26.
- Базавлук С. В., Курьлев К. П., Савин Л. В. Евразийство, ЕАЭС и многополярность: оценки зарубежных экспертов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 30—42. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-30-42>
- Гарбузарова Е. Г. Роль ШОС в процессе нейтрализации региональных вызовов и угроз // Проблемы постсоветского пространства. 2021. Т. 8, № 4. С. 425—436. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2021-8-4-425-436>
- Курьлев К. П., Мальшев Д. В., Хотивришвили А. А., Шабловский В. С. ШОС и ЕАЭС в контексте Евразийской интеграции // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 2. С. 81—88. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-2-81-88>
- Эршен Э. Турция и евразийская интеграция: идеология или прагматизм? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 1. С. 111—125. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-1-111-125>
- Ansarinasab M., Bidmal N. Tahlile Chand Janebe Garaeie Tejarate Iran Baraye Estefadeye Behine az Mougheyaite Geopolitike Sazmane Hamkarye Shanghai [Анализ торговой многосторонности Ирана для оптимального использования геополитического положения Шанхайской организации сотрудничества] // Journal of Central Eurasian Studies. 2023. Vol. 15, no. 2. P. 103—127. (На персидском языке). URL: https://journals.ut.ac.ir/article_90360_d5e9cd4e5c3a17eef28aa7dec981c514.pdf (accessed: 10.02.2023).
- Bellamy A. J. Security Communities and Their Neighbours: Regional Fortresses or Global Integrators? London : Palgrave Macmillan, 2004. <https://doi.org/10.1057/9780230005600>
- Fabbrini S., Marchetti R. Still a Western World? Continuity and Change in Global Order. London : Routledge, 2017.

- Gharehbeysi M., Otikand P. S.* Analysis of Iran's International Borders from the Perspective of Stephen Jones // *Geopolitics Quarterly*. 2018. Vol. 13, iss. 4. P. 308—334. URL: https://journal.iag.ir/article_60070_b98bcc0802d7cb94ddffa8795edaf95a.pdf?lang=en (accessed: 10.02.2023).
- Iqbal R. P., Bukhari S. M.* Iran as a Permanent Member of SCO: Scope and Challenges // *Journal of Development and Social Sciences*. 2022. Vol. 3, iss. 2. P. 773—782. [http://dx.doi.org/10.47205/jdss.2022\(3-II\)70](http://dx.doi.org/10.47205/jdss.2022(3-II)70)
- Kaplan R.* *The Revenge of Geography: What the Map Tells Us About Coming Conflicts and the Battle Against Fate*. New York : Random House, 2012.
- Karami J.* Ravabete Iran — Russyeh [Iran — Russia Relations]. Tehran : IPIS Publication, 2009. (На персидском языке).
- Kawalski E.* *The New Central Asia: The Regional Impact of International Actors*. London : World Scientific, 2010. <https://doi.org/10.1142/7467>
- Keohane R.* *After Hegemony: Cooperation and Discord in the World Political Economy*. Princeton : Princeton University Press, 2005.
- Khanmohammadi S., Sun Degang.* China — Iran Strategic Cooperation Agreement in the Changing International System // *Asian Journal of Middle Eastern and Islamic Studies*. 2022. Vol. 16, no. 1. P. 27—45. <https://www.doi.org/10.1080/25765949.2022.2051316>
- Mesbahi M.* Iran and Central Asia: Paradigm and Policy // *Central Asian Survey*. 2004. Vol. 23, no. 2. P. 109—139. <http://www.doi.org/10.1080/02634930410001310508>
- Nabipour P.* Iran's Membership in the Shanghai Cooperation Organization: Economic, Trade and Political Affairs // *National Interests*. 2021. Vol. 2, no. 6. P. 12—27.
- Ozer A.* Shanghai Cooperation Organization: A NATO of the East // *E-Journal of Law*. 2018. Vol. 4, no. 2. P. 1—21.
- Safavi Y., Hosseini M.* Marz Haye Iran [Границы Ирана]. Tehran : Imam Hussein University Press, 2012. (На персидском языке).
- Sakwa R.* Sad Delusions: The Decline and Rise of Greater Europe // *Journal of Eurasian Studies*. 2021. Vol. 12, no. 1. P. 5—18. <https://doi.org/10.1177/1879366521999757>
- Sanaei M., Karami J.* Iran's Eastern Policy: Potential and Challenges // *Russia in Global Affairs*. 2021. Vol. 19, no. 3. P. 25—49. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2021-19-3-25-49>
- Soleimani R.* Tahlile Goftemane Siasate Kharejye Doulate Sizdehem [Дискурсивный анализ внешней политики 13-го правительства] // *Journal of Strategic Studies of Public Policy*. 2022. Vol. 12, no. 44. P. 10—38. (На персидском языке). <https://doi.org/10.22034/sspp.2022.699876>
- Therme C.* The Russian-Iran Partnership in a Multipolar World // *Études de l'IFRI*. 2022. No. 37. P. 1—30. URL: https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/therme_russian_iran_partnership_2022.pdf (accessed: 10.02.2023).
- Xue Yamei, Makengo B. M.* Twenty Years of the Shanghai Cooperation Organization: Achievements, Challenges and Prospects // *Open Journal of Social Sciences*. 2021. Vol. 9, no. 10. P. 184—200. <https://doi.org/10.4236/jss.2021.910014>
- Yuan Jingdong.* Forging a New Security Order in Eurasia: China, the SCO, and the Impacts on Regional Governance // *Chinese Political Science Review*. 2023. No. 8. P. 422—439. <http://www.doi.org/10.1007/s41111-022-00223-7>

Сведения об авторе: *Карамии Джахангир* — доктор наук (международные отношения), доцент, департамент евразийских исследований, Тегеранский университет; ORCID: 0000-0001-8815-7069; e-mail: jkarami@ut.ac.ir

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-562-574

EDN: CUCPRP

Научная статья / Research article

Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама

С.Т. Нгуен

Институт политической экономики, Национальная политическая академия им. Хо Ши Мина, Ханой, Вьетнам
Университет FPT, Ханой, Вьетнам
nguyenthanhson.ktct@hcma.edu.vn

Аннотация. В конце XX в., после окончания холодной войны, многие исследователи пришли к выводу, что государства постепенно переходят от политического и военного соперничества к противостоянию преимущественно в экономической сфере. Однако перспектива мира без конфликтов оказалась недолгой, и в начале XXI в. начался рост политической напряженности. Одним из ее центров стал Индо-Тихоокеанский регион, где столкнулись интересы различных великих держав, таких как США, Китай и Россия. Региональные державы, например Вьетнам, оказались в эпицентре этого соперничества. Опираясь на теорию оборонительного реализма, автор рассматривает переориентацию внешней политики США, Китая и России на Индо-Тихоокеанский регион с точки зрения Вьетнама. Показано, что «поворот» США к Индо-Тихоокеанскому региону направлен на сдерживание Китая и сохранение позиции США как мирового лидера, в то время как Китай стремится восстановить свое историческое положение в регионе, а Россия — диверсифицировать свои политические и экономические отношения. Автор приходит к выводу, что Вьетнаму необходимо сохранять свой многовекторный внешнеполитический курс, балансируя между интересами нескольких стран. Кроме того, Вьетнаму следует стремиться к укреплению своих позиций в мировой экономике посредством участия в соглашениях о свободной торговле нового поколения, расширения масштабов и форм дипломатии, а также поддержания статуса активного актора в мировом сообществе. Все это, по мнению автора, позволит Вьетнаму укрепить свои позиции в мировой экономике и стимулировать дипломатическую активность.

Ключевые слова: соперничество великих держав, Индо-Тихоокеанский регион, Вьетнам, США, Россия, Китай, геополитика, геоэкономика, геостратегия, поворот к Азии

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Нгуен С. Т. Соперничество великих держав в Индо-Тихоокеанском регионе и его влияние на стратегию Вьетнама // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 562—574. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-562-574>

© Нгуен С.Т., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Great Powers Rivalry in the Indo-Pacific Region and Its Impact on Vietnam's Strategy

Son T. Nguyen

Institute of Political Economy, Ho Chi Minh National Academy of Politics, Hanoi, Vietnam

FPT University, Hanoi, Vietnam

nguyenthanhson.ktct@hcma.edu.vn

Abstract. At the end of the 20th century, many researchers had envisioned a world where countries shift from political and military competition towards economic competition. However, the prospect of a world without conflict was short-lived, as the concerns about political tensions were revived in the early 21st century. Great powers such as the United States, China and Russia, have all shifted their focus to Asia, in particular the Indo-Pacific region. As a developing country in this region, Vietnam has its reasons to pay close attention to the competition among these great powers. Based on the theory of defensive realism, the author examines the reorientation of the US, Chinese and Russian foreign policy towards the Indo-Pacific region from Vietnam's perspective. It shows that the US pivot to the region is set to challenge the rise of China and to maintain the US position as the leader of the world, China's expanding influence is to reclaim its historical position in the region and Russia seeks to diversify its political and economic relations. In this context, Vietnam should maintain its multi-vector foreign policy, balancing the interests of several countries. In addition, Vietnam needs to strengthen its position in the global economy through participation in new-generation free trade agreements, expand the scope and forms of its diplomacy, and play a more active role in the global community. All these, in the author's opinion, will enable Vietnam to strengthen its position in the global economy and boost its diplomatic activities.

Key words: great powers competition, Indo-Pacific, Vietnam, the U.S., Russia, China, geopolitics, geoeconomics, geostrategy, pivot to Asia

Conflicts of interest. The author declared no conflicts of interest.

For citation: Nguyen, S. T. (2023). Great powers rivalry in the Indo-Pacific region and its impact on Vietnam's strategy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 562—574. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-562-574>

Введение

После окончания холодной войны в конце XX в. многие исследователи предполагали, что мир перейдет из конфронтационного и биполярного состояния в новое, более мирное. Ожидалось, что риск острого политического конфликта или военного столкновения резко снизится, поскольку страны предпочтут поддерживать более открытые внешние связи друг с другом, поощряя интеграцию. В начале 1990-х гг. президент Соединенных Штатов Дж. Буш-старший представлял международное устройство во главе с США, которое было бы «более свободным от угрозы террора, более сильным в стремлении к справедливости и более надежным в поисках мира»¹.

¹ Address before a Joint Session of the Congress on the Persian Gulf Crisis and the Federal Budget Deficit // George Bush Presidential Library and Museum.

Ряд исследователей предлагали такое видение мира, в котором страны перейдут от использования военных операций и политического вмешательства к экономическим инструментам для продвижения и защиты национальных интересов (Blackwill & Harris, 2016).

Какое-то время все это казалось реальностью, поскольку распад Советского Союза помог США и их европейским союзникам (Западу) занять превосходящее экономическое и военное положение по отношению к остальному миру. Большинство бывших социалистических государств перешли к рыночной экономике и расширили свои связи с Западом. Соответственно, снижался риск использования политических и военных инструментов для вмешательства во внутренние дела отдельных государств.

September 11, 1990. URL: <https://bush41library.tamu.edu/archives/public-papers/2217> (accessed: 04.08.2022).

Большая открытость привела к росту экономической активности между странами. По мере того как экономики становились более взаимосвязанными, экономическая конкуренция постепенно вытесняла политическое соперничество. Хотя экономическая конкуренция между странами может быть такой же жесткой, как и политическая, основное ее отличие состоит в том, что первая обычно рассматривается как игра с положительной суммой, а вторая — как игра с нулевой суммой (Vihta, 2018, p. 4). Другими словами, экономическая конкуренция допускает взаимовыгодный сценарий для вовлеченных стран.

Однако перспектива развития мира без политических конфликтов оказалась недолгой. В начале XXI в. начался постепенный рост политической напряженности, обусловленный такими событиями, как террористическая атака 11 сентября 2001 г., оказавшая влияние на развитие внешней политики США, проблема мирного возвышения Китая, а также рост противоречий в отношениях между Россией и странами Запада. Именно эту напряженность в дальнейшем стали называть «холодной войной 2.0»².

Одним из регионов, ставших центром политической напряженности, стала Азия, в частности Индо-Тихоокеанский регион (ИТР). В нем столкнулись интересы различных государств, главным образом США, Китая и России. Внешнеполитическая деятельность этих держав в Азии не остается без внимания региональных игроков, в том числе и такой страны, как Вьетнам.

В статье предпринята попытка рассмотреть процесс переориентации внешней политики США, Китая и России на ИТР и отношение Вьетнама к этому процессу. Для этого автор использует теорию оборонительного реализма (Waltz, 1979), согласно которой большинство государств стремится к статус-кво и ограничивается концентрацией на подержании баланса сил. Цель государств — не

власть, а безопасность и сохранение своего положения в системе, поэтому государствам нужно «соответствующее количество» мощи для достижения своих целей.

Историографический обзор

Смещение интереса основных держав мира в сторону Азии привлекло внимание многих исследователей. Э.Дж. Теллис отмечает, что появление Индо-Тихоокеанской стратегии в США произошло в основном благодаря Китаю (Tellis, 2020b, p. 124). Вашингтон считает, что Пекин стремится в ближайшее время вытеснить США из ИТР и добиться глобального превосходства в будущем. Таким образом, стратегия США в ИТР включает в себя геополитическую, экономическую и военную составляющие, направленные на сдерживание роста влияния КНР. С геополитической точки зрения американцы стремятся нейтрализовать китайскую угрозу путем создания «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» (*Free and Open Indo-Pacific*). С экономической точки зрения наряду со стимулированием национальной экономики США должны предотвратить дальнейшую торгово-экономическую экспансию Китая через переформатирование региональных торгово-экономических блоков и противодействие инициативе «Один пояс, один путь» (ОПОП) как средству влияния Китая. Наконец, с военной точки зрения США необходимо обеспечить эффективную защиту своих союзников в ИТР и укрепить сотрудничество с вооруженными силами региональных партнеров (Tellis, 2020b).

Д. Скотт указал на другую особенность стратегии США в Индо-Тихоокеанском регионе, которая использует одну восходящую державу (Индию) для сдерживания другой восходящей державы (Китай) (Scott, 2018, p. 19). Он также отмечает, что США начали уделять больше внимания китайскому направлению еще в годы президентства Б. Обамы, когда была предложена стратегия «Поворота к Азии» (*Rebalance to Asia, Pivot to Asia*) (Scott, 2018).

З. Купер и Э. Ширер охарактеризовали деятельность Китая в ИТР как большую

² Traub J. Cold War 2.0 Is Ushering In Nonalignment 2.0 // Foreign Policy. July 9, 2022. URL: <https://foreignpolicy.com/2022/07/09/nonalignment-us-china-cold-war-ukraine-india-global-south/> (accessed: 04.08.2022).

стратегию (*grand strategy*) на этапе перехода от континентальной к морской державе за счет усиления способности Китайской Народной Республики (КНР) оказывать сопротивление силам США в «ближних морях» и наращивания потенциала для проецирования своей мощи на «дальних морях» (Cooper & Shearer, 2017, p. 305). Они также считают, что стратегия Китая направлена на усиление своего влияния на территории Евразии и Индийского океана в рамках инициативы ОПОП, посредством которой Пекин расширяет свои экономические связи.

Ху Вэйсин и Мэн Вэйчжань отмечают, что Китай в ответ на реализацию Вашингтонской стратегии «поворота к Азии» фактически реализовал инициативу ОПОП с целью расширения китайской экономической мощи вдоль древнего Шелкового пути на суше и на море (Hu & Meng, 2020, p. 143). Однако Китай не предпринял никаких аналогичных действий в ответ на заявленную США стратегию создания «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона». Вместо этого Пекин демонстрирует более конструктивный подход к снижению рисков для национальной безопасности, продолжая расширять свое международное влияние в ИТР. Хотя подъем Китая до сих пор проходил в мирном ключе, его соседи по-прежнему обеспокоены его амбициями³.

Поскольку Китай и США переключили свое внимание на ИТР, исследователей также интересует то, как другие страны региона позиционируют себя в этом соперничестве. Так, Р. Раджагопалан отмечает растущее внимание Индии к ИТР за последнее десятилетие (Rajagopalan, 2020, p. 75). Хотя Индия не хочет признавать, что основной движущей силой этого фокуса является Китай, укрепление ее отношений с США и Японией ясно указывает на тот факт, что это еще одна часть китайского вектора внешней политики Нью-Дели. К. Кога полагает, что именно Япония

на самом деле была инициатором создания концепции «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона» в 2016 г. Токио рассматривало эту стратегию как «тактическую защиту» от растущей экономической мощи и политического влияния Китая в Азии (Koga, 2019, p. 286). С.Ч. Юнь, Дж. Ли и Ли Цзиюн сосредоточились на других азиатских средних державах, таких как Вьетнам, Индонезия и Южная Корея, которые сталкиваются со схожей стратегической дилеммой — поддержка антикитайских инициатив США или же позиционирование себя как партнера обеих сторон (Jung, Lee J. & Lee J.-Y., 2021). Авторы показали, что, с одной стороны, эти страны неохотно поддерживают индо-тихоокеанскую стратегию США, а с другой — стремятся «приручить», а не сдерживать Китай.

Анализ переориентации великих держав на Индо-Тихоокеанский регион

С точки зрения Вьетнама, помимо Китая и США, непосредственно вовлеченных в конкуренцию за влияние в ИТР, в регионе есть еще один важный игрок — Россия. Россия была историческим союзником Вьетнама в его борьбе с внешним влиянием в прошлом. В этом разделе будет более подробно проанализирован поворот в сторону Индо-Тихоокеанского региона трех крупнейших экономик: США, Китая и России.

Соединенные Штаты Америки

В рамках современной системы международных отношений США остаются страной, оказывающей наибольшее влияние на международные процессы, хотя уже и не являются единственной сверхдержавой (Cohen, 2015, p. 123). По мнению Р.Д. Блэквилла и Дж.М. Харриса, глобальная стратегия США должна удовлетворять условиям пяти жизненно важных и восьми чрезвычайно важных факторов национальных интересов с целью сохранения и укрепления позиций США в мире (Blackwill & Harris, 2016, p. 255).

Прежде чем переключить внимание на Азию, США десятилетиями концентрировались на Ближнем Востоке в рамках войны

³ Daly R., Rojansky M. China's Global Dreams Give Its Neighbors Nightmares // *Foreign Policy*. March 12, 2018. URL: <https://foreignpolicy.com/2018/03/12/chinas-global-dreams-are-giving-its-neighbors-nightmares/> (accessed: 05.08.2022).

с терроризмом. Стратегия администрации Б. Обамы по «развороту» США в сторону Азии была разработана для установления многостороннего сотрудничества по общим вопросам безопасности, таким как гуманитарная помощь, реагирование на стихийные бедствия и свобода судоходства с азиатскими странами (Davidson, 2014, p. 77). Новая стратегия не подразумевала отход США от своих традиционных союзников в Европе или Восточной Азии в поисках новых, а скорее была направлена на перераспределение американских дипломатических, экономических и военных ресурсов на азиатское направление после значительного периода пренебрежения Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР). Кроме того, важными составляющими нового подхода Вашингтона к АТР было сдерживание Китая, а также денуклеаризация Корейского полуострова и борьба с терроризмом и пиратством в регионе.

После объявления Китаем инициативы ОПОП в 2013 г. США удвоили скорость своего поворота к Азии, в 2017 г. предложив концепцию создания «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанский региона». Э.Дж. Теллис перечисляет как минимум пять направлений, на которых «поворот» США в сторону Индо-Тихоокеанского региона может бросить вызов Китаю (Tellis, 2020a):

— противостояние росту влияния Китая в ИТР через поддержку свободы и открытости в этом регионе;

— более жесткая позиция для противодействия экономическому поведению Китая, которая, в свою очередь, уже вылилась в торговую войну между двумя странами;

— противодействие созданию Китаем альтернативных технологических стандартов, конкурирующих с установленными на Западе;

— противостояние попыткам Китая добиться технологического доминирования в глобальной системе;

— усиление военного потенциала США и их союзников для сдерживания Китая в регионе (в 2023 г. Пентагон запросил у Конгресса более 15 млрд долл. США для сдерживания китайской угрозы в ИТР. По оценкам, к

2025 г. эта цифра вырастет до 21,7 млрд долл. США⁴).

Для США «Свободный и открытый Индо-Тихоокеанский регион» представляет собой регион, в котором 35 стран сотрудничают друг с другом, разделяя ценности коллективного мира и процветания, заключающегося в обеспечении свободной и справедливой торговли, неограниченных потоках капитала, эффективных институтах и свободе судоходства⁵. Стратегическим альянсом, который является ядром стратегии США в ИТР, является «Квад» (*Quad*), «четверка» в составе Австралии, Японии, Индии и США.

В дальнейшем администрация Дж. Байдена сформировала блок АУКУС (AUKUS) в составе США, Великобритании и Австралии. Создание этого альянса стало развитием политики США по сдерживанию КНР в регионе, причем к участию в нем были привлечены страны, занимающие наиболее жесткую позицию в вопросе сдерживания КНР⁶. Кроме того, новая администрация начала продвигать идею технологического декаплинга с целью большего сдерживания Китая, объявив о контроле над экспортом полупроводников и суперкомпьютеров в Китай⁷. Кроме того, Вашингтон стремится укрепить отношения с традиционными союзниками, такими как Япония и Южная Корея⁸.

⁴ Detsch J. Biden Budget Expected to Stiff the Indo-Pacific // Foreign Policy. March 9, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/03/09/us-military-china-taiwan-pentagon/> (accessed: 29.04.2023).

⁵ A Free and Open Indo-Pacific: Advancing a Shared Vision // U.S. Department of State. November 3, 2019. P. 4. URL: <https://www.state.gov/a-free-and-open-indo-pacific-advancing-a-shared-vision/> (accessed: 29.04.2023).

⁶ Mohan V. Interpretation of QUAD and AUKUS in Indo-Pacific Region // The Geopolitics. March 26, 2022. URL: <https://thegeopolitics.com/interpretation-of-quad-and-aucus-in-the-indo-pacific-region/> (accessed: 06.08.2022).

⁷ China's Chip Industry Set for Deep Pain from US Export Controls // Financial Times. October 8, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/e950f58c-0d8f-4121-b4f2-ecce71d2cb267> (accessed: 29.04.2023).

⁸ Joe Biden Bids to Boost Alliances in Asia and Affirm Commitment to Region // Financial Times. May 18, 2022. URL: <https://www.ft.com/content/2757f49b-e706-431f-af75-60239670dfe7> (accessed: 29.04.2023).

Наряду с продвижением новых инициатив по сдерживанию КНР в ИТР в идеологическом плане США изображают Китай безответственной мировой державой с «хань-центричной» идеологией, лишенной антирасистской культуры и подавляющей демократию и свободу вероисповедания. По мнению ряда исследователей, в Китае существует особая форма национализма — «гипернационализм», при котором китайская культура считается выше других (Friend & Thayer, 2018).

Таким образом, США стремятся сохранить свое лидерство в регионе посредством создания «Свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона», одновременно пытаясь сдерживать военно-политический и экономический рост Китая. Такая политика Вашингтона наталкивается на критику со стороны Пекина, который считает американское правительство самым большим «задирой» в мире, не имеющим морального права учить какую-либо другую страну⁹.

В этом контексте Вьетнам обладает уникальным опытом в отношениях как с США, так и с Китаем. В отношении Китая у Вьетнама есть тысячелетний опыт дипломатии, которого достаточно, чтобы понять амбиции Пекина. Кроме того, в прошлом веке у Вьетнама был самый крупный в его истории конфликт с США. Это помогает Вьетнаму формировать собственную позицию, а не выбирать ту или иную сторону в соперничестве между двумя великими державами.

Китай

В политической традиции Китая стратегия национального развития носит личный отпечаток лидера, так как каждое поколение правителей Китая предлагало свои идеи или концепции. Первый глава КНР, Мао Цзэдун, в своей политической деятельности использовал синтез идей марксизма-ленинизма и китайской философии, ставший в дальнейшем

известным как «маоизм». Дэн Сяопин предложил программу «реформ и открытости» для построения и стабилизации экономики. Более поздние поколения китайских лидеров также выдвинули ряд идей, таких как теория «трех представительств» Цзян Цзэминя или «научная концепция развития» Ху Цзиньтао. Действующий глава КНР Си Цзиньпин предложил идею социализма с китайской спецификой в новую эпоху. Амбициозные и долгосрочные планы, сформулированные в ней, сделали Си Цзиньпина третьим лидером после Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина, принявшим «историческую резолюцию»¹⁰.

Ключевым элементом китайской стратегии национального развития вне зависимости от того, кто стоит во главе страны, является возрождение статуса Китая как ведущей мировой державы. В период до 2000 г., когда экономические возможности страны не соответствовали этому статусу, Китай придерживался стратегии, сформулированной Дэн Сяопином в 1990 г., — «скрывать свои силы, держаться в тени»¹¹. В рамках этой стратегии Китай проявлял меньше активности в международных делах, сконцентрировавшись на развитии экономики. Однако начиная с 2000-х гг., когда масштабы китайской экономики резко возросли, страна начала постепенно проявлять стремление стать мировым лидером в ряде сфер. В частности, идея Си Цзиньпина об осуществлении «китайской мечты» или достижении цели стать ведущей державой мира к середине XXI в. сделала эти амбиции очевидными для всего мира¹².

¹⁰ Chasing the Chinese Dream // *The Economist*. May 4, 2013. URL: <https://www.economist.com/briefing/2013/05/04/chasing-the-chinese-dream> (accessed: 06.08.2022).

¹¹ Liu hua qiu Deng xiao ping wai jiao si xiang yong fang guang hua // Gong chan dang yuan wang [Лю Хуацю. Мысль Дэн Сяопина о дипломатии будет сиять вечно // Сеть членов Коммунистической партии]. 15.08.2014. (На китайском языке). URL: <https://news.12371.cn/2014/08/15/ART11408082493450926.shtml> (accessed: 12.04.2023).

¹² Xi Jinping Signals Departure from Low-Profile Policy // *Financial Times*. October 20, 2017. URL: <https://www.ft.com/content/05cd86a6-b552-11e7-a398-73d59db9e399> (accessed: 06.08.2022).

⁹ Commentary: Washington: The World's Biggest Bully // *People's Daily Online*. March 18, 2022. URL: <http://en.people.cn/n3/2022/0318/c90000-9972852.html> (accessed: 29.04.2023).

ОПОП — один из основных инструментов, который Китай использует для реализации своих геополитических целей. Это один из самых амбициозных проектов в мире, который, как ожидается, охватит более 70 стран, суммарно производящих треть мирового ВВП, объединяющих 2/3 населения мира и занимающих 40 % от общего объема мировой торговли и более 35 % от общего объема прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в мире. ОПОП включает в себя шесть наземных транспортных коридоров, Морской Шелковый путь через Индийский и Тихий океаны и Северный Шелковый путь через Северный Ледовитый океан. Ожидается, что общая стоимость проектов ОПОП составит около 4—8 трлн долл. США (Ruta et al., 2019, p. 4).

В рамках ОПОП Китай использует в основном экономические и финансовые инструменты для расширения своего присутствия в ИТР. Среди таких инструментов, в частности, — реализация различных инфраструктурных проектов, выступающих в качестве экономических стимулов для привлечения других стран. Китай также применяет и экономические санкции, чтобы удержать страны от действий, противоречащих его национальным интересам. Например, с 2012 г. КНР ввела экономические санкции против Филиппин, что связано с территориальными спорами в Южно-Китайском море. Китай является местом назначения для 14 % всего экспорта филиппинских бананов, и торговые санкции нанесли значительный ущерб экономике этого государства. Позже Китай также сократил количество авиарейсов на этом направлении, что привело к резкому падению числа туристов на Филиппинах. Только когда Филиппины предприняли шаги по ослаблению напряженности в отношениях между двумя странами в 2016 г., Китай снял эти нетарифные барьеры. Вскоре после этого, в 2017 г., экспорт бананов с Филиппин вырос на 30 %, а индустрия туризма возросла на 43 % (Harrell, Rosenberg & Saravalle, 2018, p. 44).

Напротив, страны, которые сотрудничают с Китаем, получали щедрую финансовую

поддержку. В 2000—2014 гг. Китай предоставил странам Азии 14,9 млрд долл. США в рамках официальной помощи в целях развития (ОПР), из которых Юго-Восточная Азия получила 30,1 %. Камбоджа, один из ближайших союзников Китая в регионе, за этот период получила более 3 млрд долл. США (Oh, 2020, p. 226). Мьянма и Индонезия также регулярно получают помощь от Китая во время стихийных бедствий, наводнений или землетрясений. Совсем недавно, во время пандемии COVID-19, Китай также реализовал стратегию вакцинной дипломатии для Юго-Восточной Азии. Лаос и Камбоджа оказались теми странами, которые получили наибольшую поддержку в области медицинского оборудования, обмена информацией и вакцин против COVID-19¹³.

В последнее время Китай продемонстрировал свою приверженность использованию соглашений о свободной торговле, а также экономического регионализма для углубления своих связей с партнерами в АТР. Эта стратегия создания «Зоны свободной торговли Азиатско-Тихоокеанского региона» (*Free Trade Area of the Asia-Pacific*) рассматривается китайскими политиками как сеть зон свободной торговли (ЗСТ), способная придать новый импульс экономическому росту и интеграции в регионе (Lei & Sui, 2022). Об этом свидетельствует создание Всеобъемлющего регионального экономического партнерства (*Regional Comprehensive Economic Partnership*, ВРЭП) в конце 2020 г. и активное стремление Китая присоединиться к Всеобъемлющему и прогрессивному соглашению о Транстихоокеанском партнерстве (*Comprehensive and Progressive Agreement for Trans-Pacific Partnership*, ВПТПП).

Для Вьетнама такая стратегия Китая предоставляет множество возможностей для извлечения выгоды из экономических инвестиций, особенно в инфраструктуру. Однако исследователей также беспокоит стоимость

¹³ Vannarith Ch. Fighting COVID-19: China's Soft Power Opportunities in Mainland Southeast Asia // Asialink. May 27, 2021. URL: <https://asialink.unimelb.edu.au/insights/fighting-covid-19-chinas-soft-power-opportunities-in-mainland-southeast-asia> (accessed: 07.08.2022).

финансовой помощи Китая. Хотя Пекин выдвигает меньше условий, чем другие источники международного финансирования, такая помощь может привести к долговым ловушкам, которые предполагают не только финансовые платежи. Так, отмечается, что Таджикистану пришлось отказаться от части спорных с Китаем территорий в 2011 г., а Шри-Ланка сдала Китаю в аренду порт Хамбантога на 99 лет из-за неурегулированного долга (Hurley, Morris, & Portelance, 2019, p. 155). Однако, независимо от того, насколько активно Вьетнам будет участвовать в ОПОП, страна все равно может извлечь выгоду из возможности подключения к инициативе, учитывая свою непосредственную географическую близость к Китаю.

Россия

После распада Советского Союза Россия утратила статус сверхдержавы, однако ее военно-политическое влияние на международной арене позволяет рассматривать ее как великую державу.

1990-е гг. стали сложным периодом для России, когда страна переходила от централизованной плановой экономики к рыночной, одновременно сближаясь со странами Запада. Это время сопровождалось медленным экономическим ростом и высокой инфляцией и не привело к желаемому эффекту роста и процветания. Ставка же на развитие отношений только со странами Запада повлекла за собой сокращение влияния России в традиционных для нее регионах. В результате, после прихода к власти президента В.В. Путина в 2000 г., Россия начала корректировать свою стратегию взаимодействия с Западом. Так, например, Москва стала использовать прагматичную комбинацию как геополитических, так и геоэкономических инструментов в отношении Европейского союза (ЕС), отказавшись от идеалистического подхода 1990-х гг. (Wigell & Vihma, 2016, p. 605).

Хотя основное внимание во внешнеполитической стратегии России было сосредоточено на Европе, она также проявляла интерес к расширению отношений со странами АТР. В 2012 г. на саммите Азиатско-

Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) была озвучена идея поворота России в сторону Азии, целями которого были названы развитие российского Дальнего Востока и диверсификация экономических связей со странами АТР¹⁴. Однако реализация подобного внешнеполитического курса была связана с рядом проблем. Самая большая трудность лежала в идеологической плоскости — было необходимо интеллектуальное обоснование поворота на Восток, так как среди российских элит преобладало мнение, что все хорошее пришло в Россию с Запада (Karaganov, 2016). В дальнейшем, когда в 2013—2014 гг. отношения России и стран Запада стали ухудшаться, «поворот» стал уже не просто выгодным сдвигом в экономической политике, но также приобрел для России геополитические и цивилизационные черты, став частью ее более продолжительной кампании против однополярного господства США (Korolev, 2016).

Новая внешнеполитическая стратегия России проявилась, во-первых, в увеличении ее военного присутствия в регионе. В 2014 г. Тихоокеанский флот России получил дополнительную модернизацию впервые после распада Советского Союза и начал совершать проходы через Тихий океан и Южно-Китайское море¹⁵. В период с 2000 по 2021 г. Россия стала крупнейшим экспортером вооружений в Юго-Восточную Азию на общую сумму 10,87 млрд долл. США. Важнейшими покупателями России в регионе в этот период были Вьетнам, закупивший оружия на 6,5 млрд долл. США, Мьянма (1,7 млрд долл. США), Малайзия (1,3 млрд долл. США) и Индонезия (1,2 млрд долл. США)¹⁶.

¹⁴ Kapoor N. Russia's Pivot to Asia — A 10-Year Policy Review // Valdai Club Foundation. March 21, 2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-pivot-to-asia-a-decadal-policy-review/> (accessed: 29.04.2023).

¹⁵ Keck Z. Russia Announces a Naval Buildup in the Pacific // The Diplomat. July 22, 2013. URL: <https://thediplomat.com/2013/07/russia-announces-a-naval-buildup-in-the-pacific/> (accessed: 29.04.2023).

¹⁶ Strangio S. Are Russian Arms Exports to Southeast Asia a Thing of the Past? // The Diplomat. May 9, 2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/05/are-russian-arms-exports-to-southeast-asia-a-thing-of-the-past/> (accessed: 29.04.2023).

Во-вторых, Россия стала более активно развивать торгово-экономические связи со странами Азии. Двусторонняя торговля между Россией и Вьетнамом увеличилась с 360 млн долл. США в 2000 г. до 5,5 млрд долл. США в 2021 г. За соответствующий период объем двусторонней торговли с Малайзией вырос с 266 млн долл. США до 2,1 млрд долл. США, с Индонезией — с 169 млн долл. США до 2,7 млрд долл. США¹⁷.

В период с 2000 по 2014 г. наблюдался умеренный, но устойчивый рост товарооборота между Россией и странами — членами Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН). После 2014 г. торгово-экономическое взаимодействие России и АСЕАН заметно просело из-за ограничительных санкций, введенных против России. Товарооборот между Россией и АСЕАН достиг своего пика в 22,5 млрд долл. в 2014 г., затем упал до 13,9 млрд долл. США в 2015 г. и восстановился до 19,2 млрд долл. США в 2021 г.¹⁸ Следует отметить, что Юго-Восточная Азия также является регионом, с которым Россия надеется установить более тесные экономические связи, особенно после февраля 2022 г., когда проявились контуры санкционных ограничений коллективного Запада в отношении России.

Однако экономическая роль России в регионе мала, особенно в сравнении с США и КНР. Например, торгово-экономическое взаимодействие России и Китая отличается непропорциональным и несбалансированным характером. Китай является крупнейшим торговым партнером России, на долю которого в 2018 г. приходилось 15,5 % от общего объема торговли России, однако на долю России пришлось лишь около 0,8 % от общего объема торговли Китая (Hillman, 2020, p. 2). Из-за такого экономического положения Россия придерживается совершенно иного подхода в

регионе, чем США. В то время как «поворот» США в сторону Азии призван сдержать подъем Китая, Россия переориентируется на азиатское направление одновременно с подъемом Китая. При этом в целом российская политическая элита и экспертное сообщество придерживаются единого мнения о том, что недавний подъем Китая — это возвращение страны к естественному положению региональной державы в Азии (Gabuev & Zuenko, 2018, p. 147). Таким образом, стратегия России продвигает многополярный мировой порядок, в котором РФ и Китай выступают в качестве равноправных региональных держав.

Что касается участия России в ОПОП, то Москва реализует прагматический подход в двустороннем взаимодействии с Китаем с целью сохранения имиджа «стабилизатора» в АТР. Исторически у России практически не было колониального опыта в АТР, поэтому восприятие России в регионе, возможно, будет совершенно иным, нежели чем восприятие большинства западных стран. Однако если Москва станет более зависимой от китайской экономики, то азиатские страны могут изменить отношение к России¹⁹.

Начавшаяся в 2022 г. специальная военная операция РФ на Украине и последующее резкое ухудшение отношений со странами Запада вновь актуализировали необходимость переориентации России на страны Азии. Однако, по мнению исследователей, для реализации этого плана Москве необходимо избежать ошибок, допущенных восемь лет назад²⁰. Среди таких ошибок — отсутствие последовательных действий, далеко идущие планы без какой-либо стратегии или даже документа с руководящими принципами. Следует отметить, что на этот раз многие

¹⁷ UN Comtrade Database // United Nations. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 30.04.2023).

¹⁸ Koldunova E. Russia — ASEAN: Limits and Opportunities of Economic Partnership // Valdai Discussion Club. August 28, 2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-asean-limits-and-opportunities/> (accessed: 30.04.2023).

¹⁹ Kapoor N. Russia's Pivot to Asia — A 10-Year Policy Review // Valdai Club Foundation. March 21, 2022. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/russia-s-pivot-to-asia-a-decadal-policy-review/> (accessed: 29.04.2023).

²⁰ Toropchin G. Taking (Another) Turn to the East: Making Sense of Russia's Stance in the Asia-Pacific // Russian International Affairs Council. June 2, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/columns/asia-pacific/taking-another-turn-to-the-east-making-sense-of-russia-s-stance-in-the-asia-pacific/> (accessed: 10.04.2023).

азиатские страны заняли выжидательную позицию в отношении украинского кризиса, что также отражает их отношение к попытке России вновь совершить «поворот на Восток».

Вьетнам — одна из азиатских стран, сохранивших нейтралитет или «стратегическое молчание» в отношении конфликта между Россией и Украиной. В частности, для Вьетнама этот конфликт дает некоторые важные примеры конкуренции между великими державами. Россия, несмотря на осуждение со стороны международного сообщества и серьезные экономические потери в результате наложенных санкций, продолжает проводить свою специальную военную операцию на Украине²¹. Это доказывает, что в нынешних условиях великие державы часто ставят собственные национальные интересы выше всего. Когда эти интересы находятся под угрозой, эти страны готовы пойти на все, чтобы защитить их, даже если это означает необходимость пожертвовать интересами других стран, в том числе союзников.

Стратегия Вьетнама по снижению рисков, связанных с конкуренцией великих держав

Коммунистическая партия Вьетнама признает растущее значение Азиатско-Тихоокеанского региона в мире²². Этот регион будет по-прежнему оставаться важной движущей силой мировой экономики, но на него также будут воздействовать потенциальные дестабилизирующие факторы, связанные со стратегическим соперничеством великих держав и территориальными спорами за ресурсы. Торговая война между США и Китаем, проблемы в ЕС из-за выхода

Великобритании — это проявления ослабления старых экономических центров перед лицом растущей мощи развивающихся экономик. В то время как США дистанцируются от своей политики свободной и открытой торговли, Китай, похоже, возглавляет экономическую глобализацию со своей стратегией ОПОП и продвижением ВРЭП. В новом формирующемся мире возрастает роль развивающихся экономик, появляется перспектива выработки новых международных экономических правил, создания новых финансовых центров и новых рынков в глобальном масштабе²³.

Вьетнамские исследователи считают, что стратегической целью поворота США в Азию является осуществление своего господства через экономическую, политическую, военную и дипломатическую деятельность. Активизация России в АТР рассматривается с трех сторон: с политической точки зрения Москва стремится к консолидации и развитию отношений с основными державами в АТР, в экономическом плане Россия придерживается активного продвижения двустороннего и многостороннего сотрудничества посредством заключения торговых соглашений, а с точки зрения безопасности российское правительство стремится расширить участие России в построении механизма региональной безопасности. Что касается Китая, то вьетнамские исследователи выделяют несколько основных целей стратегии ОПОП:

- стремление расширить стратегическое пространство и создать «сферы влияния» Китая на Евразийском континенте;
- необходимость уравновесить «перезаориентацию» США на Азию;

²¹ Wadhams N. Russia Is Now the World's Most-Sanctioned Nation // Bloomberg. March 7, 2022. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-03-07/russia-surges-past-iran-to-become-world-s-most-sanctioned-nation> (accessed: 07.08.2022).

²² Documents of the 13th National Congress of Deputies. Communist Party of Vietnam // Communist Party of Vietnam. March 7, 2022. P. 208—209. URL: <https://file1.dangcongsan.vn/data/0/documents/2022/01/28/phongnh/van-kien-dai-hoi-dai-bieu-lan-thu-xiii-tieng-anh.pdf> (accessed: 07.08.2022).

²³ Nguyễn Quang Thuán. Một số vấn đề kinh tế thế giới, khu vực hiện nay và xu hướng trong thời gian tới // Hội đồng Lý luận Trung ương Đảng Cộng sản Việt Nam [Нгуен Куанг Туан. Некоторые региональные и глобальные экономические проблемы и будущие тенденции в современном контексте // Центральный теоретический совет Коммунистической партии Вьетнама]. 05.12.2019. (На вьетнамском языке). URL: <https://hdll.vn/vi/nghien-cuu---trao-doi/mot-so-van-de-kinh-te-the-gioi-khu-vuc-hien-nay-va-xu-huong-trong-thoi-gian-toi.html> (accessed: 12.04.2023).

— обеспечение господства над Индийским и Тихим океанами, а также над проложенными судоходными путями и системами региональных морских портов (Pham & Vu, 2020).

В такой неопределенной и конкурентной обстановке Вьетнам должен реализовывать гибкую стратегию, которая может уравновесить интересы великих держав, не ставя под угрозу свои собственные. Основываясь на идеях, изложенных в Документах 13-го Национального конгресса депутатов Вьетнама²⁴, автор предлагает три ключевых характеристики такой стратегии.

Во-первых, Вьетнам должен стремиться использовать все возможности для расширения своего участия в экономической интеграции, тем самым укрепляя свои позиции в мировой экономике. В нынешних условиях большинство стран мира отдают приоритет экономическим инструментам над политическими для достижения своих стратегических целей, что создает множество возможностей для доступа как к человеческим, так и к экономическим ресурсам. Одним из способов максимально эффективного использования этих возможностей для Вьетнама является активное участие в соглашениях о свободной торговле нового поколения, таких как ЗСТ с ЕС (*European Union — Vietnam Free Trade Agreement*), ЗСТ с Кореей (*Vietnam — Korea Free Trade Agreement*) или ВПТПП²⁵. Углубление интеграции в мировую экономику сделает Вьетнам более взаимосвязанным с другими экономиками мира, что приведет экономические интересы Вьетнама в соответствии с интересами его партнеров, снижая риски политической напряженности между странами.

²⁴ Documents of the 13th National Congress of Deputies. Communist Party of Vietnam // Communist Party of Vietnam. March 7, 2022. P. 208—209. URL: <https://file1.dangcongsan.vn/data/0/documents/2022/01/28/phongnh/van-kien-dai-hoi-dai-bieu-lan-thu-xiii-tieng-anh.pdf> (accessed: 07.08.2022).

²⁵ The Impact of New Free Trade Agreements on the Vietnam Economy // Asia Business Consulting. June 5, 2019. URL: <https://www.asiabizconsult.com/images/pdf/The-impact-of-new-generation-Free-Trade-Agreements-on-the-Vietnam-economy.pdf> (accessed: 08.08.2022).

Во-вторых, Вьетнаму следует расширить масштабы и формы своей дипломатической деятельности. С продвижением четвертой промышленной революции коммуникационные технологии становятся более важными, чем когда-либо, в формировании имиджа страны. Крупные страны мира используют радио, телевидение, кино или музыкальную индустрию для продвижения своей национальной идентичности и культуры в других частях земного шара. Одна из форм дипломатии, которую Вьетнам должен использовать более активно, — это СМИ, особенно цифровое и спутниковое телевидение и Интернет. Сфера охвата СМИ очень широка, в настоящее время медиа активно используются в политической деятельности во многих странах. В качестве примера можно обратить внимание на роль информации в российско-украинском конфликте, поскольку степень восприятия информации коррелирует с восприятием страны (в данном случае Украины) мировым сообществом. После 2022 г. западные СМИ изображали украинских беженцев «со светлыми волосами и голубыми глазами» как «цивилизованных» людей, тогда как те, кто бежал с территории таких стран, как Сирия или Афганистан, описывались иначе (Morgunova & Moraru, 2022, p. 745). В свою очередь, призыв к людям идти воевать на стороне Украины рассматривался как героический поступок, а аналогичный призыв к участию в боевых действиях на территории Йемена или Сирии, скорее всего, будет расценен как призыв к террористической деятельности²⁶. Поэтому Вьетнаму необходимо своевременно предоставлять точную и доступную информацию мировому сообществу для укрепления имиджа открытой и миролюбивой страны, не допуская распространения враждебными силами ложной информации о Вьетнаме.

В-третьих, Вьетнам должен занять должное место в мировом сообществе. Вьетнам

²⁶ Rozzelle J. Whose Suffering Counts? A Discussion Looking at Crisis Coverage Beyond Ukraine // The New Humanitarian. April 8, 2022. URL: <https://www.thenewhumanitarian.org/opinion/2022/04/08/vent-crisis-coverage-beyond-Ukraine> (accessed: 08.08.2022).

как член АСЕАН может сыграть важную роль в углублении интеграции в АТР. Учитывая наличие разногласий и недоверия к таким крупным региональным экономикам, как Китай, Южная Корея или Япония, необходим нейтральный актор, способный запустить процессы региональной интеграции (Yahuda, 2019). Хотя какой-либо отдельной стране АСЕАН, в том числе и Вьетнаму, трудно занять эту позицию, АСЕАН, совокупно занимающая пятое место по объему экономики и третье по населению в мире²⁷, безусловно, подходит для этой роли.

Заключение

В целом современная глобальная обстановка является крайне нестабильной и неопределенной. В ответ на проекцию XXI в. как века Азии великие державы мира переключают свое внимание на Индо-Тихоокеанский регион. «Поворот» США в сторону этого региона призван бросить вызов подъему Китая и сохранить позицию США как мирового лидера. Расширяющееся влияние Китая заключается в том, чтобы восстановить свое историческое положение в регионе. Поворот России в сторону Азии осуществляется параллельно росту влияния Китая в ИТР, и обе страны поддерживают друг с другом отношения на уровне

стратегического партнерства. Подобная активность трех великих держав создает условия, когда небольшие страны региона могут столкнуться с риском оказаться втянутыми в борьбу за влияние между ними.

Чтобы избежать этого риска, Вьетнаму следует поддерживать курс на независимую, самостоятельную и нейтральную внешнюю политику. С одной стороны, Ханой выиграет в результате международной интеграции и углубления взаимосвязи с другими экономиками мира. С другой стороны, Вьетнаму необходимо уделять внимание построению такой экономики, которая не позволит ему оказаться в зависимости от какой-либо конкретной страны. Государству целесообразно диверсифицировать многие формы дипломатии, особенно с помощью средств массовой информации и Интернета. В то же время стране следует избегать участия в военных союзах, учитывая нынешнюю крайне нестабильную глобальную обстановку. В этом контексте великие державы часто ставят свои национальные интересы на первое место и готовы пожертвовать интересами других стран, даже союзников. Таким образом, Вьетнаму необходимо продолжать проводить разумную и гибкую внешнюю политику, использовать возможности великих держав, а также поддерживать безопасную и стабильную экономическую среду в стране для привлечения международных инвесторов.

²⁷ Investing in ASEAN // ASEAN. 2023. URL: <https://asean.org/wp-content/uploads/2022/12/investment-report-2023.pdf> (accessed: 08.08.2022).

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022
Доработана после рецензирования / Revised: 01.05.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список

- Blackwill R. D., Harris J. M.* War by Other Means: Geoeconomics and Statecraft. Cambridge, MA : Harvard University Press, 2016.
- Cohen S. B.* Geopolitics: The Geography of International Relations. London : Rowman & Littlefield, 2015.
- Cooper Z., Shearer A.* Thinking Clearly about China's Layered Indo-Pacific Strategy // *Bulletin of the Atomic Scientists*. 2017. Vol. 73, no. 5. P. 305—311. <https://doi.org/10.1080/00963402.2017.1364005>
- Davidson J.* The U.S. "Pivot to Asia" // *American Journal of Chinese Studies*. 2014. Vol. 21, SI. P. 77—82.
- Friend J. M., Thayer B. A.* How China Sees the World: Han-Centrism and the Balance of Power in International Politics. Lincoln : University of Nebraska Press, Potomac Books, 2018. <https://doi.org/10.2307/j.ctv80cchq>
- Gabuev A., Zuenko I.* The "Belt and Road" in Russia: Evolution of Expert Discourse // *Russia in Global Affairs*. 2018. Vol. 16, no. 4. P. 142—163. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2018-16-4-142-163>

- Harrell P., Rosenberg E., Saravalle E. China's Use of Coercive Economic Measures // Center for a New American Security. 2018. P. 1—62. URL: http://files.cnas.org.s3.amazonaws.com/documents/China_Use_FINAL-1.pdf (accessed: 08.08.2022).
- Hillman J. E. China and Russia: Economic Unequals // CSIS Report. 2020. July. P. 1—11. URL: https://csis-website-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/200715_ChinaandRussia.pdf (accessed: 08.08.2022).
- Hu Weixing, Meng Weizhan. The US Indo-Pacific Strategy and China's Response // China Review. 2020. Vol. 20, no. 3. P. 143—176.
- Hurley J., Morris S., Portelance G. Examining the Debt Implications of the Belt and Road Initiative from a Policy Perspective // Journal of Infrastructure, Policy and Development. 2019. Vol. 3, no. 1. P. 139—175. <https://doi.org/10.24294/jipd.v3i1.1123>
- Jung Sung Chul, Lee Jaehyon, Lee Ji-Yong. The Indo-Pacific Strategy and US Alliance Network Expandability: Asian Middle Powers' Positions on Sino-US Geostrategic Competition in Indo-Pacific Region // Journal of Contemporary China. 2021. Vol. 30, no. 127. P. 53—68. <https://doi.org/10.1080/10670564.2020.1766909>
- Karaganov S. A Turn to Asia: The History of the Political Idea // Russia in Global Affairs. 2016. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/a-turn-to-asia-the-history-of-the-political-idea/> (accessed: 08.08.2022).
- Koga K. Japan's "Free and Open Indo-Pacific" Strategy: Tokyo's Tactical Hedging and the Implications for ASEAN // Contemporary Southeast Asia. 2019. Vol. 41, no. 2. P. 286—313. <https://dx.doi.org/10.1355/cs41-21>
- Korolev A. Russia's Reorientation to Asia: Causes and Strategic Implications // Pacific Affairs. 2016. Vol. 89, no. 1. P. 53—73. <https://doi.org/10.5509/201689153>
- Lei Yu, Sui S. China's Strategy of Free Trade Area and Economic Regionalism // Journal of International Development. 2022. Vol. 34, no. 8. P. 1633—1648. <https://doi.org/10.1002/jid.3658>
- Morgunova O. A., Moraru N.-F. Discourses of "Europeanness" in Asylum Practices in the Postcolonial Context // Vestnik RUDN. International Relations. 2022. Vol. 22, no. 4. P. 741—754. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-4-741-754>
- Oh Yoon Ah. Chinese Development Aid to Asia: Size and Motives // Asian Journal of Comparative Politics. 2020. Vol. 5, no. 3. P. 223—234. <https://doi.org/10.1177/2057891119836521>
- Pham T. T. B., Vu T. P. D. Chiến lược của các nước lớn đối với khu vực châu Á — Thái Bình Dương và vai trò, vị thế của Việt Nam // Thông tin Khoa học xã hội [Стратегии великих держав в Азиатско-Тихоокеанском регионе и позиция Вьетнама // Вьетнамский журнал информации социальных наук]. 2020. No. 1. P. 11—20. (На вьетнамском языке). URL: <https://vjol.info.vn/index.php/ssir/article/download/55801/46439/> (accessed: 08.08.2022).
- Rajagopalan R. Evasive Balancing: India's Unviable Indo-Pacific Strategy // International Affairs. 2020. Vol. 96, no. 1. P. 75—93. <https://doi.org/10.1093/ia/iiz224>
- Ruta M., Dappe M. H., Lall S., Zhang C., Constantinescu C., et al. Belt and Road Economics: Opportunities and Risks of Transport Corridors // World Bank. 2019. P. 1—159. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/regional-integration/publication/belt-and-road-economics-opportunities-and-risks-of-transport-corridors> (accessed: 08.08.2022).
- Scott D. The Indo-Pacific in US Strategy: Responding to Power Shifts // Rising Powers Quarterly. 2018. Vol. 3, no. 2. P. 19—43.
- Tellis A. J. The Return of U.S. — China Strategic Competition // Strategic Asia 2020: U.S. — China Competition for Global Influence / ed. by A. J. Tellis, A. Szalwinski, M. Wills. Seattle, Washington, D.C. : The National Bureau of Asian Research, 2020a. P. 40—59. URL: https://www.nbr.org/wp-content/uploads/pdfs/publications/sa20_overview_tellis_dec2019advance.pdf (accessed: 08.08.2022).
- Tellis A. J. Waylaid by Contradictions: Evaluating Trump's Indo-Pacific Strategy // The Washington Quarterly. 2020b. Vol. 43, no. 4. P. 123—154. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2020.1849992>
- Vihma A. Geoeconomic Analysis and the Limits of Critical Geopolitics: A New Engagement with Edward Luttwak // Geopolitics. 2018. Vol. 23, no. 1. P. 1—21. <https://doi.org/10.1080/14650045.2017.1302928>
- Waltz K. N. Theory of International Politics. New York : McGraw-Hill, 1979.
- Wigell M., Vihma A. Geopolitics versus Geoeconomics: The Case of Russia's Geostrategy and Its Effects on the EU // International Affairs. 2016. Vol. 92, no. 3. P. 605—627. <https://doi.org/10.1111/1468-2346.12600>
- Yahuda M. The International Politics of the Asia Pacific. London : Routledge, 2019. <https://doi.org/10.4324/9781315543291>

Сведения об авторе: Нгуен Сон Тхань — научный сотрудник, Институт политической экономики, Национальная политическая академия им. Хо Ши Мина; преподаватель, Университет FPT; ORCID: 0000-0002-3665-3113; e-mail: nguyenthanhson.ktct@hcmu.edu.vn

РЕЦЕНЗИИ

BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-575-578

EDN: DQELDF

Book Review:

Tudor, M. (2023). *Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971*. Cambridge: Cambridge University Press, 337 p.

Olumide E. Oluwakayode

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 oluvakayode-oe@rudn.ru

For citation: Oluwakayode, O. E. (2023). Book review: Tudor, M. (2023). *Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971*. Cambridge: Cambridge University Press, 337 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 575—578. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-575-578>

Рецензия на книгу:

Tudor M. *Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971*. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 337 p.

О.Э. Олувакайоде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 oluvakayode-oe@rudn.ru

Для цитирования: Oluwakayode O. E. Book Review: Tudor M. *Blue Helmet Bureaucrats: United Nations Peacekeeping and the Reinvention of Colonialism, 1945—1971*. Cambridge : Cambridge University Press, 2023. 337 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 575—578. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-575-578>

The discord surrounding the United Nations (UN) peacekeeping revolves around how certain UN peacekeeping missions have been criticized for perpetuating neocolonialism or being manipulated by powerful nations to further their interests. The reviewed book further expands on the United Nations' post-war peacekeeping reconfiguration, global governance functions, and the misuse of diplomatic power. Despite criticism

of peacekeeping activities for having colonial roots, the author highlights how colonial actors and concepts have shaped peacekeeping methods, which have been constrained and imprecise due to past colonial legacies.

Underpinning the historical narrative, the author analyses the UN's embryonic military operations and reveals the coordination and reconstruction of colonial-era institutions as an

© Oluwakayode O.E., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

extension and bridge to overwrite states' sovereignty of the Global South. The author explains how officials used their field access to maintain racial biases, plan political meddling, and build chronic inter-communal tensions in post-independent nations (Tudor, 2023).

The book weaves together historical perspectives on humanitarianism, decolonization, and the UN peacekeeping, giving fresh light on the procedures by which sovereignty was negotiated and re-designed over the course of history. Despite its focus on peacekeeping methods, the book also shows the political manoeuvring and ingenuity of the idea 'to protect' in efforts to shape peacekeeping operations.

The *Introduction* sheds light on divergent objectives and aims of UN leadership and peacekeeping personnel during decolonisation. Under the administrative and technical pretence of the mission mandate, peacekeeping missions provided exclusive opportunities for ideological initiatives, such as putting pro-Western or non-aligned persons in positions of authority in newly established states and within the UN personnel. As in the Suez, Congo, and Cyprus crises, the UN officials rationalized the aggressive pursuit of anticommunism and anti-Soviet incursion as a peacebuilding strategy rather than a breach of impartiality. Instead of promoting 'collective initiatives of emancipation' that strive for the transformation of structural dominance, rather humanitarian organizations benefit from their role as an international power. As a result, UN peacekeeping practices have grown to prioritize short-term solutions and anti-Soviet strategies (Democratic peace theory) ignoring the root cause of conflict, especially if the solution doesn't align with the Western foreign policies, illustrating the growing pattern of using missions as both the UN credibility repair and a 'quick fix' to avert possible Communist alignment. In sum, the introduction analyses inequality, racism, reinvention of sovereignty, remaking colonial-era hierarchy, and political principles in anti-colonial ideology during decolonization, investigating how these unequal ties and diplomatic alignments hampered true anti-colonial solidarity and Afro-Asian bloc unity.

The chapter *Testing the Waters, 1945—1955* describes how peacekeeping missions evolved

into a legitimate responsibility for international organizations. It delves into the UN Secretariat's managerial experiment by acting directly in conflict situations in the post-war period, starting with state-crafting and a non-armed intervention in the Israeli-Palestinian conflict and progressing to the establishment of the UN Command in Korea. Following the establishment of the UN, the organization tested the waters with military capabilities embedded in the UN Charter, paving the way for military interventions rather than non-arm conflict resolution. The progression of international military exercises from the interwar years in the Saar through the formation of an international armed force under US command in Korea prepared the way for an UN-led, armed peacekeeping mission in 1956. The UNC provided a significant opportunity for the UN to mimic military duty, while the US benefited from the UN mandate by playing a peacekeeping advocate role via military intervention. The UNC mission portrayed the United States and the Republic of Korea as battling for international peace and portrayed North Korea as a communist aggressor. While the Soviet Union leadership contested and challenged this narrative by portraying North Korea and its communist supporters as fighters for global peace, opposing the Western imperialism in Asia and using the Korean War to emphasize the US military aggressiveness. In sum, the UN, under the guidance of the UN Charter, provided international legitimacy to the US army's approach in Korea, countering Soviet denunciations and putting the force in a moralizing garb, as the West continues to use the UN to conduct war in the name of peace (Tudor, 2023).

The chapter under the title *Reckoning with Suez, 1956—1959* explores the origins of the notion of establishing an UN-led peacekeeping force to respond to the Suez Crisis, which became a subject of dispute amongst the Western countries, setting the path for the betrayal of the UN. On United Nations Day 1956, British, French, and Israeli officials covertly signed the Protocol of Sèvres, an agreement that confirmed their collective resolve to breach the UN Charter and attack Egypt's Suez area. On 29 October, little more than a week after signing the Protocol, the

Israeli army invaded the Armistice Lines and Egyptian sovereignty, advancing beyond the bounds of the Armistice Agreement. Anglo-French armies joined them two days later, on October 31st. The Global South demanded the UN Secretary-General respond to the Suez crisis and negotiate a cease-fire to prevent escalation. By incorporating the invaded forces into the United Nations Emergency Force (UNEF), Hammarskjöld intended to pre-empt claims that the operation served the Western interests and saved the image of the UN. Hammarskjöld was extremely disappointed and on the brink of resigning, as the US government was concerned about its continuous influence on the UN, the UNSC prioritized protecting permanent members' interests over collective peace and other member-states via the veto system, while the Afro-Asian bloc nations questioned the institution's significance. In sum, peacekeeping offered an option to conflict resolution that pursued anti-communist goals under the pretext of peacebuilding.

The chapter *Imperial Aspirations, 1960—1961* explores the state-building objectives of the UN personnel during the Congo mission, charting the UN activities from optimistic beginnings in July 1960 to the humiliating second phase in September 1961, focusing on UN fantasies on the objectives of the mission. During the first phase of the mission, the United Nations operation in the Congo (ONUC) officials altered the course of the fighting and the political future of Congo by assisting Joseph Kasavubu in deposing Patrice Lumumba. Inspired by a paternalistic ambition to educate Congolese elites, the UN personnel replaced Belgian administrators and technicians, assuming that the Congo crisis and political crises were mostly the result of 'severe inter-tribal strife' rather than the continued involvement of the Belgian government. The mission's managerial behaviour resurrected colonial structures and approaches to governance, isolating peacekeeping personnel from the realities of the inhabitants and rendering them incapable of recognizing the psychological and political implications of the mission, especially the similarities to an invasion. In seeking to choreograph Congo's destiny, the ONUC showed a desire to intervene paternally in

the sovereign nation's affairs, revealing that the mission was an experiment. The UN's engagement in this issue aligned with the Secretary-General's perception of a post-colonial liberal member-state with an anti-Soviet position. The Secretary-General's efforts to recruit ONUC executives who shared his political views resulted in a culture of dominance and entitlement among the mission bureaucracy, compelling the ONUC leadership to intervene in Congo's political affairs, and fuelling internal and international hatred. In sum, the mission's justification of its activities in Congo maintained imperialism, as the ONUC characterized its activities as a compassionate approach to creating a modern, progressive state endorsed by the Western-aligned bloc.

The next chapter, *Obstructing Self-Determination, 1962—1963*, discusses the UN system, which advocates for peacekeepers to make decisions in favour of the UN reputation rather than protecting the human rights of the Papuan people because they did not fit the United Nations Temporary Executive Authority (UNTEA) personnel's specific. The Congo mission's image harm had triggered a shift in UN staff decision-making that now prioritized organizational prestige and stability. The UN perceived the institution in crisis and dispatched peacekeepers to re-establish credibility, oblivious to rights violations and realistic nationalist allegations in the West Papua. As the operation came to an end, UNTEA personnel were relieved to leave the remote country, while portraying themselves as cognitively and developmentally superior to the Papuans. This perceived superiority fostered the belief that the Papuans did not yet 'deserve' self-determination and were hence not worth the potential reputational harm. The bureaucrats depended on organizational culture as superior to the locals, denying any compassion or sympathy. This concept of territories not prepared to achieve independence by the West was founded in the League of Nations' 1919 Mandate system, which was eventually included in the UN Charter Article 73. In sum, the UN remained consistent in viewing local problems via the lens of racial stratification and imperial methods of expertise, even though the ONUC and UNTEA missions were established for distinct reasons.

The chapter *From Stagnation to Insignificance, 1964—1971* elaborates on the decolonisation process that resulted in violence due to the UN's idea of stagnation rather than resolving the root cause of the conflict. The 1964 war arose due to ethnic-nationalist differences between Greek Cypriots and Turkish Cypriots. These were the result of British colonial control, as political tensions between Greece and Turkey infected Cyprus as both nations transported propaganda, troops, and arms leading to the Cyprus insurrection of the 1950s, integrating the United Nations Peacekeeping Force in Cyprus (UNFICYP) operation within a larger history of colonial brutality while stagnating rather than resolving the conflict. The uncovering of peacekeeper crime weakened the mission's legitimacy and negatively influenced the island's demographic stability. During the UNFICYP, the mission was chastised not for the principle of peacekeeping but for the tactical 'failure' of the personnel. In sum, the notion of peacekeeping remained feasible, but the UN's competence to administer peacekeeping with the influence of the West was doubtful. Unfortunately, with the UNFICYP, the significant colonial legacy underlying the Cypriot society in 1964 and the continual surveillance of the Western governments damaged the peacekeeping mission and the UN's diplomatic credibility.

Conclusion summarizes the employment of systemic approaches through which sovereignty was negotiated and renegotiated from the mid-1950s onwards by combining narratives of peacekeeping and decolonisation. Contrary to dominant scholarly perspectives on New York or Geneva-based globalism, it questioned the state

actor's decision on diplomacy, collective peace and military narratives of the UN missions and revealed how peacekeepers were creating the standards and structures of the post-colonial global system. The UN bureaucrats intervened in the political processes of post-colonial governments, negotiated, and influenced the political actions of other nations, particularly former or developing colonial states. Decolonization in the Global South fuelled the Western anxieties that formerly colonized nations would become agents of Soviet aggression.

The historical context of peacekeeping missions, particularly during the early days of the UN when certain missions were primarily led by former colonial powers, allowed these powers to maintain influence and control over former colonies' affairs indirectly. The UN peacekeeping missions have inadvertently promoted neocolonialism by enabling powerful nations to intervene in the affairs of weaker states under the guise of peacekeeping, which has led to prolonged presence and intervention that serves the interests of the interveners more than the local populations. The power dynamics within the UN Security Council and the influence wielded by its permanent members have led to decisions that do not prioritize the best interests of the nations. Peacekeeping practices, while allegedly granting security, resulted in an array of uneven political results, including corruption, inequality, ethno-nationalist divisions, racism, private military companies, illegal natural resource mining companies and anti-communist / anti-Soviet rhetoric, as well as the denial of meaningful emancipation.

Received / Поступила в редакцию: 19.05.2023

Accepted / Принята к публикации: 27.06.2023

References / Библиографический список

Tudor, M. (2023). *Blue Helmet bureaucrats: United Nations peacekeeping and the reinvention of colonialism, 1945—1971*. Cambridge: Cambridge University Press.

About the author: *Oluwakayode Oluvide Emmanuel* — PhD (History), Assistant Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; ORCID: 0000-0003-2426-0395; e-mail: oluvakayode-oe@rudn.ru

Сведения об авторе: *Олувакайоде Олумиде Эммануэль* — кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; ORCID: 0000-0003-2426-0395; e-mail: oluvakayode-oe@rudn.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-579-581

EDN: DMEJDD

Book Review:
**Dorussen, H. (Ed.). (2022). Handbook on Peacekeeping
and International Relations. Elgar, 408 p.**

Mohamed Adan✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉mohamedbakaaro@gmail.com

For citation: Adan, M. (2023). Book review: Dorussen, H. (Ed.). (2022). Handbook on Peacekeeping and International Relations. Elgar, 408 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 579—581. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-579-581>

Рецензия на книгу:
**Handbook on Peacekeeping and International Relations /
ed. by H. Dorussen. Elgar, 2022. 408 p.**

М. Адан✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉mohamedbakaaro@gmail.com

Для цитирования: *Adan M.* Book Review: Handbook on Peacekeeping and International Relations / ed. by H. Dorussen. Elgar, 2022. 408 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 579—581. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-579-581>

Han Dorussen's *Handbook on Peacekeeping and International Relations* (Dorussen, 2022) offers a thorough examination of the deployment of peacekeepers, their operational strategies, and the multifaceted outcomes, including unforeseen consequences. Additionally, the Handbook delves into critical discussions surrounding post-conflict issues such as criminal activities, sexual and gender-based violence, and environmental impacts.

The fundamental idea presents an in-depth analysis of all aspects of peacekeeping operations and its influence on international relations. The book investigates the origin of peacekeeping as an area of study, the multidimensional nature of mandates, the financial elements of peace operations, the significance of consent, and the

function of various peace mission compositions. It emphasizes the complexity and importance of peacekeeping in conflict management and resolution, as well as the need for further study and nuanced knowledge in this field.

Chapter 1 (*Peacekeeping as Rule-Based Interventions in International Relations*) explores the delayed recognition of peacekeeping in International Relations research, citing a preference for topics like alliances, power balance, arms races, and diplomacy, and highlighting theoretical, practical, and data-related factors behind its recent scholarly attention.

Chapter 2 (*Mandating Peacekeeping Operations and International Law*) examines multifaceted nature of mandates in studies of

© Adan M., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

peace operations, as they serve as goals and standards for the United Nations (UN) operations while also elucidating the constraints and preferences of Security Council members.

Chapter 3 (*Peacekeeping Financing*) studies peace operation financing, urging revised cost estimates encompassing all funding sources for cross-institutional comparability, and recommends further research on the influence of financing methods on actor behavior, peacekeeping efficacy, and associated risks such as coups, mutinies, and civilian peacekeeper morale in the context of budget cuts.

Chapter 4 (*Consent in Peacekeeping*) underlines the vital role of consent in peacekeeping, recognizing the complexities of securing and upholding it amid fluctuating interests and potential misinterpretations, ultimately proposing that a nuanced grasp of consent can enhance mission efficacy, averting peacekeeping failures.

Chapter 5 (*The Composition of UN Peacekeeping Missions*) emphasizes the significance of the UN peace mission composition and diversity. The authors argue that missions should be managed and leveraged to minimize coordination problems and misunderstandings, transforming diversity into a “force multiplier.”

Chapter 6 (*Naming Names: UN Security Council Resolution Sentiment in Civil Wars*) explores the impact of the UN Security Council consensus and resolution tone on conflicts, proposing that analyzing resolution frequency and tone could offer a nuanced perspective on the UN conflict management priorities and the prevalence of specific resolutions.

Chapter 7 (*Mediation, Political Missions, and Peacekeeping*) finds that peacekeeping is a component of a political conflict management process that contributes to conflict resolution in a relative and complementary manner.

Chapter 8 (*Non-UN Peacekeeping*) offers an overview of non-UN peace operations, with a focus on a systematic comparison of the UN and non-UN peacekeeping. Beyond this, the challenge lies in deciding when a non-UN mission is peacekeeping as opposed to a one-sided military intervention with the aim of supporting one of the conflict parties.

Chapter 9 (*Disarmament, Demobilization, and Reintegration (DDR) and Peacekeeping Operations*) presents the conceptual and practical evolution of DDR. Then, its role within peacekeeping operations is examined, especially regarding the challenges brought by new warfare dynamics in the 21st century.

Chapter 10 (*Peacekeeping, Security Sector Reform, and the Rule of Law*) discusses that greater personnel numbers in UN missions generally enhance the rule of law, with civilian and rule of law-specific personnel demonstrating a stronger correlation compared to uniformed personnel, indicating that the impact on the rule of law may vary depending on the personnel type.

Chapter 11 (*Public Information and Strategic Communications in Peace Operations*) sheds light on the importance of public information and strategic communications in peace operations, highlights the need for further research, and provide a comprehensive overview of the public information and strategic communications in peace operations.

Chapter 12 (*Civilian Components in Peace Operations*) fills a significant knowledge gap regarding the roles and impacts of civilian personnel in peace operations, offering both an overview and research directions to enhance our understanding and contributing valuable insights to the broader field of peace operations research.

Chapter 13 (*Peacekeeping and Conflict Resolution*) explores the UN peacekeepers' effectiveness in resolving civil conflicts by examining conflict intensity, peace duration, and recurrence, but cautions against overly simplistic definitions that may overlook the intricate nature of long-term peace and mission evaluation.

Chapter 14 (*Peacekeeping and the Geographic Diffusion and Containment of Conflict*) explores the geography of armed conflicts but underscores the need for comprehensive research into modern containment strategies, mechanisms, data collection, and spatial considerations to enhance the effectiveness of peacekeeping efforts.

Chapter 15 (*Peacekeeping, and the Protection of Civilians*) underlines that despite notable failures, the UN's potential to safeguard civilians in conflict zones is supported by

evidence in the scholarly literature, calling for continued research to address challenges and enhance peacekeeping strategies.

Chapter 16 (*Peacekeeping and Electoral Violence*) provides a comprehensive academic review of the impact of peacekeepers on peace during elections, providing a nuanced analysis of their role in mitigating electoral violence while effectively synthesizing previous research, highlighting potential challenges, and charting future research avenues.

Chapter 17 (*Peacekeeping Operations and Women's Security*) offers a thought-provoking examination of the peacekeeping protection and women's security debate, highlighting the importance of considering a wider spectrum of security issues, promoting context-specific analysis, and questioning conventional approaches that may neglect women's security needs.

Chapter 18 (*Peacekeeping and the Problem of Sexual and Gender-based Violence*) provides a critical analysis of peacekeeping missions' role in addressing Sexual and Gender-Based Violence (SGBV) and Conflict-Related Sexual Violence (CRSV), shedding light on both their potential to mitigate these issues and the challenges posed by sexual exploitation and abuse (SEA) involving peacekeeping personnel.

Chapter 19 (*The Material Impact of Peace Operations on the Environment and Cultural*

Heritage) offers valuable insights into the material impact of the UN peace missions, specifically the environmental and cultural footprint of peacekeepers.

Chapter 20 (*Peacekeeping and Postwar Violence*) analyzes the UN peacekeeping missions' difficulties in addressing postwar violence, underscoring two critical challenges: increased criminal violence and urban unrest, including protests and violent disputes, and stressing that these issues aren't exclusive to postwar scenarios but often escalate during transitional phases.

In conclusion, Han Dorussen's *Handbook on Peacekeeping and International Relations* offers an insightful and multifaceted examination of peacekeeping endeavors, making it an indispensable reference for scholars, policymakers, and those engaged in peacekeeping practice. However, the book demonstrates a distinct lack of alternative research methods like case studies, ethnographic research, and critical perspectives. This extensive compilation reinforces the perpetual need for meticulous research and a nuanced comprehension of the intricate dynamics inherent in peacekeeping, thereby encouraging continued exploration and innovation in our quest for global peace and security.

Received / Поступила в редакцию: 20.06.2023

Accepted / Принята к публикации: 27.06.2023

References / Библиографический список

Dorussen, H. (Ed.). (2022). *Handbook on peacekeeping and international relations*. Elgar.

About the author: Adan Mohamed — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; e-mail: mohamedbakaaro@gmail.com

Сведения об авторе: Адан Мохаммед — аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; e-mail: mohamedbakaaro@gmail.com

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-582-585

EDN: EQTJMF

Book Review:

Kuwali, D. (Ed.). (2022). *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa*. Palgrave Macmillan, 619 p.

Oita Etyang

The Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA), Johannesburg, South Africa

 oetyang@comesa.int

For citation: Etyang, O. (2023). Book review: Kuwali, D. (Ed.). (2022). *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa*. Palgrave Macmillan, 619 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 582—585. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-582-585>

Рецензия на книгу:

The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa / ed. by D. Kuwali. Palgrave Macmillan, 2022. 619 p.

О. Этьянг

Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Йоханнесбург, Южно-Африканская Республика

 oetyang@comesa.int

Для цитирования: Etyang O. Book Review: *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa* / ed. by D. Kuwali. Palgrave Macmillan, 2022. 619 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 582—585. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-582-585>

The story of Africa's peace and security is complex, and many at times attracts praises and criticism in equal measure. *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa* (Kuwali, 2022) finds itself in this conundrum and thus attempts to systematically interrogate the thorniest issues of Africa's peace and security agenda. In other words, the book is a deliberate intellectual and practical attempt to comprehensively diagnose and address the perennial and contemporary peace and security challenges in Africa in the context of globalization. The Handbook is timely and comes out at a time when Africa is facing a plethora of peace and security challenges. Sudan, Libya, the Democratic Republic of the Congo, Central

African Republic, Somalia, and South Sudan remain hotbeds of conflict. Climate insecurity, proliferation of foreign groups and transnational organized crimes and democratic deficit characterized by coups and term elongation continue to be reported in the continent.

The Handbook divides its thematic areas into six parts: conceptualising sustainable peace and security in Africa; a regional focus to peace and security in Africa; emerging threats to peace and security in Africa; perennial problems to peace and security in Africa; strategies for sustaining peace and security in Africa and securing sustainable peace and security in Africa. Through these broad thematic areas, the Handbook dovetails methodologies, ideas, concepts and

© Etyang O., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

provides scintillating discussions on the various peace and security issues. In essence, the Handbook “observes behind, remains aware of the present whilst looking forward” (Kuwali, 2022, p. viii). I dare add that like the proverbial *African sangoma*, it foretells the future solutions to the discussed challenges. In 34 chapters, the Handbook dissects the philosophical underpinnings as well as delves into in-depth elucidations of structural threats to peace and security. It concludes by providing practical and sustainable solutions to the identified challenges in line with the mantra of African solutions to African problems.

The first part of the handbook that contains four chapters debunks the concept of sustainable peace and security within the African context. This part relies mainly on historical antecedent to debunk the concepts. A lot of emphasis is placed on colonialism and its concomitant ally, liberalism and their influence in shaping and preserving the Leviathan. By invoking the African ideologies such as *negritude* and *Ubuntu* and weaving them with the aspects of colonialism and its discontents, one develops an afro-centric impression that colonialism and external dominion are the *principium et finem* of Africa’s peace and security challenges. Whilst there is an iota of truth to this, one can argue that colonialism can no longer be an excuse for Africa peace and security crisis. Some of the emerging structural factors to conflicts and security are as a result of Africa’s internal contradiction coupled by elite factionalism and what I would call insatiable appetite for primitive accumulation. Africa therefore needs to recuperate from the colonial hangover and look into its belly for practical solutions to emerging peace and security challenges. Some of the solutions as proffered by the authors in Chapter 1, entail adopting good governance and democratic principles (Kuwali, 2022, p. 31).

The last chapter in this section focuses on the African Union Agenda for Sustainable Peace and Security. The chapter provides in-depth analysis of contemporary peace and security challenges including terrorism, electoral conflicts, drug and human security and the vagaries of climate change. This last chapter also delves on the

African Peace and Security Architecture (APSA) and the African Union (AU) institutions and how they have been structured to address some of the highlighted challenges. However, the discussions under this chapter do not take cognisance of the institutional changes dubbed “Kagame reforms” that commenced in 2017. Thus, some rhetoric questions emerge at this point: is the Kagame institutional reform, for example, impacting on the APSA framework? Is it impacting on how the AU responds to the contemporary peace and security challenges? Suffice to mention that the reforms seek to realign AU institutions, manage the AU efficiently at both political and operational levels and ensure self-financing.

Dan Kuwali’s argument on the need for actionable early warning system in the form of the Continental Early Warning System (CEWS) is compelling and should be vitally important in conflict prevention, however, Dan Kuwali’s discussions does not take into account the emerging focus within CEWS and the Regional Economic Communities (RECs) on structural vulnerabilities and the development of structural vulnerability and resilience assessment tools and methodologies such as the COMESA Conflict Early Warning System Structural Vulnerability Assessments (COMWARN SVA) and the AU Country Structural Vulnerability and Resilience Assessment (CSVRA) approach. These unique approaches that are predominantly data driven and theory informed reflect the new paradigm in conflict prevention at both continental and regional levels. So far, the AU, the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA), the Intergovernmental Authority on Development (IGAD) and the Economic Community of West African States (ECOWAS) have institutionalized the SVA methodology in their respective early warning systems.

Part two provides a bird’s eye view of the peace and security imperatives from a regional perspective. It delves on the dynamics and challenges in West Africa, East Africa, Central Africa and South Africa regions.

Firstly, part two is critical in the overall discourse of peace and security in Africa in that it makes the reader appreciate the complex and multifaceted nature of the challenges, the linkages

between the region and the need for collective and deliberate efforts to ameliorate the emerging challenges. A common thread in this part of the Handbook is that the regions are intertwined — insecurity in one region affects security in the other region.

Secondly, the authors argue that the RECs, in this case, ECOWAS, the East African Community (EAC), the Economic Community of Central African States (ECCAS), and the Southern Africa Development Community (SADC) are still ill prepared to deal with contemporary peace and security threats.

Thirdly, the RECs predominantly depend on donors; the implication is that they cannot own their own peace and security agenda. With specific reference to ECCAS for example, Peter J. Mugume, in Chapter 8, avers that “the ECCAS member countries need to consider reducing reliance on external partners including UN, EU, the USA, and France” (Kuwali, 2022, p. 140). Part two, however, pays little attention (if any) to the Horn of Africa region. An audit of the dynamics in the Horn would have provided a holistic context. The Horn of Africa is considered the “hotbed of conflict” in Africa.

Part three of the Handbook interrogates a catalogue of contemporary and emerging peace and security challenges in Africa. The authors in this section further proffer solutions to some of the challenges identified. In Chapter 12 for instance, Dan Kuwali succinctly outlines what he calls the ‘ten Cs’ strategy for combating violent extremism. Whilst the section has discussed quite a number of emerging issues, it is however limited in terms of interrogating some of the emerging transnational organized crimes, one can argue that Mlowoka Noel Kayira does justice to the Handbook by delineating the issues in Chapter 18, however, the chapter does not discuss crimes such as firearms and organ trafficking that are becoming a menace to Africa’s peace and security. Besides, part three and specifically Chapter 12, fails to provide the nexus between transnational organized crimes (as discussed in Chapter 18) and proliferation of violent extremist groups in place places like Nigeria, Horn of Africa and Sahel-Sahara region. There is empirical anecdotal evidence that the emerging

transnational organized crimes have given impetus to the rise of extremist groups in these regions. Another important issue missing in this section of the Handbook is the emerging phenomena of mercenaries.

While Bright Nkuruma provides titbit of it in Chapter 7, the discussion, however, is anchored on historical perspective and the focus is on the why question — there is little (if any) discussions on the phenomena of mercenary as a security dilemma in Africa. This section and other related sections in this Handbook do not pay attention to the emerging challenge of children in armed conflict. It goes without rhetoric that Africa has the highest children living in conflict zone. According to Save the Children (2023), there are approximately 183 million children living in conflict zones with West and Central Africa with the highest number of children recruits. The above sheer numbers puts this issue at the epicentre of any academic or policy discussions in the context of Africa.

The Handbook in part four unpacks the structural factors that continue to drive conflicts and insecurity in the continent. Human rights abuses, poor governance and leadership, corruption coupled with maladministration, mismanagement of natural resources, the vagaries of piracy, and the contribution of ethnicity to electoral violence are discussed with much academic rigour. Certainly, it is applaudable to agree with the diagnosis and possible remedies proffered, nevertheless, this sections pays lip service to the issue of aid and its ramification on Africa peace and security. The aid-dependent economic model has exacerbated some of the perennial factors discussed under this section. The multiplier effect is that Africa peace and security has been compromised in many fronts — akin to what Dambisa Moyo calls ‘dead aid.’ Discussing this aspect and how it is intertwined with the other perennial challenges would have added the academic oomph and provided a much better panoramic appreciation of the issues discussed. In terms of organization and structure, part four would have come before part three. This, I submit would have provided I clear historical leakages of the issues under discussion. It would have further helped the reader to appreciate how the

peace and security issues/challenges have morphed overtime.

Part five with ten chapters forms the climax of the Handbook. It builds on the discussion in part three and four by proffering practical solution to both structural and contemporary challenges. This part of the Handbook is anchored on the faith and hope that the practical solutions would assist African countries build resilience, therefore, effectively deal with the endemic peace and security challenges that continue to manifest. Some of the solutions proffered under this section included addressing the blight of youth unemployment, professionalizing the military, adherence to the rule of law, dealing with

corruption and more importantly promotion of an all-inclusive society where, each individual takes responsibility and remain accountable.

Part six summarizes the journey of the handbook. In this section, Kuwali provides closing remarks and highlights recommendations aimed at building a peaceful future for generations. Indeed, *The Palgrave Handbook of Sustainable Peace and Security in Africa* is a comprehensive masterpiece that takes the reader through Africa's peace and security life journey. The Handbook aptly reminds the reader that Africa is not a problem to be solved but a voice to be heard.

Received / Поступила в редакцию: 10.06.2023

Accepted / Принята к публикации: 27.06.2023

References / Библиографический список

Kuwali, D. (Ed.). (2022). *The Palgrave handbook of sustainable peace and security in Africa*. Palgrave Macmillan.

About the author: *Etyang Oita* — PhD (Political Sciences), University of Johannesburg, South Africa; Governance Peace and Security Analyst, the Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA); ORCID: 0000-0001-9014-5032; e-mail: oetyang@comesa.int

Сведения об авторе: *Этьянг Оита* — доктор наук (политические науки), Университет Йоханнесбурга, ЮАР; аналитик по вопросам управления, мира и безопасности, Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА); ORCID: 0000-0001-9014-5032; e-mail: oetyang@comesa.int

DOI: 10.22363/2313-0660-2023-23-3-586-588

EDN: ELDSDW

Рецензия на книгу:
Glas A. Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford: Oxford University Press, 2022. 243 p.

И.А. Ермолаев✉

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

✉aermolaev98@yandex.ru

Для цитирования: Ермолаев И. А. Рецензия на книгу: Glas A. Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford: Oxford University Press, 2022. 243 p. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 3. С. 586—588. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-586-588>

Book Review:

Glas, A. (2022). Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford: Oxford University Press, 243 p.

Ivan A. Ermolaev✉

RUDN University, Moscow, Russian Federation

✉aermolaev98@yandex.ru

For citation: Ermolaev, I. A. (2023). Book review: Glas, A. (2022). Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford: Oxford University Press, 243 p. *Vestnik RUDN. International Relations*, 23(3), 586—588. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-3-586-588>

В контексте современного состояния международных отношений ученые и политики задаются вопросом, как переходный период от постбиполярности к многополярности отразится на динамике развития в рамках регионов. Особый интерес вызывают изменения в Юго-Восточной Азии и Южной Америке. В своей книге профессор А. Глас подчеркивает исключительные возможности региональных институтов Глобального Юга, способных изменить ситуацию в области сохранения мира и урегулирования конфликтов, добавляя новое

измерение в научную дискуссию, в которой, как правило, доминируют западные институты.

Автор книги Аарие Глас¹ является профессором факультета политологии и сотрудником Центра исследований Юго-Восточной Азии Университета Северного Иллинойса², а также членом исполнительного комитета группы конференций Американской ассоциации политических наук по интерпретационным методологиям³.

¹ Aarie Glas. URL: <https://aarieglas.com> (accessed: 01.06.2023).

² About the Center for Southeast Asian Studies // Northern Illinois University. URL: <https://www.niu.edu/clas/cseas/about/index.shtml> (accessed: 01.06.2023).

³ About us // American Political Science Association. URL: <https://www.apsanet.org/ABOUT/Leadership-Governance/APSA-Presidents-1903-to-Present> (accessed: 01.06.2023).

© Ермолаев И.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Центральной темой исследования рецензируемой книги является урегулирование конфликтов в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и региональных организаций в Южной Америке, таких как Организация американских государств (ОАГ). Книга базируется на серии интервью, проведенных как с дипломатами стран указанных регионов, так и с официальными представителями этих стран. Автор вводит понятие «конфликтный мир», объясняя данный термин в течение всей книги и приводя конкретные примеры.

Книга состоит из шести глав. Первая глава представляет собой сравнительное региональное исследование «конфликтного мира» в Юго-Восточной Азии и Южной Америке. Глава включает пять параграфов. В первом параграфе рассматриваются общие тенденции в области международного мира и регулирования конфликтов в Юго-Восточной Азии и Южной Америке, анализируется длительный, но конфликтный мир в данных регионах. Во втором — приводятся существующие гипотезы, объясняющие, как удается сохранять хрупкий мир в данных регионах. Автор подчеркивает роль государственной власти, региональных организаций, норм и культуры в формировании межгосударственных отношений. В третьем — излагается главный аргумент книги: региональный мир является продуктом дипломатических сообществ, которые активно управляют конфликтами, применяя нормы обычного международного права, характерные для двух регионов. В четвертом параграфе представлены основные термины и понятия данного исследования, а в пятом — структура глав книги.

Во второй главе предпринята попытка комплексного анализа «конфликтного мира» в Юго-Восточной Азии и Южной Америке, а также дана теоретическая основа исследования, учитывающая привычные установки региональных дипломатических сообществ. Автор приводит обзор научных работ, посвященных роли межгосударственных норм, практик и традиций в формировании региональных отношений. Также раскрывается роль власти, норм и международных организаций в

формировании региональных отношений. Автор утверждает, что для региональных организаций традиционные инструменты классического международного права делают возможными стабильные отношения в сложной международной обстановке.

В третьей главе автор предлагает методологию исследования конфликтности регионального мира как в Юго-Восточной Азии, так и в Южной Америке, описывая особый подход к проведению интервью с целью выявления того, чем руководствуются официальные лица в процессе принятия решений, например, в АСЕАН и ОАГ. Автор также излагает двухкомпонентный подход к изучению способов решения конфликтов.

Четвертая глава посвящена «конфликтному миру» в Юго-Восточной Азии, в частности истории конфликтов и сотрудничества в регионе с акцентом на роль власти, дипломатических норм и международных организаций. Описана существующая традиционная для Юго-Восточной Азии предрасположенность к дипломатическому способу урегулирования конфликтов. Автор обращает внимание на реакцию АСЕАН на конфликт вокруг храма Преах Вихеар в 2011 г. и приходит к выводу, что традиционная для Юго-Восточной Азии приверженность дипломатическому решению конфликтов послужила основой для более широкого мира в регионе.

В пятой главе рассматриваются вопросы мира и урегулирования конфликтов в Южной Америке. Автор утверждает, что в регионе существуют собственные традиции поддержания мира, в рамках которых особое внимание уделяется взаимосвязи между дипломатической практикой и нормами регионального управления. В качестве кейса исследована роль дипломатии в урегулировании территориального спора между Эквадором и Перу по поводу Сенепы, а также позитивный эффект от применения норм международного права для «заморозки» конфликта. Автор полагает, что характерные для Южной Америки нормы международного права формируют южноамериканские особенности урегулирования конфликтов, делая возможным сосуществование институционализированного сотрудничества

между странами наряду с постоянной угрозой роста конфликтности в регионе.

Шестая глава является также заключением, в котором проводится сравнение привычных парадигм управления конфликтами в Юго-Восточной Азии и Южной Америке. Как следует из предыдущих глав, в процессах и содержании норм региональных дипломатических сообществ есть как сходства, так и различия. Автор приходит к выводу, что, несмотря на различия, официальные лица понимают необходимость использования своей национальной дипломатии, считая ее наиболее эффективной. Именно международное право позволяет успешно сохранять мир как в Юго-Восточной Азии, так и в Южной Америке. Профессор А. Глас выделяет шесть дипломатических практик международного права в Юго-Восточной Азии: предварительный консенсус, преобладание неформального диалога над официальным, невмешательство в дела других государств, равенство членов переговорного процесса, возможность сохранения имиджа на переговорах, приоритет мирного урегулирования споров — и четыре практики

в Южной Америке: соблюдение международного права, формальный диалог, посредничество, знание региональных особенностей. Данные привычные для регионов дипломатические инструменты определяли реакцию на региональные конфликты, не допуская крупных войн в регионах.

В качестве критического замечания следует отметить, что в книге не хватает исторического экскурса. Кроме того, автор уделяет больше внимания региону Юго-Восточной Азии, чем Южной Америке, хотя книга охватывает оба региона.

Рецензируемая монография очень хорошо структурирована и представляет собой целостное научно востребованное исследование. Книга рекомендована специалистам-регионоведом, исследователям, юристам-международникам, политикам, студентам и широкому кругу читателей, которые интересуются исследованиями международного права, вопросами сохранения мира, урегулирования конфликтов, деятельностью региональных организаций в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке.

Поступила в редакцию / Received: 13.06.2023
Принята к публикации / Accepted: 27.06.2023

Библиографический список / References

Glas A. Practicing Peace: Conflict Management in Southeast Asia and South America. Oxford : Oxford University Press, 2022.

Сведения об авторе: *Ермолаев Иван Алексеевич* — аспирант, кафедра теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; e-mail: aermolaev98@yandex.ru

About the author: *Ermolaev Ivan Alexeyevich* — PhD Student, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; e-mail: aermolaev98@yandex.ru